

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Пермский государственный национальный исследовательский университет»

На правах рукописи

ЛАТЫПОВ Денис Наилевич

**СИСТЕМА СПОСОБОВ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Научный консультант:
Доктор юридических наук, профессор
Голубцов Валерий Геннадьевич

Пермь 2022

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. Понятие и юридические характеристики защиты гражданских прав	31
§ 1.1. Понятие защиты гражданских прав и ее отграничение от иных юридических категорий.....	31
§ 1.2. Формы защиты гражданских прав.....	54
§ 1.3. Понятие способа защиты гражданских прав.....	76
§ 1.4. Условия применения способов защиты гражданских прав и правовые последствия их несоблюдения.....	160
ГЛАВА 2. Система способов защиты гражданских прав в зарубежных правовых порядках	180
§ 2.1. Англо-американская модель правового регулирования системы способов защиты гражданских прав.....	180
§ 2.2. Континентальная модель правового регулирования системы способов защиты гражданских прав.....	241
ГЛАВА 3. Основы построения системы способов защиты гражданских прав в Российской Федерации	300
§ 3.1. Методологические подходы к исследованию и построению системы способов защиты гражданских прав.....	300
§ 3.2. Цель как системообразующий фактор в системе способов защиты гражданских прав.....	323
ГЛАВА 4. Классификация способов по критерию цели защиты гражданских прав	353
§ 4.1. Способы защиты гражданских прав, направленные на восстановление положения, существовавшего до негативного воздействия на право.....	353
§ 4.2. Способы защиты гражданских прав, направленные на пресечение нарушения или угрозы нарушения права.....	372
§ 4.3. Способы защиты гражданских прав, направленные на компенсацию потерь.....	381
§ 4.4. Способы защиты гражданских прав, направленные на устранение правовой неопределенности.....	394
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	404
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	411
ПРИЛОЖЕНИЕ	478

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования находит выражение через следующие аспекты.

Социально-экономический аспект. Предсказуемость реализации гражданских прав и гарантированность их защиты являются чуть ли не основными атрибутами гражданского оборота, обеспечивающими его безопасность. Стремительно развивающаяся рыночная экономика, постоянно задающая новые тренды, требует такой нормативной платформы, которая могла бы обеспечить стабильность имущественного оборота, с одной стороны, и инвестиционную привлекательность – с другой. Решение обозначенных задач немислимо без системы способов защиты гражданских прав, коррелирующей юридически значимому разнообразию экономического оборота.

Тематика настоящего диссертационного исследования актуализируется и в условиях цифровой трансформации, провозглашенной Указом Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»¹ в качестве одной из пяти национальных целей Российской Федерации. Так, статуирование цифровых прав как нового объекта гражданских прав, цифровых финансовых активов и иных элементов цифровой экономики ставит вопрос о креатизации способов защиты гражданских прав при одновременной адаптации существующей системы к отношениям, осложненным цифровым компонентом. Очевидно, что правовое регулирование способов защиты должно содействовать институциональным преобразованиям, осуществляемым в Российской Федерации.

Нельзя не отметить растущий интерес к институту защиты гражданских прав в целом в условиях различных кризисных факторов. Так, ограничительные меры, затрагивающие, например, свободу передвижения

---

¹ СЗ РФ. 2020. № 3. Ст. 4884.

или свободу предпринимательства, актуализируют проблематику эффективности защиты гражданских прав имеющимся арсеналом способов и форм защиты.

Планомерное укрепление рыночных связей под воздействием интеграции национальной экономики в международный торговый оборот не может не повлечь преимущества зарубежных правовых конструкций при условии их обоснованности и оправданности, что предопределяет необходимость сравнительно-правовых исследований, в том числе института защиты гражданских прав.

Правотворческий аспект. Защита является одной из основных гарантий прав и свобод человека и гражданина, декларируемых наиболее значимыми как международно-правовыми актами², так и Основным Законом нашей страны. Можно констатировать, что в самом общем виде правовая защита предполагает эффективное восстановление нарушенных прав; справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок; эффективность средств правовой защиты; компетентность органов власти, обеспечивающих реализацию права на защиту.

В ст. 45 Конституции Российской Федерации, принятой всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.³, провозглашена государственная защита прав и свобод человека и гражданина, включающая в себя правовую возможность «защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом». Очевидно, что реализация права на защиту находится в увязке с правосудием, осуществление которого производится только судом, и, как следствие, правом на судебную защиту,

---

² Например, ст. 8 Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.; ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, принятой 4 ноября 1950 г.; ст. 2 Международного пакта о гражданских и политических правах, принятого 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // СПС «КонсультантПлюс».

³ Официальный интернет-портал правовой информации: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.07.2020).

обеспечение которого является обязанностью государства⁴. В свою очередь, право на судебную защиту должно быть не просто гарантировано, а обеспечено соответствующим корпусом отраслевых норм права, адекватно отражающим современное состояние национальной экономической системы.

Ныне действующее правовое регулирование способов защиты гражданских прав, ограничивающееся общими положениями, прослеживающимися через анализ ст. 1, 11 и 12 Гражданского кодекса Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (далее – ГК РФ)⁵, следует признать недостаточным и слабо систематизированным. Несмотря на попытки законодателя гармонизировать гражданское законодательство, например, в результате принятия и реализации положений Концепции совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации во исполнение Указа Президента РФ от 18.07.2008 № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации»⁶, институт защиты гражданских прав по-прежнему нуждается в актуализации. Так, отечественное гражданское законодательство не оперирует легальными дефинициями защиты (или охраны), форм защиты, а также способов защиты; не содержит системы способов защиты гражданских прав и сколько-нибудь внятного алгоритма выбора надлежащего способа защиты, что оказывает негативное влияние на состояние защищенности сторон гражданского правоотношения, обеспечение разумного баланса интересов его участников.

Доктринальный аспект. Функциональная направленность гражданского права – наличие у него охранительной функции – предопределяет научный интерес к проблематике защиты гражданских прав. Несмотря на многочисленность как отечественных, так и зарубежных теоретических

---

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 04.04.2006 № 113-О «По жалобе гражданина Овчинникова Виктора Александровича на нарушение его конституционных прав частью 3 статьи 30.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // СЗ РФ. 2006. № 27. Ст. 2971.

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон РФ от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 26.10.2021) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

⁶ СЗ РФ. 2008. № 29 (ч. 1). Ст. 3482.

разработок, посвященных способам защиты гражданских прав, учение об этих способах не отличается сформированностью. Цивилистика изобилует разными, порой противоположными, подходами к пониманию сущности гражданско-правовой защиты, ее родовидовых признаков. Большинство научных изысканий, игнорируя эти общие вопросы, фокусируются исключительно на отдельных способах защиты гражданских прав и основаниях их классификации. Кроме того, пренебрежение терминологической чистотой, свойственное некоторым современным исследованиям, приводит к некорректному отождествлению совершенно различных юридических категорий (форм и способов, целей и способов, оснований и условий защиты и т.д.). Помимо прочего, в доктрине отсутствует единое мнение относительно того, какое место занимает самозащита гражданских прав в системе способов либо форм защиты.

Целостная цивилистическая концепция способов защиты гражданских прав, поддерживаемая ведущими учеными-цивилистами и создающая действенный механизм гражданско-правовой защиты, до сих пор не сформулирована. Для решения обозначенной задачи необходимо систематизировать способы защиты гражданских прав на основе единого системообразующего критерия и с учетом научно обоснованных методологических приемов и правил классифицирования. Это позволит перейти к решению более частных вопросов, касающихся, например, условий применения способов защиты, выбора надлежащего способа защиты, снятия конкуренции способов защиты и др. Очевидно, что современная цивилистика нуждается в новых концептуально-методологических ориентирах, которые способны дать обновленное научное обоснование системы способов защиты гражданских прав.

Правоприменительный аспект. Низкое качество нормативной платформы, обеспечивающей регулирование способов защиты гражданских прав, в совокупности с нехваткой системных доктринальных исследований

не способствуют снятию правоприменительных противоречий в этой сфере. Так, правоприменители по-разному квалифицируют надлежащий характер избираемых способов защиты. Встречаются случаи различной квалификации «правильности» применяемых способов, что приводит к необоснованному отказу в защите права заинтересованного лица либо, наоборот, к излишней защите, ограничивающей права и законные интересы других участников гражданских правоотношений, против которых такая защита направлена.

Степень научной разработанности темы. Правовая доктрина богата специальными цивилистическими исследованиями, посвященными как защите гражданских прав в целом, так и отдельным способам защиты.

Дореволюционные научные изыскания, осуществленные в рамках обозначенной тематики, касались ряда актуальных вопросов: формы применения способа защиты гражданских прав (В.И. Синайский), нарушенного права как необходимого условия применения способа защиты (К.Н. Анненков, Е.В. Васьковский), отграничения отдельных способов защиты друг от друга (В.М. Гордон), классификации видов прав, подлежащих защите (К.П. Победоносцев) и др.

Советский период развития учения о способах защиты гражданских прав отличается многочисленными научными работами, посвященными рассмотрению и обоснованию права на защиту (С.Н. Братусь, В.П. Грибанов, О.С. Иоффе), которое в отдельных трудах отождествлялось с правом на иск (М.М. Агарков, М.А. Гурвич, Е.А. Крашенинников).

Современное состояние правовых исследований способов защиты гражданских прав характеризуется следующими особенностями.

Во-первых, отмечается незначительное количество докторских диссертаций, предметом которых выступают способы защиты гражданских прав в целом, в их числе работы А.П. Вершинина «Способы защиты гражданских прав в суде» (СПб., 1998), а также А.В. Милькова «Правовое

регулирование защиты гражданских прав и правовых интересов» (М., 2015 г.).

Во-вторых, значительное количество кандидатских диссертаций содержит детальный анализ способов защиты конкретных видов гражданских прав. В частности, проблематике защиты вещных прав посвящены работы С.А. Тыртычного (М., 2004), Н.А. Саморуковой (Рязань, 2005), М.Д. Жидкова (М., 2005), С.А. Красновой (Томск, 2007), М.В. Перовой (Краснодар, 2007); корпоративных прав – Е.Ю. Асташкиной (Ставрополь, 2003), А.П. Колесова (М., 2008); интеллектуальных прав – А.И. Кузеванова (М., 2018), О.В. Богдановой (М., 2019); неимущественных прав – Е.В. Толстой (М., 2002), Е.П. Редько (Иркутск, 2009), Н.В. Архиреева (Екатеринбург, 2017).

В-третьих, большой блок диссертационных работ касается отдельных способов защиты гражданских прав, поименованных в ст. 12 ГК РФ, например, восстановления положения, существовавшего до нарушения права (И.А. Назимов (Екатеринбург, 2014), В.В. Тутынина (М., 2016)), компенсации убытков (А.В. Волков (Волгоград, 2000), О.В. Фомичева (Саратов, 2001), С.В. Либанова (Екатеринбург, 2002)), в том числе в виде докторских диссертаций (Ю.Э. Монастырский (Севастополь, 2020)), признания недействительной сделки и применения последствий недействительности (М.А. Блинова (М., 2003), А.В. Зарубин (Краснодар, 2003), Б.Х. Габоев (Владикавказ, 2010), М.Н. Комашко (М., 2010), Д.В. Параскевова (Краснодар, 2010)), присуждения к исполнению обязанности в натуре (А.А. Павлов (М., 2001), А.Г. Карапетов (М., 2002)) и т.д.

В-четвертых, отдельно необходимо отметить существенное количество работ по исследованию самозащиты гражданских прав (Э.Л. Страунинг (М., 1999), С.Н. Веретенникова (Екатеринбург, 2004), Е.И. Гончаров (Волгоград, 2006), О.П. Зиновьева (Ростов-на-Дону, 2006), Д.В. Микшис (Екатеринбург,

2006), О.Г. Лазаренкова (СПб., 2007), С.И. Лебедев (М., 2010), А.И. Пырх (СПб., 2013)), что обусловлено в том числе давней дискуссией о квалификации самозащиты в качестве формы либо способа защиты.

В-пятых, специального цивилистического внимания были удостоены вопросы, связанные с формами защиты гражданских прав: в рамках кандидатских диссертаций – М.С. Мурашко (СПб., 2000), А.Р. Хакимулиной (СПб., 2004), М.Е. Харитоновой (Краснодар, 2003), а также докторских – А.Н. Кожухарь (Кишинев, 1990), Е.В. Михайловой (М., 2013) и др.

Общие и частные вопросы защиты гражданских прав получили всестороннее освещение и в монографиях, среди которых следует назвать труды: Е.В. Вавилина «Осуществление и защита гражданских прав» (М.: Статут, 2016); С.А. Тыртычного «Гражданско-правовая защита имущественных прав собственника (Вещно-правовой аспект)» (М., 2010); Д.В. Добрачева «Гражданско-правовые формы защиты прав кредитора» (М., 2017); О.В. Богдановой «Защита интеллектуальных авторских прав гражданско-правовыми способами» (М., 2017); Г.П. Галкина «Защита прав гражданина при обращении взыскания на заложенное жилое помещение» (М., 2019) и др.

Таким образом, изучение проблематики способов защиты гражданских прав не является новаторским, однако современная цивилистическая наука не оперирует целостной концепцией системы способов защиты гражданских прав, основанной на обновленном в результате реализации Концепции совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации и политики цифровизации общества гражданском законодательстве. Так, исследователями частного права специально не ставились в рамках одного монографического труда и, как следствие, не решались такие научные задачи, как поиск системообразующего фактора системы способов защиты гражданских прав; классифицирование способов защиты гражданских прав с использованием в качестве критерия

выявленного системообразующего фактора; выяснение общих условий применения надлежащего способа защиты гражданских прав и др.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в результате применения норм права, регулирующих рассматриваемый правовой институт.

Предмет исследования составляют сущность способов защиты гражданских прав, условия их применения, правовые последствия их несоблюдения, основания их классификации, а также их виды, дифференцируемые по целевой направленности.

Цель и задачи исследования. Целью работы является разработка цивилистической концепции системы способов защиты гражданских прав, включающей их понятие, условия применения, правовые последствия их несоблюдения, методологические предпосылки к построению системы способов защиты гражданских прав, цель как системообразующий фактор такой системы, классификацию способов защиты гражданских прав на группы по критерию цели защиты (способов, направленных на восстановление положения, существовавшего до негативного воздействия на право; на пресечение нарушения или угрозы нарушения права; на компенсацию потерь; на устранение правовой неопределенности).

Исходя из указанной цели, в работе поставлены и решены следующие **задачи**:

- определение понятия защиты гражданских прав и ее отграничение от иных юридических категорий;
- описание форм защиты гражданских прав;
- раскрытие понятия способов защиты гражданских прав;
- выявление условий применения способов защиты гражданских прав и выяснение правовых последствий их несоблюдения;

- описание англо-американской и континентальной моделей правового регулирования системы способов защиты гражданских прав;
- разработка методологических подходов к исследованию и построению системы способов защиты гражданских прав;
- квалификация цели как системообразующего фактора системы способов защиты гражданских прав;
- классифицирование способов защиты гражданских прав по критерию цели защиты;
- акцентуация внимания на четырех группах способов защиты гражданских прав, дифференцированных по критерию цели защиты: на восстановление положения, существовавшего до негативного воздействия на право; на пресечение нарушения или угрозы нарушения права; на компенсацию потерь; на устранение правовой неопределенности;
- разработка комплексных рекомендаций по совершенствованию действующего гражданского законодательства в части систематизации способов защиты гражданских прав с целью оптимизации их правового регулирования.

Методологическая основа исследования predetermined поставленной целью и сформулированными задачами исследования, а также представлением о наличии всеобщих, общенаучных, частнонаучных и специально-юридических методов исследования.

Роль онтологической составляющей настоящего диссертационного исследования выполнила общая теория права, которая выступила интегрирующим звеном и в этом качестве позволила сформировать единое представление о правовой действительности.

Не менее ценно гносеологическое значение общенаучных методов познания, таких как индукция, дедукция, анализ, синтез, аналогия, обобщение, абстрагирование, сравнение и др. Так, классифицирование

позволило систематизировать способы защиты гражданских прав на основе такого универсального критерия, как цель. Сравнение в совокупности с иными общенаучными методами было применено при сопоставлении понятия «защита гражданских прав» со смежными юридическими категориями («охрана субъективных гражданских прав»; «механизм защиты» и др.), а также в процессе поиска существенных различий в терминах «функция», «назначение», «задача», «цель», «целевая направленность» как системообразующих факторах применительно к способам защиты гражданских прав. Благодаря методу системного анализа проблематизация способов защиты гражданских прав была обеспечена их системным представлением. Стадийность и универсальность функционального анализа сделали возможным его применение в процессе выяснения целевой направленности каждого из поименованных в ст. 12 ГК РФ способов защиты гражданских прав.

Методологическую основу настоящего диссертационного исследования составили и частнонаучные методы, в числе которых: конкретно-социологический анализ, примененный для оценки эффективности правовых норм, посвященных способам защиты гражданских прав; математический и статистический методы, использованные при оценке судебной статистики по спорам, связанным со способами защиты гражданских прав.

Из специально-юридических методов исследования, самодостаточность которых не ставится нами под сомнение и свидетельствует о научной зрелости цивилистики, следует назвать юридико-догматический метод, неизбежно сопровождающий любое правовое изыскание. Так, обозначенный метод применительно к исследуемой проблематике продиктовал необходимость изучения действующих норм гражданского и иного отраслевого законодательства. В свою очередь, уяснение смысла нормативно-правовых предписаний стало возможным в результате задействования широкого арсенала способов толкования (грамматическое,

логическое, телеологическое, историческое, функциональное, специальное юридическое). Историко-правовые исследования выступили неотъемлемой частью настоящей работы, в рамках которой изучена эволюция научных взглядов на способы защиты гражданских прав в римской, дореволюционной, советской и современной доктрине. Метод сравнительного правоведения занял особую нишу в процессе научного поиска, поскольку лег в основу второй главы работы, посвященной анализу англо-американской и континентальной моделей правового регулирования системы способов защиты гражданских прав. С учетом межотраслевой правовой природы института защиты гражданских прав применение межотраслевых правовых исследований стало неизбежной частью качественного научного поиска, обеспечивающего достоверность научных выводов. Так, арсенал способов защиты гражданских прав с учетом открытости перечня, содержащегося в ст. 12 ГК РФ, выходит далеко за рамки гражданского права, вторгаясь в смежные предметные области права.

Теоретическую основу исследования составили труды ученых в области права, а именно:

– *дореволюционных ученых-юристов, таких как:* К.Н. Анненков, Е.В. Васьковский, Ю.С. Гамбаров, В.М. Гордон, Д.И. Мейер, С.А. Муромцев, К.П. Победоносцев, И.А. Покровский, В.И. Синайский, Е.Н. Трубецкой, Г.Ф. Шершеневич и др.;

– *советских ученых-юристов, таких как:* Т.Е. Абова, М.М. Агарков, Н.Г. Александров, С.С. Алексеев, Ю.Г. Басин, В.А. Болдырев, М.И. Брагинский, С.Н. Братусь, А.В. Венедиктов, В.П. Воложанин, М.К. Воробьев, К.А. Граве, М.А. Гурвич, А.А. Добровольский, С.А. Иванова, Т.И. Илларионова, О.С. Иоффе, А.Ф. Клейман, О.А. Красавчиков, С.В. Курылев, О.Э. Лейст, В.А. Ойгензихт, Б.И. Пугинский, Г.А. Свердлык, В.А. Тархов, Е.А. Флейшиц, Р.О. Халфина, Л.С. Явич и др.;

– *современных отечественных ученых-юристов, таких как:*
Н.Е.Амелина, А.И. Базилевич, Н.А. Баринов, В.А. Белов, В.С. Белых,
Д.Х. Валеев, А.П. Вершинин, В.В. Витрянский, А.В. Габов, В.Г. Голубцов,
Б.М. Гонгало, В.П. Грибанов, М.А. Егорова, В.С. Ем, А. Зевайкина,
Д.Н. Кархалев, Л.О. Красавчикова, Е.А. Крашенинников, Л.В. Кузнецова,
О.А. Кузнецова, А.В. Люшня, С.Г. Михайлов, А.А. Муллануров,
Л.А. Новоселова, Н.В. Остапюк, Е.С. Раздьяконов, М.А. Рожкова,
С.В. Сарбаш, А.П. Сергеев, О.Ю. Скворцов, К.И. Скловский, Э.Л. Страунинг,
Е.А. Суханов, Ю.К. Толстой, В.А. Хохлов, М.Ю. Чельшев,
А.Е. Шерстобитов, А.В. Юдин, В.С. Юрченко, В.Ф. Яковлев и др.;

– *современных зарубежных ученых-юристов, в том числе:*

– английских юристов – P. Birks, A. Burrows, H. Dagan, L.L. Fuller, D. Harris, F.H. Lawson, A.M. Polinsky, S. Shavell, D. Tallon, R. Zakrzewski;

– представителей североамериканской правовой школы – D.I. Brandon, W. Hirsch, J. Hirsch, W. Keeton Page, D. Lewinsohn-Zamir, L. Russ, F.T. Segalla, J.W. Singer, D.S. Steward, W.B. Stoebuck, D.A. Whitman, H. Woolf;

– ученых стран континентального права – Германии (C.W. Canaris, A. Flessner, H.C. Grigoleit, H. Heinrichs, U. Huber, A. Kramer Ernst, M. Löwisch, B.S. Markesinis, D. Medicus, E. Rabel, T. Riehm, W. Rolland, P. Schlechtriem, H. Schulte-Nölke, R. Stürner, D. Zimmer, R. Zimmermann), Нидерландов (D. Haas, A.S. Hartkamp, W.H.M. Reehuis, L.E.H. Rutten, C.H. Sieburgh).

Нормативная основа исследования представлена нормами преимущественно гражданско-правовой отраслевой принадлежности. Анализу подвергались ведущие международно-правовые акты, статуирующие основные права, свободы и гарантии человека и гражданина, в том числе Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Европейская

конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г., Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. и др. Кроме того, настоящее диссертационное исследование основано на нормах ранее действовавшего и современного отечественного гражданского законодательства, позитивация которых осуществлена в кодифицированных и некодифицированных актах – источниках гражданского и иных отраслей права (Конституция РФ, ГК РФ, Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»⁷, Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»⁸, а также иные законы и нормативные правовые акты). С учетом поставленных задач в работе дана оценка правовым актам, действующим в некоторых зарубежных правовых системах, для формирования научного представления об англо-американской и континентальной моделях правового регулирования системы способов защиты гражданских прав (США, Великобритания, Германия, Франция, Нидерланды и др.).

Эмпирическую базу исследования составили правоприменительные акты Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ (далее – ВС РФ), Высшего Арбитражного Суда РФ (далее – ВАС РФ), арбитражных судов округов, арбитражных апелляционных судов (далее – ААС), арбитражных судов (далее – АС) субъектов РФ, а также правоприменительные акты судов общей юрисдикции. Всего анализу подвергнуты 104 правоприменительных акта, датированных 1996–2022 гг.

Научная новизна работы заключается в том, что она является первым научным трудом, специально посвященным исследованию системы способов защиты гражданских прав и отличающимся учетом всех аспектов этого правового феномена, изученных на основе диалектического материализма и деятельностного подхода, предполагающего рассмотрение защиты как правового явления через призму реальной деятельности участников

---

⁷ СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1.

⁸ СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

соответствующих отношений. При этом разработанная в рамках настоящей диссертации концепция включает в себя условия применения способов защиты гражданских прав, правовые последствия их несоблюдения, цель как системообразующий фактор системы способов защиты, классификацию способов защиты гражданских прав и иные аспекты этой проблематики.

В диссертации впервые на монографическом уровне решены такие, имеющие значение для развития цивилистической науки задачи, как:

- формулирование доктринальных дефиниций защиты гражданских прав, форм защиты гражданских прав и способов защиты гражданских прав;
- установление основания для защиты гражданского права;
- разграничение «защиты» и «охраны» гражданских прав по функциональному критерию;
- отграничение форм защиты от форм самозащиты гражданских прав;
- выяснение фактора, обуславливающего выбор надлежащей формы защиты гражданских прав;
- дифференциация самозащиты гражданских прав и мер оперативного воздействия;
- определение основного и дополнительных системообразующих факторов при построении системы способов защиты гражданских прав;
- определение правового последствия избрания ненадлежащего способа защиты;
- выяснение разницы между условиями и основаниями защиты гражданских прав;
- классифицирование способов защиты гражданских прав по критерию цели защиты;
- новеллизация способов защиты гражданских прав путем статуйирования способов, заимствованных из зарубежных юрисдикций и др.

По итогам исследования представляется возможным сформулировать следующие положения, выносимые автором на защиту.

1. Под защитой гражданских прав предложено понимать правоприменительную деятельность, реализуемую в строго определенной форме (как с привлечением уполномоченных органов публичной власти, так и без таковых); применяемую в связи с негативным воздействием на субъективное гражданское право; направленную на достижение целей защиты указанного права; обладающую строго адресным характером, предполагающим наличие конкретного субъекта, оказывающего негативное воздействие на принадлежащее управомоченному лицу субъективное гражданское право.

В качестве основания (повода) для защиты гражданских прав следует квалифицировать негативное воздействие на субъективное гражданское право.

Доказано, что негативное воздействие на субъективное гражданское право существует в виде либо правонарушения, в том числе посягательства на право, либо угрозы нарушения права. В отличие от правонарушения, посягательство, представляющее собой попытку умаления субъективного гражданского права, осуществляется только в виде активных действий. При угрозе нарушения субъективное гражданское право еще не находится в нарушенном состоянии, однако очевидно, что нарушение права неизбежно произойдет в будущем.

2. Формы защиты гражданских прав находятся в связи с такими юридическими категориями, как «самозащита» и «меры оперативного воздействия».

При анализе этой связи установлено, что юридическая категория «самозащита» должна использоваться наряду с категорией «защита» гражданских прав с учетом деления форм защиты гражданских прав на юрисдикционные и неюрисдикционные (в зависимости от субъекта применения).

С учетом этого доказана необходимость дифференциации «способов защиты» и «способов самозащиты», одновременное применение которых допустимо для эффективной защиты гражданских прав.

При этом под «самозащитой» следует понимать деяния (действия либо бездействие) управомоченного лица, направленные на защиту принадлежащих ему гражданских прав и охраняемых законом интересов и реализуемые в неюрисдикционной форме посредством применения способов самозащиты, как предусмотренных, так и не предусмотренных законом.

В свою очередь мерами оперативного воздействия являются действия управомоченного лица, влекущие изменение либо прекращение гражданских прав и обязанностей, реализуемые таким лицом как при наличии негативного воздействия на принадлежащее ему субъективное гражданское право, так и при его отсутствии.

На основе предложенных доктринальных дефиниций «самозащиты» и «мер оперативного воздействия» сформулированы критерии дифференциации указанных правовых явлений: (1) *характер действий управомоченного лица* (при самозащите – как действия, так и бездействия; при мерах оперативного воздействия – только активные действия); (2) *основание (повод) для защиты гражданских прав* (при самозащите – наличие негативного воздействия на субъективное гражданское право; при мерах оперативного воздействия – как наличие негативного воздействия на субъективное гражданское право, так и отсутствие такового).

3. Под «способом защиты гражданских прав» предложено понимать совокупность приемов, средств, мер правового характера, реализуемых в строго определенной форме, при соблюдении условий применения, в связи с негативным воздействием на субъективное гражданское право и направленных на достижение целей защиты указанного права.

В поисках универсального термина для определения способа защиты предложен «комбинированный» подход, допускающий использование в

едином терминологическом ряду таких понятий, как «приемы», «средства», «меры», отражающие различные свойства искомой юридической категории,

4. Условия применения надлежащего способа – категория, не тождественная основаниям защиты гражданских прав, под ней понимается совокупность требований, обуславливающих возможность применения того или иного способа защиты против конкретного негативного воздействия на субъективное гражданское право.

Установлено, что исчерпывающий перечень условий применения надлежащего способа защиты гражданских прав включает в себя:

- принадлежность субъективного гражданского права управомоченному лицу, либо лицу (лицам), в интересах которых в установленных законом случаях применяется защита;
- наличие нарушенного или оспариваемого права (наличное нарушенное право обусловлено состоявшимся правонарушением либо посягательством на право, в то время как оспариваемое право – угрозой нарушения);
- направленность избранного способа на достижение целей защиты субъективного гражданского права;
- соразмерность избранного способа последствиям нарушения либо оспаривания права;
- соответствие избранного способа защиты характеру нарушения в случаях, установленных законом.

Правовым последствием несоблюдения указанных условий (отсутствие любого из условий) должен являться отказ в защите субъективного гражданского права.

В связи с этим под угрозой отказа в защите субъективного гражданского права предложено закрепить ограничения свободы выбора способа защиты гражданских прав, состоящие в следующем: а) допустимость выбора способа защиты гражданских прав только управомоченным лицом;

b) недопустимость коррекции способа защиты гражданских прав юрисдикционным органом (применительно к защите гражданских прав в сфере частных правоотношений); *c)* следование императивным предписаниям в случае наличия нормы права о возможности защиты отдельных видов гражданских прав исключительно установленным законом перечнем способов во избежание признания избранного за рамками этого перечня способа защиты гражданских прав ненадлежащим.

5. Англо-американская модель правового регулирования способов защиты гражданских прав («remedy») построена на основе следующих принципов: 1) все способы защиты подразделяются на «прямые» и «косвенные»; 2) главным инструментом исследуемой модели выступают компенсации («compensation»), предполагающие присуждение денежной суммы, эквивалентной потерям истца; 3) компенсации включают в себя следующие виды: возмещение убытков, вызванных нарушением условий контракта; возмещение убытков, вытекающих из деликта; компенсаторные убытки.

Определен перечень обстоятельств, препятствующих рецепции принципов англо-американской модели способов защиты для совершенствования российской модели способов защиты гражданских прав: *a)* основание деления способов защиты на «прямые» и «косвенные» не отвечает критерию определённости в правовом результате, чем ограничивает права лица, против которого такой способ применяется, и, как следствие, не способствует построению модели способов защиты гражданских прав, основанной на принципе равенства участников гражданских правоотношений; *b)* как способы защиты, так и механизм их применения не учитывают строгого деления права на материальное и процессуальное, что нередко приводит к отождествлению способов защиты и иных институтов материального (в том числе способов обеспечения исполнения обязательств) или процессуального (в том числе установление фактов, имеющих

юридическое значение) права; *с*) англо-американская модель не оперирует легальной дефиницией «способов защиты гражданских прав», а также не содержит общих положений о них.

Вместе с тем, предложена имплементация таких англо-американских институтов как взыскание номинальных убытков, а также заранее оцененных убытков посредством их прямого закрепления в ГК.

6. Континентальная модель правового регулирования способов защиты гражданских прав построена на основе следующих принципов: 1) закрепление подробного перечня видов правонарушений, против которых подлежат применению конкретные способы защиты (в отличие от российского правопорядка, фиксирующего виды способов защиты); 2) выделение «первичных» (понуждение к исполнению обязанности в натуре) и «вторичных» (все иные) способов защиты гражданских прав; 3) констатация в качестве системообразующего способа защиты гражданских прав понуждения к исполнению обязанности в натуре, применяемого против всякого нарушения права по умолчанию.

Нецелесообразность заимствования континентальной модели способов защиты гражданских прав для коррекции российского гражданского законодательства обусловлена следующими обстоятельствами: *а*) отсутствие в систематизации нарушений очевидной логики, обуславливающей построение модели способов защиты гражданских прав, что ставит под сомнение реальное обеспечения защиты гражданских прав; *б*) в континентальной модели допускается применение того или иного способа защиты прав в качестве предварительного этапа защиты, что не свойственно российскому правопорядку, закрепляющему направленность каждого применяемого способа защиты на достижение конкретной цели.

7. Доказана методологическая ценность упорядочения способов защиты гражданских прав на основе системного подхода, предполагающего констатацию системообразующего фактора, отсутствующего в современной

российской модели правового регулирования способов защиты гражданских прав, закрепляющей лишь перечень способов защиты гражданских прав посредством их перечисления.

В качестве системообразующего фактора построения системы способов защиты гражданских прав предложено использовать цель защиты гражданских прав.

При этом, с учетом невозможности определения исчерпывающего перечня видов способов защиты против любых негативных воздействий (с учетом их многообразия), предложено исключить требования об обязательном нормативном закреплении всех способов защиты гражданских прав, что устранил проблему возможности применения непоименованных законом способов защиты.

8. Под целью защиты следует понимать конечный результат применения способа защиты гражданских прав, на достижение которого непосредственным образом направлен применяемый способ. К целям защиты гражданских прав предложено относить:

- восстановление положения, существовавшего до негативного воздействия на право;
- пресечение действий, нарушающих право либо создающих угрозу нарушения права;
- компенсацию потерь от нарушения права;
- устранение правовой неопределенности в правоотношениях сторон.

Доказано, что одним из условий применения надлежащего способа защиты гражданских прав является направленность избранного способа на достижение одной или нескольких указанных целей защиты.

Соответственно, способы защиты гражданских прав классифицированы по критерию цели защиты на: восстановительные, пресекательные,

компенсаторные и направленные на устранение правовой неопределенности в правоотношениях сторон.

С учетом выявленных целей защиты гражданских прав сделан вывод о некорректности существующей квалификации «восстановления положения, существовавшего до нарушения права», а также «пресечения действий, нарушающих право либо создающих угрозу нарушения» в качестве способов защиты гражданских прав.

9. Под восстановительными способами защиты предложено понимать способы защиты, направленные на приведение субъективного гражданского права в первоначальное состояние, существовавшее до нарушения либо угрозы нарушения (полное восстановление), исключающее необходимость применения иных способов защиты.

Из перечня способов, содержащихся в ст. 12 ГК РФ, *исключительно восстановительными*, то есть такими, которые преследует лишь одну цель – восстановление положения, существовавшего до негативного воздействия на право, – являются присуждение к исполнению обязанности в натуре, а также применение последствий недействительности сделки в виде возврата сторонами полученного по сделке в натуре.

Частично восстановительными, то есть такими, которые помимо восстановления положения, существовавшего до негативного воздействия на право, преследует также и иную цель – пресечение действий, нарушающих право либо создающих угрозу нарушения права, – являются признание недействительным акта государственного органа или органа местного самоуправления, а также признание недействительным решения собрания.

Доказано, что неприменение судом акта государственного органа или органа местного самоуправления, противоречащего закону, ошибочно квалифицировано законодателем в качестве способа защиты гражданских прав, поскольку при его применении отсутствует направленность на достижение хотя бы одной из целей защиты гражданских прав.

Неприменение судом акта государственного органа или органа местного самоуправления, противоречащего закону, – это средство судебного косвенного нормоконтроля, применяемое исключительно совместно с иными способами защиты гражданских прав.

10. Пресекательные способы защиты направлены на прекращение существующего, то есть происходящего в данный момент, или будущего, то есть являющегося следствием угрозы, нарушения права.

При применении пресекательных способов защиты против угрозы нарушения права при условии существования права в ненарушенном состоянии должно быть установлено наличие именно очевидной угрозы, предполагающей неизбежность нарушения права в будущем.

Неприменение пресекательного способа защиты гражданских прав против угрозы нарушения права влечет необходимость использования впоследствии восстановительных или компенсаторных способов защиты.

Исключительно пресекательными, то есть такими, которые преследует лишь одну цель – пресечение действий, нарушающих право либо создающих угрозу нарушения права, – являются запрещение деятельности, создающей опасность для жизни или здоровья; принудительное приостановление либо прекращение деятельности, причиняющей вред или создающей угрозу его причинения; прекращение или изменение правоотношения.

11. Компенсаторные способы защиты отличаются направленностью на эквивалентное возмещение вреда, причиненного управомоченному лицу в результате негативного воздействия на субъективное гражданское право, и применимостью только к случаям невозможности возвращения субъективного гражданского права в первоначальное состояние, существовавшее до нарушения либо угрозы нарушения.

К компенсаторным способам защиты гражданских прав следует отнести возмещение убытков, взыскание неустойки, компенсацию морального вреда,

а также с учетом сформулированного вывода о целесообразности имплементации – номинальных убытков и заранее оцененных убытков.

12. Способы защиты, направленные на устранение правовой неопределенности в правоотношениях сторон не влекут возникновение (изменение, прекращение) права, характеризуются отсутствием правонаделяющих (правообразующих) свойств, не предполагают принудительного исполнения и призваны внести ясность относительно надлежащего обладателя права или наличия (отсутствия) права.

К способам защиты гражданских прав, направленным на устранение правовой неопределенности в правоотношениях сторон, следует отнести такие поименованные в законе способы, как признание права, признание сделки действительной, а также способы, не поименованные в законе, – признание договора незаключенным или заключенным, признание договора расторгнутым, признание сделки несовершенной или совершенной.

Теоретическое и практическое значение работы. Научная значимость работы заключается в том, что совокупность теоретических суждений, ставших закономерным результатом диссертационного исследования, формируют новую цивилистическую концепцию системы способов защиты гражданских прав, которая может стать составной частью российской частноправовой доктрины. При этом:

- доказаны значимые для науки гражданского права теоретические положения, вносящие вклад в расширение научных представлений о защите гражданских прав, ее формах и способах;

- изложены положения, раскрывающие содержание правовых понятий «защита гражданских прав», «форма защиты гражданских прав» и «способ защиты гражданских прав», «самозащита гражданских прав», «меры оперативного воздействия», «основания защиты гражданских прав» и др.;

- продемонстрированы критерии дифференциации «защиты» и «охраны» гражданских прав; форм защиты и форм самозащиты гражданских

прав; самозащиты гражданских прав и мер оперативного воздействия; цели защиты гражданских прав и условий защиты гражданских прав; условия и основания защиты гражданских прав и т.д.;

– раскрыты общие условия надлежащей защиты гражданских прав, являющиеся основаниями для констатации надлежащего характера избранного способа защиты и, как следствие, решения вопроса о защите либо отказе в защите субъективного гражданского права;

– дана критическая оценка распространенной классификации всех возможных способов защиты гражданских прав на универсальные и специальные и обоснована необходимость разграничения способов по критерию цели защиты на: восстановительные, пресекательные, компенсаторные и направленные на устранение правовой неопределенности;

– проведена модернизация научных знаний об особенностях англо-американской и континентальной моделей правового регулирования системы способов защиты гражданских прав;

– сформулированы выводы, обогащающие науку гражданского права представлением о системообразующих факторах при построении системы способов защиты гражданских прав и о целях защиты гражданских прав, на достижение которых направлены любые способы защиты.

Практическая значимость диссертационного исследования определяется тем, что:

– разработаны предложения, которые могут послужить основой для правотворческой и правоприменительной деятельности в сфере защиты гражданских прав, в деятельности судебных органов по подготовке разъяснений по вопросам судебной практики, а также для преподавательской и учебной деятельности;

– разработанные положения внедрены в учебный процесс юридического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета;

– представлены научно обоснованные предложения по реформированию гражданского законодательства в исследуемой сфере и внесению следующих изменений и дополнений в ГК РФ:

а) исключение принципа обязательного закрепления законом каждого способа защиты с одновременной законодательной фиксацией целей защиты, на достижение которых должен быть направлен избираемый способ;

б) легальное закрепление такой цели защиты гражданских прав, как «устранение правовой неопределенности»;

в) нормативное закрепление отказа в защите субъективного гражданского права в качестве правового последствия избрания ненадлежащего способа защиты;

в) легальное закрепление положения о возможности законодательного установления обязательного применения конкретных способов для защиты отдельных гражданских прав против определенных негативных воздействий;

г) позитивация новых способов защиты гражданских прав, а именно – взыскание номинальных убытков, а также заранее оцененных убытков;

д) аргументирована целесообразность исключения закрепленной в п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»⁹ дискреционной возможности суда, в том числе самостоятельно за управомоченное лицо переквалифицировать заявленные требования.

Апробация результатов исследования. Настоящая диссертация выполнялась, обсуждалась и рецензировалась на кафедре предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса юридического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета.

---

⁹ СПС «КонсультантПлюс».

Научные положения, в совокупности сформировавшие авторскую концепцию системы способов защиты гражданских прав, были вынесены на обсуждение на заседаниях кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса юридического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета, а также методологических семинарах.

Итоговые положения диссертационной работы и предложения автора по совершенствованию действующего законодательства докладывались и обсуждались на 14 международных, всероссийских и межвузовских научно-практических конференциях, и других научных мероприятиях, проводимых в период с 2008 по 2021 год, среди которых: международная научно-практическая конференции «Право и правосудие: теория, история, практика» (18 мая 2009 г., Краснодар), I международная заочная научно-практическая конференция аспирантов и молодых ученых «Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики» (2009 г., Москва), международная научно-практическая конференция «Права человека и права народа в современном обществознании. Актуальные вопросы внешнеэкономической деятельности: право, экономика, таможенное дело» (июнь 2009 г., Пенза), VI международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы современного правосудия» (июль 2009 г., Пенза), научная конференция студентов, аспирантов, преподавателей, посвященная 85-летию со дня рождения профессора А.А. Ушакова «Проблемы теории и истории государства и права» (11 декабря 2009 г., Пермь), международная научно-практическая конференция «Научные воззрения профессора Г.Ф. Шершеневича в современных условиях конвергенции частного и публичного права (к 150-летию со дня рождения)» (1–2 марта 2013 г., Казань), международная научно-практическая конференция «Четвертый Пермский конгресс ученых-юристов: 20 лет Конституции Российской Федерации: актуальные проблемы юридической науки и правоприменения в условиях

совершенствования российского законодательства» (18 октября 2013 г., Пермь), X международная научно-практическая конференция «Политика и право в социально-экономической системе общества» (9 апреля 2014 г., Москва), ежегодная научно-практическая конференция молодых ученых «Актуальные проблемы предпринимательского права и арбитражного процесса» (8 мая 2014 г., Пермь), ежегодная научно-практическая конференция молодых ученых «Актуальные проблемы корпоративного права и арбитражного процесса» (8 мая 2015 г., Пермь), ежегодная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы защиты вещных прав. Актуальные проблемы арбитражного процесса» (6 мая 2016 г., Пермь), ежегодная научно-практическая конференция молодых ученых «Актуальные проблемы обязательственного права и арбитражного процесса» (28 апреля 2017 г., Пермь) и др.

Основные положения и выводы исследования внедрены в учебный процесс, научную и методическую работу кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса и кафедры гражданского права ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», в учебный процесс кафедры правовых дисциплин и методики преподавания права ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», в научно-издательскую деятельность (в том числе деятельность по рецензированию входящих научных статей) редакции научного журнала «Вестник гражданского процесса», а также в практическую деятельность Арбитражного суда Пермского края.

Основные положения и выводы диссертации нашли отражение в тридцати научных работах, среди которых шестнадцать статей, опубликованных в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и

высшего образования РФ для опубликования результатов диссертационных исследований, четырнадцать иных научных публикаций.

Структура диссертации predetermined поставленной целью, предметом и объектом исследования, а также внутренней логикой работы и включает в себя введение, четыре главы, разделенные на двенадцать параграфов, заключение, список использованных источников и приложение.

ГЛАВА 1. Понятие и юридические характеристики защиты гражданских прав

§ 1.1. Понятие защиты гражданских прав и ее отграничение от иных юридических категорий

Гражданский кодекс РФ не предлагает легального определения самой защиты гражданских прав. По большому счету в первой части Кодекса законодатель закрепляет лишь декларацию о защите принадлежащих субъекту правоотношений гражданских прав и законных интересов.

Думается, исследование категории защиты гражданских прав следует начинать с положений, закрепленных в Основном Законе России.

Впервые рассматриваемая категория в отечественном законодательстве появилась еще с принятием в 1977 г. Конституции СССР¹⁰. Согласно указанному Основному Закону, право на защиту определялось в качестве конституционного права, следовательно, обладающего не только соответствующим статусом, но и определенным уровнем гарантий его реализации. Впервые Конституция СССР 1977 г. закрепила право на судебную защиту (ч. 2 ст. 57) и «право обжаловать действия должностных лиц, государственных и общественных органов» (ч. 1 ст. 58).

Впоследствии право на защиту как возможность каждого защищать свои права, свободы и законные интересы закреплялось в Декларации прав и свобод человека от 17.09.1991¹¹. Очевидно, что подобное регулирование основывалось на постепенном признании международных правовых актов, закрепляющих рассматриваемую юридическую категорию.

Так, Всеобщая декларация прав человека закрепляет право каждого лица на «эффективное восстановление в правах компетентными национальными

---

¹⁰ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята Верховным Советом СССР 07.10.1977) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

¹¹ Декларация прав и свобод человека (принята Съездом народных депутатов СССР 05.09.1991 № 2393-1) // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР от 11.09.1991. № 37. Ст. 1083.

судами»¹². В соответствии со ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, гражданам должно быть обеспечено право на «доступ к судебной защите и справедливому разбирательству в разумный срок»¹³. Государство также обязано развивать возможности судебной защиты, как это предусмотрено ст. 2 Международного пакта о гражданских и политических правах. Статья 14 Международного пакта о политических и гражданских правах закрепляет важнейшее значение доступности судебной защиты для обеспечения правосудия в качестве одного из основополагающих принципов.

Защита прав гражданина получила свое закрепление и в современной актуальной редакции Основного Закона России.

Так, ст. 45 Конституции РФ (в действующей редакции) декларирует гарантию государственной защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации, наделяя каждого правом защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом.

Таким образом, защита (и, как следствие, право на защиту, обеспечиваемую государством) представляет собой одну из основных гарантий прав и свобод.

Посредством толкования Основного Закона Конституционный Суд РФ признал обязанностью государства обеспечивать каждому лицу реализацию права на судебную защиту, которая должна быть справедливой, компетентной, полной и эффективной¹⁴. В соответствии с приведенным толкованием право на судебную защиту предполагает охрану прав не только от произвольной неправомерной деятельности законодательной и

---

¹² Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 1998. 10 дек.

¹³ Конвенция ратифицирована Россией Федеральным законом от 30.03.1998 № 54-ФЗ, с оговоркой и заявлениями // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163; Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 19.12.1966) // Библиотечка «Российской газеты». 1999. Вып. № 22–23.

¹⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 04.04.2006 № 113-О «По жалобе гражданина Овчинникова Виктора Александровича на нарушение его конституционных прав частью 3 статьи 30.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // СЗ РФ. 2006. № 27. Ст. 2971.

исполнительной власти, но и от ошибочных решений самого суда¹⁵. Право на судебную защиту в конституционных нормах квалифицировано в качестве субъективного права, принадлежащего физическим лицам. Однако в России равным образом защищаются все формы собственности, а заинтересованные лица, независимо от того, являются они физическими или юридическими лицами, имеют равные возможности для отстаивания своих прав и свобод в суде (ч. 2 ст. 8, ч. 1 и 2 ст. 19, ч. 3 ст. 123 Конституции РФ). Право на судебную защиту по Конституции РФ гарантируется каждому, т.е. оно принадлежит не только российским гражданам и организациям, но также иностранным физическим и юридическим лицам, лицам без гражданства¹⁶.

В соответствии с правовой позицией, сформулированной в Определении Конституционного Суда РФ от 12.07.2006 № 182-О, право на судебную защиту гарантирует соблюдение иных конституционных прав и свобод, а закрепляющая его ст. 46 Конституции РФ неразрывно связана со ст. 21, которая обязывает государство охранять достоинство личности, утверждая тем самым приоритет личности и ее прав на территории страны (ч. 2 ст. 17 и ст. 18 Конституции РФ). Из этого следует, что личность в ее взаимоотношениях с государством выступает не как объект государственной деятельности, а как равноправный субъект, который может защищать свои права и свободы всеми не запрещенными законом способами и спорить с государством в лице любых его органов.

Из Постановления Конституционного Суда РФ от 25.06.2013 № 14-П также следует, что Конституция России гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод (ч. 1 и 2 ст. 46); право на судебную защиту – как по буквальному смыслу ст. 46 Конституции России, так и по ее смыслу во взаимосвязи с другими положениями гл. 2 «Права и свободы человека и

---

15 См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 28.05.1999 № 9-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 266 и пункта 3 части первой статьи 267 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан Е.А. Арбузовой, О.Б. Колегова, А.Д. Кутырева, Р.Т. Насибулина и В.И. Ткачука» // Вестник КС РФ. 1999. № 5.

16 Жилин, Г.А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы. М. : Проспект, 2010. С. 56.

гражданина» Конституции России, а также с общепризнанными принципами и нормами международного права – является неотчуждаемым правом каждого человека.

Таким образом, приведенный обзор международных правовых актов, основных законов России, а также позиций Конституционного Суда позволяет заключить, что защита субъективных гражданских прав представляет собой одну из основных неотчуждаемых гарантий прав и свобод человека и гражданина, обеспечиваемую государством.

Далее, функция гражданского законодательства не ограничена регулированием общественных отношений. Одновременно государство охраняет субъективные гражданские права от их нарушения. В то же время охрана субъективных прав осуществляется опосредованно, через «предписание субъектам правоотношений определенного поведения»¹⁷.

Очевидно, что при реализации защиты гражданских прав возникают правоотношения, которые в теории права принято именовать в качестве охранительных.

В свою очередь, следует отграничивать категории защиты субъективных гражданских прав от их охраны.

Охрана гражданских прав упоминается еще в ст. 5 ГК РСФСР 1964 г.¹⁸, согласно которой гражданские права охраняются законом. Впоследствии ГК РФ в аналогичных правовых нормах уже не упоминает об охране, оперируя категорией защиты.

Тем не менее, ГК РФ закрепляет как защиту, так и охрану гражданских прав. Несмотря на это, термин «защита» применяется в контексте нарушенного права, в то время как термин «охрана» имеет более широкий спектр применения, обычно обозначая возможность осуществления прав и охраняемых законом интересов в нормальных и аномальных условиях.

---

¹⁷ Мурашко, М.С. Судебная защита субъективных гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2000.

¹⁸ Гражданский кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.

«Охрана», таким образом, охватывает любые предусмотренные гражданским правом формы, методы, способы обеспечения прав (в том числе и нарушенных)¹⁹.

Говоря о защите субъективных гражданских прав и охраняемых законом интересов, гражданский закон в действительности не разделяет эти понятия, считает их тождественными. Согласно общей трактовке, используемой в гражданском законодательстве, и «защита», и «охрана» представляют собой урегулированную законом процедуру устранения последствий нарушения субъективного гражданского права.

Однако в тех случаях, когда законом используется термин «правовая охрана» (например, в ст. 722 ГК РФ), он рассматривается как отражение универсального значения норм права в регулировании гражданского оборота. Особенностью охраны и ключевым ее отличием от защиты является то, что она не только позволяет достичь цели защиты гражданских прав, но и создает условия для нормального развития гражданских правоотношений²⁰.

В качестве классического примера цивилисты ссылаются на правовые нормы об обеспечении исполнения обязательств. Основное назначение таких правовых конструкций состоит как в предотвращении возможного нарушения обязательства (стимулировании обязанного лица на надлежащее исполнение), так и, при наличии нарушения, в компенсации потерь, возникающих у заинтересованного лица в результате нарушения.

Охрана и защита гражданских прав, хотя и обладают общими признаками, в то же время имеют ряд очевидных различий. Несмотря на это, данные различия недостаточно существенны для того, чтобы защиту гражданских прав можно было признать самостоятельным явлением в сравнении с их охраной.

Охрана гражданских прав может быть реализована как превентивная мера, предотвращающая противоправное поведение обязанного лица. В

---

¹⁹ Абова, Т.Е. Охрана хозяйственных прав предприятий. М., 1975. С. 91.

²⁰ Гражданское право / под ред. Л.И. Сергеева, Ю.К. Толстого. М., 1997. Ч. 1. С. 266–268.

случае если такое поведение все-таки будет допущено, вступают в действие правоотношения по защите нарушенного или оспоренного права. М.С. Мурашко отмечает, что охранительная норма при ее применении в ситуациях конфликта «выступает нормой, обеспечивающей защиту права»²¹.

С.С. Алексеев утверждает, что наличие в норме права санкции является обязательным признаком охранительной нормы²². Однако санкция не всегда присутствует в норме, которая используется правоприменительным органом для разрешения гражданско-правового спора.

Охрана гражданских прав может быть как явлением, зависимым от поведения участников гражданского оборота, определяемым этим поведением, так и оказывающим предупреждающее воздействие на таковых, включая и возможности принуждения к устранению последствий негативного воздействия на право.

В отличие от охраны, защита гражданских прав реализуется в отношении нарушенного или оспоренного гражданского права (ст. 11 ГК РФ). Иными словами, защита гражданских прав лишена превентивного эффекта, она представляет собой реакцию на негативное воздействие на субъективное гражданское право или охраняемый законом интерес.

В этом контексте интересна позиция А.П. Сергеева, который считает охрану гражданских прав более широким по отношению к защите понятием, при этом последняя включает в себя предусмотренные законом меры, необходимые для восстановления или признания нарушенных прав²³.

В доктрине также наблюдается активная дискуссия вокруг таких смежных правовых категорий, как **«субъективное право на защиту»** и **«механизм защиты»**.

В исследовании В.В. Бутнева, подробно изучившего «механизм защиты», под последним предложено понимать систему правовых средств,

---

²¹ Мурашко, М.С. Судебная защита субъективных гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2000.

²² Алексеев, С.С. Общая теория права : в 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 67.

²³ Гражданское право / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М., 1997. Ч. 1. С. 266.

которая отличается тем, что направлена на решение ряда задач: восстановление нарушенных прав, защиту охраняемых законом интересов, разрешение правовых споров, устранение иных препятствий, усложняющих правореализацию субъективных прав²⁴. Следует констатировать, что данное В.В. Бутневым определение в определенной степени исходит из разработанной С.С. Алексеевым концепции механизма правового регулирования, под которой последний понимал «систему правовых средств, при помощи которых обеспечивается результативное правовое воздействие на общественные отношения»²⁵.

С позиции С.С. Алексеева, под «механизмом правового регулирования» следует понимать условную научную категорию, отличающуюся производным от категории «правовое регулирование» характером. По мнению названного ученого, анализ «механизма правового регулирования» призван обеспечить демонстрацию «динамики права» и иллюстрацию элементов системы права, объективирующих правовое регулирование²⁶.

Представляется справедливым такое мнение, поскольку защита появляется только тогда, когда существует само право, подвергшееся регулированию. Следовательно, в отсутствие права отсутствует и сама возможность его защиты, что как раз и обуславливает производный характер защиты.

Очевидно, что сам по себе термин «механизм» призван акцентировать внимание на процедурном (процессуальном) аспекте рассматриваемого явления. С этой точки зрения механизм защиты гражданского права следует определить как порядок осуществления защиты, состоящий в наборе определенных волевых актов, совершаемых обладателем права, в том числе с привлечением юрисдикционных органов для достижения установленных законом целей защиты.

---

²⁴ Бутнев, В.В. Понятие механизма защиты субъективных гражданских прав // Механизм защиты субъективных гражданских прав. Ярославль, 1990. С. 6.

²⁵ Алексеев, С.С. Общая теория права. М., 1982. Т. 2. С. 9.

²⁶ Там же. С. 10.

Что касается права на защиту, то оно рассматривается в юридической литературе в качестве комплекса возможностей, находящихся в распоряжении управомоченного лица и включающих в себя требование, обращенное к обязанному лицу, либо требование, обращенное к компетентному органу власти с целью защиты права²⁷. В.П. Грибанов отмечает, что характер защищаемого права и те юридические возможности, которые опосредуют право на защиту, обусловлены взаимосвязью²⁸.

Право на защиту входит в состав субъективного права в качестве его самостоятельного элемента, сосуществующего с правом на собственные действия и правом требовать конкретного поведения от иных субъектов. При этом стоит подметить крайне дискуссионный характер проблема уяснения места права на защиту в структуре субъективного права. Так, согласно одной из доктринальных позиций (которую, в частности, занимает С.Н. Братусь), право на защиту квалифицировано в качестве свойства субъективного гражданского права, «лишенного самостоятельного значения»²⁹. Другая же концептуальная позиция (которую, в частности, занимает Н.Л. Клык), исходит из квалификации права на защиту в качестве структурного элемента нарушенного права³⁰.

Интересный взгляд на природу права на защиту обозначен в научных трудах Е.В. Вавилина. Так, по мнению названного ученого, природа защиты субъективных прав и законных интересов отличается сложным характером, и в некоторых случаях защита может быть квалифицирована в качестве самостоятельного права, опосредованного материальным интересом³¹.

Следует согласиться с позицией Е.В. Вавилина о том, что такой подход уместен именно при определении места права на защиту субъективного гражданского права, однако при защите законных интересов право на защиту

---

²⁷ Грибанов, В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М., 1992. С. 9.

²⁸ Грибанов, В.П. Там же. С. 107.

²⁹ Братусь, С.Н. Юридическая ответственность и законность. Очерк теории. М., 1976. С. 73–74.

³⁰ Клык, Н.Л. Содержание субъективного гражданского права // Правосубъектность по гражданскому и хозяйственному праву: Межвузовский сборник / отв. ред. К.Ф. Егоров. Л., 1983. С. 16.

³¹ Вавилин Е. В. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2016. С. 56.

уже будет обладать самостоятельным характером (по причине отсутствия права на момент защиты).

Н.Л. Южанин разделяет в структуре субъективного гражданского права в качестве самостоятельных его элементов право на защиту и возможность требования (в частности, в обязательственных правоотношениях)³². Е.Е. Богданова подчеркивает значимость права на защиту как неотъемлемого элемента субъективного гражданского права, утверждая, что без права на защиту субъективное право лишится своей ценности³³. С ней соглашаются и А.Е. Шерстобитов, С.М. Корнеев, которые считают право на защиту одним из структурных элементов субъективного права³⁴, а также Б.М. Гонгало, включающий правомочие на защиту в содержание субъективного права³⁵. Согласно позиции М.А. Рожковой, включение права на защиту в структуру субъективного права имеет, помимо прочего, и важное практическое значение, позволяя определять тем самым характер и содержание субъективного гражданского права, а значит, и определять предусмотренный законодательством перечень мер защиты в зависимости от характера совершенного правонарушения³⁶.

По мнению О.О. Юрченко, составным элементом права на защиту является материальное требование, адресованное к правонарушителю, содержанием которого выступает требование об устранении «незаконного сдерживания удовлетворения своих интересов»³⁷. С.В. Никольский по этому

---

³² Южанин, Н.В. Реализация субъективного права на защиту посредством односторонних правоохранительных мер // Юрист. 2013. № 15. С. 43.

³³ Богданова, Е.Е. Защита от контрагента. Проблемы субъективных гражданских прав и интересов в договорных отношениях. М., 2006. С. 58.

³⁴ Российское гражданское право : учебник : в 2 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд. М., 2011. Т. 1. С. 419.

³⁵ Гражданское право : учебник : в 2 т. / под ред. Б.М. Гонгало. 2-е изд. М., 2017. Т. 1. С. 99.

³⁶ Рожкова, М.А. Средства и способы правовой защиты сторон коммерческого спора. М., 2006. Гражданское право : учебник : в 2 т. / под ред. Б.М. Гонгало. 2-е изд. М., 2017. Т. 1. С. 99.

³⁷ Юрченко, О.О. Право на защиту и способы защиты охраняемого законом интереса в гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук. Тверь, 2004. С. 45.

поводу справедливо добавляет, что право на защиту отличается объемом правовых возможностей, обеспечивающих защиту нарушенного права³⁸.

Процессуальный аспект в праве на защиту усматривает и А.И. Базилевич, который приходит к выводу о наличии у управомоченного субъекта комплекса процессуальных прав, позволяющих ему воздействовать на правонарушителя³⁹.

Весьма оригинальной и существенно отличающейся от иных доктринальных взглядов является позиция Ю.Н. Андреева, который обнаруживает в праве на защиту одновременно материально-правовые и процессуально-правовые составные элементы⁴⁰. Поскольку способ защиты осуществляется в какой-то форме, которая ему соответствует, можно, таким образом, объяснить имманентную связь, присутствующую между материально-правовыми и процессуально-правовыми элементами.

Таким образом, согласно приведенному обзору мнений, констатируется обязательность включения права на защиту в состав субъективного гражданского права.

Вместе с тем в научной литературе немало и сторонников выделения права на защиту в качестве независимого субъективного гражданского права. К такому выводу исследователи приходят исходя из наличия в рамках права на защиту правомочий на собственные действия (самозащита, необходимая оборона), а также правомочия требования определенного поведения от иных участников имущественного оборота⁴¹.

---

³⁸ *Никольский, С.В.* Гражданско-правовая защита имущественных прав : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. С. 51.

³⁹ *Базилевич, А.И.* Формы защиты субъективных гражданских прав : дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2001. С. 36–37.

⁴⁰ *Андреев, Ю.Н.* Механизм гражданско-правовой защиты. М., 2010.

⁴¹ *Бутнев, В.В.* Понятие механизма защиты субъективных гражданских прав // Механизм защиты субъективных гражданских прав. Ярославль, 1990. С. 12; *Власова, А.В.* Структура субъективного гражданского права : дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 1998. С. 94; *Гражданское право : учебник : в 3 т. / под ред. А.П. Сергеева. М., 2009. Т. 1. С. 541; Чечот, Д.М.* Субъективное право и формы его защиты. Л., 1968. С. 25; *Шевченко, А.С.* Охранительные правоотношения в механизме защиты субъективных гражданских прав // Механизм защиты субъективных гражданских прав. Ярославль, 1990. С. 29–30.

Основываясь на анализе принципов права, О.А. Минеев развивает данную позицию, отмечая, что право на защиту является элементом любого правового статуса, включая и гражданско-правовой; моментом его возникновения (и основанием для последующей реализации) является нарушение или оспаривание субъективного права, а до того речь идет лишь об абстрактной возможности права на защиту⁴².

По мнению сторонников данной позиции, право на защиту характеризуется своей объективностью, существованием вне зависимости от того, нуждается ли в определенный промежуток времени в нем управомоченное лицо⁴³.

В качестве дополнительного аргумента, свидетельствующего о независимом статусе права на защиту, выступает момент возникновения указанного права, который не тождественен моменту возникновения субъективного права. По этому поводу В.А. Белов справедливо замечает, что нелогичность признания права на защиту составным компонентом субъективного права может быть обусловлена следующим образом: это означало бы, что возможность обращения к защите прав существует у управомоченного лица с момента возникновения права, а не возникает с момента его нарушения, что оказало бы влияние и на исчисление сроков давности, поскольку таковые должны были начинать течь с момента возникновения субъективного права⁴⁴. Позицию данного ученого разделяет и Е.Я. Мотовиловкер⁴⁵.

В пользу самостоятельности права на защиту относительно субъективного гражданского права А.И. Хабиров констатирует, что, учитывая момент возникновения права на защиту, следует исходить из

---

⁴² Минеев, О.А. Способы защиты вещных прав : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2003. С. 15.

⁴³ Базилевич, А.И. Указ. соч. С. 26; Иванов, О.В. Защита гражданских прав как правовой институт и как научная проблема // Вопросы советского государства и права. Иркутск, 1967. Т. 45. Вып. 8. Ч. 3. С. 47–49.

⁴⁴ Белов, В.А. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики. М., 2017. С. 233–234.

⁴⁵ Мотовиловкер, Е.Я. Теория охранительных правоотношений и основы гражданского законодательства Союза ССР и республик // Регламентация защиты субъективных прав в основах гражданского законодательства. Ярославль, 1992. С. 93–94.

относительной самостоятельности названного права в сравнении с, например, реализацией субъективных прав и охраной прав. Указанный исследователь придерживается мнения о том, что двумя составными компонентами права на защиту являются правомочие на собственные действия и правомочие требования⁴⁶.

Признавая убедительность отдельных аргументов, сформулированных в пользу концепции самостоятельности права на защиту, ее истинность все же стоит поставить под сомнение. Прежде всего, стоит подметить некорректность обусловленности права на защиту моментом его возникновения (пусть даже отличным от момента возникновения субъективного права). Очевидно, что право на защиту возникает именно в связи с негативным воздействием на право и, соответственно, в момент такого воздействия. Однако такой факт не опровергает производного (зависимого) характера права на защиту по сравнению с самим субъективным правом.

Аналогичной позиции, кстати, придерживаются и такие ученые, как М.И. Брагинский и В.В. Витрянский⁴⁷.

Думается, в подтверждение производного характера субъективного права на защиту следует отметить и то, что охранительное правоотношение (собственно, в рамках которого и реализуется право на защиту) возникает именно в связи с нарушением (оспариванием) права. Негативное воздействие на субъективное право и охраняемые интересы с неизбежностью влечет возникновение охранительного правоотношения и реализацию защиты в рамках этого отношения с целью ликвидации обозначенного воздействия.

Гражданское законодательство закрепляет принцип, согласно которому защита субъективного права представляет собой правоприменительную деятельность, направленную в конечном счете на восстановление

---

⁴⁶ Хабиров, А.И. Средства, способы и формы гражданско-правовой защиты прав сторон по договору займа: теоретический аспект // Вестник гражданского процесса. 2018. № 6. С. 226–259.

⁴⁷ Брагинский, М.И., Витрянский, В.В. Договорное право. Кн. 1 : Общие положения. М., 1997. С. 773.

нарушенного права. Статья 11 ГК РФ устанавливает перечень правоприменительных актов, с помощью которых может осуществляться защита прав: судебные акты, акты, принимаемые административными органами (в пределах установленной законом компетенции), а также меры, реализуемые самим управомоченным лицом⁴⁸.

Защита гражданских прав, отметим, не обязательно должна сопровождаться применением государственного принуждения. Форма защиты зависит от выбора потерпевшего лица, защита прав может реализовываться через судебные органы, административные и иные, прямо не поименованные в законе, органы (например, профсоюзные организации), а также путем совершения управомоченным лицом действий по самозащите его права. Соответственно, защищая принадлежащее ему право путем самозащиты, управомоченное лицо не обращается к мерам государственного принуждения, что, впрочем, не отменяет обязательности совершаемых при самозащите действий для иных субъектов гражданских правоотношений. Следует отметить, однако, что, поскольку законность действий в рамках самозащиты можно подтвердить (и обеспечить их исполнение) путем обращения в суд, некоторыми авторами меры самозащиты прав рассматриваются в качестве юрисдикционных актов⁴⁹.

Правоприменительные действия, которые осуществляются управомоченными лицами в ходе защиты их нарушенных прав, отличаются от «обычных» действий в рамках осуществления прав и исполнения обязанностей. Отличается и процедура принуждения правонарушителя (бывшего ранее обязанным лицом) к устранению последствий его поведения. При обращении в юрисдикционные органы (то есть при осуществлении защиты прав в юрисдикционной форме) защита гражданских прав производится в соответствии со строго регламентированной процедурой, начинающейся с установления обстоятельств правонарушения и определения

---

⁴⁸ Абова, Т.Е. Охрана хозяйственных прав предприятий. С. 94.

⁴⁹ Там же. С. 94–96.

того, подлежит ли применению избранный стороной спорных правоотношений способ защиты права, и завершающийся принудительным исполнением вынесенного юрисдикционным органом решения с применением мер государственного принуждения.

Отдельные ученые отмечают, что принуждение представляет собой один из важнейших атрибутов права на защиту. Такое принуждение применяется к правонарушителю, поскольку управомоченному лицу предоставляется возможность применения для защиты своего права и интереса мер охранительного характера, связанных с правовым воздействием на правонарушителя. Поэтому право на защиту включает различные правомочия заинтересованного лица, предусмотренные ст. 12–16.1 ГК РФ, включая самостоятельное применение мер воздействия к правонарушителю, мер оперативного воздействия, а также возможность обращения к органу государственной власти⁵⁰. Забегая вперед, отметим, что, выделяя подобные правомочия заинтересованного лица, указанный автор фактически говорит уже о видах форм защиты гражданских прав, что более подробно рассмотрим позднее.

Также следует отметить, что защита гражданского права должна всегда иметь адресный характер, т.е. быть направленной против лица, посягающего на принадлежащее заинтересованному лицу право. Состояние же ненарушенного права может обладать свойством охранительного характера в отношении неопределенного круга лиц (например, в абсолютных правоотношениях).

Следовательно, в результате применения акта защиты нарушенного права лицо, в отношении которого такая защита применяется, очевидно, должно претерпеть определенные неблагоприятные правовые последствия.

По итогам изучения категории «защита гражданских прав» следует заключить о наличии следующих особенностей.

---

⁵⁰ Максимов, В.А. Способы защиты субъективных гражданских прав и интересов // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 1. С. 76.

Во-первых, защита гражданского права реализуется в строго определенной форме (как с привлечением уполномоченных органов публичной власти, так и без таковых).

Во-вторых, защита применяется в связи с негативным воздействием на право, соответственно, наличие правонарушения (посягательства на право или иного негативного воздействия) является обязательным условием применения защиты.

В-третьих, защита всегда преследует определенную цель, состоящую в устранении такого негативного воздействия. Очевидно, что защита субъективного гражданского права ради самой защита не применима.

В-четвертых, защита гражданского права обладает адресным характером, в связи с чем возникновение соответствующего охранительного правоотношения обусловлено наличием конкретного субъекта, оказывающего негативное воздействие на принадлежащее заинтересованному лицу субъективное гражданское право.

Таким образом, очевидно, что категория «защита» не совпадает по объему с «охраной гражданских прав». При этом объем понятия «охрана» значительно шире, чем объем понятия «защита», за рамками которого остается обеспечение неприкосновенности права. Также, представляется, нельзя рассматривать защиту гражданских прав исключительно компетенцией (правомочием) органов публичной власти, поскольку при таком подходе не учитывается возможность самостоятельной защиты права потерпевшей стороной.

В связи с этим предлагаем обратиться к научной позиции относительно понятия «защита», сформулированной Т.Е. Абовой: под «защитой» следует понимать правоприменительную деятельность, субъектами которой выступают уполномоченные органы государственной власти/управомоченные лица и целью которой является восстановление

права, охрана интересов, применение мер воздействия в отношении правонарушителя⁵¹.

Вместе с тем, как справедливо отмечается другими учеными, приведенное определение безосновательно умаляет роль самозащиты гражданских прав, ограничивая возможность ее применения только случаями, прямо предусмотренными законом. Такой подход, думается, не согласуется с закрепленным законом принципом диспозитивности правового регулирования гражданских правоотношений. К аналогичным выводам можно прийти и при анализе содержания ст. 14 ГК РФ, из которой следует только одно условие, обязательное для потерпевшего, – меры самозащиты должны быть соразмерны нарушению и не выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения.

Изучая защиту гражданских прав, необходимо также уделить определенное внимание разделению правовых норм и правоотношений на регулятивные и охранительные. С.С. Алексеев предложил признавать регулятивными правоотношениями такие, которые обеспечены нормами, устанавливающими субъективные права и обязанности, а охранительными – те, которые несут охранительную функцию, устанавливая, какую юридическую ответственность понесет правонарушитель и обеспечивая применение этой ответственности путем реализации положений о защите прав⁵².

В то же время отнесение защиты гражданских прав к структуре охранительного правоотношения не является бесспорным. Так, существует позиция, согласно которой защита права осуществляется в рамках охранительных правоотношений лишь в случае применения к правонарушителю мер юридической ответственности, тогда как, если защита гражданских прав не повлечет возникновения новых прав и обязанностей, помимо предусмотренных регулятивным правоотношением, это означает,

---

⁵¹ *Абова, Т.Е.* Охрана хозяйственных прав предприятий. С. 95.

⁵² *Алексеев, С.С.* Общая теория права. М., 1982. Т. 2. С. 107–108.

что защита права осуществляется в пределах такого правоотношения⁵³. Следовательно, авторы данной концепции рассматривают возможность реализации права на защиту в пределах охранительных правоотношений только в случае применения мер гражданско-правовой ответственности. Очевидно, такая позиция зародилась из-за отождествления санкции за правонарушение и охранительной нормы. В то же время с этим нельзя согласиться, поскольку охранительные нормы охватывают также превентивные меры, а также восстановительные меры, которые направлены на устранение последствий правонарушения. Ввиду изложенного, полагаем, можно с уверенностью констатировать, что утверждение о применении охранительных норм только в случаях применения гражданско-правовой ответственности в существенной степени сужает границы применения охранительных норм.

Кроме того, обратим внимание и на точку зрения О.С. Иоффе, который считает, что правовое регулирование в узком смысле представляет собой «нормирование общественных отношений в их нормальном состоянии», а правовая охрана имеет своей целью «восстановление нарушенных отношений», при этом обе составляющие охватываются правовым регулированием в широком смысле понимания этой категории⁵⁴.

Итак, с учетом приведенного разнообразия мнений относительно правовой природы защиты и охраны гражданских прав (а также их соотношения) следует сформулировать понятие указанных юридических категорий, выявить отличительные особенности.

Подчеркнем, что российское гражданское законодательство не оперирует легальными дефинициями «защиты» и «охраны» гражданских прав. Аксиомой в юриспруденции стало утверждение о том, что под субъективным правом следует понимать меру дозволенного поведения лица,

---

⁵³ *Стоякин, Г.Я.* Понятие защиты гражданских прав // Проблемы гражданско-правовой ответственности и защиты гражданских прав. Свердловск, 1973. С. 32–33, *Варул, П.А.* К проблеме охранительных гражданских правоотношений. Ярославль, 1988. С. 36.

⁵⁴ *Иоффе, О.С.* Развитие цивилистической мысли в СССР. Ч. 1. Л., 1975. С. 92.

направленную на удовлетворение своих законных интересов, предусмотренную законом и обеспечиваемую государством. Исходя из этой аксиомы, существование субъективного права предопределено обеспеченностью его охраны и защиты. Рассуждая далее, мы приходим к выводу о том, что признание субъективного права существующим обусловлено возможностью защиты нарушенного или оспоренного права. В аналогичном ключе рассуждали и римские ученые-юристы, которые подчеркивали имманентную связь права и механизмов его государственной защиты, в отсутствие которых право прекращается. Примечательно, что указанная позиция подтверждается судебной практикой⁵⁵.

В данном контексте следует учесть, что интерес исследователей нередко привлекает соотношение понятий «защита гражданских прав» и «охрана гражданских прав», позволяющее лучше раскрыть содержание этих институтов, а также провести между ними границу.

В доктрине гражданского права можно выделить несколько концепций понимания «охраны» и «защиты» гражданских прав, а также их соотношения.

В рамках первой концепции (к ее представителям относится, в частности, А.П. Сергеев) под правовыми мерами охраны понимаются любые меры, применение которых обеспечивает нормальное состояние гражданских правоотношений, а также восстановление нарушенных / оспоренных прав и интересов⁵⁶. Приверженцы данного концептуального подхода исходят из тождества защиты прав и охраны в узком смысле, понимая под последней исключительно восстановительные меры, то есть, что связаны с нарушенным либо оспариваемым правом. Апологетом обозначенного концептуального подхода является и О.С. Иоффе, который исходит из того, что охрана гражданских прав по своему объему обширнее борьбы с правонарушениями,

---

⁵⁵ См., напр.: Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 11.07.2006 № Ф08-3140/2006 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵⁶ Сергеев, А.П. Гражданское право. Т. 1 / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М.: Проспект, 2002. С. 335.

а также подчеркивает значимость таких правоотношений, которые обеспечивают охрану прав и законных интересов при их нормальной реализации⁵⁷. Более того, данный автор в принципе не выделяет категорию «защита», полагая, что ее содержание полностью исчерпывается «охраной». Сторонники данной концепции, следовательно, понимают под охраной прав очень широкую категорию мер, охватывающую как меры, применяемые до нарушения права, так и меры, направленные на борьбу с правонарушениями, их устранение.

В рамках второй концепции охрана гражданских прав рассматривается в узком смысле. К этой концепции относятся, в частности, такие авторы, как Л.С. Явич, А.Ф. Черданцев и др. Они понимают под охраной гражданских прав деятельность государственных органов, применяющих санкции к правонарушителям⁵⁸. Соответственно, охранительное правоотношение возникает лишь после нарушения или оспаривания субъективных прав и законных интересов. Полагаем, данная концепция не вполне удачна, поскольку она сужает охрану гражданских прав до их защиты, лишая тем самым охрану ее предупредительной функции.

Третья концепция разграничивает понятия охраны и защиты гражданских прав, однако не дает однозначного ответа на проблему их соотношения. Так, А.И. Базилевич вслед за австрийским цивилистом Е. Месснером (E. Messner)⁵⁹ полагает, что охрана гражданских прав охватывает лишь такую предупредительную деятельность государственных и общественных органов, а в случае правонарушения речь идет уже о защите прав, нацеленной на «восстановление прав нарушенных или тех, которым угрожает нарушение»⁶⁰. Защита гражданских прав в этом контексте сводится

---

⁵⁷ *Иоффе, О.С.* Гражданско-правовая охрана интересов личности / под ред. Б.Б. Черепахина. М.: Юрид. лит., 1969. С. 3–4.

⁵⁸ *Явич, Л.С.* Общая теория права. Л. : Изд-во ЛГУ, 1976. С. 219; *Черданцев, А.Ф.* Основы теории государства и права / под ред. С.С. Алексеева. 2-е изд. М. : Юрид. лит., 1971. С. 339.

⁵⁹ *Messner, E.* Formpflicht und Konsumentenschutz. Muenster, 1990. P. 27.

⁶⁰ *Базилевич А.И.* Указ. соч. С. 34.

к применению установленных законом санкций в целях надлежащего осуществления субъективных гражданских прав.

С данными авторами соглашается В.А. Тархов, по мнению которого охрана гражданского права существует постоянно и нацелена на предотвращение нарушения, а защита гражданского права вступает в действие лишь при нарушении или его угрозе⁶¹.

С позиции А.Р. Канюкаевой, «защиту гражданских прав» следует рассматривать в качестве деятельности специальных субъектов (управомоченных лиц / компетентных органов власти), целью которой выступает ликвидация причин, приводящих к невозможности осуществления права, восстановление в правах, в случае их нарушения, а также устранение спорности отношений⁶².

С.В. Тычинин также определяет защиту посредством использования термина «деятельность», указывая, что таковой является деятельность управомоченного лица или компетентных органов по устранению препятствий на пути осуществления субъектами своих прав. В интерпретации А.П. Сергеева при определении «защиты субъективных гражданских прав» акцент сделан на процессуальной составляющей, а именно на порядке защиты, осуществляемой в надлежащей форме, надлежащими средствами и способами защиты⁶³.

Интересен и научный взгляд А.П. Вершинина, который, игнорируя понятие охраны, предлагает квалифицировать защиту в качестве юридической деятельности, обеспечивающей ликвидацию препятствий на пути реализации управомоченными субъектами принадлежащих им

---

⁶¹ Тархов, В.А. Охрана имущественных прав трудящихся по советскому гражданскому законодательству : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1966. С. 8.

⁶² Канюкаева, А.Р. Право и охраняемый законом интерес как объекты защиты // Новая правовая мысль. 2009. № 4. С. 12.

⁶³ Гражданское право. Т. 1 / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. 2001. С. 291 (автор главы – А.П. Сергеев).

гражданских прав, а также пресечение правонарушения, восстановление положения, в котором стороны находились до нарушения права⁶⁴.

Д.Х. Валеев и М.Ю. Челышев квалифицируют защиту в качестве принудительного (с позиции обязанного лица) способа защиты, применение которого связано с деятельностью самого управомоченного лица либо компетентных органов власти⁶⁵.

Очевидно, многочисленные споры ученых-юристов относительно разграничения понятий «защита» и «охрана» имеют во многом лингвистические корни. В толковом словаре указано, что «охранять» – оберегать, стеречь⁶⁶; тогда как «защищать» – охраняя, оградить от посягательств, от враждебных действий, от опасности⁶⁷. Основываясь на определении этих слов, можно утверждать, что защита является частным случаем (и в каком-то плане завершающим этапом) охраны, реализуясь лишь в случае наличия негативных воздействий на субъективное гражданское право. Это делает справедливой первую концепцию, приверженцами которой являются А.П. Сергеев и О.С. Иоффе.

В.П. Воложанин усматривает в категории «защита гражданских прав» сразу два смысловых аспекта – материально-правовой и процессуально-правовой, – замечая при этом, что ни цивилистическая, ни процессуальная доктрина не оперируют специальной терминологией, позволяющей проводить разграничение защиты в области материальных и процессуальных прав⁶⁸. Из этого следует, что категория «защиты» рассматривается через призму совокупности материально-правовых мер, целью которых выступает устранение препятствий в осуществлении субъективного права, а также деятельности уполномоченных субъектов в части применения указанных мер.

---

⁶⁴ *Вершинин, А.П.* Способы защиты гражданских прав в суде. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1997. С. 17.

⁶⁵ *Валеев, Д.Х., Челышев, М.Ю.* Гражданско-правовые средства в процессуальном механизме реализации прав граждан и организаций в исполнительном производстве // *Исполнительное право*. 2009. № 4. С. 13.

⁶⁶ *Ожегов, С.И.* Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М. : Русский язык, 1987. С. 418.

⁶⁷ *Ожегов, С.И.* Указ. соч. С. 196.

⁶⁸ *Воложанин, В.П.* Несудебные формы разрешения гражданско-правовых споров. Свердловск, 1974. С. 5–6.

Весьма интересное и обстоятельное исследование защиты гражданских прав обнаружено в трудах Н.А. Рябина. Так, по его мнению, защита гражданских прав представляет собой совокупность фактических и юридических действий, исходящих от управомоченного субъекта в рамках самозащиты, либо только юридических действий, исходящих от уполномоченных органов и их должностных лиц. При этом деятельность по самозащите нарушенных прав реализуется обладателем субъективного гражданского права в рамках охранительных/регулятивных отношений при соблюдении предусмотренных законом принципов права. Что касается деятельности уполномоченных органов и их должностных лиц в рамках реализации правозащитной функции, то такая деятельность обусловлена предусмотренной законом процедурной формой, то есть совокупностью правовых средств, способов защиты, мер ответственности, процессуальных норм, и целями ее осуществления («1) предупреждения возможных и пресечения совершаемых гражданских правонарушений; 2) устранения препятствий в осуществлении субъективных гражданских прав; 3) восстановления нарушенных субъективных гражданских прав и законных интересов обратившегося за защитой лица (правообладателя); 4) укрепления законности и правопорядка»⁶⁹.

Д.М. Чечот под защитой права понимал использование совокупности допустимых средств в целях восстановления нарушенных прав⁷⁰.

Изложенное позволяет заключить, что охрана гражданских прав по своему содержанию шире защиты (полностью поглощает). Фактически охрана гражданских прав содержит предупредительную функцию, в отличие от защиты, представляющей собой реакцию на уже состоявшееся негативное воздействие на право. С такой точки зрения применение способа защиты гражданских прав можно рассматривать в качестве финального этапа охраны,

---

⁶⁹ *Рябинин, Н.А.* Особенности механизма защиты субъективных гражданских прав // Современное право. 2018. № 3. С. 24–29.

⁷⁰ *Чечот, Д.М.* Указ. соч. С. 17.

непосредственно направленного на достижение установленных законом целей защиты.

Думается, отождествление охраны и защиты гражданских прав не отражает сущности указанных правовых категорий. Закон не предусматривает возможности какого-либо автоматического применения способа защиты гражданских прав в отсутствие соответствующего волеизъявления самого обладателя права (заинтересованного лица), что, в свою очередь, свидетельствует о присутствии нарушенного (либо оспариваемого) права на момент применения соответствующего способа.

По итогам исследования, приведенного выше, следует заключить, что защитой гражданских прав является правоприменительная деятельность, осуществляемая в установленной законом форме органами публичной власти либо самим потерпевшим, возникающая в связи с негативным воздействием на субъективное гражданское право и направленная на достижение целей защиты.

§ 1.2. Формы защиты гражданских прав

Отметим, что понятие «форма защиты гражданских прав» не входит в законодательный категориальный аппарат отечественного гражданского законодательства. Однако из буквального толкования ст. 11 ГК РФ можно сделать вывод о признании отечественным законодателем двух форм защиты гражданских прав: судебной (защита гражданских прав посредством обращения в суд) и административной (защита гражданских прав путем обращения в иные органы публичной власти, но с возможностью пересмотра судом принимаемых такими органами решений по итогам применения способа защиты).

Стоит подчеркнуть, что цивилистическая доктрина изобилует научными высказываниями по поводу понятия и квалификации форм защиты гражданских прав. Обширность научных взглядов предопределена, прежде всего, многочисленными вариациями критериев, легших в основу классификаций форм защиты гражданских прав. Так, по мнению О.А. Красавчикова, критерием разграничения форм защиты гражданских прав должна быть признана специфика объекта и характера защищаемого права. Однако из анализа предложенным О.А. Красавчиковым форм защиты, следует, что к таковым ученый относит поименованные в гражданском законодательстве способы защиты гражданских прав⁷¹.

Вместе с тем, даже с лексической точки зрения, понятия «форма» и «способ» не являются тождественными: «Форма... внешнее выражение чего-л., обусловленное определенным содержанием, сущностью, тип, устройством»⁷². «Способ – образ действий, прием осуществления чего-л.»⁷³.

Отечественная цивилистика предлагает толкование термина «правовая форма», под которой предлагается понимать комплексную юридическую

---

⁷¹ Советское гражданское право : учебник : в 2 т. Т. 1 / под ред. О.А. Красавчикова. 3-е изд., испр. и доп. М. : Высшая школа, 1985. С. 95–97.

⁷² Словарь русского языка : в 4 т. Т. IV / под ред. А.П. Евгеньевой. М. : Рус. яз., 1984. С. 575.

⁷³ Там же. С. 230.

категорию, потребность в которой возникает в случае необходимости опосредования неправовых общественных отношений, не обладающих нормативной основой и нуждающихся в ней⁷⁴. Руководствуясь высказанным научным подходом, можно сделать вывод о несовпадении по объему таких понятий, как «форма защиты» и «способ защиты».

Оригинальную классификацию форм защиты, дифференцированных на «исковую» и «неисковую» предлагают А.А. Добровольский и С.А. Иванова. С точки зрения названных авторов, критерием, лежащим в основе обозначенной классификации, является наличие (отсутствие) процессуальной формы защиты права, используемой для рассмотрения соответствующего спорного правового требования⁷⁵.

Данные авторы в то же время не уделяют внимания самозащите гражданских прав, в том числе в контексте формы ее применения. Это ставит под сомнение предложенную структуру деления.

Иную классификацию форм защиты можно обнаружить в научных трудах Г.А. Свердлыка и Э.Л. Страунинга. По мнению обозначенных ученых, руководствуясь таким критерием, как «субъект применения способа защиты», следует дифференцировать три формы защиты гражданских прав: судебную, административную и самозащиту⁷⁶.

Определяя «форму защиты» как совокупность организационных мероприятий, обладающих внутренней структурой и направленных на защиту гражданских прав, А.П. Сергеев выделяет юрисдикционную и неюрисдикционную формы защиты. При этом критерии классификации А.П. Сергеева схожи с предложенными А.А. Добровольским и С.А. Ивановой. Однако, в отличие от указанных авторов, А.П. Сергеев полагает, что самозащита представляет собой разновидность

---

⁷⁴ Батурина, Ю.Б. Правовая форма и правовое средство в системе понятий теории права : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 7.

⁷⁵ Добровольский, А.А., Иванова, С.А. Основные проблемы исковой формы защиты права. М. : Изд-во МГУ, 1979. С. 25.

⁷⁶ Свердлык, Г.А., Страунинг, Э.Л. Защита и самозащита гражданских прав : учеб. пособие. М. : Лекс-книга, 2002. С. 37.

неюрисдикционной формы защиты. В то же время в его концепции содержится внутреннее противоречие, поскольку далее он высказывается против квалификации самозащиты как одного из способов защиты гражданских прав, утверждая, что это форма, а не способ защиты⁷⁷.

В отличие от А.П. Сергеева, профессор В.В. Витрянский квалифицирует самозащиту в качестве, тем не менее, способа защиты гражданских прав (не формы защиты), из чего следует, что в доктрине все же отмечается условность границ между рассматриваемыми юридическими категориями⁷⁸.

Иную позицию занимает М.И. Брагинский. Так, указанный ученый исходит из тождества формы и способа защиты права и полагает, что ст. 11 ГК РФ оперирует таким способом защиты гражданских прав, как обращение к соответствующему юрисдикционному органу⁷⁹.

Полагаем, что наиболее актуальным и соответствующим реалиям развития гражданского законодательства является дихотомическая классификация, состоящая из двух элементов – юрисдикционной и неюрисдикционной форм защиты. При этом «подформами» юрисдикционной формы защиты выступают судебная и административная. Анализ предложенной классификации позволяет заключить, что дифференциация между обозначенными формами защиты опосредована действующим субъектом. Так, неюрисдикционная форма защиты предполагает ее реализацию (хотя бы частично) самим носителем субъективного гражданского права, а юрисдикционная – уполномоченным органом власти. Интересно подчеркнуть, что именно такой классификации придерживались разработчики Концепции совершенствования общих положений

---

⁷⁷ Гражданское право : учебник. Ч. 1 / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Теис, 1996. С. 268–270.

⁷⁸ Витрянский, В.В. Судебная защита гражданских прав : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1996. С. 14–17.

⁷⁹ Брагинский, М.И., Витрянский, В.В. Договорное право. Общие положения. С. 99–113.

Гражданского кодекса РФ⁸⁰. Так, по смыслу названной Концепции, реализация самозащиты обусловлена исключительно неюрисдикционной формой, что, на наш взгляд, справедливо.

Несколько иной подход к классификации форм защиты гражданских прав разработан Т.Е. Абовой, которая разделяет формы защиты на общие (охватывает юрисдикционную и неюрисдикционную формы защиты) и специальные (осуществляемые в административном порядке)⁸¹. Рассматривая гражданско-правовые способы защиты прав акционеров, Е.Ю. Асташкина прибегает к схожей классификации, называя, однако, неюрисдикционную форму защиты прав «локальной, непосредственной»⁸².

По мнению А.П. Сергеева, неюрисдикционная форма защиты гражданских прав фактически тождественна самозащите гражданских прав, поскольку, согласно научным воззрениям указанного ученого, такая форма защита осуществляется управомоченным субъектом и не требует обращения в органы государственной власти⁸³. Как известно, современное правовое регулирование самозащиты гражданских прав охватывается содержанием ст. 14 ГК РФ.

В цивилистической доктрине высказана и такая научная позиция, согласно которой самозащита гражданских прав может выполнять как функцию формы защиты, так и функцию способа защиты гражданских прав⁸⁴.

Сущность юрисдикционной формы защиты справедливо сводится к деятельности компетентных органов государственной власти,

---

⁸⁰ Концепция совершенствования общих положений Гражданского кодекса РФ // Вестник ВАС РФ. 2009. № 4. С. 21–22.

⁸¹ Абова, Т.Е. Охрана хозяйственных прав предприятий. М. : Юридическая литература, 1975. С. 118.

⁸² Асташкина, Е.Ю. Гражданско-правовые способы защиты прав акционеров в России : дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2003. С. 85.

⁸³ Гражданское право. Т. 1 / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. С. 294 (автор главы – А.П. Сергеев).

⁸⁴ Гражданское право. Т. 1 / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. С. 294–295 (автор главы – А.П. Сергеев); Свердлык, Г.А., Страуниг, Э.Л. Защита и самозащита гражданских прав : учеб. пособие. М. : Лекс-книга, 2002. С. 37; Богданова, Е.Е. Формы и способы защиты гражданских прав и интересов // Журнал российского права. 2003. № 6; Мамедова, Л.А. Соотношение форм и способов защиты гражданских прав // Сборник научных трудов юридического факультета СевКавГТУ. 2005.

обеспечивающих защиту нарушенных или оспариваемых прав⁸⁵. Общий порядок защиты гражданских прав в юрисдикционной форме предполагается путем подачи иска (при наличии спора о праве) или заявления (в иных случаях), если иное не установлено законом. Помимо общей формы, защита гражданских прав может осуществляться и в специальной юрисдикционной форме, т.е. в административном порядке, путем обращения в уполномоченный орган исполнительной власти. Аналогичную классификацию, используя критерий процессуальной формы, представила Н.И. Клейн⁸⁶.

С.В. Василькова в качестве основных форм защиты гражданских прав предлагает рассматривать:

- самозащиту права (по мнению указанного автора, неоспоримым плюсом такой формы защиты субъективных гражданских прав является быстрота и значительная эффективность защиты нарушенных прав; кроме того, небезосновательно ученый утверждает, что само по себе применение самозащиты свидетельствует о наличии определенной «правовой зрелости» гражданина, способного правомерно без вмешательства государства защитить свои гражданские права);

- урегулирование спора о праве без обращения в государственные органы (что, в отличие от самозащиты, предполагает наличие некой формальной процедуры);

- административную защиту гражданских прав;

- судебную защиту гражданских прав («высшая» форма защиты прав)⁸⁷.

Представляется, что приведенный вариант классификации также не является бесспорным. В частности, определенное в качестве самостоятельной

---

⁸⁵ Гражданское право. Т. 1 / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. С. 293 (автор главы – *А.П. Сергеев*).

⁸⁶ Автор выделила три группы: а) исковую форму защиты права; б) судебную защиту права в порядке неискового производства; в) административный порядок защиты гражданских прав. Гражданское право России. Общая часть: Курс лекций / отв. ред. О.Н. Садилов. М.: Юристъ, 2001. С. 97 (автор главы – *Н.И. Клейн*).

⁸⁷ *Василькова, С.В.* Формы защиты субъективных гражданских прав в Российской Федерации и перспективы их совершенствования // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 9. С. 3–6.

формы защиты гражданских прав «урегулирование спора о праве без обращения в государственные органы» мало чем отличается от административной формы. Кроме того, квалификация третейского разбирательства в качестве формы, отличной от юрисдикционной судебной, полагаем, не соответствует современной редакции ст. 11 ГК РФ, прямо закрепившей третейское разбирательство в качестве судебной защиты гражданских прав.

Следует отметить, что ряд ученых отрицает целесообразность выделения административной формы защиты гражданских прав. Так, Е.В. Михайлова указывает, что нецелесообразность выделения административной формы защиты гражданских прав предопределена юридической возможностью оспаривания действий (бездействий), а также правовых актов органов власти, их должностных лиц⁸⁸. Свою точку зрения названный автор подкрепляет и дополнительным аргументом, а именно примером обращения прокурора в суд с целью защиты конкретных третьих лиц либо неопределенного круга лиц, что, по мнению автора, свидетельствует о производном (не самостоятельном) характере акта прокурорского реагирования как способа защиты гражданских прав.

Вместе с тем, полагаем, такой подход является не совсем корректным, поскольку тогда игнорируется целый набор актов прокурорского реагирования (протест, предупреждение, предостережение и прочие акты в порядке общего надзора), при том что в силу ст. 6 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» требования прокурора подлежат безусловному исполнению⁸⁹.

В связи с этим все же следует согласиться с обоснованностью выделения административного порядка защиты гражданских прав в качестве отдельной формы наряду с иными формами (в частности, судебной).

---

⁸⁸ Михайлова, Е.В. Процессуальные формы защиты субъективных гражданских прав, свобод и законных интересов в Российской Федерации: судебные и несудебные : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 81.

⁸⁹ Федеральный закон от 17.01. 1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (ред. от 01.07.2021) // Российская газета. 1992. 18 февр.

При этом следует отметить, что в научной литературе встречаются мнения о выделении иных форм защиты гражданских прав, не укладывающихся в приведенную выше классификацию. В частности, высказывается мнение о наличии нотариальной формы защиты гражданских прав, применимой для защиты широкого спектра видов гражданских прав (корпоративных, вещных, наследственных и пр.)⁹⁰.

Следует отметить, что в цивилистической доктрине наличествует дискуссия относительно места самозащиты гражданских прав в системе способов либо форм защиты.

С одной стороны, законодатель достаточно определенно заявил, что «самозащита» относится к способам защиты гражданских прав, закрепив ее в соответствующем перечне, предусмотренном ст. 12 ГК РФ. С другой стороны, ряд ученых называют самозащиту своеобразной «подформой», разновидностью неюрисдикционной формы защиты прав. Этот подход основан на том, что из содержания термина «самозащита» напрямую следует, что защита осуществляется непосредственно управомоченным лицом либо в ряде случаев – некоторыми третьими лицами (в случае крайней необходимости и т.п.).

В.П. Грибанов раскрывает самозащиту гражданских прав как «совершение управомоченным лицом дозволенных законом действий фактического порядка, направленных на охрану его личных или имущественных прав и интересов»⁹¹.

Г. Свердлык и Э. Страунинг утверждают, что самозащитой признаются «допускаемые законом или договором действия управомоченного лица, направленные на обеспечение неприкосновенности права, пресечение нарушения и ликвидацию последствий этого нарушения»⁹².

---

⁹⁰ Шахбазян, А.А. Защиты гражданских прав в нотариальном производстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.

⁹¹ Грибанов, В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М. : Статут, 2000. С. 117.

⁹² Свердлык, Г., Страунинг, Э. Способы защиты гражданских прав и их классификация // Государство и право. 1999. № 1. С. 35.

С.Н. Веретенникова рассматривает самозащиту в качестве «волевого действия субъектов гражданских прав», целью которого является защита прав и охраняемых законом интересов, и которое осуществляется в предусмотренных законом пределах в случае совершения правонарушения в отношении таких прав и интересов, наличия угрозы такого правонарушения⁹³.

В.С. Ем также полагает, что самозащита является соответствующими закону действиями фактического порядка, конечной целью осуществления которых является охрана материальных и нематериальных благ⁹⁴.

Несколько иначе цель применения самозащиты описывает Д.Н. Кархалев, который видит ее как приостановление либо пресечение нарушения права, а равно как ликвидацию последствий этого нарушения. Самозащита осуществляется путем принудительного воздействия на правонарушителя, причем это воздействие должно быть в форме активных действий. Принудительный характер самозащиты состоит в том, что правонарушителя вынуждают прекратить его правонарушение, ликвидировать его последствия либо обеспечить восстановление нарушенного или оспоренного права иным образом⁹⁵.

Таким образом, приведенные ученые квалифицируют самозащиту гражданских прав в качестве активных действий управомоченного лица, упуская упоминание о возможности обладателя права воздержаться от совершения действий (т.е. совершить бездействие) в качестве способа защиты нарушенного права.

Так, п. 1 ст. 719 ГК РФ наделяет подрядчика правом не совершать действия, направленные на выполнение (продолжение) работы, если в действиях (бездействиях) заказчика усматривается нарушение

---

⁹³ Веретенникова, С.Н. Меры самозащиты в российском гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. С. 11.

⁹⁴ Ем, В.С. Право на защиту / Гражданское право. Общая часть. М. : Волтерс Клувер, 2004. С. 563.

⁹⁵ Кархалев, Д.Н. Восстановление нарушенных гражданских прав во внесудебном порядке // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 3. С. 90–111.

предусмотренных договором обязанностей, неисполнение которых создает непреодолимые препятствия к исполнению договорного обязательства надлежащим образом. При этом законодатель разъясняет, что нарушение заказчиком своих обязательств может заключаться, например, в непредоставлении материала, документации или вещи, являющиеся объектом договорных обязательств.

Следовательно, право стороны по договору на несовершение действий по выполнению работы в данном случае, очевидно, будет свидетельствовать о реализации таким управомоченным лицом самозащиты своего права в форме бездействия.

Следует отметить, что доктрина содержит набор мнений о квалификации самозащиты через термин «деяние», который уже охватывает как действия, так и бездействие обладателя гражданского права.

По мнению Д.В. Микшис, под самозащитой следует понимать «правомерное деяние, направленное на защиту субъективного гражданского права от наличного нарушения либо его реальной угрозы»⁹⁶.

М.С. Кораблева выделяет три признака самозащиты, к которым относятся обязательное наличие правонарушения для реализации самозащиты (произошедшее или продолжаемое правонарушение), самостоятельное осуществление защиты принадлежащего управомоченному лицу права (иными словами, силами самого потерпевшего), непревышение пределов действий, необходимых для пресечения правонарушения⁹⁷.

Как мы видим, помимо самостоятельного характера совершаемого деяния, прочие признаки присущи и самой защите гражданских прав. Стало быть, именно самостоятельность применения способов защиты самим управомоченным лицом (без обращения в юрисдикционные органы) является

---

⁹⁶ Микшис, Д.В. Самозащита в гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С. 16.

⁹⁷ Кораблева, М.С. Защита гражданских прав: новые аспекты // Актуальные вопросы гражданского права / под ред. М.И. Брагинского. М.: Статут, 1998. С. 88–89.

квалифицирующим признаком рассматриваемой юридической категории, позволяющим отграничить самозащиту от защиты гражданских прав.

Особого мнения относительно природы самозащиты придерживается Г.Я. Стоякин, утверждающий, что при реализации самозащиты содержание прав и обязанностей правонарушителя и потерпевшего не изменяется. В действительности происходит лишь изменение порядка исполнения первоначального обязательства сторон (либо его прекращение в ряде случаев). В связи с этим указанный автор полагал, что самозащита применяется в пределах регулятивного правоотношения⁹⁸.

Думается, такая позиция является достаточно спорной, поскольку, как указывалось выше, субъективное право на защиту возникает только и в связи с негативным воздействием на право, что, во-первых, само по себе свидетельствует о возникновении охранительного правоотношения (не регулятивного, как утверждает автор), во-вторых, означает и возникновение как раз дополнительных прав, в частности, потерпевшего. Например, односторонний отказ покупателя от договора купли-продажи, заявленный в связи с существенным нарушением требований к качеству товара в порядке ст. 475 ГК РФ, влечет право покупателя потребовать возврата произведенной оплаты за товар. Очевидно, что такое правомочие до реализации приведенного вида самозащиты у заинтересованного лица отсутствовало.

Напомним, что в доктрине наблюдается активная дискуссия о квалификации самозащиты в качестве формы либо способа защиты гражданских прав. Ряд ученых полагает, что, несмотря на квалификацию в законе самозащиты в качестве способа защиты (о чем прямо упоминается в ст. 12 ГК РФ), самозащита является все же формой защиты гражданских прав⁹⁹.

---

⁹⁸ *Стоякин, Г.Я.* Меры защиты в советском гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1973. С. 35–40.

⁹⁹ *Сергеев, А.П.* Защита гражданских прав // Гражданское право. Т. 1 / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М. : Проспект, 2004. С. 339.

Другие утверждают, что основным свойством самозащиты является ее компенсационный характер, который состоит в применении мер самозащиты именно в случае нарушения субъективного гражданского права (или при создании угрозы его нарушения) с целью защиты нарушенного права. Так, Д.Н. Кархалев исходит из квалификации самозащиты в качестве способа защиты гражданских прав¹⁰⁰.

От способов самозащиты гражданских прав в доктрине принято отличать **меры оперативного воздействия**.

Так, Н.И. Клейн указывает, что мерами оперативного воздействия являются реализуемые во внесудебном порядке правовые средства воздействия на правонарушителя. В качестве примера ученый ссылается на внесудебный односторонний отказ управомоченного лица¹⁰¹.

В.П. Грибанов придерживался схожей позиции, утверждая, что мерами оперативного воздействия являются юридические средства правоохранительного характера, применяемые управомоченным лицом непосредственно к нарушителю без обращения за защитой в уполномоченные органы¹⁰².

При этом, по мнению В.П. Грибанова, рассматриваемые меры следует отличать от имущественной ответственности¹⁰³. Аналогичной позиции придерживался и Б.И. Пугинский, указавший, что меры оперативного воздействия не могут рассматриваться в качестве санкций, а, следовательно, такие меры и подлежат обеспечению государственным принуждением¹⁰⁴. Такого же мнения придерживается М.С. Кораблева¹⁰⁵.

---

¹⁰⁰ Кархалев, Д.Н. Восстановление нарушенных гражданских прав во внесудебном порядке // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 3. С. 90–111.

¹⁰¹ Клейн, Н.И. Комментарий к ст. 12 ГК РФ // Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный). М. : Норма, 2005. С. 63.

¹⁰² Грибанов, В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М. : Статут, 2000. С. 133.

¹⁰³ Грибанов, В.П. Пределы применения мер оперативного характера при поставках продукции // Советская юстиция. 1968. № 4. С. 4.

¹⁰⁴ Пугинский, Б.И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М. : Юридическая литература, 1984. С. 144.

¹⁰⁵ Кораблева, М.С. Защита гражданских прав: новые аспекты // Актуальные вопросы гражданского права / под ред. М.И. Брагинского. М. : Статут, 1998. С. 94–95.

В отличие от приведенного мнения, А.Г. Диденко меры оперативного воздействия рассматривал в качестве организационных мер государственного принуждения, целью которых является как осуществление субъективного права, так и устранение последствий его нарушения¹⁰⁶.

Интересен подход Е.В. Вавилина, который рассматривал меры оперативного воздействия в качестве одного из способов самозащиты гражданских прав. Автор указывает, что таковыми являются самостоятельные действия управомоченного лица, которые направлены на предотвращение и ликвидацию нарушенного права¹⁰⁷.

Представляется, что приведенный обзор мнений о понимании мер оперативного воздействия не позволяет определенно отграничить такую юридическую категорию собственно от самозащиты гражданских прав. Очевидно, что реализуемое управомоченным лицом право на отказ от исполнения обязательства в неюрисдикционной форме согласно рассматриваемому обоснованию как раз и представляет собой самозащиту. Следовательно, можно заключить о полном совпадении (тождестве) мер оперативного воздействия и самозащиты, но тогда не ясным останется вопрос об обоснованности выделения такой категории как «меры оперативного воздействия» в принципе.

По мнению иных авторов, в частности С.Н. Веретенниковой, меры оперативного воздействия представляют собой юридические средства охранительного характера. Субъектом применения таких мер является само управомоченное лицо, которое применяет их по отношению к нарушителю его субъективного права, не обращая при этом за защитой к органам государственной власти. Автор подчеркивает при этом, что меры оперативного воздействия, в отличие от, например, способов защиты

---

¹⁰⁶ Диденко, А.Г. Гражданско-правовые формы борьбы с нарушениями хозяйственных договоров : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Алма-Ата, 1971. С. 11.

¹⁰⁷ Вавилин Е. В. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2016. С. 70-71.

гражданских прав, не нацелены на уменьшение имущества правонарушителя¹⁰⁸.

М.С. Карпов рассматривает меры оперативного воздействия в разрезе обязательственных правоотношений: в этом контексте указанные меры представляют собой юридическое воздействие на должника через призму изменения или прекращения договорного правоотношения по причине допущенных должником нарушений гражданско-правового обязательства¹⁰⁹.

М.А. Егорова также указывает, что односторонний отказ от исполнения договора представляет собой меру оперативного воздействия, применяемую к контрагенту в случае нарушения договорных обязательств¹¹⁰.

Исходя из приведенных мнений, следует констатировать, что мера оперативного воздействия представляет собой всегда активное волевое действие управомоченного лица, в отличие от самозащиты гражданских прав, которая может быть реализована в формах действий либо бездействия (о чем упомянуто выше в настоящей работе).

Аналогичного мнения придерживаются В.А. Рыбаков и Н.В. Южанин, утверждающие, что меры оперативного воздействия обладают восстановительным (направленным на восстановление нарушенного права) и обеспечительным (стимулирующим на правомерное поведение) характером. По мнению указанных авторов, меры оперативного воздействия являются односторонними гражданско-правовыми сделками (в смысле, придаваемом ст. 153 ГК РФ), т.е. правомерными юридическими действиями, влияющими на изменение договорного правоотношения, а, следовательно, применение таких мер в форме бездействия не представляется возможным¹¹¹.

---

¹⁰⁸ *Веретенникова, С.Н.* Меры самозащиты в российском гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. С. 17.

¹⁰⁹ *Карпов, М.С.* Гражданско-правовые меры оперативного воздействия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 21.

¹¹⁰ *Егорова, М.А.* Односторонний отказ от исполнения договора по законодательству Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 23.

¹¹¹ *Рыбаков, В.А., Южанин, Н.В.* Реализация охранительной функции гражданского права с применением односторонних правозащитных мер // Юрист. 2017. № 16. С. 16–21.

Тем не менее, встречаются отдельные мнения о возможности применения мер оперативного воздействия и в форме бездействия (пассивного поведения). Так, С.В. Сарбаш при рассмотрении института удержания вещи кредитором утверждает, что такая мера оперативного воздействия, как удержание, по своей форме может обладать пассивным характером (в устной форме или письменной)¹¹².

Вместе с тем из легального определения ст. 359 ГК РФ следует, что кредитор, у которого находится вещь, подлежащая передаче должнику либо лицу, указанному должником, вправе в случае неисполнения должником в срок обязательства по оплате этой вещи, возмещению кредитором связанных с ней издержек и других убытков удерживать ее до тех пор, пока соответствующее обязательство не будет исполнено.

Д.И. Мейер указывал, что правом на удержание является «право владельца чужой вещи не выдавать ее собственнику до исполнения лежащего на нем перед владельцем обязательства»¹¹³.

Следовательно, даже реализуемое право на удержание представляет собой активное действие кредитора, совершающего волевой акт собственно удержания вещи, включающего в себя и прекращение доступа кредитором к такой вещи ее собственника.

Соответствующим образом право на удержание квалифицирует и Б.М. Гонгало, ссылающийся на правомочие на собственные юридические действия регулятивного субъективного гражданского права¹¹⁴.

В.В. Витрянский, в свою очередь, понимает в качестве мер оперативного воздействия «предусмотренные законом односторонние действия кредитора по изменению либо прекращению обязательства»¹¹⁵. В качестве примеров

---

¹¹² Сарбаш, С.В. Право удержания как способ обеспечения исполнения обязательств. М. : Статут, 2003. С. 145.

¹¹³ Русское гражданское право : в 2 ч. по испр. и доп. 8-му изд., 1902 г. Ч. 2 / Мейер Д.И.; редкол.: Ем В.С., Козлова Н.В., Корнеев С.М., Кулагина Е.В., Панкратов П.А., Суханов Е.А. М. : Статут, 1997. С. 265.

¹¹⁴ Гонгало, Б.М. Учение об обеспечении обязательств. Вопросы теории и практики. М. : Статут, 2004. С. 189.

¹¹⁵ Брагинский, М.И., Витрянский, В.В. Договорное право. Общие положения. М. : Статут, 2002. С. 698–702.

рассматриваемых мер ученый приводит односторонний отказ кредитора от исполнения обязательства (отказ от договора), приостановление кредитором исполнения обязательства, удержание кредитором имущества должника, распоряжение кредитором имеющимся у него имуществом должника¹¹⁶.

Как видим из этого определения, ученый не акцентирует внимание на возможности применения мер оперативного воздействия именно в качестве реакции на негативное воздействие на право. Полагаем, такое обстоятельство является не случайным.

Если обратиться к актуальным редакциям положений ст. 309, 310, 450.1 ГК РФ, то следует обратить внимание, например, на то, что право на односторонний отказ от исполнения гражданско-правового обязательства может быть реализовано и в отсутствие какого-либо правонарушения. Такое право может быть реализовано в случаях как определенных договором (но с соблюдением пределов осуществления такого правомочия), так и закрепленных в законе (например, право на безмотивный односторонний отказ заказчика от исполнения договора подряда в порядке ст. 717 ГК РФ).

Следовательно, приведенная мера оперативного воздействия управомоченного лица, влекущая изменение либо прекращение гражданских прав или обязанностей, не связана с наличием (отсутствием) нарушения принадлежащего такому управомоченному лицу права.

Таким образом, меры оперативного воздействия, в отличие от самозащиты гражданских прав, применяются как при наличии правонарушения (в таком случае меры оперативного воздействия полностью совпадают с самозащитой, в связи с чем основания для выделения самостоятельной юридической категории «меры оперативного воздействия» при таких обстоятельствах отсутствуют), так и при отсутствии нарушения права.

---

¹¹⁶ Там же. С. 701.

При подведении итогов изучения соотношения понятий мер оперативного воздействия в гражданском праве и самозащиты гражданских прав, следует констатировать, что меры оперативного воздействия представляют собой действия управомоченного лица, влекущие изменение либо прекращение гражданских прав и обязанностей, реализуемые таким лицом в отсутствие нарушения его права самостоятельно в неюрисдикционной форме.

Далее, рассматривая природу самозащиты гражданских прав, необходимо отметить подход, отраженный в п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25, согласно которому управомоченное лицо, право которого нарушено, может обращаться к самозащите, что, впрочем, не исключает возможности воспользоваться иными способами защиты права, предусмотренными гражданским законодательством.

Следовательно, приведенные разъяснения Пленума, с одной стороны, позволяют определить «самозащиту» как один из способов защиты, поскольку Верховный Суд РФ использует такую категорию наряду с иными способами защиты, предусмотренными ст. 12 ГК РФ. С другой – акцентируется внимание на особом механизме реализации самозащиты, выходящим за пределы судебной либо административной форм, поименованных в ст. 11 ГК РФ.

Отдельные суждения о том, что самозащита реализуется посредством применения определенных различных способов (что, очевидно, подразумевает отграничение самозащиты от категории «способ»), содержатся в научной доктрине. Правда, обоснования такому отграничению авторы не приводят.

Так, Е.Е. Богданова, рассматривая пределы осуществления самозащиты, утверждает, что, осуществляя это правомочие, необходимо действовать добросовестно и разумно. Лицо действует добросовестно, если оно

применяет способы самозащиты, предусмотренные законом, обычаем и договором на установленных в них условиях реализации таких способов. Следовательно, лицо признается действующим недобросовестно, когда применяет непредусмотренные законом, обычаем и договором способы самозащиты либо применяет их с нарушением условий для их реализации (иначе это именуется «извинительная недобросовестность»), а равно использует самозащиту в целях причинения вреда (убытков) другой стороне (неизвинительная недобросовестность)¹¹⁷.

Следует отметить, что в доктрине отдельно акцентируется внимание на таких способах самозащиты гражданских прав, как необходимая оборона и действия в состоянии крайней необходимости. Подобные положения уже известны Германскому гражданскому уложению (далее – ГГУ), § 227 которого закрепляет, что необходимой обороной признается такая защита, которая требуется для отражения непосредственного противоправного нападения на себя либо на другое лицо.

Таким образом, в случае классификации форм защиты гражданских прав по критерию субъекта применения (частное лицо либо компетентный орган), очевидно, что самозащита будет всецело поглощаться неюрисдикционной формой. Думается, уместнее говорить об определении самозащиты не в качестве отдельного самостоятельного способа защиты, используемого наряду с иными способами, указанными в ст. 12 ГК РФ, а в качестве неюрисдикционной формы защиты, включающей в себя многочисленный спектр конкретных способов самозащиты.

В таком случае следует отграничивать способы защиты от способов самозащиты гражданских прав.

При этом виды способов самозащиты могут быть как предусмотренными, так и не предусмотренными законом. К числу первых можно отнести односторонний отказ от договора (ст. 717 ГК РФ), удержание

---

¹¹⁷ Богданова, Е.Е. Добросовестность участников договорных отношений и проблемы защиты их субъективных гражданских прав : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 15.

вещи кредитором (ст. 359 ГК РФ) и пр. В качестве непоименованных в законе широкий спектр всевозможных способов предлагает нам судебная практика. Так, встречаются примеры применения потерпевшей стороной «самостоятельного выполнения работ для устранения недостатков имущества»¹¹⁸, «введение режима ограниченного потребления энергоресурсов»¹¹⁹ и пр.

Отдельно следует отметить, что в указанном разъяснении Верховного Суда РФ констатирована возможность одновременного применения потерпевшим лицом как отдельного способа самозащиты, так и иных способов защиты, предусмотренных законом. Например, в случаях, описанных в п. 3.1 ст. 450.1 ГК РФ, при реализации права на отказ покупателя от договора другая сторона вправе также потребовать возмещения убытков с виновной стороны.

В завершение исследования вопроса о месте самозащиты в системе способов и форм защиты гражданских прав следует констатировать, что категория «самозащита» должна использоваться наряду с «защитой» гражданских прав. Соответственно, для защиты гражданских прав применимы как способы защиты, так и способы самозащиты. Причем допускается одновременное применение способов как защиты, так и самозащиты для более полного достижения целей защиты нарушенных гражданских прав.

При этом в качестве самозащиты гражданских прав следует рассматривать деяния управомоченного лица, направленные на защиту принадлежащих ему гражданских прав и охраняемых законом интересов и реализуемые в неюрисдикционной форме посредством применения способов, предусмотренных законом.

---

¹¹⁸ Постановление 17ААС от 19.11.2019 № 17АП-14962/2019-ГК по делу № А60-3829/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹⁹ Постановление 2ААС от 11.02.2019 № 02АП-10301/2018 по делу № А82-8622/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

Отдельно следует подчеркнуть, что вопрос о возможном выделении самозащиты в качестве отдельного вида охраны гражданских прав поднимался среди ученых. Однако подобная квалификация самозащиты не нашла своей поддержки. Например, Т.Е. Абова критикует научную позицию, обуславливающую самостоятельность самозащиты наряду с защитой гражданских прав¹²⁰. Позицию Т.Е. Абовой разделяет и Е.В. Михайлова, аргументируя свою точку зрения следующим образом: управомоченный субъект, прибегающий к мерам по самозащите гражданских прав, нередко обращается к государственному принуждению, например, в случае списания денежных средств через кредитную организацию в бесспорном порядке¹²¹.

Вместе с тем, полагаем, убедительные аргументы в пользу такого подхода все же не приведены. В частности, не ясным остается вопрос, какое именно государственное принуждение имеет место быть при безакцептном списании кредитной организации денежных средств со счета должника.

Далее, в научной литературе нередко наряду с категорией «форма защиты» учеными используется термин «порядок защиты». Наиболее широко распространенной точкой зрения в доктрине является определение «формы защиты субъективного права» через ее соотношение с категориями «способ защиты» и «порядок защиты» (оба из которых встречаются в законе), а также «средство защиты».

Б.И. Пугинский квалифицирует средства защиты в качестве «иных средств правового обеспечения», понимая под последними установленные законом способы государственно-принудительного воздействия, обеспечивающие пресечение (предупреждение) правонарушений и восстановление в нарушенных правах¹²².

---

¹²⁰ Абова, Т.Е. Избранные труды. С. 753.

¹²¹ Михайлова, Е.В. Процессуальные формы защиты субъективных гражданских прав, свобод и законных интересов РФ (судебные и несудебные): автореф. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 80.

¹²² Пугинский, Б.И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М. : Юридическая литература, 1984.

Иную позицию в этом вопросе занимает Д.М. Чечот, по мнению которого нетождественность обозначенных категорий predetermined следующими обстоятельствами: средства защиты, в отличие от мер защиты, представляют собой первоначальное действие, выполняющее функцию повода для возбуждения производства по делу, тогда, когда меры защиты могут быть квалифицированы в качестве завершающего акта защиты, приводящего к достижению ее цели¹²³.

Нам представляется, что особые отличия «порядка» от «формы», равно как и «средства» от «способа», позволяющие выявить обоснованность подобного отграничения, отсутствуют. В связи с этим такие термины, полагаем, являются синонимами соответственно.

Далее, при изучении категории формы защиты гражданских прав нельзя не отметить особенности процедуры их реализации.

Применительно к соотношению видов форм защиты гражданских прав (напомним, что наиболее исчерпывающая классификация форм позволяет выделить только юрисдикционную и неюрисдикционную формы) нельзя не отметить особенности порядка реализации каждой из форм.

Фактически закон допускает возможность защиты гражданского права посредством применения любой из существующих форм. Однако уже на данной стадии возникает проблема выбора уполномоченным лицом надлежащей формы защиты, использование которой приведет к реальному устранению посягательства на право. Очевидно, что выбор формы защиты является первичным по отношению к выбору конкретного способа защиты, реализуемого уже в выбранной форме.

Итак, следует определиться, должен ли происходить такой выбор формы произвольно (стихийно на усмотрение потерпевшего) либо определенно (в соответствии с конкретными критериями).

---

¹²³ Чечот, Д.М. Указ. соч.

Прежде всего, положения ст. 1 ГК РФ закрепляют свободу поведения субъекта гражданского правоотношения, что означает и свободу выбора формы защиты гражданского права управомоченным лицом.

Вместе с тем нельзя не отметить, что всякая свобода одного всегда ограничивается свободой другого, т.е. имеет границы, позволяющие обеспечить баланс прав и свобод всех субъектов права. А, следовательно, такой выбор формы защиты не должен нарушать права и законные интересы иных лиц, а приводить исключительно к достижению поставленной цели защиты нарушенного права (иными словами, того результата, на который нацелен потерпевший, применяя акт защиты). Именно обязательное установление конкретного итога защиты гражданского права будет, с одной стороны, обеспечивать существование права заинтересованного лица в ненарушенном состоянии, с другой – предотвратит нарушение прав иных участников гражданских правоотношений.

С учетом приведенных критериев, констатация правильного выбора формы защиты гражданского права является основанием для начала дискуссии о надлежащем (ненадлежащем) характере такой формы, а также о правовых последствиях избрания ненадлежащей формы защиты (о чем подробнее будет изложено позднее в настоящей работе).

При подведении итогов исследования, приведенного в настоящем параграфе, представляется возможным сформулировать следующие соображения.

Под формой защиты гражданских прав следует понимать внешнее выражение реализации способов защиты гражданских прав, обусловленное определенным порядком действий субъекта применения способа защиты.

При этом, с учетом квалификации самостоятельного характера самозащиты, уместно отграничить формы защиты от форм самозащиты гражданских прав. При таком подходе защита гражданских прав

осуществляется в судебной и административной юрисдикционных формах (о чем прямо указано в ст. 11 ГК РФ) способами, поименованными в ст. 12 ГК РФ, а самозащита гражданских прав – в неюрисдикционной форме способами, как поименованными, так и непоименованными законом. Самозащита и защита гражданских прав поглощаются охраной гражданских прав.

Соответственно, в качестве самозащиты гражданских прав следует рассматривать деяния управомоченного лица, направленные на защиту принадлежащих ему гражданских прав и охраняемых законом интересов и реализуемые в неюрисдикционной форме посредством применения способов, предусмотренных законом.

От самозащиты следует отграничить меры оперативного воздействия, которыми являются действия управомоченного лица, влекущие изменение либо прекращение гражданских прав и обязанностей, реализуемые таким лицом в отсутствие нарушения его права самостоятельно в неюрисдикционной форме.

Выбор надлежащей формы защиты гражданских прав должен быть обусловлен установлением конкретной цели, ради которой защита собственно применяется.

§ 1.3. Понятие способа защиты гражданских прав

Прежде всего, обратимся к истории цивилистических представлений о способах защиты гражданских прав.

И.А. Покровский отмечал особую ценность защиты нарушенных прав: «Первое, в чем человек нуждается, это, конечно, охрана его самых элементарных благ – жизни, телесной неприкосновенности, свободы»¹²⁴. Гражданское право играет значительную роль в формировании института защиты прав, поскольку оно рассматривает, в свою очередь, «все посягательства на эти блага как гражданский деликт и связывает с ним обязанность возмещения причиненного вреда»¹²⁵.

Отмечая важность защиты гражданских прав, И.А. Покровский также указывал, что «гражданское право исконно и по самой своей структуре было правом отдельной человеческой личности, сферой ее свободы и самоопределения. Здесь впервые зародилось представление о человеке как субъекте права, т.е. представление о личности как о чем-то юридически самостоятельном и независимом даже по отношению к государству и его властям. Раз за человеком признано то или другое субъективное право, он уже занимает определенную позицию по отношению к этим последним, он уже чего-то может требовать от них, он уже известная волевая единица»¹²⁶.

Защита гражданских прав имеет долгую историю развития, начинавшуюся с личной ответственности правонарушителя за свои действия в отношении управомоченного лица в рамках догосударственных образований и ранних государств (например, в Древнем Риме в соответствии с Законами XII таблиц). Впоследствии, с развитием имущественных отношений, появилась имущественная ответственность за различного рода правонарушения и, как следствие, возможность требования имущественной

---

¹²⁴ Покровский, И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 2013. С. 65.

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ Там же. С. 307.

компенсации¹²⁷. Впрочем, в отсутствие желания потерпевшего лица получить имущественную компенсацию либо возможности правонарушителя ее предоставить, последний все так же отвечал своей личностью. Тем не менее подобные формы ответственности, будучи направленными на восстановление положения потерпевшего лица за счет правонарушителя, а также применяемыми по выбору потерпевшего лица, представляли собой прообраз современных способов защиты гражданских прав.

Разработкой концепции способов защиты гражданских прав занимались многие именитые ученые прошлого и настоящего. Как верно отмечает С.А. Краснова, способы защиты гражданских прав имеют исторические корни «в контексте определенного поведения управомоченного лица в связи с нарушением субъективного права определенного вида»¹²⁸.

В настоящем параграфе будет проанализирована история формирования концепции способов защиты гражданских прав в исследованиях древнеримских юристов, дореволюционных и советских российских ученых-цивилистов.

Способы защиты прав в учениях римских юристов

Истоки способов защиты гражданских прав в ее современном понимании находятся в римском частном праве. Согласно воззрениям римских юристов, осуществление субъективных гражданских прав допускалось в двух формах: позитивной и негативной (отрицательной). Позитивная форма осуществления права направлена на его использование для удовлетворения интересов управомоченного лица в форме использования (*ud*) или получения выгоды (*frui*). Негативное осуществление субъективного права могло происходить в форме запрещения (*vetare*) или управления

---

¹²⁷ Теория государства и права / под ред. В.М. Корельского, В.Д. Первалова. М. : Юрайт, 2010. С. 73.

¹²⁸ Краснова, С.А. Теоретические основы классификации гражданско-правовых способов защиты // Российский юридический журнал. 2011. № 2. С. 170.

(imperare), иными словами, в форме отрицания возможности нарушения права.

Римское право воспринимало в качестве способов защиты нарушенных прав:

- 1) самостоятельную защиту прав в форме самообороны, самоуправства и талиона (lex talionis);
- 2) судебную защиту, которая занимала ключевое место в системе защиты прав;
- 3) административную защиту, осуществлявшуюся, как правило, претором путем издания интердикта (interdictum), реституции или восстановления в положении (restitutio in integrum) и т.п.

Самозащита частных прав в значительной степени была основана на способах, которые рассматриваются современным правом, скорее, в уголовно-правовой плоскости. Так, самооборона была основана на применении силы против нарушителя в момент совершения правонарушения. Она была основана на принципе «силу силой отражать позволено, так как это соответствует природе» (vim vi repellere licet – naturae comparatur) (Ульпиан, D. 43.16.1.27). Однако у права на самозащиту существовали некоторые ограничения, например, не допускалось убийство дневного вора, который не оказывал сопротивления при его задержании.

Кроме того, в рамках определенной эпохи римского права в соответствии с законом талиона могло быть осуществлено возмездие. Закон XII таблиц закреплял следующее правило: «Если причинит членовредительство и не помирится [с потерпевшим], то пусть и ему самому будет причинено то же самое»¹²⁹. Впоследствии римское частное право ограничило любое возмездие, позволяя нанести вред лишь в качестве самообороны, но не с целью мщения после окончания посягательства на частные права (Павел Ю. «Комментарии к Сабину», D. 9.2.45.4).

---

¹²⁹ Таблица 8.2 Закона XII таблиц.

Наконец, специфическим способом самозащиты являлось самоуправство (*usurpatio jurisdictionis*), под которым римское частное право рассматривало различные действия кредитора по самостоятельному восстановлению его нарушенных прав. В качестве разновидностей этого способа защиты исторически выделялись:

– наложение руки (*manus injectio*), которое наделяло кредитора властью над должником, например, в случае невозможности должника расплатиться по сделке кабального займа. После того, как договор кабального займа перестал применяться, наложение руки стало применяться в рамках вызова стороны в суд (*in jus vocatio*) и исполнения судебного решения в случае отказа ответчика от добровольного исполнения (*manus injectio iudicati*), а также вне рамок судебного решения (*manus injectio pro iudicato*), например, в случаях просрочки исполнения обязательств должника перед поручителем. Несмотря на то что во времена Римской империи возможность применения этого способа защиты была существенно урезана (так, он мог применяться только в присутствии претора; существовал круг лиц, на которых нельзя было наложить руку), данный способ защиты права в том или ином виде сохранялся до принятия Кодекса Юстиниана. С.А. Муромцев полагал это «редким случаем довольно полного переживания одного из грубейших институтов древности»¹³⁰;

– захват залога (*pignoris capio*). Этот способ защиты был направлен на захват силой какой-либо вещи из имущества должника и мог производиться только в исключительных случаях. Так, например, продавец жертвенного животного, если он не получал покупной цены, мог захватить его; солдат, не получивший жалования, мог удержать его с лиц, обязанных произвести уплату. *Pignoris capio* не требовал присутствия ни претора, ни должника. В позднем римском праве данный способ защиты права был упразднен;

---

¹³⁰ Муромцев, С.А. Гражданское право древнего Рима. М., 2003. С. 88.

– протест против нового строительства (*opens novi nuntiatio*). Данный способ защиты права подразумевал под собой объявление управомоченным лицом, которого не устраивает новое строительство (*opus novum*), изменявшее вид места, частного запрета на такое строительство. Иными словами, этот способ защиты являлся протестом против строительства, который заявлялся хозяину такого строительства. Заявление такого протеста должно было сопровождаться последующим судебным разбирательством в отношении права запрета под угрозой отмены запрета претором. В случае если, вопреки запрету, строительство продолжалось, претор применял восстановительный интердикт.

В классическом римском частном праве применение таких способов самоуправства допускалось в исключительных случаях. Если кредитор самоуправно (без наличия к тому исключительных оснований) захватывал вещь должника, он терял право на эту вещь (а также право на исковую защиту в отношении этого взыскания) и должен был вернуть ее должнику (Каллистрат, D. 48.7.7.5). В дальнейшем к этим последствиям добавилась еще и уплата штрафа в размере стоимости вещи.

Приведенные тенденции свидетельствуют о том, что с развитием римского права возможности самостоятельной защиты гражданских прав были в значительной степени урегулированы и сужены, уступив свое место судебной защите прав. Именно судебная защита, по мнению римских юристов, придавала наличному праву настоящую ценность и завершение. Защита гражданских прав в позднем римском частном праве представляла собой систему исков.

Цельс утверждал, что «иск это не что иное, как право отыскивать в судебном порядке то, что тебе причитается» («*nihil aliud est actio, quam jus, quod sibi debeat, iudicio persequendi*» – D. 44.7.51).

Римскими юристами иск рассматривался в материально-правовом смысле (право лица на предъявление и удовлетворение требования по

существо) и в процессуальном смысле (как непосредственное действие по обращению с иском).

Наличие возможности предъявления иска (*actio*) обуславливало существование субъективного гражданского права, защищаемого государством. Соответственно, справедливо и обратное: наличие субъективного гражданского права означало возможность обращения с предусмотренным магистратским эдиктом иском. В тех случаях, когда материальное право было зафиксировано в законе, однако исков в его защиту предусмотрено не было, данное право являлось «голым» (*nudum jus*). Особенности закрепления способов защиты гражданских прав в римском праве были недостаточный уровень абстракции и указание определенных исков в отношении конкретных видов оснований иска (договоры, причинение вреда, кража и т.д.). Каждый иск при этом обладал определенными характеристиками, которые следовали из классификации исков в римском праве. Так, например, иск из покупки являлся иском, построенным на праве (*in jus concepta*), личным иском (*in personam*), с неопределенной интенцией (*incerta*), доброй совести (*bonae fidei*). Эти признаки исков являются составляющими частями их формул. При этом в рамках каждого из признаков существует дихотомия исков, которая позволяет произвести их классификацию.

По личности правонарушителя римское частное право разделяло вещные (*actiones in rem*) и личные иски (*actiones in personam*). Деление способов защиты на вещные и личные (обязательственные) стало основополагающим в римском частном праве, о чем свидетельствует первоочередное внимание описанию вещных и личных исков в контексте средств защиты частных прав¹³¹. Вещный иск был направлен на обоснование наличия права собственности на вещь либо ее истребование из незаконного

---

¹³¹ Памятники римского права. Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. М., 1997. С. 119.

владения, тогда как личный иск был направлен против второй стороны по контракту либо лица, совершившего правонарушение.

Основанием вещного иска является право лица на вещь (право собственности, право владения), которое обладает абсолютным характером, т.е. подлежит защите против посягательства любого третьего лица, нарушающего право истца, будь то вор, укравший вещь, либо сосед, создающий препятствия в пользовании земельным участком. Учитывая это, в качестве истца по такому иску может выступать любое управомоченное лицо, при этом требование оно может предъявить в отношении любого третьего лица, обладающего фактическим господством над вещью (например, путем применения виндикации – истребования из чужого незаконного владения). И.Б. Новицким и И.С. Перетерским вещные иски рассматривались в качестве способа признания права в отношении определенной вещи¹³².

Когда в римском частном праве закрепился институт ограниченных вещных прав, их обладатели также приобрели право на пользование вещно-правовой защитой.

Ответчиком по вещному иску управомоченного лица (т.е. обладателя вещного права, в том числе ограниченного вещного права) могло стать любое третье лицо, включая собственника вещи¹³³.

Те лица, которые приобретали чужую вещь во временное владение на основании договора (например, договора найма или поклажи), не признавались римским частным правом владельцами вещи. Будучи лишь ее держателями, т.е. лицами, временно владеющими имуществом от чужого имени, такие стороны контракта не имели права воспользоваться ни петиторной, ни посессорной (владельческой) защитой.

---

¹³² Римское частное право: учебник / под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. М.: Юрист, 2004. С. 26–30.

¹³³ Хвостов, В.М. Система римского права. М., 1996. С. 317.

В качестве отдельной формы вещных исков выделялись преюдициальные иски (*actiones praejudiciales*). Их особенность заключалась в том, что они рассматривались «ранее других исков, следующих за ними». В частности, к преюдициальным искам относились иски о признании какого-либо статуса лица (например, законнорожденности), об удостоверении фактических обстоятельств (*praejudicium quanta dos sit* – решение, обязывающее мужа уплачивать определенную денежную сумму за израсходованное приданое в случае развода)¹³⁴. Для этих исков характерно то, что ответчиком являлось любое третье лицо, которое могло отрицать права и не было определено заранее, а также то, что они завершались провозглашением субъективного права истца, причем это было их единственной целью¹³⁵.

Личные иски позволяли управомоченному лицу требовать от правонарушителя исполнения его обязательства, возникшего либо из контракта, либо из деликта (*dare facere praestare oportet*). Личными эти иски назывались, поскольку личность ответчика имела существенное значение: требование могло быть предъявлено к нему и только к нему. Следовательно, личные иски, в отличие от вещных, обладали относительным характером.

По системе права, которая положена в основу иска, иски делились на гражданские (*actiones civiles*) и магистратские (*actiones honorariae*).

В гражданских исках интенции (суть претензий истца) были основаны на норме квинитского права.

Магистратские иски были основаны на праве магистрата (например, преторов и эдилов) разрешать споры. В некоторых случаях могла отсутствовать норма гражданского права, которая регулирует конкретные отношения. В то же время магистрат мог посчитать право требования справедливым и подлежащим защите в судебном порядке. Соответственно,

---

¹³⁴ *Ефимова, В.В.* Догма римского права. СПб. : Книжный магазин А.Ф. Цинзерлинга, бывший Мелье и К°, 1901. С. 218, 242.

¹³⁵ *Гримм, Д.Д.* Лекции по догме римского права. СПб. : Типография Ю.Н. Эрлих, 1914. С. 139.

магистрат мог либо расширить конструкцию гражданского иска, либо создать новую (иск по аналогии, фиктивный иск) для конкретных правоотношений.

К числу магистратских исков относились:

– иски, построенные на факте (*actiones in factum conceptae*).

Мотивировочная часть требования по такому иску должна ссылаться на конкретный факт, который, по мнению истца, является основанием для удовлетворения иска и который подлежит доказыванию (в отличие от гражданских исков, где доказательств требует право истца). Такие иски были положены в основу магистратского права;

– иски, построенные по аналогии (*actiones utiles*). В таких исках претором применялась существовавшая ранее формула гражданского иска для создания новой формулы для конкретного правоотношения, если первоначальная формула его не охватывала;

– фиктивные иски (*actiones ficticiae*). Примером такого иска является так называемый Публицианов иск, который заключался в праве добросовестного приобретателя требовать возврата вещи в том же порядке, как если бы он был собственником в соответствии с гражданским правом.

В зависимости от связанности судьи формулой иска римское частное право разделяло иски строгого права (*actiones stricti juris*) и иски доброй совести (*actiones bonae fidei*). Обе разновидности исков относились к категории гражданских исков.

В случае обращения с иском строгого права судья был связан формулой иска и не мог принимать во внимание сопутствующие обстоятельства, которые не являлись составной частью этой формулы. К искам строгого права относились:

– иск из стипуляции (*actio ex stipulatu*);

– иск об определенной должной сумме (*actio certae creditae pecuniae*);

– иск об определенной вещи (*actio certae rei*). Данным способом защиты можно было воспользоваться в отношении как определенной вещи, так и заменяемых вещей (кроме денежных средств) в заемных обязательствах;

– иск из завещательного отказа (*actio legati*), позволяющий требовать исполнения завещательного отказа за счет наследника.

Иски доброй совести позволяли судье более свободно принимать решение (*ex fide bona*). Целями такого иска являлись выяснение воли сторон контракта и принятие справедливого решения по возникшему спору.

Категория исков доброй совести включала в себя:

– иски из реальных и консенсуальных контрактов (кроме договора займа);

– иск из ведения чужих дел без поручения;

– иск из опеки;

– иск из фидуции, представлявшей собой доверительную передачу заложенной вещи кредитору;

– иск о наследстве, предназначавшийся для требования выдачи наследственной массы в качестве единой вещи (изначально возник в целях удовлетворения интересов казны в отношении выморочного имущества), и ряд других.

В зависимости от цели (либо функции) иска и объема присуждения выделялись иски об искомой вещи (*actiones rei persecutoriae*), штрафные иски (*actiones poenales*) и смешанные иски (направленные на достижение обеих целей одновременно – *actiones mixtae*).

Целью исков об искомой вещи являлось восстановление нарушенной имущественной сферы управомоченного лица – как в рамках обязательств, так и вещных прав. Результатом такого иска являлся либо возврат вещи, включая задолженность, либо присуждение эквивалентной денежной компенсации. К такой категории исков относились виндикация и кондикция.

Соответственно, в отличие от исков об искомой вещи, штрафные иски были направлены на наказание ответчика за совершенный им деликт с помощью гражданско-правового штрафа. Данные иски могли применяться наравне с исками об искомой вещи (например, помимо обращения к виндикации, управомоченное лицо могло потребовать предъявить штрафной иск из кражи). Штрафной характер заключался в повышенном (относительно ущерба) размере штрафа в зависимости от конкретной ситуации (в двойном, тройном или четверном размере). В дополнение к назначению денежного штрафа правонарушитель подвергался также наказанию в форме гражданского бесчестия, что делает этот иск инфамным.

В качестве особой разновидности штрафных исков выделялись популяторные иски (*actiones populares*). Эти иски могли быть предъявлены для защиты от нарушений, не являвшихся опасными для общества или отдельных его представителей и (или) направленными против основ государственного строя, однако затрагивавших интересы римского народа (например, иск об осквернении гробницы, иск о выставленном и подвешенном – в отношении вывески либо иной вещи, которая могла нанести ущерб горожанам). По такому иску управомоченным лицом являлся любой римский гражданин, вне зависимости от того, был ли нанесен непосредственно ему ущерб. Интересно, что изначально в результате удовлетворения популяторного иска штраф выплачивался в пользу истца, а не казны, тогда как в позднем римском праве он стал либо поступать в муниципальную казну, либо распределяться между казной и истцом (D. 29.5.25.2).

Смешанные иски выделялись Гаем и охватывали иски в двойном размере (*in duplum*) против отрицающего свою вину, когда целями иска были и возвращение вещи, и наказание (Gaj. 4.9). Гай относил к таким искам иск об исполнении судебного решения (*actio iudicati*), иск из завещательного отказа (легата), регрессный иск поручителя (*actio depensi*), иск о

неправомерно нанесенном вреде (*actio legis Aquiliae*). В более поздние времена к категории смешанных исков был также отнесен иск из грабежа (*actio vi bonorum raptorum*) несмотря на то, что он предполагал штраф в четырехкратном размере (*in quadruplum*) от стоимости захваченного имущества. Из этого можно сделать вывод, что к категории смешанных исков относились те иски, которые одновременно были направлены как на восстановление имущественной сферы управомоченного лица, так и на привлечение к ответственности правонарушителя, при этом параллельное применение исков об искомой вещи либо штрафных исков не представлялось возможным.

Следующим общим основанием классификации исков являлся срок, в течение которого возможно предъявление иска. По этому основанию иски делились на временные (*actiones temporales*) и вечные (*actiones perpetuae*).

К категории временных исков относились магистратские иски, они могли быть предъявлены в течение ограниченного законом срока (D. 21.1.38). В случае пропуска этого срока права ответчика защищались *annua exsertio*. Ограниченность срока предъявления такого иска первоначально была обусловлена ограниченностью срока полномочий магистрата, ввиду чего иск «жил» лишь определенный период времени, однако с развитием римского частного права магистратские иски были сохранены с целью стабилизации хозяйственных отношений. Концепция временных исков стала прообразом срока исковой давности.

Вечные иски были доступны к предъявлению независимо от времени, которое прошло с момента возникновения основания иска. В постклассический период римского частного права на такие иски распространился общий срок исковой давности, который составлял 30 лет, если более краткий срок не был предусмотрен законом. В отличие от временного иска, «живущего» в течение ограниченного промежутка времени, в случае вечных исков целью введения предельного срока предъявления иска

являлось избежание ситуаций правовой неопределенности (в первую очередь с точки зрения ответчика), которая возникает из-за того, что истец слишком долго медлит с предъявлением иска. После истечения предельного срока право на иск не прекращает своего существования, однако становится *nudum jus*, поскольку истец как бы отказывается от дарованного ему законом права на защиту.

Особой разновидностью исков были кондикционные иски (*condictiones*), требование в рамках которых обладало абстрактным характером, поскольку в них отсутствовала *causa* (обстоятельства, на основании которых у ответчика возникла обязанность перед истцом). Рассматривая такой иск, судья сначала устанавливал наличие обстоятельств, послуживших основанием для предъявления иска, а затем определял, защищается ли такое обстоятельство действующей нормой права. В римском частном праве выделялись следующие разновидности кондикции:

- кондикция об определенной должной сумме (*condictio certae creditae pecuniae*);
- кондикция о возврате определенной вещи или определенного количества заменяемых вещей (за исключением денежных средств) (*condictio certae rei*);
- кондикция о неопределенном действии (*condictio incerti*).

После реформы римского частного права, произведенной Юстинианом, появилась классификация кондикций в зависимости от основания иска, что позволило урегулировать случаи истребования неосновательного обогащения.

Наконец, в зависимости от результата рассмотрения дела, все иски, предусмотренные римским частным правом, можно классифицировать на приводящие к признанию субъективного права либо факта (*pronuntiatio*), приводящие к присуждению ответчика к определенному действию или бездействию в пользу истца (*condemnatio*) и преобразовывающие спорные правоотношения (*adjudicatio*).

Следовательно, в римском частном праве уже содержалась четкая градация форм защиты гражданских прав (административная, судебная, самозащиту), соответствующая современным цивилистическим воззрениям. При этом усматриваются зачатки попытки систематизации возможных способов защиты в рамках судебной формы (регламентирование права на иски по различным критериям). Думается, такие обстоятельства могут быть использованы в качестве базовых элементов при построении современной системы способов защиты гражданских прав.

Особенности развития цивилистических взглядов о способах защиты гражданских прав в дореволюционный период

Одним из ключевых вопросов, рассматриваемых во взаимосвязи с защитой гражданских прав с дореволюционных времен, является государственное либо правовое принуждение, направленное на обеспечение реализации субъективного гражданского права.

Предмет гражданско-правового регулирования охватывает как имущественные, так и личные неимущественные отношения. Участвуя в гражданских правоотношениях, субъекты гражданских прав приобретают субъективные права, исполняют взятые на себя обязанности, а в случае нарушений со стороны других лиц пользуются поименованными в гражданском законодательстве способами защиты гражданских прав для восстановления своей сферы интересов.

Е.Н. Трубецкой утверждает: «право в субъективном смысле представляет собой сферу внешней свободы, очерченную правовыми нормами».¹³⁶ Д.И. Мейер понимает под правом «меру свободы живущего в обществе, в пределах которой он может совершать известные действия»¹³⁷.

Ю.С. Гамбаровым в качестве одной из важнейших составляющих субъективного права рассматривалась возможность его юрисдикционной

¹³⁶ Трубецкой, Е.Н. Энциклопедия права. СПб., 1999. С. 152.

¹³⁷ Мейер, Д.И. Русское гражданское право. Ч. 1. М. : Статут, 1997. С. 222.

защиты, «без которой не существовало бы никакого права»¹³⁸.

Д.И. Мейер также указывает следующее: «всякому праву сопутствует возможность его принудительного осуществления. Этот признак права до того существен, что если нет <...> возможности принудительного осуществления, то нет, собственно, и права. Даже тогда, когда признается за правом возможность принудительного осуществления его, но не всегда, не против каждого другого лица, – даже тогда право становится мнимым, призрачным, ибо охранение дает всю силу праву, а если право обнажено хотя бы с одной стороны, то можно быть уверенным, что оно подвергнется нападению»¹³⁹. Приведенный подход является актуальным и по сей день, найдя свое отражение в трудах современных ученых-юристов¹⁴⁰.

Хотя само понятие «способ защиты гражданских прав» сформировалось в недавнее время, в отечественной правовой науке истоки его исследования можно найти в трудах дореволюционных цивилистов.

К.Н. Анненков отмечал, что защита гражданских прав, а равно устранение препятствий в их реализации могут осуществляться «понудительными способами» как в судебной, так и во внесудебной форме¹⁴¹. Судебная форма охватывала, в частности, подачу иска и возражений на него. К внесудебной форме автор относил самоуправство и самооборону. К.Н. Анненков разделял иск с материально-правовой точки зрения, под которым он понимал «правомочие субъекта права требовать, в случае надобности, судебной защиты для осуществления своего права», и иск с процессуальной точки зрения, который, формально говоря, являлся фактическим обращением в суд с исковым заявлением¹⁴².

---

¹³⁸ Гамбаров, Ю.С. Курс гражданского права. СПб., 1911. Т. 1. Часть общая. С. 380.

¹³⁹ Мейер, Д.И. Там же. С. 224.

¹⁴⁰ См., напр.: Долинская, В.В. Субъективные права, их осуществление и защита // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 11. С. 4.

¹⁴¹ Анненков, К.Н. Начала русского гражданского права. Вып. 1. СПб., 1900. С. 83.

¹⁴² Анненков, К.Н. Система русского гражданского права. Т. I: Введение и общая часть. 2-е изд. СПб., 1899. С. 604.

Обращение с иском в суд, а равно подачу возражений, «объявления о недействительности действий» и иных процессуальных прав рассматривал в качестве формы защиты субъективного гражданского права Ю.С. Гамбаров¹⁴³. Цивилист дал и определение «защиты права», которую он понимает как «восстановление нарушенного права или предупреждение будущего нарушения его»¹⁴⁴.

Забегая вперед, отметим, что констатация превентивной (предупредительной) функции применительно к защите гражданских прав не вполне уместна. Все же сама по себе защита связана с реакцией на уже имеющееся (наличное) негативное воздействие на право субъективное гражданское право.

В.И. Синайский отличает иск от правопритязания в процессуальном смысле. По мнению ученого, правопритязание может быть воплощено посредством использования иных юридических инструментов, помимо иска, и целью его будет требование осуществления третьим лицом каких-либо действий¹⁴⁵.

С точки зрения Г.Ф. Шершеневича, «субъективное право дает возможность его обладателю искать защиты своих интересов у государственной силы»¹⁴⁶. Данный ученый традиционно для своих современников обращался к понятию иска для определения способа защиты права.

И.А. Покровский, в свою очередь, выделял иск, средство судебной защиты и санкцию, различая тем самым само по себе требование и последствие удовлетворения этого требования¹⁴⁷.

---

¹⁴³ Гамбаров, Ю.С. Лекции по гражданскому праву. Часть общая. С. 467.

¹⁴⁴ Там же. С. 754.

¹⁴⁵ Синайский, В.И. Русское гражданское право (Классика российской цивилистики). М. : Статут, 2002. С. 53–54.

¹⁴⁶ Шершеневич, Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.). М. : СПАРК, 1995. С. 90.

¹⁴⁷ Покровский, И.А. Основные проблемы гражданского права. (Классика российской цивилистики). 4-е изд., испр. М. : Статут, 2003. С. 222–223, 240.

Впервые понятие «способ защиты» использовалось Е.В. Васьковским, который отмечал, что от характера субъективных прав (относятся ли они к частным или публичным правам) зависит способ их защиты¹⁴⁸. Справедливым, однако, будет констатация того факта, что понятие «способ защиты» используется у данного ученого в несколько ином значении, нежели привычно современному исследователю. Исходя из контекста, более корректным было бы применение понятия «форма защиты» в силу того, что в данном случае конкретные способы защиты не подразумевались. Позиция Е.В. Васьковского, отражающая «дух» дореволюционных цивилистических изысканий, заключалась в признании иска основной формой принудительной защиты гражданских прав, объединяющей как право на подачу просьбы в суд с целью защиты нарушенных прав, так и непосредственно процессуальное действие подачи просьбы в суд¹⁴⁹.

Еще одним ученым, использовавшим в своих трудах понятие «способ защиты», был С.А. Муромцев. В его представлении, «единственное отличие владения от других прав заключается в том, что способ согласования его защиты со способом защиты других прав отличается некоторым своеобразием... в отдельном случае владение может быть защищено и против собственника»¹⁵⁰. Таким образом, хотя и в контексте конкретного института владения, С.А. Муромцев использовал понятие способа защиты права в смысле, близком используемому в современной науке гражданского права. Однако, несмотря на использование такого понятия, какой-либо дополнительной трактовки со стороны ученого оно не подвергалось. В качестве обобщенной правовой категории, которая охватывает в том числе право на обращение в суд за защитой нарушенного права, С.А. Муромцев также рассматривал иск.

---

¹⁴⁸ *Васьковский, Е.В.* Учебник гражданского права (Классика российской цивилистики). М. : Статут, 2003. С. 48.

¹⁴⁹ Там же. С. 191.

¹⁵⁰ *Муромцев, С.А.* Очерки общей теории гражданского права. Ч. 1. М. : Типография А.П. Мамонтова и К, 1877. С. 135–136.

Из анализа трудов дореволюционных ученых-цивилистов можно сделать вывод, что понятие способа защиты права находилось в зачаточном состоянии и практически не нашло своего отражения в науке гражданского права. Причин этому несколько, одна из которых – незначительное внимание изучению вопросов защиты прав в принципе. Следствием такого недостатка внимания явилась недостаточная разработка таких важных для современной науки категорий, как средство защиты, мера защиты, способ защиты, санкция. Все эти понятия получили лишь поверхностный анализ, который, как правило, осуществлялся в контексте отдельных институтов гражданского права, а не был направлен на разработку комплексных отраслевых категорий.

В гражданском праве Российской империи под целью применения способов защиты гражданских прав понималось восстановление нарушенного права или предупреждение его будущего нарушения¹⁵¹.

Дореволюционные ученые-цивилисты отмечали особое значение судебной формы защиты в современной им системе права, указывая, что самооборона и самоуправство характерны для «первых ступеней культуры», и свое значение они уже утратили в результате усиления государственной власти и «упрочнения гражданского правопорядка»¹⁵². Более того, самоуправство, во-первых, строго запрещалось законодательством Российской империи, а во-вторых, было отнесено к числу уголовно наказуемых деяний (ст. 142 Устава уголовного судопроизводства Российской империи). В то же время имелись некоторые случаи дозволенной внесудебной защиты гражданских прав, в целом схожие с таковыми в позднем римском частном праве. Так, допускалась «законная оборона от насилия» при условии, что она не выходит за пределы, определенные законом (примечание к ст. 690 т. X Свода законов Российской империи).

С учетом этого, характерной чертой большинства дореволюционных трудов являлось значительное внимание, уделяемое понятию иска как

---

¹⁵¹ Гамбаров, Ю.С. Лекции по гражданскому праву. Часть общая. С. 638.

¹⁵² Там же.

основной формы судебной защиты гражданских прав. Понятие иска традиционно разделялось с материально-правовой и процессуально-правовой точек зрения. Некоторыми учеными в качестве элемента иска в широком смысле выделялся также и результат обращения с требованием о защите нарушенного права в суд, который выражался в форме применяемой судом санкции.

Что касается классификации исков, дореволюционное гражданское право восприняло многие способы защиты прав, существовавшие сначала в римском частном праве, а затем – в немецком праве.

По мнению К.П. Победоносцева, «право на вещь (равно как и право семейственное), как только возникло, вполне совершенствуется, входит немедленно в наличное состояние, в котором заключается содержание и цель его. С другой стороны, и обязательство, как только возникло, имеет в прошедшем известный момент своего юридического образования (формации) и представляется совершившимся актом, с которого начинается тоже известное состояние <...> юридического ожидания»¹⁵³. На основании этого можно прийти к выводу, что данный автор считал целью обязательства его исполнение в будущем. Интересно, что К.П. Победоносцев полагал возможным принятие обязательством вида вещного права, поскольку оно «представляется известным состоянием, которое служит предметом права». По мнению данного ученого, «акт обязательства, материальный признак его, доказательство его есть не что иное, как признание и удостоверение такого состояния: и, независимо от иска об исполнении по обязательству, в гражданском праве возможен и употребителен иск о признании такого состояния со стороны обязанного лица – иск, который в строгом смысле имеет свойство не личного, а вещного иска, каковыми считались в римском праве иски, имевшие целью признание известного состояния (*actiones praejudiciales, act. ad esse, ad rem*).

---

¹⁵³ Победоносцев, К.П. Курс гражданского права. Т. I–III. СПб. : Синодальная типография, 1896.

Состояние, соединенное с правом по обязательству, подобно всякому законному состоянию, подобно состоянию владения, имеет право на признание не только со стороны, непосредственно участвующей в обязательстве, но и со стороны всех третьих, сторонних лиц»¹⁵⁴.

К.П. Победоносцев в своих трудах разделял иски о признании и иски о присуждении. В доктрине гражданского процессуального права эти иски обозначаются как «декларативные», поскольку судебные решения по ним не преобразуют никоим образом существующее правоотношение.

В.М. Гордон разделяет все иски (а значит, способы защиты гражданских прав) на иски о подтверждении наличия или отсутствия спорного правоотношения и иски о подтверждении права истца на принудительное исполнение ответчиком его обязанности¹⁵⁵.

В соответствии со ст. 1 Устава гражданского судопроизводства Российской империи основанием обращения в суд с иском является факт нарушения права: «...где нет нарушения права, где для одной стороны не явилось еще право требовать, а для другой стороны не настала еще обязанность исполнять, там не может быть речи об иске. Иск об отвлеченном праве, не сопряженном с требованием исполнения или убытков или восстановления нарушенного права, с точки зрения действующей практики, есть иск мертворожденный. Иск об обязанности ответчика исполнить договор к сроку, предъявленный ранее наступления обусловленного договором срока, есть иск преждевременный. Между тем, жизнь представляет массу случаев, когда сторонам необходимо заранее установить существующие между ними юридические отношения, необходимо авторитетным образом выяснить, существуют ли между ними такие отношения, которые при известных

---

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ Гордон, В.М. Иски о признании. Ярославль, 1906.

условиях создадут на одной стороне право требовать, а на другой – обязанность исполнить требование»¹⁵⁶.

В.И. Синайский полагал возможной защиту прав в судебной и внесудебной форме. Он допускал судебную защиту в отношении «тех юридических отношений, о которых возник спор, из чего следует, что неоспариваемое право не подлежит защите, в частности не подлежат защите так называемые иски о признании права (Feststellungsklage)»¹⁵⁷. В отличие от некоторых других исследователей дореволюционной эпохи, В.И. Синайский негативно оценивал возможность предъявления исков о признании права, отмечая, что «Сенат не только допускает иски о признании при наличии законного интереса, но не требует даже для предъявления иска наличия нарушения правоотношения (достаточно вообще одного фактического несоответствия)»¹⁵⁸. В то же время вывод В.И. Синайского о том, что признание права не требует наличия оспариваемого права, является достаточно спорным.

К.Н. Анненков отмечал, что преюдициальные иски, по общему правилу, являлись недопустимыми, однако, «по верному замечанию Сената (реш. 1895 г., № 6), [к категории таких исков относятся] лишь только требования действительно беспредметные, т.е. требования о признании в наличии только фактических обстоятельств, но никак не требования о признании какого-либо правоотношения несостоявшимся, вследствие установления его без соблюдения указанных законом условий его установления, как, например, требования о признании несостоявшейся компании на акциях, вследствие внесения акционерами указанных в уставе компании взносов без соблюдения [установленных] порядка и условий, на том основании, что такие

---

¹⁵⁶ Обновление гражданского процесса по проекту новой редакции Устава гражданского судопроизводства // Вестник права. Журнал юридического общества при Императорском С.-Петербургском университете. Апрель – май. № 4–5. СПб. : Сенатская типография, 1900. С. 138–139.

¹⁵⁷ *Синайский, В.И.* Русское гражданское право. Вып. I. Общая часть. Вещное право. Авторское право. Изд. 2-е, испр. и доп. Киев : Типо-литография «Прогресс», 1917. С. 129–132.

¹⁵⁸ *Синайский, В.И.* Русское гражданское право. Вып. I. Общая часть. Вещное право. Авторское право. С. 129–130.

требования никак не могут считаться беспредметными, вследствие того, что они по их содержанию суть такие споры о праве гражданском, которые представляются направленными на уничтожение правоотношения, могущего влечь за собой известные юридические последствия и споры»¹⁵⁹.

Закон напрямую предусматривал возможность признания лишь определенных правовых состояний. Порядок производства по таким делам был закреплен в ст. 1346 Устава гражданского судопроизводства Российской империи.

Е.В. Васьковский, в отличие от К.Н. Анненкова, достаточно широко истолковывал данное положение, считая возможным признание прав собственности, владения и некоторых иных путем официального удостоверения существования определенных правоотношений¹⁶⁰.

Данная позиция была основана на существовании общеизвестных в науке гражданского права установительных исков, закрепленных, в частности, в Баденском уставе 1851 г. Целью предъявления установительных исков было не присуждение чего-либо (включая восстановление имущественной сферы) в пользу истца, а официальное признание или удостоверение судом существования определенных гражданских правоотношений или статуса истца. Данные иски также назывались исками «без принуждения» (*actiones sine condemnatione*), или, по аналогии с конструкцией иска в римском частном праве, принудительными, преюдициальными исками (*praejudiciales*), или исками о признании (*Feststellungs, Anerkennungs-klagen*). Е.В. Васьковский относил такие иски к числу охранительных, или предварительных, считая их исками, направленными на простое признание права¹⁶¹.

В отличие от римского частного права, в котором *actiones praejudiciales* были направлены на установление прав состояния, в других зарубежных

---

¹⁵⁹ Анненков, К.Н. Система русского гражданского права. Т. I: Введение и общая часть. СПб., 1899. С. 617.

¹⁶⁰ Васьковский, Е.В. Учебник гражданского процесса. М. : Изд. бр. Башмаковых, 1917. С. 161.

¹⁶¹ Васьковский, Е.В. Учебник гражданского права. Вып. I. СПб. : Тип. контрагентства железных дорог, 1894. С. 156.

правопорядках установительные иски получили несколько иное применение. Они были связаны с так называемым провокационным производством, созданным глоссаторами римского частного права, заключавшимся в наделении истца правом потребовать предъявления иска от ответчика или признания утраты права на иск в связи с непредъявлением требований. Фактически провокационное производство было направлено на понуждение ответчика к предъявлению иска, что нарушало принцип диспозитивности гражданского процесса (*nemo invitus agree cogitur*) и потому было его недостатком. Конструкция установительного иска позволяла избавиться от этого недостатка провокационного производства, поскольку иск о признании наличия либо отсутствия спорного правоотношения напрямую предъявлялся заинтересованным к этому лицом. Установительные иски не были основаны на субъективных гражданских правах, а равно не были направлены на реализацию гражданско-правовых требований. Целью предъявления установительных исков было не «собственно присуждение чего-либо, но только с целью признания со стороны суда какого-либо отношения... когда от такого признания могло зависеть возникновение или прекращение самого какого-либо права, порождаемого этим событием»¹⁶².

Несмотря на то, что отечественный законодатель долго игнорировал установительные иски, данная концепция была воспринята судами Российской империи на практике, о чем свидетельствует «Преображенское дело», в котором город Санкт-Петербург обращался с иском о признании права собственности на Преображенский плац¹⁶³.

Иски о признании впервые были зафиксированы в ст. 1801 Устава гражданского судопроизводства Российской империи (1889 г.). В данной норме было установлено следующее: «К спорам о праве гражданском

---

¹⁶² Анненков, К.Н. Иск и возражение как средства осуществления и защиты гражданских прав // Журнал гражданского и уголовного права. Книга шестая. СПб. : Тип. Правительствующего Сената, 1893. С. 92.

¹⁶³ Гольмстен, А.Х. Юридические исследования и статьи. СПб., 1894. С. 191–216; Первый сборник документов по делу С.-Петербургского городского общественного управления с военным ведомством о Преображенском плаце. СПб., 1887.

относятся и иски о признании существования или несуществования юридического отношения, коль скоро истец в данное время имеет законный интерес в подтверждении сего отношения судом. Иски сего рода предъявляются, по общим правилам о подсудности, тому суду, ведению коего подлежали бы иски о нарушении означенного юридического отношения, а в случае невозможности определить подсудность по цене иска – Окружному суду»¹⁶⁴. Дореволюционная судебная практика исходила из допустимости предъявления исков о признании права по всей территории Российской империи, не ограничиваясь территорией прибалтийских губерний, в рамках которых и были статуированы соответствующие нормы права¹⁶⁵.

В представлении дореволюционных юристов иск о признании права рассматривался как иск, конечной целью которого является подтверждение наличия или отсутствия гражданского правоотношения. Это позволяло устранить неопределенность в таких правоотношениях. Целью применения иска о признании было обеспечение защиты истца против потенциального требования к нему, этот иск рассматривался в качестве предваряющего этапа к иску о присуждении, вытекающему из спорного правоотношения¹⁶⁶.

Ю.С. Гамбаров обращал внимание, что зачастую для защиты гражданских прав может быть использовано множество различных исков, которые применяются по выбору управомоченного лица, конкурируя друг с другом (исключая друг друга). Так, например, в случае, когда лицо отдает внаем вещь, а наниматель не возвращает ее по окончании срока временного пользования, управомоченное лицо могло по своему выбору предъявить *actio locati* (иск локатора, или наймодателя, о возврате вещи), *interdictum uti*

---

¹⁶⁴ Цит. по: *Тютрюмов, И.М.* Устав гражданского судопроизводства. По состоянию на 1 февраля 1912 года. С законодательными мотивами, разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов. 3-е изд. СПб., 1912. С. 1743.

¹⁶⁵ *Гордон, В.М.* Указ. соч. С. XIII.

¹⁶⁶ Обзор мнений по данному вопросу В.М. Гордона, И.Е. Энгельмана, Ю.С. Гамбарова и Е.В. Васьковского в кн.: Хрестоматия по гражданскому процессу / под общ. ред. М.К. Треушников. М. : Городец, 1996. С. 131–138.

possidetis (о предотвращении препятствий во владении), rei vindicatio (виндикационный иск)¹⁶⁷. При этом все иски приводили к одному и тому же результату¹⁶⁸. Учитывая это обстоятельство, представляется возможным утверждать, что структура исков в дореволюционном праве России была чрезвычайно сложной и содержала множество частных способов защиты, что является недостатком в сравнении с системой достаточно абстрактных способов защиты гражданских прав, предусмотренной действующим законодательством.

В дореволюционной цивилистике подчеркивался абсолютный характер вещных прав в сравнении с правами обязательственными: «каждому вещному праву соответствует всеобщая, хотя только и отрицательная обязанность не нарушать его со стороны третьих лиц, и этот всеобщий характер защиты вещных прав дал повод многим юристам называть их абсолютными правами в противоположность релятивным правам, защищаемым не против всех, а только против определенных лиц, куда относятся главным образом обязательственные права»¹⁶⁹. Соответственно, этот характер субъективных гражданских прав обуславливал и характер исков, которые могли быть предъявлены в их защиту: «абсолютное действие иска, активная роль управомоченного лица характеризуют и в настоящее время, если не все, то огромное большинство вещных прав, точно так же, как относительный характер иска и активная деятельность обязанного лица составляют отличительные признаки значительного большинства обязательственных отношений»¹⁷⁰. Кроме того, значение дихотомии между вещными и обязательственными правами и способами защиты подчеркивалось и в связи с тем, что «вещные и обязательственные права производят необходимо вещные и обязательственные иски: одно условливает другое, так что, если мы встретим где-нибудь систему права, основанную на

---

¹⁶⁷ Там же. С. 417.

¹⁶⁸ Там же. С. 418.

¹⁶⁹ Там же. С. 436.

¹⁷⁰ Там же. С. 442.

противоположении вещных и обязательственных отношений, то и система исков должна быть также разделена на вещные и обязательственные, – так же, как, если мы, наоборот, встретимся где-нибудь с системой исков, основанной на этом же противоположении, то мы должны необходимо заключить и о существовании различия между вещными и обязательственными правами»¹⁷¹. В то же время некоторым недостатком гражданского законодательства признавалось то, что оно в общих нормах закрепляло именно обязательственные иски, хотя было бы более правильным поддерживать деление на иски вещные и личные, как это было предусмотрено римским правом. Структура гражданского законодательства в некоторой степени объединяла обязательства и договоры, использовала их в синонимичном смысле, в то время как в законодательстве также предусматривались и иски из недоговорных обязательств, т.е. иски из обязательств, возникающих из закона, из духовного завещания, из квазиконтракта, из возмещения вреда¹⁷². Итак, основной классификацией исков в гражданском праве Российской империи было их подразделение на иски вещные и личные (обязательственные).

Особенностью вещных прав (в частности, права собственности) было то, что они защищались, во-первых, владельческими исками (*interdicta possessoria*), во-вторых, исками, свойственными исключительно вещным правам (например, *actio rei vindicatio*). Классическая конструкция виндикационного иска была закреплена ст. 691 т. X Свода законов Российской империи, в соответствии с которой «каждый имеет право отыскивать свое имущество из чужого неправильного владения». Данному праву корреспондировала предусмотренная ст. 609 т. X обязанность каждого, владевшего имуществом незаконно, возвращать находившееся в его владении имущество его настоящему хозяину. Интересно, что предъявление виндикационного иска, по мнению многих выдающихся ученых

---

¹⁷¹ Гамбаров, Ю.С. Лекции по гражданскому праву. Часть особенная. Вещное право. 1896–97 гг. С. 28.

¹⁷² Анненков, К.Н. Система русского гражданского права. Т. I. С. 618.

дореволюционной эпохи, в частности, Г.Ф. Шершеневича, допускалось в отношении любого владельца, будь то добросовестный или недобросовестный приобретатель¹⁷³. Однако К.Н. Анненков считает такую позицию по меньшей мере спорной и противоречивой¹⁷⁴.

Помимо этого, права собственника защищались и возможностью предъявления негаторного либо запретительного иска (*actiones negatoria* и *prohibitoria*). Так, ст. 574 т. X Свода законов Российской империи предусматривала право требовать вознаграждение за «всякий ущерб в имуществе и причиненные кому-либо вред или убытки». К.Н. Анненков полагает, что данная норма подлежит расширительному толкованию и употреблению «в тех именно случаях, когда право собственности нарушается посторонним лицом не завладением вещью или ее удержанием, а каким-либо другим способом, т.е. или посредством такого фактического воздействия на нее, которым причиняется ей ущерб, или посредством поставления таких препятствий собственнику ее в осуществлении его права собственности на нее, которые причиняют ему вред или убытки»¹⁷⁵. Следует отметить, что указанные вещные способы защиты прав в значительной степени унаследованы действующим гражданским законодательством России.

Гражданское законодательство Российской империи наделяло правом на защиту также и владельца вещи. Так, ст. 29 Устава гражданского судопроизводства предусматривала возможность предъявления иска о восстановлении нарушенного владения имуществом, насильно отнятым или самовольно, т.е. против воли владельца, изъятого из владения. Владельческие иски могли предъявляться против любого лица, захватившего или нарушившего владение имуществом, находящимся у его обладателя, включая даже собственника имущества. Соответственно, для обращения с таким иском необходимо было одновременное наличие двух фактов: состояния

---

¹⁷³ Шершеневич, Г.Ф. Учебник русского гражданского права, изд. 1. Казань, 1894. С. 161.

¹⁷⁴ Анненков, К.Н. Система русского гражданского права. Т. II. Права вещные. 2 изд. СПб., 1895. С. 284–285.

¹⁷⁵ Там же. С. 283.

имущества до его захвата в действительном владении и нарушения владения ответчиком. По своей правовой природе эти иски были близки к существовавшим в римском частном праве владельческим интердиктам *recuperandae possessionis*, хотя и не совпадали с ними в полной мере.

Некоторое внимание в дореволюционной литературе уделено искам в защиту права на чужую вещь, или ограниченных вещных прав, в частности, прав на сервитуты. В гражданском законодательстве Российской империи возможностью применения вещно-правовых способов защиты, по общему правилу, наделялся только собственник имущества. К.Н. Анненков, однако, считал, что у носителя ограниченного вещного права все же наличествует возможность предъявлять иск, схожий с вещным иском, предусмотренным римским частным правом, делая такой вывод из общих правил о судебной защите.

Несмотря на то, что возможность применения вещно-правовых способов защиты в отношении ограниченных вещных прав напрямую не была зафиксирована в законе, она вытекала из положений ст. 691 и 693 т. X Свода законов Российской империи. В частности, такие иски могли быть выражены в форме требования управомоченного лица о выдаче ему вещи, обремененной его правом, если обладание этой вещью необходимо для осуществления этого права, либо о признании за управомоченным лицом такого права (например, ответчик по иску об установлении сервитута мог оправдывать нарушение прав истца своими правами на вещь). При этом отсутствовала необходимость в обращении с отдельным требованием о признании права, если ответчик не оправдывал свое нарушение какими-то причинами, основанными на праве, вследствие отсутствия спора о его праве на сервитут. Бремя доказывания нарушения права конкретным ответчиком, а также факта того, что истец является управомоченным лицом, возлагалось на истца. Такие иски могли быть предъявлены только лицом, обладающим ограниченным вещным правом, в отношении любого лица, его

нарушившего¹⁷⁶. Ограниченные вещные права могли быть защищены также исками об устранении препятствий в осуществлении права и исками о возмещении убытков.

Контрагенты собственника по договору, такие как арендатор, наниматель имущества, имели право лишь на владельческую защиту. При этом в качестве надлежащего ответчика рассматривалось только третье лицо, но не собственник, от нарушений со стороны которого, по всей вероятности, надлежало защищаться обязательственными способами защиты прав.

В случае неисполнения по договорам и обязательствам, а также «в случае обид, ущербов и убытков... в случае нарушения права истца на личную и имущественную неприкосновенность» (ст. 693 т. X Свода законов Российской империи) управомоченное лицо могло предъявить иск, направленный на восстановление этих прав.¹⁷⁷ К.Н. Анненков пишет, что «постановлено, во-первых, в статье 570 общих правил – „О праве по обязательствам“, что всякий договор и всякое обязательство в случае неисполнения производят право требовать от лица обязавшегося удовлетворения во всем том, что постановлено в них, и во-вторых, в статье 573 общих правил – „О праве вознаграждения за понесенные вред и убытки“, что всякий ущерб в имуществе и причиненные кому-либо вред и убытки налагают обязанность доставлять вознаграждение»¹⁷⁸. Анализ т. X Свода законов Российской империи демонстрирует, что такие иски применялись как в случаях неисполнения обязательства, так и в случае ненадлежащего исполнения (продажа некачественного товара, содержащего скрытые недостатки, просрочка исполнения обязательств и пр.). Следовательно, можно сделать вывод, что к числу наиболее широко распространенных обязательственных исков, в частности, относились иски об исполнении

---

¹⁷⁶ Анненков, К.Н. Система русского гражданского права. Т. II. С. 485.

¹⁷⁷ Анненков, К.Н. Система русского гражданского права. Т. I. С. 615.

¹⁷⁸ Анненков, К.Н. Система русского гражданского права. Т. III: Права обязательственные. СПб., 1898. С. 133.

обязательства в натуре, иски о возмещении вреда и убытков. Иски о возмещении убытков также сопутствовали искам о правонарушении.

При этом следует принять во внимание, что положения как ст. 691 т. X Свода законов Российской империи, регулировавшей вещные иски, так и ст. 693 т. X Свода законов Российской империи, регулировавшей личные (обязательственные) иски, не содержали исчерпывающего перечня таких исков.

Другая классификация исков, также сохранившаяся со времен римского частного права, подразделяла все иски на иски о восстановлении нарушенного положения соответственно праву истца (*rei persecuendae causa*), штрафные иски (*poenae persecuendae causa*), а также смешанные иски (хотя во времена Российской империи речь, скорее, шла о совокупности этих исков, а не о едином смешанном иске)¹⁷⁹.

Кроме того, выделялась самостоятельная категория отрицательных исков, или исков о недействительности и уничтожении юридических актов (аналог римских исков *restitutio in integrum*). Так, например, ст. 1382–1383 т. X Свода законов Российской империи предусматривали возможность признания недействительным договора купли-продажи, ст. 2014 допускала возможность «уничтожения» договора займа по причине его безденежности, ст. 219–220 регулировали иски о недействительности иных договоров. Нетрудно провести параллель с современным законодательством, в котором отрицательные иски превратились в такие способы защиты гражданских прав, как признание оспоримой сделки недействительной и применение последствий ее недействительности, применение последствий недействительности ничтожной сделки; признание недействительным решения собрания; признание недействительным акта государственного органа или органа местного самоуправления.

---

¹⁷⁹ Анненков, К.Н. Система русского гражданского права. Т. I. С. 618–619.

Законодательству Российской империи также была известна концепция погасительной исковой давности, которая, по общему правилу, составляла 10 лет с момента возникновения основания иска, однако для определенных категорий гражданских правоотношений были предусмотрены сокращенные сроки (ст. 694 т. X Свода законов Российской империи). Концепция погасительной исковой давности, как и в античные времена, представляла собой прекращение права на иск вследствие наступления двух условий: истечения предусмотренного законом срока и неосуществления права на предъявление иска¹⁸⁰. В то же время специфического разделения на временные и постоянные иски она не создавала.

Таким образом, в цивилистической доктрине Российской империи в качестве способов защиты признавались все иски, известные со времен римского частного права, за исключением преюдициальных исков. Вместе с тем возможность предъявления исков о признании права в достаточно узком спектре правоотношений все же существовала.

Помимо исков, специфическим способом защиты гражданских прав, принятым в гражданском законодательстве Российской империи, были возражения (*exceptiones*). Целью возражений являлось «лишить силы» или «ослабить» притязания истца. Возражение фактически представляло собой право на требование отклонения иска путем представления доказательств, опровергающих исковые требования. Возражения могли быть положительными (отрицание требования по существу) или отрицательными (отрицание существования основания иска). Возражения, как и иски, могли быть вещными (против любого лица) и личными (против определенного лица, например, в рамках обязательственных правоотношений)¹⁸¹.

Возражения включали в себя возможность доказывания непосредственного отсутствия права со стороны истца – прямое средство защиты; а также предъявление встречного иска, возражение против

---

¹⁸⁰ Васильковский, Е.В. Учебник гражданского права. Вып. I. С. 162.

¹⁸¹ Анненков, К.Н. Начала русского гражданского права. С. 97–98.

фактических или юридических оснований иска (в том числе подача отвода, возражения об исковой давности, о неподсудности) – косвенные средства защиты (ст. 324, 333 и др. Устава гражданского судопроизводства). Кроме того, ответчик мог утверждать о преждевременности предъявленного к нему требования, не затрагивая вопрос наличия оснований для предъявления иска, а равно не оспаривая права истца. Кроме того, ответчику предоставлялось право на возражение против иска о нарушении владения вещью в случаях, если истец владел вещью «неправильно» по отношению к ответчику, с правом последующего требования признания права владения за ним. Таким образом защищалось «будто бы принадлежащее [ответчику] право»¹⁸².

Анализ приведенного выше материала позволяет утверждать, что дореволюционными цивилистами была выявлена проблематика применения многих способов защиты гражданских прав. Их исследования в дальнейшем легли в основу взглядов советских и современных российских ученых-юристов, став связующим звеном между наследием римского частного права и современным гражданским правом, что только подтверждает актуальность их трудов для исследования способов защиты гражданских прав.

В дореволюционной доктрине велась полемика по ряду актуальных и на сегодня вопросов, к которым относились условия и основания для применения отдельных способов защиты гражданских прав, их разграничение. В то же время нельзя не отметить то обстоятельство, что никем из цивилистов той эпохи не предпринималась попытка комплексного изучения определения и проблематики способов защиты гражданских прав. Безусловно, это было обеспечено и отсутствием в Своде законов Российской империи норм общего характера, подобных сегодняшним ст. 11–16 ГК РФ. Иными словами, регулирование общественных отношений в сфере защиты прав носило точечный, казуальный характер, рассматривалось в контексте отдельных категорий субъективных гражданских прав и гражданских

---

¹⁸² Там же. С. 567.

правоотношений. В значительной степени наблюдалось смешение материального и процессуального права, поскольку практически все способы защиты гражданских прав охватывались исками и возражениями, заявляемыми в суде. В то же время нельзя не отметить, что некоторые общие концепции и классификации исков, заложенные в цивилистике римскими юристами, были успешно изучены и модернизированы в соответствии с современным для дореволюционных юристов обществом и государством.

Выводы относительно отдельных категорий способов защиты гражданских прав, изложенные юристами дореволюционного периода, послужили базой для развития и формирования взглядов на определение способа защиты гражданских прав и систему таких способов. Разработка этих категорий в дальнейшем наблюдается в доктрине советского периода.

Анализ представлений о способах защиты гражданских прав в советский период

Советские исследователи в сфере гражданского права развили учения о субъективном праве, существовавшие в дореволюционной России. Так, М.М. Агарков полагал правильным определение субъективного права через возможность привести в действие аппарат государственного принуждения¹⁸³.

С.Н. Братусь дал актуальное и на сегодняшний день определение субъективного права как меры возможного поведения управомоченного лица, обеспеченной законом и поведением обязанного лица¹⁸⁴. Развивая предложенную данным ученым концепцию субъективного права, В.П. Грибанов рассматривал в качестве субъективного гражданского права «дозволенную законом меру возможного поведения управомоченного лица»¹⁸⁵.

Несколько иную позицию занимал О.С. Иоффе, который видел в

---

¹⁸³ Теория государства и права. М., 1948. С. 481.

¹⁸⁴ Братусь, С.Н. Субъекты гражданского права. М.: Госюриздат, 1950. С. 10–13.

¹⁸⁵ Грибанов, В.П. Осуществление и защита гражданских прав. Изд. 2-е, стереотип. М.: Статут, 2001. С. 292.

субъективном праве «средство регулирования поведения граждан, не противоречащего интересам государства»¹⁸⁶. Своим определением автор в какой-то степени «размыл» границы между субъективным и объективным гражданским правом, в силу чего данная концепция, очевидно, не получила широкого распространения в доктрине.

Возможность реализации субъективного гражданского права не является неограниченной. В.П. Грибанов выявил существование достаточно строгих пределов осуществления таких прав, которые он назвал как «границы реализации возможностей [составляющих содержание субъективного права], которые предоставлены лицу»¹⁸⁷. Такие пределы могут носить как общий характер, т.е. существовать или следовать из общих положений и существа правовой системы либо по меньшей мере отдельной отрасли права, так и частный характер, т.е. применяться лишь в рамках отдельной сферы общественных отношений (например, отношений в сфере предпринимательской деятельности). На примере современного законодательства к общим пределам можно отнести недопустимость нарушения прав и законных интересов третьих лиц, недопустимость злоупотребления правом, предусмотренную п. 1 ст. 10 ГК РФ. При этом частным пределом, по всей вероятности, могут быть и особые случаи злоупотребления правом, например, антимонопольные запреты, предусмотренные Федеральным законом от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции»¹⁸⁸.

Эффективная реализация субъективных гражданских прав в заданных пределах, что прямо следует из определения, обеспечивается государством, путем, в частности, принятия мер юридического, экономического, организационного, институционального характера¹⁸⁹.

---

¹⁸⁶ Иоффе, О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву. Л., 1955. С. 55.

¹⁸⁷ Грибанов, В.П. Советское гражданское право : в 2 т. / отв. ред. В.П. Грибанов, С.М. Корнеев. Т. 1. М., 1979. С. 279.

¹⁸⁸ СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3434.

¹⁸⁹ Носов, С.И. О защите прав акционеров // Законодательство. 2001. № 1.

Организационные меры охватывают правоустановление, правоприменение, в том числе применение мер государственного принуждения¹⁹⁰. Организационные меры служат инструментом для претворения в жизнь юридических мер, в частности, направленных на «защиту» и «охрану» гражданских прав.

Многие исследователи советской эпохи, вслед за цивилистами дореволюционной России, рассматривали право притязания в качестве элемента субъективного гражданского права¹⁹¹. Признавалось, что субъективное гражданское право состоит из нескольких правомочий (элементов), к которым, в частности, относится право на защиту, т.е. на применение управомоченным лицом особых мер, направленных на пресечение действий, нарушающих (оспаривающих) право, и на его восстановление. Например, В.П. Грибанов выделял в составе субъективного права три правомочия: «право на свои действия», «право на чужие действия» и «право на защиту»¹⁹². Соответственно, способом защиты права и является такая санкционированная законом мера, направленная на прекращение нарушения права и оказание того или иного воздействия на правонарушителя. Корни позиции, отождествляющей право на защиту и право притязания, как отмечает О.М. Родионова, обнаруживаются в учении немецких пандектистов¹⁹³.

В то же время некоторые авторы рассматривали право на защиту как отдельное субъективное право, которое появляется у управомоченного лица в момент нарушения или оспаривания субъективного гражданского права и

---

¹⁹⁰ *Долинская, В.В.* Предпринимательское право: учебник. 2-е изд., изм. и доп. М., 2004. Разд. 2.2.

¹⁹¹ *Алексеев, С.С.* Общая теория права. М., 1982. С. 118; *Гревцов, Ю.И.* Очерки теории и социологии права. СПб., 1996. С. 63; *Матузов, Н.И.* Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права. Саратов, 1972. С. 100.

¹⁹² *Грибанов, В.П.* Осуществление и защита гражданских прав. С. 75.

¹⁹³ *Родионова, О.М.* К вопросу о природе защиты гражданских прав // Вестник арбитражной практики. 2016. № 6. С. 66.

может быть реализовано в пределах появляющегося в связи с этим охранительного гражданского правоотношения¹⁹⁴.

Вне зависимости от того, чья позиция относительно субъективного права является верной, право на защиту всегда реализуется через право на иск либо на совершение одностороннего действия, иными словами, через правомочие требования и правомочие на совершение допускаемых законом действий самим управомоченным лицом.

М.М. Агарков определял право на иск следующим образом: «Каждое гражданское право включает правомочие на его осуществление помимо и против воли другой стороны, т.е. в принудительном порядке. Правомочие осуществить гражданское право в отношении определенного лица помимо и против воли последнего называется правом на иск в смысле гражданского права или правом на иск в материальном смысле (в противоположность праву на иск в процессуальном смысле, т.е. праву на судебную защиту). Право на иск в материальном смысле является составной частью того или иного гражданского права: права собственности, права требования из займа...»¹⁹⁵.

М.А. Гурвич рассматривал право на иск как специфическое состояние субъективного гражданского права, которое наделяет управомоченное лицо возможностью это право принудительно осуществить в отношении обязанного лица¹⁹⁶. Право на иск в его представлении, таким образом, является не каким-то новым, отдельно существующим субъективным правом, возникающим на основе существовавшего ранее права, а является собой то самое субъективное право, «созревшее» для его принудительного осуществления¹⁹⁷. Однако такая трактовка вряд ли применима для вещных прав, поскольку виндикационное требование с уверенностью можно назвать отличающимся от принудительно осуществляемого права собственности по

---

¹⁹⁴ *Курылев, С.В.* О структуре юридической нормы // Труды Иркутского университета. 1958. С. 109.

¹⁹⁵ Гражданское право / под ред. М.М. Агаркова и Д.М. Генкина. М., 1944. С. 112.

¹⁹⁶ *Гурвич, М.А.* Право на иск. М. : Изд. АН СССР, 1949. С. 142–145.

¹⁹⁷ Там же.

содержанию и адресатам. Достаточно сложно эту позицию распространить и на обязательственные правоотношения, поскольку вследствие нарушения договора должником кредитор может применить несколько способов защиты гражданских прав (присуждение к исполнению обязанности в натуре, расторжение договора, возмещение убытков), каждое из которых не будет совпадать с нарушенным субъективным гражданским правом.

О.С. Иоффе определял право притязания как продолжение права требования, которое, в свою очередь, рассматривалось в качестве одного из ключевых элементов субъективного гражданского права. Именно понимание права притязания в таком ключе стало первопричиной определения права на защиту в качестве самостоятельного правомочия в структуре субъективного гражданского права¹⁹⁸.

В советской науке гражданского права был поднят важный дискуссионный вопрос: право на защиту относится к материальному или же к процессуальному праву? Так, В.С. Ем указывал, что защита гражданских прав не обладает принудительным характером, поскольку иное переводило бы практическую реализацию способов защиты права и следующих за этим санкций (применение которых зачастую является конечным этапом реализации права на защиту) в сферу принудительного взыскания, следовательно, в область применения гражданского процессуального законодательства¹⁹⁹. О.Э. Лейст также полагал, что признание принудительного характера права на защиту влечет невозможность отнесения такой защиты к области материального права, поскольку его реализация производится путем административных либо процессуальных механизмов принуждения²⁰⁰.

Однако приведенная точка зрения разделялась не всеми исследователями, поскольку защита гражданских прав, как правило,

---

¹⁹⁸ Алексеев, С.С. Общая теория права. М., 2008. С. 366.

¹⁹⁹ Ем, В.С. Категория обязанности в советском гражданском праве (Вопросы теории) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1981. С. 117.

²⁰⁰ Лейст, О.Э. Санкции в советском праве. М., 1962. С. 26.

невозможна без обращения с иском в суд и (или) с заявлением в другие государственные органы, которые обладают правом принуждения. В контексте этого способа (или меры) защиты гражданских прав понимались Ю.Г. Басиным как меры, прямо опирающиеся на государственное принуждение²⁰¹. Данная точка зрения подтверждается определением принуждения, данным О.А. Лейстом: это «ограничение прав и свобод личности, возложение на лицо правовых ограничений и обязанностей, отличных от обычных»²⁰².

В.А. Тархов делает вывод о том, что «субъекты гражданских отношений равноправны, однако правонарушитель и потерпевший юридически не равны»²⁰³, что и обуславливает возможность реализации способов защиты прав. В то же время вопрос неравенства правонарушителя и потерпевшего является достаточно спорным, поскольку данным исследователем недостаточное внимание уделяется следующим обстоятельствам:

– право на защиту гражданских прав реализуется путем обращения в адрес нарушителей права, которые находятся в равном положении с потерпевшим лицом, суд либо государственный орган не является адресатом этого права, он служит лишь в качестве средства его реализации²⁰⁴;

– требование о защите прав не имеет насильственного характера, что само по себе соответствует принципу равноправия субъектов гражданских прав²⁰⁵.

Согласно Н.И. Матузову, возможность юрисдикционной защиты заключается в праве управомоченного лица прибегнуть к мерам

---

²⁰¹ Басин, Ю.Г. Основы гражданского законодательства о защите субъективных гражданских прав // Проблемы применения Основ гражданского законодательства и Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик. Саратов, 1971. С. 34.

²⁰² Лейст, О.Э. Проблемы принуждения по советскому праву // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11: Право. 1976. № 4. С. 18.

²⁰³ Тархов, В.А. Гражданское право: Общая часть. Чебоксары, 1997. С. 263.

²⁰⁴ Кархалев, Д.Н. Содержание охранительного правоотношения в гражданском праве // Российский судья. 2008. № 8. С. 27.

²⁰⁵ Касьянов, В.В., Нечипуренко, В.Д. Социология права. Ростов н/Д, 2001. С. 335.

государственного принуждения²⁰⁶. Право на обращение к механизму государственного принуждения в данном контексте рассматривается не иначе как вызванное необходимостью обеспечения возможности требования определенного поведения от других участников гражданского оборота в целях реализации возможного (например, предусмотренного обязательством) поведения обладателя субъективного гражданского права²⁰⁷.

В трудах В.П. Грибанова особую роль в защите гражданских прав занимают закрепленные в Основах гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, утвержденных Законом СССР от 8 декабря 1961 г.²⁰⁸ (далее – Основы гражданского законодательства), «государственно-принудительные меры», применяемые с целью защиты права²⁰⁹. Ученый также отметил, что перечень государственно-принудительных мер, закрепленных в ст. 6 Основ гражданского законодательства, не является исчерпывающим, поскольку могут быть применены иные способы защиты гражданских прав, такие как раздел общего имущества супругов в судебном порядке, перевод на сособственника прав и обязанностей покупателя и др.²¹⁰ Таким образом, В.П. Грибанов использовал понятие «способ защиты права» в его современном значении, т.е. как разновидность меры государственного принуждения, направленной на защиту нарушенных прав.

О.С. Иоффе рассматривал в качестве «существенной особенности правоотношения» его обеспеченность мерами государственного принуждения, наличие защиты со стороны государства. В дополнение к этому данный цивилист указал: «Соответствующие меры защиты обеспечивают также осуществление гражданских правоотношений, реализацию гражданских прав и исполнение гражданско-правовых

---

²⁰⁶ Матузов, Н.И. О праве в объективном и субъективном смысле: гносеологический аспект // Известия вузов. Правоведение. 1999. № 4. С. 138.

²⁰⁷ Александров, Н.Г. Законность и правоотношения в советском обществе. М., 1955. С. 108–109.

²⁰⁸ Ведомости ВС СССР. 1961. № 50. Ст. 525; подробнее см.: Венедиктов, А.В. Гражданско-правовая охрана социалистической собственности в СССР. М. ; Л., 1954. С. 93–94.

²⁰⁹ Грибанов, В.П. Осуществление и защита гражданских прав. С. 304, 305.

²¹⁰ Там же.

обязанностей. При этом самые способы защиты, предусмотренные нормами гражданского права, обладают своей спецификой и отличаются от тех мер, которые в целях охраны признаваемых советским законом прав и интересов предусматриваются другими отраслями права»²¹¹.

По мнению В.А. Тархова, для применения способов защиты гражданских прав необходимо, чтобы имело место реальное нарушение субъективного права или хотя бы угроза такового. Практическая реализация способов защиты субъективного права обеспечивается за счет государственного принуждения, т.е., как указывает данный исследователь, она основана на «действиях органов государственной власти, государственного управления или общественной организации по принудительному осуществлению прав субъекта либо ограждению его от неправомерных посягательств»²¹².

Позиция о схожем статусе мер государственного принуждения в гражданском праве и способов защиты субъективных гражданских прав нашла свое отражение, в частности, в работах В.П. Грибанова²¹³, В.Ф. Яковлева²¹⁴ и др.

Утверждение Д.И. Мейера о том, что возможность принудительного осуществления является одним из основных признаков права, также нашло свое отражение в трудах Н.А. Баринова²¹⁵, Л.Л. Попова²¹⁶, В.В. Серegiной²¹⁷ и других известных ученых.

Таким образом, государственное принуждение представляет собой в некотором смысле форму, через которую могут быть реализованы способы защиты права. Данная позиция прослеживалась и в науке, особенно в

---

²¹¹ Иоффе, О.С. Советское гражданское право (курс лекций). Общая часть. Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1958. С. 76–77.

²¹² Тархов, В.А. Советское гражданское право. Ч. 1. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1978. С. 107–108.

²¹³ Грибанов, В.П. Осуществление и защита гражданских прав. С. 292.

²¹⁴ Яковлев, В.Ф. Принуждение в гражданском праве // Проблемы современного гражданского права. М., 2000. С. 210–222.

²¹⁵ Баринов, Н.А. Права граждан по договору бытового заказа и их защита. Саратов: Изд-во СГУ, 1973. 162 с.

²¹⁶ Попов, Л.Л. Убеждение и принуждение. М.: Юридическая литература, 1968. 198 с.

²¹⁷ Серегина, В.В. Государственное принуждение по советскому праву. Воронеж, 1991. 88 с.

процессуальном праве²¹⁸.

В цивилистических исследованиях советской эпохи значительное внимание стало уделяться вопросам юридической ответственности, в рамках которых современному понятию способа защиты права наиболее близким являлось понятие санкции. Так, М.М. Агарков отождествлял понятия «мера», «средство», «санкция», не используя при этом понятия «способ защиты». Ученый отмечал, что следствием неисполнения обязательства стороной является применение установленных законом санкций²¹⁹.

Схожий смысл санкциям придавал и О.А. Красавчиков, понимавший под ними фактически обеспеченные принуждением механизмы защиты права. Цивилист определял санкцию как «установленную законом меру имущественных или иных правовых невыгодных для лица последствий, которая применяется к нему в случае несоблюдения предписаний закона, невыполнения принятых обязательств, причинения вреда или при наличии иных, предусмотренных законом, оснований»²²⁰.

Г.Я. Стоякин устанавливал прямую взаимосвязь между санкциями, мерами и средствами защиты, отмечая, что «[они] пронизывают всю систему гражданско-правовых средств защиты, в том числе и меры воздействия, не относящиеся к ответственности, – меры защиты»²²¹.

По мнению С.С. Алексеева, «если главная функция юридической ответственности – штрафная – то функция мер защиты сводится к восстановительным задачам, к тому, чтобы обеспечить исполнение юридической обязанности, защиту права». Ученый различал юридическую ответственность, целью которой является «нравственно-психическое преобразование сознания правонарушителя», и защиту прав, которая

---

²¹⁸ Крашенинников, Е.А. Право на иск // Проблемы совершенствования законодательства о защите субъективных гражданских прав. Ярославль, 1988. С. 5.

²¹⁹ Агарков, М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М., 1940. С. 45–46.

²²⁰ Красавчиков, О.А. Ответственность, меры защиты и санкции в советском гражданском праве // Проблемы гражданско-правовой ответственности и защиты гражданских прав. Свердловск, 1973. Вып. 27. С. 13.

²²¹ Стоякин, Г.Я. Меры самозащиты в гражданском правоотношении // Гражданские правоотношения и их структурные особенности. Свердловск, 1975. Вып. 39. С. 54.

обладает компенсаторной функцией²²².

Как заметил В.А. Ойгензихт, ответственность представляет собой последствия правонарушения, заключающиеся в «принуждении к исполнению предусмотренной за допущенное нарушение новой, дополнительной обязанности»²²³.

Это может быть проиллюстрировано тем, что применение закрепленных в нормах права санкций, таких как взыскание неустойки, возмещение убытков, восстановление существовавшего до нарушения обязательства положения, всегда направлено на обеспечение осуществления субъективного гражданского права, а не ради наказания другой стороны²²⁴.

В.П. Грибанов понимал под гражданско-правовой ответственностью обеспеченное государственным принуждением применение к правонарушителю лишений имущественного характера, влекущих для него неблагоприятные последствия²²⁵, что также позволяет выявить взаимосвязь ответственности с некоторыми способами защиты гражданских прав.

В то же время есть и противоположные точки зрения, разграничивающие меры (способы) защиты гражданских прав и меры гражданско-правовой ответственности.

По мнению О.А. Красавчикова, «особенностью мер ответственности является то, что для их возложения на правонарушителя необходимо, чтобы его поведение с субъективной стороны характеризовалось виной. Что касается мер защиты, то их возложение на правонарушителя не связывается с субъективным моментом»²²⁶. Таким образом, меры защиты и меры ответственности будут отграничиваться в зависимости от наличия вины правонарушителя, иначе говоря, по субъективному критерию.

---

²²² Алексеев, С.С. Общая теория права: в 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 280–281.

²²³ Ойгензихт, В.А. Имущественная ответственность в хозяйственных договорах: учеб. пособие. Душанбе, 1980. С. 9.

²²⁴ Баринов, Н.А. Указ. соч. С. 61–62.

²²⁵ Грибанов, В.П. Осуществление и защита гражданских прав. С. 310–312.

²²⁶ Красавчиков, О.А. Ответственность, меры защиты и санкции в советском гражданском праве // Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права: Избр. тр. : в 2 т. М., 2005. Т. 2. С. 262.

Помимо субъективного критерия, С.С. Алексеев предложил также учитывать функциональный и целевой критерии. Первый разграничивает меры ответственности как приводящие к привлечению лица к ответственности и меры защиты как направленные на защиту права и исполнение обязанности. Вторым критерий, в свою очередь, устанавливает, что применение мер ответственности приводит к преобразованию сознания нарушителя, а мер защиты – к «восстановлению нарушенного правового состояния»²²⁷. Эта же точка зрения разделяется В.В. Лазаревым, который полагает, что меры ответственности обладают карательной функцией, тогда как меры защиты нацелены на «обеспечение, восстановление интересов управомоченного лица»²²⁸.

В то же время взаимосвязь применения способов защиты прав и юридической ответственности была выявлена С.С. Алексеевым, который утверждал, что задачи защиты права решаются, помимо прочего, путем привлечения к юридической ответственности, а предусмотренные законом санкции направлены не только на реализацию штрафной или карательной функции права, но и его правовосстановительной функции²²⁹.

А.В. Мильков развивает эту позицию, указывая, что защита прав и юридическая ответственность (а также меры защиты и меры юридической ответственности) в гражданском праве обладают схожими целями, что обуславливает стирание границ между ними²³⁰.

По мнению В.Л. Слесарева, санкции, существующие в контексте правоотношения, представляют собой «охранительные правовые меры, направленные на защиту прав и законных интересов граждан и организаций, правопорядка в целом посредством принудительно-неблагоприятного

---

²²⁷ Алексеев, С.С. Общая теория права: в 2 т.

²²⁸ Проблемы общей теории права и государства : учеб. / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М., 2006. С. 491–492.

²²⁹ Алексеев, С.С. Общая теория права: в 2 т.

²³⁰ Мильков, А.В. О подходах к разграничению понятий «гражданско-правовая защита» и «гражданско-правовая ответственность» // Закон. 2013. № 7. С. 143.

воздействия на правонарушителя»²³¹. Таким образом, санкция, средство и меры защиты зачастую рассматривались советскими учеными-цивилистами как единые либо по меньшей мере пересекающиеся понятия.

Гражданское право в Советском Союзе прошло несколько этапов своего существования, в рамках которых наблюдалось последовательное развитие категории способа защиты гражданских прав до состояния, в значительной степени приближенного к современному.

В первом Гражданском кодексе РСФСР, который был принят 31 октября 1922 г.²³² (далее – Гражданский кодекс РСФСР 1922 г., ГК РСФСР 1922 г.), регулирование защиты гражданских прав фактически не производилось: в нем в принципе отсутствовали какие-либо нормы, касающиеся защиты гражданских прав и ее способов. Единственной нормой была ст. 2, которой закреплялся судебный порядок разрешения гражданско-правовых споров, а также приложение к ней, содержащее отсылочную норму к «особому постановлению», которое должно было закрепить порядок разрешения имущественных споров между государственными органами.

В законе не было ни самого определения способа защиты гражданских прав, ни норм, регулировавших объем этого понятия, ни, тем более, перечня таких способов и особенностей их применения. В то же время наблюдалось разграничение частного и публичного интереса путем применения различной формы защиты прав (для частного интереса, как показано выше, применялась только судебная форма защиты).

На рубеже 1920–1930-х гг. существовавшие ранее судебно-административные органы были упразднены, а подведомственные им дела были переданы в народные суды, что могло способствовать развитию судебной формы защиты гражданских прав. Однако в 1931 г. был создан государственный арбитраж для рассмотрения споров в сфере хозяйственных

---

²³¹ Слесарев, В.Л. Экономические санкции в советском гражданском праве. М. : Экон-информ, 2011. С. 25.

²³² СУ РСФСР. 1922. № 71. Ст. 904.

отношений, который по своей структуре и форме деятельности был ближе к исполнительным органам власти, нежели к суду²³³.

По причинам свержения старого государственного строя не мог быть использован и опыт дореволюционного правоприменения, что было прямо закреплено в ст. 2 Постановления ВЦИК от 31.10.1922 «О введении в действие Гражданского кодекса РСФСР».

Таким образом, в раннесоветский период формирующаяся в советском государстве система государственного управления создавала значительные препятствия для развития судебной формы защиты гражданских прав, лишив при этом гражданское право и всех позитивных наработок, достигнутых в дореволюционную эпоху.

Практически полное отсутствие правового регулирования в сфере защиты гражданских прав влекло за собой и отсутствие доктринального интереса к исследованию данной темы.

Одним из авторов того периода, который касался темы защиты гражданских прав, был К.А. Граве. По мнению этого исследователя, существовало два «метода гражданско-правовой охраны»: иск об изъятии спорной вещи, предъявляемый к незаконному владельцу, и иск собственника об устранении препятствий в свободном пользовании имуществом этого собственника.

К.А. Граве отмечал, что «иногда виндикационный и негаторный способы защиты могут оказаться непригодными для охраны интересов собственника»²³⁴. В то же время эта оговорка была им сделана в отношении невозможности применения виндикационного и негаторного исков лишь касательно уничтоженной вещи. Какие-либо иные способы защиты в случае неэффективности либо неприменимости виндикационного иска им не рассматривались.

---

²³³ *Вершинин, А.П.* Соотношение судебной и административной форм защиты субъективных прав: Осуществление и защита гражданских и трудовых прав: сб. науч. тр. Краснодар : Изд-во Кубан. гос. ун-та, 1989. С. 131–132.

²³⁴ *Граве, К.А., Пергамент, А.И., Мальцман, Т.Б.* Гражданское право. М. : Госюриздат, 1949. С. 33–34.

Существенный толчок развитию учения о способах защиты гражданских прав дало принятие Основ гражданского законодательства. Статья 6 Основ гражданского законодательства предусматривала три различные формы защиты гражданских прав: судом, арбитражем и третейским судом; товарищескими судами, профсоюзными и иными общественными организациями (в случаях и в порядке, установленных законодательством Союза ССР и союзных республик); в административном порядке (в случаях, особо предусмотренных законом).

Сложно переоценить значение данной нормы для доктрины гражданского права. О.В. Иванов писал, что «только статья 6 Основ гражданского законодательства СССР и союзных республик впервые дала основание рассматривать защиту субъективных гражданских прав как правовой институт»²³⁵.

С принятием Основ гражданского законодательства для судебной формы защиты впервые в российском праве был напрямую закреплен общий перечень способов защиты гражданских прав. Так, защита гражданских прав осуществлялась путем признания этих прав; восстановления положения, существовавшего до нарушения права, и пресечения действий, нарушающих право; присуждения к исполнению обязанности в натуре; прекращения или изменения правоотношения; взыскания с лица, нарушившего право, причиненных убытков, а в случаях, предусмотренных законом или договором, – неустойки (штрафа, пени), а также иными способами, предусмотренными законом.

Идентичные положения были закреплены в ст. 6 Гражданского кодекса РСФСР, утвержденного ВС РСФСР 11.06.1964²³⁶ (далее – Гражданский кодекс РСФСР 1964 г., ГК РСФСР 1964 г.).

---

²³⁵ *Иванов, О.В.* Защита гражданских прав как правовой институт и как научная проблема // Вопросы советского государства и права. Труды Иркутского университета. 1967. Т. 45. Ч. 3. С. 41.

²³⁶ Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.

Нельзя не отметить, что на практике многие из перечисленных в данных нормативных актах способов защиты применялись и ранее. Так, например, п. 1 инструктивного письма Госарбитража при Совете Министров СССР от 02.07.1952 № И-1-48 устанавливал возможность предъявления собственниками имущества (или государственными предприятиями, если за ними было закреплено имущество) иска о признании такого вещного права.

Принятие Основ гражданского законодательства и Гражданского кодекса РСФСР 1964 г. стало отправной точкой для значительного числа научных трудов, посвященных проблематике способов и форм защиты гражданских прав.

Статьи 6 Основ гражданского законодательства и ГК РСФСР 1964 г. формулируют общее правило относительно исковых способов защиты гражданских прав. В контексте этих норм О.С. Иоффе заметил, что их значение состоит не только в закреплении обобщенного выражения основных исковых способов защиты прав, но, скорее, в том, что в случае отсутствия закрепления в законе способов защиты для какого-то конкретного субъективного гражданского права управомоченное лицо может обратиться к одному из способов, поименованных в общей норме ст. 6 Основ гражданского законодательства²³⁷. Помимо обращения внимания на целесообразность фиксации в отдельной статье, обладающей общим применением, перечня способов защиты, О.С. Иоффе выявил тем самым универсальный характер многих способов защиты гражданских прав (особенно признания права, восстановления положения, существовавшего до нарушения права), а также их способность «восполнять» существующие законодательные пробелы в регламентации отдельных правоотношений.

Применительно к ст. 6 Основ гражданского законодательства Т.Е. Абова отмечала, что «под способами защиты [в соответствии со ст. 6] понимаются материально-правовые средства, применяемые к организациям и гражданам,

---

²³⁷ *Иоффе, О.С.* Советское гражданское право. М. : Юрид. лит., 1967. С. 314–315.

нарушившим или оспаривающим эти права (интересы), в целях их восстановления и оказания соответствующего воздействия на нарушителя законности судом, арбитражем, третейским товарищеским судом, а в исключительных случаях – в административном порядке»²³⁸. Таким образом, Т.Е. Абовой, пожалуй, впервые дано комплексное определение способа защиты права с материально-правовой точки зрения.

Е.А. Флейшиц указывала, что ст. 6 Основ гражданского законодательства среди способов защиты гражданских прав первыми называет иски о признании права, о восстановлении положения, существовавшего до нарушения права, и пресечении действий, нарушающих право, акцентируя внимание на возможности защиты с их помощью личных неимущественных прав²³⁹. В то же время она не стала исследовать возможность применения этих способов защиты к имущественным правам, а также отождествляла способ защиты прав и иск.

В науке гражданского права советского периода значительное внимание стало уделяться вопросам формы защиты гражданских прав. Например, О.А. Красавчиков, основываясь на специфике объекта и характера защищаемого права, разделял различные формы защиты права. Однако данный автор выделял в качестве форм защиты способы защиты гражданских прав, перечисленные в законе: признание права; восстановление положения, существовавшего до нарушения права, и пресечение действий, его нарушающих; присуждение к исполнению в натуре; прекращение или изменение правоотношения; взыскание с лица, нарушившего право, причиненных убытков, а в случаях, предусмотренных законом или

---

²³⁸ Абова, Т.Е. Защита хозяйственных прав предприятий и производственных объединений : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1985. С. 104–105.

²³⁹ Флейшиц, Е.А. Общие начала ответственности по Основам гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик // Советское государство и право. 1962. № 3. С. 38.

договором, – неустойки (штрафа, пени)²⁴⁰; тем самым исследователь смешивал понятия способов и форм защиты прав.

Отличие дореволюционной науки гражданского права от доктрины советского периода можно выявить еще и в следующем. Тогда как дореволюционные цивилисты (и законодатель) полагали синонимами способ защиты гражданских прав и иск, в советскую эпоху, как правило, способы защиты гражданских прав подразделялись на исковые и неисковые.

По мнению А.А. Добровольского и С.А. Ивановой, «все спорные правовые требования, подлежащие рассмотрению с соблюдением процессуальной формы защиты права, называются исковыми, а правовые требования, подлежащие рассмотрению без соблюдения установленной законом процессуальной формы защиты права (например, при защите права в административном порядке), в законодательстве и в теории вполне справедливо не называются исковыми»²⁴¹.

В.П. Грибанов по критерию цели (или назначения) разделял способы защиты права на четыре группы:

- меры, относящиеся к предупредительным и охранительным (признание права и другие);
- способы защиты, направленные непосредственно на охрану имущественной сферы управомоченного лица (виндикационный иск, негаторный иск и др.);
- способы защиты, направленные одновременно на охрану имущественной сферы управомоченного лица и на оказание материального воздействия на нарушителя права (взыскание неустойки, возмещение убытков);

---

²⁴⁰ Советское гражданское право: учебник : в 2 т. Т. 1 / под ред. О.А. Красавчикова. 3-е изд., испр. и доп. М. : Высшая школа, 1985. С. 95–97.

²⁴¹ Добровольский, А.А., Иванова, С.А. Основные проблемы исковой формы защиты права. М. : Изд-во МГУ, 1979. С. 25.

– меры правоохранительного порядка, которые направлены в конечном счете не на защиту субъективного гражданского права, а на защиту правопорядка в целом (взыскание в доход государства исполненного по сделке, заведомо противной интересам государства и общества и др.)²⁴².

Таким образом, В.П. Грибанов был одним из первых ученых, рассмотревшим в комплексе вопросы выявления места способов защиты гражданских прав в системе гражданского права и их классификации. Автором выявлена «многочисленность» и «разнообразность» способов защиты гражданских прав, а также их взаимосвязь с иными элементами государственного принуждения, такими как гражданско-правовая ответственность²⁴³. Несмотря на это, ученым не было уделено внимания разработке определения понятия способа защиты гражданских прав.

Еще одним автором, в сферу научных исследований которого входило непосредственное изучение способов защиты гражданских прав, является С.Н. Братусь. Этот цивилист относил способы защиты гражданских прав к мерам государственного принуждения, целью которых является либо понуждение к исполнению первоначальных обязанностей, либо обязанностей, возникших вследствие нарушения обязательства между сторонами²⁴⁴.

Рассматривая принудительную защиту права, Т.И. Илларионова обращалась к понятию «охранительные меры», под которыми она понимала «предусмотренный нормой конкретный вариант поведения управомоченных лиц (компетентных органов) по пресечению правонарушений, восстановлению (компенсации) нарушенного интереса либо иной его защите

---

²⁴² *Грибанов, В.П.* Осуществление и защита гражданских прав. С. 305–308.

²⁴³ Там же. С. 309.

²⁴⁴ *Братусь, С.Н.* Юридическая ответственность и законность (очерк теории). М. : Городец-издат, 2001. С. 66.

и активному имущественному воздействию на нарушителя»²⁴⁵, что, очевидно, схоже по смыслу со способами защиты категорией.

Т.И. Илларионова утверждала, что «право относится к категории целеустремленных систем, в которых функциональные структуры играют наиболее активную роль»²⁴⁶. Основываясь на этом умозаключении, она пришла к выводу о большом значении функциональных связей для систематизации охранительных мер гражданского права на меры защиты и меры ответственности. Целью мер ответственности, по ее мнению, является имущественное воздействие правонарушителя, в то время как меры защиты направлены на «восстановление нарушенных (оспоренных) прав и интересов управомоченного лица»²⁴⁷. Меры (или способы) защиты Т.И. Илларионова подразделяла на «восстановительные (компенсационные), пресекательные и обеспечительные»²⁴⁸. В то же время она указывала, что компенсационные способы защиты гражданских прав «не являются восстановительными в полном смысле этого слова, так как компенсация не есть восстановление первоначального состояния», однако по какой-то причине объединяла их в одну подкатеорию²⁴⁹. Обеспечительной направленностью, в свою очередь, обладают любые способы защиты гражданских прав, что и было отмечено Т.И. Илларионовой, указывавшей, что охранительные меры в целом направлены на обеспечение охраны нарушенных интересов²⁵⁰. В более поздних трудах все перечисленные конструкции были отнесены данным исследователем к способам защиты²⁵¹.

Интересно, что и в рамках системы мер ответственности данный автор выделил схожие подкатегории: штрафные меры, компенсационные и

---

²⁴⁵ Илларионова, Т.И. Механизм действия гражданско-правовых охранительных мер : учеб. пособие. Свердловск : Изд-во Свердлов. юрид. института, 1980. С. 9.

²⁴⁶ Илларионова, Т.И. Механизм действия гражданско-правовых охранительных мер. С. 5.

²⁴⁷ Там же. С. 11.

²⁴⁸ Илларионова, Т.И. Система гражданско-правовых охранительных мер. Томск, 1982. С. 48.

²⁴⁹ Илларионова, Т.И. Механизм действия гражданско-правовых охранительных мер. С. 43–44.

²⁵⁰ Там же. С. 10.

²⁵¹ Гонгало, Б.М., Илларионова, Т.И., Плетнев, В.А. Осуществление гражданских прав, исполнение обязанностей. Способы защиты гражданских прав // Гражданское право. Ч. 1 / под общ. ред. Т.И. Илларионовой, Б.М. Гонгало, В.А. Плетнева. М. : НОРМА-ИНФРА М, 1998. С. 54.

пресекательные способы защиты, отметив, что меры ответственности имеют своей целью защиту нарушенных интересов и наказание правонарушителя²⁵².

Следует признать, что данная классификация является несколько спорной, поскольку содержит в себе внутренние пересечения и противоречия. В то же время она заложила прочную основу для будущих исследований по этой теме, в том числе для современных классификаций способов защиты гражданских прав по целевому критерию либо на основе последствий их применения, которые будут проанализированы далее.

Если обратиться к традиционно выделяемым вещным и обязательственным способам защиты прав, можно обнаружить, что виндикационный и негаторный иски рассматривались О.С. Иоффе и В.А. Тарховым в качестве единственных возможных вещно-правовых способов защиты гражданских прав²⁵³. В.С. Юрченко высказывал позицию о нецелесообразности применения признания права в качестве вещно-правового способа защиты, отмечая, что «один факт признания за истцом права собственности не может удовлетворить истца, так как этим не обеспечивается достижение главной цели – возврата имущества, устранения нарушения права собственности»²⁵⁴. Несмотря на то, что с позиций современной юриспруденции эта точка зрения является достаточно спорной, ее ценность заключается в том, что признание права в принципе стало рассматриваться в качестве вещно-правового способа защиты гражданских прав (хотя и не способного принести должные результаты). Мнение В.С. Юрченко существенно отличалось от общепризнанного в советской цивилистике.

Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. наделял правом применения вещно-правовых способов защиты прав как собственников, так и некоторых обладателей обязательственного права на чужую вещь (в частности,

---

²⁵² *Илларионова, Т.И.* Механизм действия гражданско-правовых охранительных мер. С. 62–63.

²⁵³ *Иоффе, О.С.* Советское гражданское право. С. 316, 473–475.

²⁵⁴ *Юрченко, В.С.* Охрана имущественных прав советских граждан. С. 79.

нанимателей – ст. 170 ГК РСФСР 1922 г.). Впоследствии это право было расширено до всех титульных владельцев, приобретающих владение на основании договора (ст. 157 ГК РСФСР 1964 г.). Помимо законодательных новшеств, положительная оценка институту владельческой защиты была дана и в цивилистической литературе того периода²⁵⁵.

Большим достижением позднесоветского гражданского права в сравнении с дореволюционной цивилистикой (последняя, как римское частное право, рассматривала в качестве способов защиты гражданских прав вещные и личные иски) была значительно выросшая в нем роль такого способа защиты гражданских прав, как признание права. В Основах гражданского законодательства и ГК РСФСР 1964 г. признание права впервые в истории российского законодательства было закреплено в качестве общеприменимого способа защиты гражданских прав.

А.А. Добровольский был одним из первых исследователей, подвергших достаточно обстоятельному анализу этот способ защиты гражданских прав. Ученый рассматривал признание права через призму иска о признании; он проводил четкую границу между признанием права и присуждением. В частности, А.А. Добровольский отметил, что констатация права «может носить самый разнообразный характер, как и характер присуждения, но водораздел будет один: по одним удовлетворенным искам ответчик будет присуждаться к совершению каких-либо действий и в отношении него может быть применено принудительное исполнение, по другим ответчик ни к каким действиям не присуждается и в отношении него никакого принудительного исполнения не требуется. По искам о признании суд может установить наличие у истца определенного права, может установить, что право истца изменилось, что право истца или ответчика прекратилось и т.п. На этом основании суд может в соответствии с установленным субъективным правом

---

²⁵⁵ Халфина, Р.О. Право личной собственности граждан СССР. М., 1955. С. 167; Флейшиц, Е.А. Обязательства из причинения вреда и неосновательного обогащения. М., 1951. С. 175.

истца прекратить или изменить спорное правоотношение, не присуждая ни к чему ответчика»²⁵⁶.

По мнению указанного исследователя, дифференциация способов защиты гражданских прав должна осуществляться через призму деления названных способов на приводящих к признанию и приводящих к присуждению, что в целом справедливо и оправданно.

С позиции А.А. Добровольского, правовое требование истца есть предмет как иска о признании, так и иска о присуждении. Автор отмечал, что «различие между этими исками по предмету заключается не в том, что в исках о присуждении предметом иска является материально-правовое требование истца к ответчику, а в исках о признании предметом иска является само спорное правоотношение, по поводу которого истец обратился в суд. Различие заключается в характере правового требования»²⁵⁷. Развив позицию о наличии предъявляемого требования в случае обращения с иском о признании, данный автор разработал действительно новаторскую концепцию, отличавшуюся от современных ему исследований, полагавших, что интерес при обращении с иском о признании у истца отсутствует. Интересно, что и современное данным исследования законодательство было, скорее, на стороне А.А. Добровольского, поскольку наделяло управомоченное лицо правом на предъявление иска о признании права, т.е. требования к конкретному ответчику.

С.Н. Братусь применительно к признанию права утверждал: «...суть признания именно в том и заключается, что суду достаточно установить наличие определенного права или охраняемого законом интереса у истца. Решение суда по этим искам не приводится в исполнение ответчиком, а служит в необходимых случаях основанием для совершения необходимых действий по закреплению установленного права лицами, не участвовавшими

---

²⁵⁶ Добровольский, А.А. Исковая форма защиты права (основные вопросы учения об иске). М. : Изд-во МГУ, 1965. С. 157.

²⁵⁷ Там же. С. 158.

в деле. Следовательно, подобный способ защиты права направлен на то, чтобы суд обязал ответчика воздерживаться от любых вторжений в правовую сферу истца по поводу спорного права, чтобы ответчик не чинил никаких помех истцу в нормальном пользовании своим правом»²⁵⁸.

С.Н. Братусь обосновал достаточно необычное определение цели признания права в виде «воздержания» ответчика от вторжений в правовую сферу истца по поводу спорного права. Соответственно, возникают вопросы: обеспечивается ли путем признания права восстановление нарушенного права как конечная цель применения способов защиты гражданских прав, либо, например, этим правом истец наделяется (т.е. вопрос, обладает ли признание права правообразующим либо правоподтверждающим характером); должен ли от нарушения права воздерживаться только ответчик (как указывает С.Н. Братусь) либо неопределенный круг лиц, иными словами, обладает ли признание права абсолютным или относительным характером.

А.Ф. Клейман рассматривал данный способ защиты с иной стороны, утверждая, что «иски о признании предъявляются не по поводу нарушенного права, а для предотвращения нарушения права в будущем... в тех случаях, когда право еще не нарушено, в будущем эта опасность может возникнуть, когда право оспаривается, заинтересованное лицо может обратиться в суд с иском о признании наличия или отсутствия спорного правоотношения с ответчиком»²⁵⁹. В то же время справедливость позиции А.Ф. Клеймана вызывает определенные вопросы; зачем признавать право для защиты от будущих его нарушений, если таковые могут в принципе никогда не состояться; какие критерии можно выделить для установления оснований для признания права от будущих правонарушений.

---

²⁵⁸ Братусь, С.Н. Субъекты гражданского права. С. 10.

²⁵⁹ Клейман, А.Ф. Основные вопросы учения об иске в советском гражданском праве. М. : Высшая школа МВД СССР, 1959. С. 7.

Точки зрения А.Ф. Клеймана придерживался и М.А. Гурвич, который сделал вывод, что исками о признании права защищается не нарушенное право, но «интерес в определенности права»²⁶⁰, поскольку «в исках о признании правоотношения существующим предполагается наличие права в неисковом, незрелом состоянии»²⁶¹.

Таким образом, господствующая в советской доктрине позиция относительно признания права заключалась в том, что наличие нарушенного права в качестве основания для обращения к такому способу защиты гражданских прав не предполагалось, что обуславливало и невозможность восстановления нарушенного права.

Отграничение признания права от присуждения может быть произведено на основании следующего критерия: судебный акт, содержанием которого выступает признание права, не может быть принудительно исполнен. Именно это рассматривалось А.А. Добровольским как основной критерий отграничения признания субъективного права от присуждения: «Ответчик в данном случае ни к каким действиям не присуждается, и в отношении него никакого принудительного исполнения не требуется»²⁶².

А.А. Добровольский сделал, как нам кажется, весьма правильный вывод, что при применении признания права достигается не только устранение спорности права, но также и прекращается его нарушение, которое состояло в отрицании ответчиком субъективного гражданского права истца и уклонении от выполнения обязанностей, предусмотренных спорным правоотношением, что влекло создание препятствий для пользования истцом субъективным правом. На практике нередки ситуации отрицания ответчиком права истца и одновременного присвоения ответчиком этого права. А.А. Добровольский иллюстрирует это примером, когда «по делам из

---

²⁶⁰ Гурвич, М.А. Лекции по советскому гражданскому процессу. М. : ВЮЗИ, 1950. С. 76.

²⁶¹ Гурвич, М.А. Право на иск. С. 212.

²⁶² Добровольский, А.А. Указ. соч. С. 157.

авторского или изобретательского права нередко спор сводится к тому, что ответчик неосновательно присваивает право авторства, в действительности принадлежащее истцу»²⁶³. Таким образом, А.А. Добровольский полагал, что при применении признания права нарушенное право, во-первых, наличествует, а во-вторых, состоит в оспаривании (непризнании) ответчиком наличия этого права у управомоченного лица. А.А. Добровольским были сделаны актуальные и во многом переломные для науки советского гражданского права выводы о природе способов защиты гражданских прав (в частности, признания права), которые в будущем стали основой для современных теорий способов защиты прав и законодательного их закрепления и соответствуют ныне действующим правовым представлениям о данном институте.

Ранее точку зрения, схожую с позицией А.А. Добровольского, высказывал В.С. Юрченко, писавший: «в случае нарушения права авторства последнее охраняется путем восстановления без возложения на правонарушителя каких-либо дополнительных обязанностей, кроме принуждения его к исполнению лежащей на нем обязанности признавать и не присваивать авторство других лиц»²⁶⁴.

М.А. Гурвич отмечал: «если... право еще не нарушено, то все же спором о праве, отрицанием его существования или оспариванием его содержания создается неопределенность во взаимоотношениях сторон, которая, в свою очередь, создает угрозу неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанности в будущем»²⁶⁵. Можно сказать, что М.А. Гурвич, как и цивилисты дореволюционного периода, являлся сторонником концепции превентивного характера признания права как способа предотвращения нарушения права в будущем.

---

²⁶³ Там же. С. 159.

²⁶⁴ Проблемы гражданского и административного права : сборник. Л. : Изд-во ЛГУ, 1962. С. 80–81.

²⁶⁵ Советский гражданский процесс : учебник / под ред. М.А. Гурвича. М. : Высшая школа, 1975. С. 106.

С ним не соглашались А.А. Добровольский и С.А. Иванова, по мнению которых иск о признании является в том числе средством защиты нарушенного права, когда требуется устранить уже свершившееся нарушение субъективного права истца²⁶⁶.

Таким образом, в юридических трудах по гражданскому праву советской эпохи впервые вошло в обиход понятие «способ защиты права». Это произошло в первую очередь в связи с закреплением такого общего термина в Основах гражданского законодательства в 1961 г. (в предшествующий период данное понятие напрямую не обсуждалось)²⁶⁷. При этом на протяжении всего периода существования советской юридической науки понятие «способ защиты права» использовалось наряду (и в идентичных по смыслу ситуациях) с такими терминами, как «мера защиты», «средство защиты», а также «санкция». В советской цивилистической доктрине существовали различные взгляды на вопрос классификации способов защиты, какой-либо единой концепции выработать не удалось.

Современные взгляды на способы защиты гражданских прав

Статья 12 ГК РФ определяет способы защиты гражданских прав путем их перечисления. Легального определения способа защиты закон не содержит.

Научная литература содержит широкий спектр мнений относительно возможной квалификации рассматриваемой категории.

Так, некоторые ученые рассматривают «способы защиты» гражданских прав через призму установленных законом **материально-правовых мер принудительного характера**, целью которых выступает либо

---

²⁶⁶ См., напр.: *Добровольский, А.А., Иванова, С.А.* Указ. соч. С. 61.

²⁶⁷ *Воробьев, М.К.* О способах защиты гражданских прав // Труды по правоведению. Материалы к конференции Новосибирского факультета по итогам научно-исследовательской работы за 1967 г. Новосибирск, 1968. С. 76–77.

восстановление, либо признание нарушенных / оспариваемых прав. Такие меры должны быть направлены на воздействие на правонарушителя²⁶⁸.

При таком подходе происходит отождествление способа и меры защиты. В то же время такой подход не раскрывает понятие способа защиты гражданских прав в достаточном объеме. Фактически такой подход отождествляет «способ защиты» и «**гражданско-правовую санкцию**». Вместе с тем принудительный характер мер, направленных на защиту нарушенного права, не является определяющим для осуществления такой защиты. Существуют и способы защиты права, не связанные с применением государственно-принудительных мер, в частности, признание права. Данный способ защиты направлен на устранение правовой неопределенности, в силу чего его нельзя рассматривать в качестве «меры защиты».

В то же время такой подход достаточно широко распространен в доктрине. Так, например, В.А. Хохлов ставит знак равенства между способами защиты и мерами защиты²⁶⁹. Аналогичным образом способ защиты квалифицирует Е. В. Вавилин, утверждающий о «закрепленных или санкционированных законодательством материально-правовых мер принудительного характера, посредством которых могут быть осуществлены устранение нарушений права, восстановление (признание) права и (или) компенсация потерь, вызванных нарушением права»²⁷⁰.

Подобная квалификация способов защиты гражданских прав встречается и в судебной практике: под способами защиты нарушенных или оспоренных гражданских прав зачастую рассматриваются закрепленные законом материально-правовые меры принудительного характера, путем применения которых производится восстановление нарушенных или оспоренных прав²⁷¹.

---

²⁶⁸ Гражданское право : учебник : в 3 т. / под ред. А.П. Сергеева. М., 2008. Т. 1. С. 545; Гражданское право : учебник : в 3 т. / под ред. Ю.К. Толстого, А.П. Сергеева. СПб., 1996. Т. 1. С. 244.

²⁶⁹ Хохлов В.А. Ответственность за нарушение договора по гражданскому праву. Тольятти, 1997. С. 93–98.

²⁷⁰ Вавилин Е. В. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2016. С. 58.

²⁷¹ Постановление ФАС Уральского округа от 25.11.2008 № Ф09-8771/08-С6 // СПС «КонсультантПлюс».

Аналогичным образом гражданско-правовые способы защиты (на примере защиты права собственности) определяет М.В. Павлова, понимая под ними «предусмотренные законом либо договором правоохранительные, материально-правовые меры, используемые собственником при непосредственном нарушении субъективного права собственности либо угрозе его нарушения»²⁷².

М.С. Кораблева также утверждает, что под способом защиты гражданских прав следует понимать такую меру воздействия, которая непосредственным образом вытекает из закона и воздействует на правонарушителя с помощью деятельности соответствующих органов власти, восстанавливая при этом положение, существовавшего до нарушения права²⁷³.

По мнению Е.Ю. Качаловой, способ защиты представляет собой не что иное, как **меру восстановления субъективного права** в прежнее положение. В представлении исследователя способ защиты представляет собой один из охранительных элементов права на защиту²⁷⁴.

Вместе с тем встречается и критика рассматриваемого подхода к пониманию способа защиты гражданских прав у других ученых.

Так, П.П. Згонников утверждает, что терминологическое определение способа защиты через «меру» приведет к смешению понятий «мера защиты», «мера ответственности», «гражданско-правовая санкция», в то время как все приведенные категории предназначены для оказания влияния на правонарушителя. В свою очередь, меры защиты не тождественны мерам ответственности, поскольку далеко не все меры защиты являются мерами ответственности. Указанный автор полагает, что путем такого толкования способа защиты гражданских прав можно прийти к выводу о

---

²⁷² Павлова, М.В. Система способов защиты права собственности в современном гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007.

²⁷³ Кораблева, М.С. Гражданско-правовые способы защиты прав предпринимателей : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 2002.

²⁷⁴ См.: Качалова, Е.Ю. Защита субъективных гражданских прав от посягательств (гражданско-правовой аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. С. 7.

главенствующей роли санкций для правонарушителя, в то время как в действительности защита гражданских прав направлена на восстановление нарушенных либо признание оспариваемых прав. Кроме того, справедливо указывается на ограниченность такого определения только одной целью применения защиты гражданских прав, в то время как неохваченными остаются предупреждение правонарушения, пресечение нарушения и пр.²⁷⁵

Авторы, критикующие приведенный подход, в частности Ю.А. Сорокин, утверждают, что, если анализировать способы защиты прав исключительно через призму материально-правовых и юрисдикционных действий уполномоченных лиц, это повлечет за собой стирание границ между институтом защиты гражданских прав (т.е. юрисдикционной и неюрисдикционной деятельностью) и ее способами²⁷⁶.

Действительно, сложно не согласиться с таким мнением, поскольку, как уже указывалось ранее, защита гражданского права представляет собой правоприменительную деятельность, которая, в свою очередь, уже реализуется определенными способами и в определенной форме.

Встречаются также мнения о возможной квалификации способа защиты гражданских прав и как меры защиты, и **как меры ответственности**²⁷⁷. В то же время отмечается существенность отличий мер защиты от мер ответственности. Прежде всего, их можно разграничить исходя из цели применения. Так, меры ответственности носят компенсаторную и восстановительную функцию (т.е. направлены на восстановление имущественной сферы потерпевшего либо предоставление ему имущественной компенсации), их применение характеризуется

---

²⁷⁵ Згонников, П.П. О совершенствовании законодательства о способах защиты гражданских прав // Российская юстиция. 2019. № 11. С. 11–14.

²⁷⁶ Сорокин, Ю.А. Понятие способа защиты гражданских прав. Классификация способов защиты гражданских прав. «Черные дыры» в российском законодательстве // Юридический журнал. 2007. № 5. С. 114.

²⁷⁷ Бочаров, Н.И. Гражданско-правовые способы защиты права собственности на земельный участок // Юрист. 2014. № 7. С. 14–18; Гражданское право : учебник / под ред. А.П. Сергеева. С. 546–547; Интеллектуальная собственность: Краткий учебный курс / отв. ред. Н.М. Коршунов. С. 139–141; Российское гражданское право : учебник / отв. ред. Е.А. Суханов. С. 419–422; Гражданское право : учебник / под ред. Б.М. Гонгало. С. 100–103.

ретроспективностью, поскольку происходит в связи с совершенным правонарушением. Главной функцией, в свою очередь, мер защиты является пресечение правонарушения. Следовательно, констатируется в доктрине, что меры защиты могут быть применены в отношении делящегося правонарушения, в то время как меры ответственности – только в отношении оконченного²⁷⁸.

Думается, такой подход не является бесспорным. Выделение только двух целей применения защиты (пресекательная и компенсаторная) безосновательно не учитывает, например, устранение правовой неопределенности, которая достигается при реализации такого способа, как признание права. Как следствие, квалификация только двух видов способов (меры ответственности и меры защиты) как минимум не охватывает весь спектр возможных способов защиты гражданских прав.

Кроме того, само по себе определение «способ защиты» через термин «мера защиты» не позволяет по приведенной логике выявить отличительные особенности одного от другого. Фактически такой вариант определения предлагает рассматривать защиту как защиту.

Отдельного внимания заслуживает позиция об определении способа защиты с точки зрения **процедуры его применения** (со стороны процессуального аспекта). В частности, некоторые ученые полагают, что способы защиты гражданских прав следует анализировать не с точки зрения процесса его реализации (иными словами, реализации права на иск в процессуальном смысле – совершения действий управомоченным лицом либо органами государственной власти), а в качестве предусмотренной законодателем модели возможного поведения управомоченного лица.

В рамках подобной концепции способ защиты гражданских прав является **моделью (эталон) будущего поведения** управомоченного лица, направленного на защиту его права. Таким образом, параллель между

---

²⁷⁸ Хабиров, А.И. Средства, способы и формы гражданско-правовой защиты прав сторон по договору займа: теоретический аспект // Вестник гражданского процесса. 2018. № 6. С. 226–259.

способом защиты и действиями по защите гражданских прав проводится, как между возможным и действительным либо формой и содержанием. Ю.Н. Андреев применительно к этому отмечает, что способ защиты становится реальным, действительным, взамен модели или стандарта, поведения, по желанию правообладателя, превращаясь в «фактические (реальные) действия участников защиты по реализации предложенной законом совокупности приемов, технологий, подходов, возможностей, образа действия к достижению тех или иных целей»²⁷⁹.

Далее, способ защиты гражданских прав рассматривается и как **определенное требование** управомоченного лица. Например, согласно позиции А.П. Вершинина, гражданское законодательство закрепляет возможные к применению способы защиты гражданских прав путем установления в законе разновидностей прав требования, которыми обладает управомоченное лицо, и которые могут быть принудительно осуществлены. Данный автор также разделяет требования на регулятивные (которые являются основными) и охранительные, они же требования о защите (являются дополнительными)²⁸⁰.

Вместе с тем критики такого подхода небезосновательно указывают, что процессуальную форму защиты гражданских прав не следует отождествлять с самим способом защиты, поскольку в теории гражданского права закрепились позиция, согласно которой иск обладает только двумя элементами: предметом и основанием, в то время как содержание (способ защиты) сегодня элементом иска не признается. Требование является не содержанием, а предметом иска²⁸¹. Согласно правовой позиции, сформулированной в Постановлении Президиума ВАС РФ от 09.10.2012 № 5150/12, в основание иска входят юридические факты, с которыми нормы

---

²⁷⁹ Андреев, Ю.Н. Механизм гражданско-правовой защиты. М. : Норма; Инфра-М, 2010. 464 с.

²⁸⁰ Вершинин, А.П. Выбор способа защиты гражданских прав. СПб., 2000. С. 35–36.

²⁸¹ Гражданский процесс : учебник / под ред. М.К. Треушникова. М., 2008. С. 230.

материального права связывают возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей субъектов спорного материального правоотношения.

Ряд авторов полагает, что в дефиниции способа защиты гражданских прав преобладает регулирование правовой нормой именно материальной отрасли права. Например, по мнению В.В. Дунаева, способы защиты гражданских прав представляют собой «закрепленные охранительной нормой закона или договора **допустимые действия (бездействие) или их совокупность**, направленные на предупреждение, пресечение нарушения прав, а также на их восстановление»²⁸². Иными словами, автор рассматривает способ защиты как определенную материально-правовую норму.

В научной литературе встречается концептуальный подход, согласно которому категории «способ защиты» присваивается статус «родовой категории» по отношению к «защите прав». Сторонники обозначенного концептуального подхода исходят из того, что использование отечественным законодателем категории «способ» к «защите гражданских прав», которая в том числе представлена возмещением вреда и обеспечением исполнения обязательств, означает следующее: «способ защиты» является родовой категории по отношению к «способам обеспечения исполнения обязательств» и «способам возмещения вреда»²⁸³.

Наравне со «способом защиты гражданских прав» доктрина использует такие смежные категории, как «форма», «мера», «метод», «вид», «средство» защиты гражданских прав и пр.

Взаимосвязь приведенных категорий с категорией «способа защиты» оценивается исследователями по-разному. Некоторые считают все эти термины, в сущности, тождественными, в то время как другие считают их не совпадающими, не согласующимися друг с другом вообще. В доктрине отмечается, в частности, что под «способом» понимается определенная

---

²⁸² Дунаев, В.В. Понятие и виды форм защиты гражданских прав // Сибирский юридический вестник. 2003. № 4. С. 33–36.

²⁸³ Идрисов, Р.Ф., Костюк, Н.Н., Кокунова, С.Д. К вопросу о диалектическом единстве способов защиты прав физических и юридических лиц // Современное право. 2019. № 6. С. 83–91.

деятельность субъекта права, обладающая характерными признаками, такими как последовательность, целенаправленность и т.п.²⁸⁴

Так, А.П. Сергеев объясняет это понятие применительно к вопросу о способе как объекте изобретения, указывая, что способ – это совокупность приемов, выполняемых в определенной последовательности или с соблюдением определенных правил. Как объект изобретения способ характеризуется технологическими средствами – наличием определенного действия или совокупности действий, порядком выполнения таких действий (последовательно, одновременно, в различных сочетаниях и т.п.), условиями осуществления действий, режимом использования веществ (исходного сырья, реагентов, катализаторов и т.д.), устройств (приспособлений, инструментов, оборудования и т.д.), штаммов микроорганизмов и т.д.²⁸⁵

Впоследствии указанный автор под способами защиты субъективных гражданских прав уже рассматривает закрепленные законом материально-правовые меры принудительного характера, посредством которых производится восстановление (признание) нарушенных (оспариваемых) прав и воздействие на правонарушителя²⁸⁶.

Такая трактовка была в полной мере воспринята и российскими судами, традиционно делающими вывод, что под способами защиты нарушенных или оспоренных гражданских прав нередко понимаются закрепленные законом материально-правовые меры принудительного характера, посредством которых производится восстановление нарушенных или оспоренных прав²⁸⁷.

Общей чертой всех способов защиты гражданских прав является их направленность на обеспечение конкретных субъективных гражданских прав управомоченных лиц, иными словами, на обеспечение частных интересов участников гражданского оборота.

---

²⁸⁴ Богданова, Е.Е. Формы и способы защиты гражданских прав и интересов // Журнал российского права. 2003. № 6. С. 39–45.

²⁸⁵ Сергеев, А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации. М.: Теис, 1996.

²⁸⁶ Сергеев, А.П. Защита гражданских прав // Гражданское право : учебник. / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. Ч. 1. Изд. 2-е, перераб. и доп. М. : Проспект, 1996.

²⁸⁷ Постановление ФАС Уральского округа от 25.11.2008 № Ф09-8771/08-С6 // СПС «КонсультантПлюс».

Аналогичное определение способов защиты гражданских прав дано и В.С. Толстым, который понимает под ними «меры, посредством которых восстанавливаются нарушенные права или предотвращается их нарушение, а также последующее воздействие на правонарушителя»²⁸⁸. В то же время, следуя более ранней правовой традиции, В.С. Толстой не разделяет меры, средства и способы защиты гражданских прав.

Обратим внимание, что вновь категория «способ защиты гражданского права» определена через термин «мера защиты». По мнению Е.Е. Богдановой, такой подход будет сведен к определению способа защиты гражданского права в качестве санкции гражданско-правовой ответственности, что необоснованно сузит сущность способа защиты²⁸⁹.

Следует согласиться с таким мнением, поскольку далеко не каждый способ защиты гражданских прав направлен на привлечение правонарушителя к ответственности (не связан с правонарушением). С учетом наличия и других целей применения способов защиты гражданских прав (например, опять же устранение правовой неопределенности либо восстановление нарушенного права), очевидно, квалификация способа защиты только в качестве санкции не будет отражать действительный смысл рассматриваемой правовой категории.

Б.М. Гонгало и В.А. Плетнев утверждают, что «способы защиты являются не чем иным, как предусмотренными законом мерами реакции управомоченных лиц на нарушения гражданских прав».²⁹⁰

Д.Н. Кархалев также не проводит четкой границы между способами защиты прав и мерами государственного принуждения, отмечая идентичность содержания и назначения и дифференциацию в части объема сопоставляемых категорий²⁹¹. Так, например, реализация таких способов

---

²⁸⁸ Толстой, В.С. Личные неимущественные права. М.: ЭЛИТ, 2006. С. 65.

²⁸⁹ Богданова, Е.Е. Формы и способы защиты гражданских прав и интересов // Журнал российского права. 2003. № 6. С. 39–45.

²⁹⁰ Гонгало, Б.М., Илларионова, Т.И., Плетнев, В.А. Указ. соч. С. 54.

²⁹¹ Кархалев, Д.Н. Охранительное гражданское правоотношение. М.: Статут, 2009. С. 53.

защиты, как восстановление положения, существовавшего до нарушения права, и пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, может происходить посредством применения мер государственного принуждения в виде виндикации, реституции, кондикции. В то же время справедливость использования такой логической конструкции представляется неоднозначной. Содержание ст. 12 ГК РФ, которое относится Д.Н. Кархалевым к объему понятия «способ защиты права», составляет логическое множество; отдельные способы защиты, поименованные в ст. 12 ГК РФ, с логической точки зрения являются подмножеством понятия «способ защиты права», а конкретные меры (реституция, виндикация, кондикция), вероятнее всего, представляют собой элементы этих подмножеств, а не являются самостоятельными понятиями, лишь пересекающимися с поименованными в Кодексе способами защиты права²⁹².

Государственное принуждение как инструмент претворения в жизнь способов защиты права основано на диспозитивном методе правового регулирования. Б.М. Гонгало в этом контексте верно заметил, что «правовая свобода здесь проявляется в том, что потерпевшее лицо распоряжается своим правом на защиту самостоятельно, что подразумевает, в том числе, возможность отказа от защиты нарушенного права»²⁹³. Помимо этого, участники гражданских правоотношений своими соглашениями могут дополнительно регулировать порядок применения конкретных способов защиты гражданских прав (например, устанавливая размер и порядок применения договорной ответственности в виде штрафов, неустоек, либо ограничивая договором предусмотренную законом ответственность, если такое допустимо).

В доктрине гражданского права отмечается, что существенной чертой метода гражданско-правового регулирования является использование

---

²⁹² Кириллов, В.И., Старченко, А.А. Логика: учебник для юрид. вузов / под ред. В.И. Кириллова. 6-е изд. М. : ТК Велби; Проспект, 2008. С. 35.

²⁹³ Гражданское право: учебник : в 2 т. / С.С. Алексеев, О.Г. Алексеева, К.П. Беляев и др.; под ред. Б.М. Гонгало. М.: Статут, 2016. Т. 1. 511 с.

координации как способа правового воздействия на отношения участников гражданских правоотношений. Такое воздействие основано на согласованной воле участников конкретных правоотношений. Координация как признак правоотношения в частном праве является способом внутренней самоорганизации со стороны участников таких правоотношений²⁹⁴.

Применение мер государственного принуждения представляет собой вспомогательное средство для обеспечения защиты гражданских прав, в то время как интерес участников гражданских правоотношений направлен на получение определенного результата от применения способа защиты права, а равно на сохранение правоотношений и возможность последующей реализации прав, является основным элементом защиты гражданских прав. Одной из причин этого является, как правило, двусторонний и взаимный характер гражданских правоотношений, который обуславливает заинтересованность всех их участников в получении конкретного имущественного результата.

При этом вопросы применения способов защиты права на практике тесно взаимосвязаны с юридической ответственностью. По мнению В.Ф. Яковлева, «применение принуждения в гражданском праве... характеризуется специфическими чертами, отражающими особенности этой отрасли права... оно основано на охранительных нормах права и существует в рамках охранительных правоотношений»²⁹⁵.

Государственное принуждение в этом контексте обеспечивает установленные права и обязанности участников гражданских правоотношений, в чем заключается регулирующее воздействие права на общественные отношения. Меры ответственности при этом занимают особое

---

²⁹⁴ Координация экономической деятельности в российском правовом пространстве: монография / К.М. Беликова, А.В. Габов, Д.А. Гаврилов и др.; отв. ред. М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2015. 656 с.

²⁹⁵ Яковлев, В.Ф. Россия: экономика, гражданское право. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2000. С. 82.

место в системе принудительных мер, целью которых является правореализация²⁹⁶.

Е.А. Суханов определяет гражданско-правовую ответственность как «одну из форм государственного принуждения, состоящую во взыскании судом с правонарушителя в пользу потерпевшего имущественных санкций, перелагающих на правонарушителя невыгодные имущественные последствия его поведения и направленных на восстановление нарушенной имущественной сферы потерпевшего»²⁹⁷.

Основным органом государственного принуждения в рамках гражданско-правовых охранительных правоотношений является суд, поскольку он способен наиболее эффективно обеспечить реализацию способов защиты права²⁹⁸. Это подтверждается в том числе и закреплением принципа судебной защиты нарушенного права в качестве одного из основополагающих принципов гражданского законодательства.

В то же время, начиная с эпохи советского гражданского права, органы исполнительной власти принимали значительное участие в охранительных гражданских правоотношениях²⁹⁹. На сегодняшний день к числу таких органов, в частности, относятся Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Роспотребнадзор), Федеральная антимонопольная служба.

Применение способов защиты права через суд либо органы исполнительной власти является юрисдикционной формой защиты права, которая представляет собой «определяемую законом деятельность компетентных органов по защите нарушенного права, в том числе по установлению фактических обстоятельств, определению корректности

---

²⁹⁶ Яковлев, В.Ф. Избранные труды. Т. 2: Гражданское право: история и современность. Кн. 1. М.: Статут, 2012. 976 с.

²⁹⁷ Гражданское право: в 2 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. М., 1998. Т. I. С. 431.

²⁹⁸ Жуйков, В.М. Права человека и власть закона. М., 1995. С. 6.

²⁹⁹ Баринов, Н.А. Указ. соч. С. 121.

выбора способа защиты прав, вынесению правоприменительного акта и осуществлению контроля за его исполнением»³⁰⁰.

Среди авторов, определяющих способы защиты гражданских прав вне зависимости от мер государственного принуждения, одним из ярчайших представителей, безусловно, является В.В. Витрянский. Данный ученый понимает под способами защиты гражданских прав «предусмотренные законодательством средства, с помощью которых могут быть достигнуты пресечение, предотвращение, устранение нарушений права, его восстановление и (или) компенсация потерь, вызванных нарушением права»³⁰¹. Оспаривая данное определение, Ю.Н. Андреев утверждает, что «средство правовой защиты указывает на то, каким образом обладатель субъективного права добивается результата защиты, способ защиты указывает на то, что субъект защиты предпринимает для достижения целей защиты»³⁰². Иными словами, в определении способа защиты особое внимание уделяется волевому моменту лица, чье право нарушено.

Развивая этот субъективный момент в изучении способов защиты гражданских прав, О.А. Пешкова рассматривает способы защиты через призму правомочий, «закрепленных в нормах материального права, которые может использовать субъект при нарушении его конкретного материального блага или права»³⁰³. Однако с такой трактовкой можно поспорить, поскольку, как верно отмечает А.А. Кравченко, маловероятно, что способ защиты можно признать правомочием, в отличие от права на его применение (право на защиту)³⁰⁴.

---

³⁰⁰ Гражданский процесс: учебник / В.В. Аргунов, Е.А. Борисова, Н.С. Бочарова и др.; под ред. М.К. Треушникова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2014. 960 с.

³⁰¹ Брагинский, М.И., Витрянский, В.В. Договорное право. Кн. 1. Общие положения. 3-е изд. М.: Статут, 2001. С. 776.

³⁰² Андреев, Ю.Н. Механизм гражданско-правовой защиты. М.: Норма; ИНФРА-М, 2010. С. 114.

³⁰³ Пешкова, О.А. Компенсация морального вреда. Защита и ответственность при причинении вреда нематериальным благам и неимущественным правам. М.: Ось-89, 2006. С. 30.

³⁰⁴ Кравченко, А.А. Способ защиты субъективных гражданских прав: история становления и развития понятия в доктрине гражданского права // Право и государство: Теория и практика. 2013. № 11(107). С. 39.

Для определения существа способа защиты гражданских прав современные ученые-юристы, как правило, вслед за цивилистами советской эпохи устанавливают связь между способом защиты и мерой государственного принуждения. Некоторые исследователи в то же время связывают способ защиты гражданских прав с иными правовыми категориями, такими как средство защиты прав.

Вместе с тем, при исследовании способа защиты с точки зрения волевого акта, в доктрине отмечается, что способ защиты гражданских прав может представлять собой «определенного рода деятельность субъекта права», которая охватывает как действие, так и бездействие управомоченного лица³⁰⁵. В частности, Д.И. Мейер отмечал, что юридические действия разделяются на положительные и отрицательные. Положительное действие состоит в действительном совершении чего-либо, отрицательное – в таком проявлении воли, которое содержится в воздержании от другого действия (т.е. в бездействии)³⁰⁶.

В качестве примера сторонники рассматриваемого подхода ссылаются на положения п. 2 ст. 328 ГК РФ, закрепляющего право стороны в обязательстве приостановить исполнение своего встречного обязательства при определенных условиях. Аналогичные примеры встречаются в положениях об обязательствах (п. 1 ст. 719 ГК РФ, регламентирующий право подрядчика на приостановление выполнения работ, ст. 311 ГК РФ, устанавливающая право кредитора не принимать исполнение от должника по частям и пр.).

Посредством этих примеров исследователи ссылаются на фиксацию законом возможности реагирования на бездействие аналогичным образом, что также будет признаваться реализацией способа защиты.

---

³⁰⁵ Идрисов, Р.Ф., Костюк, Н.Н., Кокунова, С.Д. Указ. соч. С. 83–91.

³⁰⁶ Мейер, Д.И. Русское гражданское право : в 2 ч. (по испр. и доп. 8-му изд., 1902). Изд. 3-е, испр. М.: Статут, 2003.

С этой концепцией соглашается и А.П. Вершинин, который видел ценность в определении понятия защиты **через понятие деятельности**. Помимо прочего, таким образом предлагается определять понятие «способ защиты прав», представляющий собой «предусмотренные законом действия, которые непосредственно направлены на защиту гражданских прав». Такие действия являются итоговыми актами защиты в виде материально-правовых действий или юрисдикционных действий по устранению препятствий на пути осуществления субъектами своих прав или пресечению правонарушения, восстановлению положения, существовавшего до правонарушения. Именно применение конкретного способа защиты нарушенного или оспоренного права есть цель и результат деятельности по защите прав³⁰⁷.

Представляется, такой подход к пониманию способа защиты гражданских прав не вполне отражает сущность рассматриваемой правовой категории. В данном случае, думается, речь идет о форме реализации способа защиты гражданских прав (т.е. о процедурном (процессуальном) аспекте защиты), а не о самом способе как таковом.

Немалый интерес вызывает позиция А.А. Кравченко, предлагающего квалифицировать способ защиты в качестве предусмотренного законом **принудительного правового последствия**, применение которого обусловлено инициативой управомоченного субъекта, преследующего цель удовлетворения принадлежащих ему законных интересов. По мнению А.А. Кравченко, подобная научная позиция обеспечивает рассмотрение способа защиты через призму охранительного и регулятивного концепта. При этом применение способов защиты обусловлено как наличием, так и отсутствием правонарушения. Стало быть, в зависимости от состояния

---

³⁰⁷ Вершинин, А.П. Способы защиты гражданских прав в суде: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1998.

способам защиты свойственны две формы реализации – регулятивная и охранительная³⁰⁸.

Думается, что подобное определение не является бесспорным. Акцент на принудительном характере реализации способа защиты, во-первых, не охватывает все виды применяемых способов. Так, такой способ защиты, как признание права, в отличие, например, от присуждения к исполнению обязанности, не обладает каким-либо принудительным свойством, позволяющим понудить лицо, против которого применяется такой способ защиты, к определенным негативным правовым последствиям в виде возложения обязанности совершить какие-либо действия либо воздержаться от их совершения.

Во-вторых, отождествление способа защиты с правовыми последствиями, полагаем, не совсем отражает сущность рассматриваемой правовой категории. Способ защиты гражданских прав содержит в себе как набор приемов (инструментариев) для защиты нарушенного субъективного права, так и саму процедуру защиты, выражающуюся в определенной установленной законом форме. Правовые последствия применения способа защиты гражданских прав, думается, представляют собой правовой итог реализации конкретного способа, но никак не сам способ как таковой.

Применительно к соотношению терминов «мера» и «средство» в литературе имеется точка зрения о том, что данные понятия соотносятся как общее и частное: «способ защиты как предусмотренная законом мера восстановительной направленности может реально воплощаться в использовании определенных средств, определяемых особенностью данного способа (предъявление иска, подача заявления или жалобы и т.д.)»³⁰⁹.

С.В. Тычинин считает возможным использование термина «средство защиты» права исключительно в рамках юрисдикционной формы

---

³⁰⁸ *Кравченко, А.А.* К вопросу о понятии способа защиты гражданских прав // Адвокат. 2014. № 7.

³⁰⁹ *Асташкина, Е.Ю.* Гражданско-правовые способы защиты прав акционеров в России : дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2003. С. 89.

защиты. Такая категория, по мнению данного автора, определяет те действия, которые необходимо предпринять управомоченному лицу, чтобы осуществить способы защиты права³¹⁰.

В рамках исследуемой тематики отдельного внимания заслуживает дискуссия относительно соотношения таких категорий, как «способ защиты» и «средство защиты». По этому поводу О.О. Юрченко отмечает следующее: сопоставляемые категории являются смежными и могут быть применены с целью обозначения структурных единиц защиты, однако должны быть отграничены в рамках их применения. При этом указанный автор разделяет «средство защиты» в узком (как способ защиты) и широком смысле (комплекс правовых норм, нацеленных на защиту субъективных прав). Отдельно отмечается, что для достижения цели защиты необходима реализация средств защиты в широком смысле. В связи с этим в отдельных случаях ученый предлагает заменить используемый термин «способ защиты» на «средство защиты» в гражданском законодательстве³¹¹.

А.П. Вершинин отмечает также, что формой осуществления средства защиты является требование заинтересованного лица об осуществлении мер защиты, которое это лицо направляет другим субъектам. Средство защиты представляет собой первоначальную реакцию управомоченного лица на произошедшее правонарушение, оно претворяется в жизнь путем волеизъявления, которое, в свою очередь, является первоначальным действием, направленным на защиту прав (например, путем подачи иска, жалобы и т.п.). По мнению ученого, исковое заявление состоит из таких элементов, как сведения о фактах нарушения, способы защиты прав³¹².

Приведенное обозначение способа защиты в качестве «средства» используется также В.В. Витрянским, который способы защиты гражданских

---

³¹⁰ *Тычинин, С.В.* Гражданско-правовые способы защиты прав граждан и организаций при чрезвычайных ситуациях : дис. ... канд. юрид. паук. СПб., 1996.

³¹¹ *Юрченко, О.О.* Право на защиту и способы защиты охраняемого законом интереса в гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. С. 8–9.

³¹² *Вершинин, А.П.* Способы защиты гражданских прав в суде : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1998.

прав рассматривает как предусмотренные законодательством средства, при помощи которых могут быть достигнуты пресечение, предотвращение, устранение нарушений права, его восстановление и (или) компенсация потерь, вызванных нарушением права³¹³.

Таким образом, в доктрине присутствует достаточно широкий спектр определений способов защиты гражданских прав, зачастую основанных на таких важных понятиях, как «средства» защиты и «меры» защиты. Результатом исследования современных взглядов на способы защиты гражданских прав стали следующие выводы: констатируется, что в современной цивилистике превалирует исследовательский концепт, согласно которому «способ защиты» тождественен «мерам защиты»; выяснено, что противники указанного концептуального подхода исходят из того, что отождествление способов и мер защиты неизбежно влечет стирание границ между институтом защиты гражданских прав (т.е. юрисдикционной и неюрисдикционной деятельностью) и ее способами; обнаружен специфический подход к квалификации способа защиты гражданских прав в качестве и меры защиты, и меры ответственности; установлено, что в цивилистике предложена также эталонная концепция, согласно которой способ защиты гражданских прав является моделью (эталонном) будущего поведения управомоченного лица, направленного на защиту его права; отмечено, что способ защиты гражданских прав характеризуется и как определенное требование управомоченного лица; кроме того, замечено, что «способ защиты» рассматривается как родовая категория в сравнении с «защитой прав»; описан научный подход, согласно которому способ защиты гражданских прав определен в качестве принудительного правового последствия, закрепленного законом и применяемого по инициативе управомоченного лица в целях удовлетворения его законных интересов. Как

---

³¹³ Брагинский, М.И., Витрянский, В.В. Договорное право. Кн. первая: Общие положения. Изд. 2-е, испр. М. : Статут, 1999. С. 776.

видно из приведенного обзора взглядов на определение категории способа защиты гражданских прав, спектр мнений весьма неоднороден.

Нам представляется, что определение способа защиты гражданских прав посредством использования указанной выше терминологии («средство», «мера», «санкция», «порядок действий» и пр.) допустимо путем одновременного перечисления таких категорий. Мотив для такого вывода достаточно прост: вся критика использования приведенных терминов для определения способа сводится к тому, что избираемое понятие отражает только какой-либо один элемент способа (например, мера акцентирует внимание на реализации способа в качестве гражданско-правовой ответственности). При этом практически все авторы сходятся во мнении о справедливости использования рассматриваемых терминов для определения признаков способа.

Представляется, однозначным недостатком современных исследований следует признать слабую разграниченность понятий «способ защиты», «средство защиты», «меры принуждения», «санкции». Данные термины употребляются как в синонимичных, так и в противоположных значениях, хотя и «способ защиты» можно считать превалирующим термином в современной науке. Представляется необходимым избавиться от неоднозначности терминологии и либо окончательно классифицировать данные понятия исходя из места, которое они занимают в теории и практике гражданского права, либо признать идентичность по меньшей мере понятий «способ защиты» и «средство защиты», как это было сделано в зарубежных правовых системах, где понятие «способ защиты» фактически не используется. Это было бы разумным и с точки зрения продолжающихся глобализации правового регулирования и создания региональных блоков норм, что упростило бы взаимодействие между отечественным и зарубежными правовыми системами.

В этом контексте следует отметить представляющуюся правильной позицию А.А. Кравченко, который призывает избегать метафор в научных определениях и не основываться на словарных определениях понятий «средство», «способ» и других³¹⁴. Со ссылкой на Д.П. Горского, отмечавшего, что «в сфере естественного языка к определениям предъявляются требования одного уровня строгости, к определениям в сфере науки – требования других уровней»³¹⁵, автор указывает на необходимость избавления от «проблемы круга» в определениях, когда «средство» определяется как «орудие» и наоборот. Данному вопросу будет уделено внимание в последующих параграфах настоящей работы.

В связи с этим **комбинированное определение** способа защиты гражданских прав, включающее перечисленные рассматриваемые термины, позволит более полно отразить все свойства изучаемой правовой категории.

Кроме того, определение способа защиты гражданских прав должно включать в себя как материальный, так и процессуальный аспект. В таком случае определение способа защиты будет наиболее полно отражать его сущность.

В целях квалификации единого определения способа защиты гражданских прав в первую очередь остановимся на лексическом понимании способа. Итак, согласно толковому словарю русского языка, «способ – образ действий, прием, метод для осуществления, достижения чего-либо»³¹⁶. Следовательно, содержание способа включает в себя процедурный аспект, состоящий в совокупности определенных действий (применительно к рассматриваемой юридической категории, думается, уместно говорить и о бездействии).

С этой точки зрения понятие способа защиты гражданских прав неразрывно связано с формой, в которой применяемый способ обличается.

---

³¹⁴ Кравченко, А.А. Указ. соч. С. 40.

³¹⁵ Горский, Д.П. Определение (логико-методологические проблемы). М. : Мысль, 1974. С. 91.

³¹⁶ Словарь русского языка : в 4 т. Т. IV / под ред. А.П. Евгеньевой. М. : Рус. яз., 1984. С. 575.

Как уже указывалось ранее, в современной цивилистической науке понятие «способ защиты гражданских прав» обособилось от «средства защиты», «санкции» и других схожих правовых категорий (в отличие от зарубежных правовых порядков, что уже было продемонстрировано ранее в настоящей работе). Способ защиты гражданских прав вошел в российскую правовую доктрину на самостоятельных правах, отражая собой диспозитивный характер метода гражданско-правового регулирования, предоставляющего самому управомоченному лицу возможность самостоятельного выбора конкретного способа защиты нарушенного права.

Понятие «способ защиты гражданских прав», как и ранее в Основях гражданского законодательства, закреплено в ст. 12 ГК РФ. В то же время прямого определения этого понятия в Кодексе не приводится, хотя и контекстуально оно устанавливается через перечень способов защиты, доступных к применению лицом, чье право нарушено.

М.А. Рожкова рассматривает способы защиты права через цель, конечный правовой результат их применения, указывая, что «способ защиты прав олицетворяет собой ту непосредственную цель, к достижению которой стремится субъект защиты»³¹⁷. И хотя применительно к данному определению существует ряд претензий, использование слова «олицетворение» не означает постановку знака равенства между способом защиты и целью его применения. В то же время сложно переоценить значение цели, которой хочет добиться управомоченный субъект в результате применения конкретного способа защиты. Фактически в случае выбора между несколькими способами защиты только цель управомоченного лица и определяет его выбор. Кроме того, нельзя не упомянуть, что М.А. Рожкова дает прямое определение способов защиты гражданских прав в качестве «мер, прямо предусмотренных законом в целях пресечения

---

³¹⁷ Рожкова, М.А. Средства и способы правовой защиты сторон коммерческого спора. М., 2006. С. 121–122.

оспаривания либо нарушения субъективных гражданских прав и (или) устранения последствий такого нарушения»³¹⁸.

Следует согласиться как минимум с выделением такого особенного элемента применения способа защиты гражданского права, как цель защиты. Как уже отмечалось ранее в настоящей работе, защита ради защиты не допускается, поскольку реализация акта защиты должна обязательно привести к определенному результату (восстановление нарушенного права, пресечение нарушения и пр.).

В.В. Груздев рассматривает способ защиты гражданских прав как «мыслимое направление защитительной деятельности управомоченного лица в конкретной ситуации нарушения или угрозы нарушения права, указывающее на то, какие меры, средство и в какой форме надлежит использовать для достижения целей данной деятельности»³¹⁹. И хотя использование категории «мыслимое направление деятельности управомоченного лица» является достаточно спорным и вряд ли согласуется с существующей правовой реальностью, данное определение ценно попыткой разграничить, по всей видимости, в рамках структуры способа защиты права меру, средство и форму защиты.

Государственное регулирование экономических отношений, будь то рыночные или плановые отношения, осуществляется, помимо прочего, путем гражданско-правового государственного принуждения, целью которого является обеспечение реализации способов защиты гражданских прав и, следовательно, обеспечение восстановления нарушенных прав. Несмотря на то, что не все авторы связывают способы защиты гражданских прав и меры государственного принуждения, изучив взгляды на природу государственного принуждения при реализации защиты прав, существовавшие в различные эпохи, полагаем возможным констатировать,

---

³¹⁸ Там же. С. 235–236.

³¹⁹ Груздев, В.В. Гражданско-правовая защита имущественных интересов личности. М. : Юстицинформ, 2012. С. 114.

что возможность государственного принуждения в рамках гражданского права как таковая все же не отрицается.

Зачастую в современной науке гражданского права значительное внимание уделяется не полноценному анализу концепции способов защиты гражданских прав, а сугубо практическому вопросу выбора **надлежащего способа защиты права** в определенных правоотношениях³²⁰ либо выбора формы защиты права³²¹.

В истории современной российской цивилистики А.П. Вершинин был одним из первых авторов, который осуществил комплексный анализ проблематики способов защиты гражданских прав, и впервые в постсоветской России представил развернутое освещение теоретических подходов к анализу способов защиты гражданских прав, используя для этого анализа теоретическую основу различных отраслевых наук и значительный объем практического материала, подобранного по теме³²². Другими цивилистами ценность исследования А.П. Вершинина также выявляется в том, что данным автором были изучены правовые нормы в их прямой взаимосвязи с практикой их применения, в то время как рассмотрение данных массивов информации в отрыве друг от друга нарушило бы стандарты аналитического правоведения³²³.

В то же время примечательным отличием подхода А.П. Вершинина к анализу способов защиты прав является большое внимание, уделяемое процессуально-правовому аспекту способов защиты, что не всегда обоснованно, поскольку данным автором допускается некоторое смешение вопросов материального и процессуального права.

---

³²⁰ См., напр.: *Буш, И.А.* Выбор надлежащего способа защиты прав сторон по договору аренды // Вестник Саратовской государственной академии права. 2008. № 2. С. 81–84; *Свечникова, И.В.* Выбор надлежащего способа при защите права собственности // Право и экономика. 2007. № 10. С. 25–28.

³²¹ См., напр.: *Дунаев, В.В.* Понятие и виды форм защиты гражданских прав // Сибирский юридический вестник. 2003. № 4. С. 33–36; *Бессолицын, А.Г.* Понятие и формы защиты права // Актуальные проблемы юридической ответственности: Мат-лы межвуз. науч.-практ. конференции. 24–25 апреля 2003 г. Тольятти : Изд-во ВУиТ, 2003. С. 73–77.

³²² *Вершинин, А.П.* Выбор способа защиты гражданских прав : учеб.-практ. изд. СПб. : Изд-во СФПК СПбГУ, 2000.

³²³ *Идрисов, Р.Ф., Костюк, Н.Н., Кокунова, С.Д.* Указ. соч. С. 86.

Основная классификация способов защиты гражданских прав, предложенная А.П. Вершининым, разделяет эти способы на материально-правовые и процессуальные (в качестве критерия классификации называется содержание действий управомоченного лица). Указанный вывод целиком основывается на умозаключении, что, хотя и все способы защиты гражданских прав приведены в ГК РФ, далеко не все из них обладают материально-правовой природой в действительности³²⁴. А.П. Вершинин понимает под процессуально-правовыми способами защиты гражданских прав «акты по применению норм права, признанию правоотношений или присуждению чего-либо», которые в конечном счете являются направленными на защиту прав или охраняемых законом интересов действиями юрисдикционных органов. К числу процессуальных способов защиты гражданских прав данный исследователь относит признание права, признание недействительной сделки или акта государственного органа, присуждение к исполнению обязанности в натуре³²⁵.

Приведенная позиция представляется спорной по ряду причин. Прежде всего, А.П. Вершинин смешивает понятия «форма» и «способ», относя вышеприведенные способы защиты к процессуально-правовым только лишь по причине возможной формы их применения. Более того, одновременно в соотношении формы и способа вплетается еще и мера государственного принуждения. Применение многих способов защиты гражданских прав действительно обусловлено реализацией мер государственного принуждения, однако постановка знака равенства между этими категориями, по нашему мнению, недопустима. Вопрос соотношения понятий «форма», «мера» и «способ» применительно к защите гражданских прав будет подробно рассмотрен в последующих параграфах.

---

³²⁴ Вершинин, А.П. Судебная форма защиты субъективных прав // Субъективное право: проблемы осуществления и защиты. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1989. С. 16–17; *Он же*. Способы защиты прав предпринимателей в арбитражном суде. СПб. : ТД «Северо-Запад», 1996.

³²⁵ Вершинин, А.П. Способы защиты гражданских прав в суде. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1997.

Далее, А.П. Вершининым не учитывается такая важная особенность субъективного гражданского права, как обеспеченность его правом на защиту. Право на защиту рассматривается и как элемент субъективного гражданского права, и как гарантия его существования, поскольку иначе субъективное гражданское право не существовало бы или (в случае утраты права на защиту) прекратилось.

Р.Ф. Идрисов, Н.Н. Костюк и С.Д. Кокунова применительно к позиции А.П. Вершинина отмечают следующее: «Однако анализ основных положений законодательства в сфере защиты прав частных лиц и правоприменительной практики неминуемо приводит к выводу о том, что в перманентной нереализации прав частных лиц менее всего виновато отсутствие каких-либо норм материального права. Скорее всего, проблема в отсутствии адекватных норм процессуального права. Получается, что из многих выработанных юридической наукой категорий, характеризующих защиту гражданского права, способ защиты является в настоящее время наиболее употребимым и устоявшимся как в теории, так и в практике законодательного регулирования. А последнее есть самое главное для реальной защиты нарушенных гражданских прав»³²⁶.

Определение понятия способа защиты гражданского права, принятое в современной юридической науке, подлежит некоторому пересмотру с целью учета важности неюрисдикционной формы защиты, равенства сторон гражданского правоотношения и автономии воли сторон. Способ защиты гражданских прав представляет собой меру поведения, установленную и санкционированную государством либо установленную и признанную обладающей обязательной силой участниками гражданского правоотношения, а равно осуществляемую участником гражданского правоотношения самостоятельно, целью которой является надлежащая реализация и, при необходимости, охрана субъективных гражданских прав и

---

³²⁶ Идрисов, Р.Ф., Костюк, Н.Н., Кокунова, С.Д. Указ. соч.

охраняемых законом интересов субъекта гражданских прав, их восстановление в случае нарушения и оказания воздействия на правонарушителя.

Подведем промежуточные итоги отраженному исследованию.

Во-первых, способом защиты гражданских прав следует именовать совокупность приемов, средств, мер правового характера, направленных на достижение целей защиты гражданских прав субъектов гражданских правоотношений, реализуемых в установленной законом форме при соблюдении обязательных условий применения конкретного способа защиты.

Во-вторых, вопреки распространенному мнению, следует признать, что самозащита не является ни формой защиты, ни способом гражданских прав. Категория «самозащита» должна использоваться наряду с «защитой» гражданских прав. Соответственно, для защиты гражданских прав применимы как способы защиты, так и способы самозащиты. Причем допускается одновременное применение способов как защиты, так и самозащиты для более полного достижения целей защиты нарушенных гражданских прав.

В-третьих, формой защиты гражданских прав является внешнее выражение реализации способов защиты гражданских прав, обусловленное определенным порядком действий субъекта применения способа защиты. При этом с учетом квалификации самостоятельного характера самозащиты уместно отграничить формы защиты от форм самозащиты гражданских прав. При таком подходе защита гражданских прав осуществляется в судебной и административной юрисдикционных формах (о чем прямо указано в ст. 11 ГК РФ) способами, поименованными в ст. 12 ГК РФ, а самозащита гражданских прав – в неюрисдикционной форме способами, как поименованными, так и непоименованными законом.

В-четвертых, необходимо отличать охрану от защиты гражданских прав. Фактически охрана гражданских прав содержит предупредительную функцию, в отличие от защиты, представляющей собой реакцию на уже состоявшееся посягательство на право. С такой точки зрения применение способа защиты гражданских прав можно рассматривать в качестве финального этапа охраны, непосредственно направленного на достижение установленных законом целей защиты.

В-пятых, определение способа защиты гражданских прав посредством использования приведенной выше терминологии («средство», «мера», «санкция», «порядок действий» и пр.) допустимо путем одновременного перечисления таких категорий. В связи с этим **комбинированное определение** способа защиты гражданских прав, включающее в себя все термины посредством перечисления рассматриваемых терминов, позволит более полно отразить все свойства изучаемой правовой категории.

§ 1.4. Условия применения способов защиты гражданских прав и правовые последствия их несоблюдения

Действующее законодательство не содержит положений об общих условиях применения надлежащего способа защиты гражданских прав, подходящих для всех способов защиты без исключения.

Научная литература не восполняет указанный пробел, какие-либо системные исследования, посвященные общим условиям защиты гражданских прав, также не обнаруживаются.

Отдельные труды посвящены анализу категории «юридические условия», под которыми традиционно понимаются обстоятельства, не оказывающие самостоятельного влияния на динамику правоотношения, но при этом имеющие юридическое значение для участников имущественного оборота. Согласно такой концепции, юридические условия образуют не сами правоотношения, а лишь возможность их возникновения.

Условия защиты, по мнению отдельных авторов, представляют собой отраженные в законе требования, характеризующие основание защиты права и необходимые для применения способов защиты права³²⁷. Однако, как уже отмечалось, как раз закон легального закрепления условий защиты гражданских прав не содержит.

Следует сформулировать определение условий защиты гражданских прав. Представляется, что таковыми являются обязательные требования, соблюдение и выполнение которых влечет возможность применения способа защиты субъективного гражданского права.

Встречается мнение о том, что от условий следует отличать основания защиты права.

---

³²⁷ Саватеев, В.Ю. Гражданско-правовая защита прав участников предпринимательских отношений : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2007. С. 141.

В качестве оснований защиты гражданских прав принято рассматривать обстоятельства, оправдывающие действия по защите права, а также волевое поведение управомоченного лица, направленное на защиту права³²⁸. Отдельные авторы основание для защиты отождествляют с самим правонарушением³²⁹. При этом нарушение прав в гражданском праве рассматривается одновременно как деяние правонарушителя и негативный результат для потерпевшего. Правонарушение является основанием для применения юридической ответственности (в рассматриваемом случае – гражданско-правовой).

Вместе с тем, как уже отмечалось в предыдущих параграфах, защита гражданских прав не ограничивается только лишь реакцией на состоявшееся (наличное) нарушение права, поскольку защита как минимум применима и для пресечения угрозы нарушения (при отсутствии нарушения права как такового).

В.П. Мозолин справедливо отмечал, что «далеко не всегда только правонарушение является основанием для защиты субъективного права, в качестве такового выступает всякое потенциальное или реальное препятствие для его осуществления»³³⁰.

В таком случае (при отсутствии нарушенного права, но наличии реальной угрозы его нарушения) состояние защищаемого права отдельные цивилисты именуют оспариваемым правом. Уместно привести мнение Р.А. Зейналовой, полагающей, что оспариваемое право можно определить как право, которое еще не нарушено, но возникла некая неопределенность в его существовании или реализации³³¹.

Таким образом, представляется, отождествление условий и оснований защиты гражданских прав (по приведенной выше аргументации) не

---

³²⁸ Саватеев, В.Ю. Указ. соч. С. 143.

³²⁹ Соловьев, В.Н. Нематериальные блага в гражданском праве и их защита: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2003. С. 17.

³³⁰ Гражданское право. Часть первая : учебник / отв. ред. В.П. Мозолин, А.И. Масляев. М., 2007. С. 87.

³³¹ Зейналова, Р.А. Признание договора незаключенным как самостоятельный способ защиты права // Юрист. 2017. № 4. С. 24–28.

корректно. Следовательно, и само по себе гражданское правонарушение в таком случае не будет поглощать все возможные поводы для защиты гражданских прав.

Относительно самого соотношения понятий «нарушенное право» и «правонарушение» в научной литературе обнаружена достаточно активная дискуссия.

Рассмотрим сущность гражданского правонарушения для окончательного разрешения названной дискуссии.

В теории права выделяются два основных признака любого (включая гражданское) правонарушения: противоправность и общественная опасность³³². Это положение является основополагающим в общей теории права и разделяется, по сути, всеми представителями этой науки.

Проявлением общественной опасности гражданского правонарушения являются его последствия, ввиду чего она носит объективный характер и не зависит от сознания лица, такое правонарушение совершившего. Так, Н.С. Таганцев указывал на объективное свойство существования опасности как последствия преступления, вне зависимости от факта ее осознания виновным лицом³³³.

Однако в цивилистической доктрине исследования, посвященной анализу общественной опасности как элемента гражданского правонарушения, практически отсутствуют; внимание обычно уделяется лишь материальным последствиям правонарушения – «имущественному и моральному вреду, причиняемым в рамках договорных и деликтных правоотношений»³³⁴.

Таким образом, в широком смысле защита гражданских прав должна приводить к нивелированию гражданского правонарушения. В свою очередь,

---

³³² Общая теория права и государства / под ред. В.В. Лазарева. М., 1994. С. 197.

³³³ Таганцев, Н.С. Русское уголовное право : лекции. Часть общая. Т. 1. М., 1994. С. 279.

³³⁴ См.: Брагинский, М.И., Витрянский, В.В. Договорное право. Общие положения. М., 1997. С. 574–578; Грибанов, В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000. С. 329–333; Конюх, Е.А. Возмещение вреда, причиненного земельными правонарушениями (гражданско-правовой аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2003.

правонарушение может быть и длящимся, и оконченным. Следовательно, при длящемся правонарушении целью защиты является пресечение такого противоправного поведения. При оконченом – устранение негативных последствий от правонарушения.

Отметим, что многочисленная судебная практика, упоминая о «нарушении гражданского права», оперирует такими понятиями, как «обеспечение восстановления нарушенного права» и «соответствие содержанию нарушенного права и характеру нарушения»³³⁵.

Касательно направленности избранного способа на восстановление нарушенного права будет подробно изложено в последующем параграфе, посвященному анализу целей защиты гражданских прав. Обобщая все выявленные цели защиты гражданских прав, можно заключить, что одним из бесспорных условий применения надлежащего способа защиты будет являться *направленность такого способа на достижение целей защиты права*.

Относительно «содержания нарушенного права и характера самого нарушения» следует отметить, что очередным необходимым условием для применения акта защиты является само *нарушение права*. Доктрина оперирует различными терминологическими вариациями о рассматриваемом поводе для защиты: «правонарушение», «спор о праве», «оспоренное или оспариваемое право», «нарушенное право», «посягательство на право» и пр. В подобной же различной интерпретации «нарушения» содержится упоминание и в судебной практике.

Так или иначе, все обозначенные термины централизуются вокруг *нарушения*, которое допускается в отношении принадлежащего управомоченному лицу гражданского права.

---

³³⁵ Постановления АС Волго-Вятского округа от 17.05.2021 по делу № А17-9846/2019, АС Уральского округа от 24.05.2021 № Ф09-1023/21 по делу № А76-37837/2018, от 18.05.2021 № Ф09-2424/21 по делу № А60-14150/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

Как уже было отмечено, наличие правонарушения, безусловно, является основанием для применения соответствующего акта защиты. Однако, представляется, выделение только лишь такого юридического факта как необходимого условия для защиты гражданского права будет являться явно недостаточным.

Исследователи общей теории права и цивилистической науки в качестве объективной стороны правонарушения выделяют противоправность. Например, «если договор или закон нарушены, значит, действия противоправны»³³⁶. Сторонники данной точки зрения отмечают, что противоправность объективно выражается в поведении, которое нарушает норму права независимо от того, знал или не знал субъект о неправомерности своего поведения. Следовательно, для констатации противоправности достаточно установить объективное несоответствие поведения участника гражданского правоотношения требованиям законодательства³³⁷.

Вместе с тем, очевидно, что противоправность может присутствовать в поведении лица и до того, как само принадлежащее заинтересованному лицу право будет нарушено. Кроме того, сама по себе противоправность как необходимый признак правонарушения может отсутствовать и при применении защиты гражданских прав. Например, на сегодняшний день закон предусматривает возможность компенсации ущерба за правомерные действия органов публичной власти (ст. 16.1 ГК РФ).

Таким образом, как правонарушение, так и противоправность не являются обязательными условиями для защиты гражданских прав.

В связи с этим возможным разрешением приведенной проблемы будет являться применение некой общей правовой категории, объединяющей признаки как нарушенного права, так и права под угрозой нарушения (или оспариваемого права).

---

³³⁶Лившиц, Р.З. Теория права. М., 1994. С. 146.

³³⁷Гражданское право : учебник. Т. 1 / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М., 2000. С. 553.

Попытка поиска такого решения привела к выделению *посягательства* на субъективное гражданское право.

Исследователи категории «посягательство на право» утверждают, что речь в таком случае идет о наличии реально существующей угрозы нарушения определенного субъективного права, требующей реакции в виде защиты права.

Правда, сторонники этого подхода разделяют угрозу нарушения права и посягательство на право, утверждая о важности выявления перечня реальных угроз и посягательств как системы юридических фактов, дающих основание запустить механизм защиты субъективного гражданского права уже на стадии посягательства на субъективное право. Предполагаемое нарушение может повлечь необратимость правовых последствий. Например, сам объект права будет уничтожен либо возникнет невозможность получения встречного удовлетворения, причитающегося по договору. В таком случае нарушение права влечет невозможность его восстановления в связи с безвозвратной утратой соответствующего объекта субъективного гражданского права.

При всей справедливости аргументации о целесообразности закрепления защиты против угрозы нарушения, тем не менее, не согласимся с отделением посягательства от угрозы.

Само лексическое значение термина «посягательство» состоит в «попытке захватить что-либо или причинить кому-либо какой-либо ущерб, вред»³³⁸.

Следовательно, весьма спорным является распространенное мнение о квалификации посягательства на субъективное гражданское право в форме действия либо бездействия. Очевидно, сама по себе суть посягательства, состоящая именно в попытке негативного воздействия на принадлежащее управомоченному лицу субъективное право, обуславливает активную форму

---

³³⁸ URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/посягательство> (дата обращения: 05.10.2021).

совершаемых действий (в отличие от правонарушения, возможного как в форме действий, так и бездействия).

В доктрине встречается мнение о выделении таких видов посягательства, как непризнание, оспаривание либо нарушение субъективного гражданского права³³⁹, однако по изложенным выше причинам, думается, подобное утверждение не вполне корректно.

С одной стороны, посягательство на право должно включать в себя угрозу его нарушения. С другой стороны, посягательством не охватывается в полной мере правонарушение, поскольку последнее может являться окончанным (иными словами, реализованным посягательством или свершившейся попыткой).

По мнению отдельных авторов, термин «посягательство» не удачен для применения в гражданском праве³⁴⁰, поскольку используется в уголовном праве и предполагает наличие умышленного преступного деяния³⁴¹. Однако представляется, что подобное толкование безосновательно сужает сущность посягательства, возможного, очевидно, и в отношении субъективных гражданских прав, в результате чего признаки уголовно наказуемого деяния будут отсутствовать.

Подведем промежуточный итог. Представляется, что посягательство, правонарушение и угроза нарушения права по своему содержанию пересекаются, но не совпадают. Правонарушение субъективного гражданского права возможно в форме действия и бездействия, посягательство – только в форме действия, нарушающего право.

Угроза, в отличие от посягательства, возможна и в форме бездействия. Например, в силу положений п. 2 ст. 715 ГК РФ заказчик по договору подряда вправе заявить отказ от исполнения договора и потребовать

---

³³⁹ Богданова, Е.Е. Проблема основания защиты субъективных гражданских прав // Журнал российского права. 2004. № 10. С. 40–45.

³⁴⁰ Грудцына, Л.Ю., Спектор, А.А. Постатейный научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об ипотеке (залоге недвижимости)». М. : Деловой двор, 2007.

³⁴¹ См., напр., ст. 295 УК РФ, предусматривающую уголовную ответственность за посягательство на жизнь судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия.

компенсации убытков при констатации очевидности будущего ненадлежащего исполнения подрядчиком своих обязательств по выполнению работ в согласованный срок (если подрядчик выполняет работу настолько медленно, что ее окончание в установленный договором срок становится невозможным, либо если подрядчик не приступает к выполнению работ, что очевидно приведет к невозможности их выполнения в срок). Безусловно, что приведенная угроза праву заказчика существует в форме бездействия, в связи с чем может быть подвергнута реакции в виде защиты своего права со стороны заказчика.

В свою очередь, угроза нарушения права может представлять собой оконченное правонарушение (подробнее см. § 1.3 настоящей работы), в связи с чем содержательно угроза не совпадает полностью ни с посягательством на субъективное гражданское право, ни с гражданским правонарушением.

Таким образом, защита субъективного гражданского права должна применяться и против посягательства, и против правонарушения, и против угрозы нарушения права. Объединяющим признаком для указанных правовых категорий является негативное воздействие на субъективное гражданское право. Приведенные три обстоятельства следует квалифицировать в качестве основания применения защиты гражданского права, поскольку именно основания (а не условия) представляют собой оправдание (повод) применения способов защиты гражданских прав.

Научная литература содержит и иные варианты классификации оснований защиты гражданских прав. В частности, выделяются неправомерное или необоснованное ограничение права (например, ограничение права собственности при начислении налогов, установленных законом, но в противоречии с нормами Конституции РФ); злоупотребление правом; нарушение, непризнание и оспаривание права³⁴². Однако представляется, что подобная классификация не вполне логична. По

---

³⁴² Кархалев, Д.Н. Гражданско-правовые меры защиты и меры ответственности: учебное пособие. Уфа: РИО БашГУ, 2004.С. 71.

большому счету все приведенные виды оснований представляют собой гражданское правонарушение. В свою очередь, та же угроза нарушения права в указанном примере оснований не очевидна.

Таким образом, возвращаясь к вопросу об условиях защиты, следует констатировать, что в качестве таковых необходимо выделять *наличие нарушенного или оспариваемого права*. Наличное нарушенное право обусловлено состоявшимся правонарушением либо посягательством на право, в то время как оспариваемое право – угрозой нарушения. Представляется, подобные два условия поглощают все возможные варианты негативного воздействия на субъективное гражданское право, влекущего необходимость в защите.

Приведенное условие имеет свое практическое значение. Так, цивилистическая наука отражает мнение отдельных авторов о возможности защиты гражданских прав, не подвергающихся нарушению либо иному негативному воздействию (при отсутствии угрозы нарушения либо посягательства на право). В качестве примера защиты при отсутствии негативного воздействия на субъективное гражданское право сторонники этого подхода ссылаются на такой способ защиты, как признание права³⁴³. Однако даже приведенный способ защиты, направленный на устранение правовой неопределенности, реализуется только при наличии к тому соответствующего повода (в случае, когда принадлежность права управомоченному лицу подвергается сомнению, иными словами, – при наличии оспариваемого права)³⁴⁴.

Таким образом, рассмотренный подход приведет к определению «защиты ради защиты», т.е. к бесцельной реализации субъективного гражданского права на защиту, что, свою очередь, теряет всякий смысл защиты как таковой.

---

³⁴³ *Остапюк, Н.В.* Понятие и формы защиты гражданских прав. Особенности нотариальной защиты гражданских прав // Юрист. 2006. № 4, 5.

³⁴⁴ Постановление ФАС Уральского округа от 12.04.2006 по делу № Ф09-2538/06-С3 // СПС «КонсультантПлюс».

Следовательно, законодательная фиксация приведенного условия защиты гражданских прав, в частности, создаст определенность в правоприменении положений о способах защиты гражданских прав.

Рассмотрим иные условия защиты гражданских прав.

Э.Л. Страунинг к условиям правомерной реализации способов самозащиты гражданских прав относит наличие действительного права, подлежащего защите, соответствие причиняемого самозащитой вреда реальному или возможному предотвращаемому вреду, а также непревышение пределов самозащиты. Он полагает, что названные условия являются общими для всех способов самозащиты гражданских прав одновременно, выделяя, тем не менее, возможные дополнительные условия, предусмотренные законом. В качестве примера ученый ссылается на закрепленный законом порядок реализации права на отказ арендодателя от договора аренды при условии невнесения арендатором в установленный договором аренды срок арендной платы более двух раз подряд (ст. 619 ГК РФ)³⁴⁵.

Следует согласиться с приведенным мнением о *наличии действительного права, подлежащего защите*, как необходимого условия для реализации соответствующего способа. Однако прочие указанные условия, очевидно, не могут обладать «общим» характером для применения ко всем способам защиты гражданских прав, а, следовательно, требуют своей доработки.

На примере такого способа, как «признание права», нами уже отмечалась обоснованность констатации *наличия права как необходимого условия для его защиты*³⁴⁶. Придавая такому условию общий характер, указанную формулировку следует уточнить.

---

³⁴⁵ Страунинг, Э.Л. Указ. соч. С. 81.

³⁴⁶ Латыпов, Д.Н. Признание права как способ защиты гражданских прав : дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2010. С. 13.

Как известно, реализуемые способы защиты гражданских прав могут обладать правоподтверждающим, правообразующим либо правоизменяющим характером. Вместе с тем даже приобретение права в результате применения способа защиты будет обладать производным характером, ибо первоначальным поводом для такого приобретения права являлось само негативное воздействие на существующее в объективной реальности субъективное гражданское право. Иными словами, нарушено или оспорено может быть только существующее право³⁴⁷, в противном случае отсутствует сам объект нарушения и оспаривания.

В завершение обоснования целесообразности выделения рассматриваемого условия следует отметить, что судебная практика также системно и однозначно квалифицирует в качестве обязательного условия для защиты гражданского права принадлежность *управомоченному лицу* соответствующего субъективного материального права либо охраняемого законом интереса³⁴⁸.

Действительно, с одной стороны, защита гражданских прав обладает адресным характером, соответственно, принадлежность защищаемого права управомоченному лицу может являться условием для такой защиты. Однако, с другой стороны, законодателю известны случаи защиты гражданских прав неограниченного круга лиц, что само по себе исключает признак «общего» характера у рассматриваемого условия. В качестве примера можно назвать известные российскому гражданскому процессуальному праву косвенные иски в области защиты корпоративных прав (иски участников корпорации в защиту прав и законных интересов общества)³⁴⁹, иски компетентных органов

---

³⁴⁷ Постановление 10ААС от 17.11.2008 по делу № А41-6541/08 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁴⁸ См., напр.: постановления АС Волго-Вятского округа от 21.12.2020 № Ф01-13537/2020 по делу № А29-17115/2019, АС Московского округа от 01.09.2021 № Ф05-13476/2021 по делу № А41-8742/2020, АС Поволжского округа от 26.03.2021 № Ф06-1762/2021 по делу № А65-7152/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁴⁹ См., напр.: *Лантев, В.А.* Корпоративное право: правовая организация корпоративных систем: монография. М.: Проспект, 2019.; *Ланг, П.П., Ширяева, А.И.* Институт косвенных исков в корпоративных отношениях: теоретические и практические аспекты // Российская юстиция. 2021. № 3. С. 32–35; *Самсонов, Н.В.* Групповые иски – новый вид исков в российском гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 1. С. 22–27.

в защиту неопределенного круга лиц (ст. 46, 47 ГПК РФ, ст. 42 КАС РФ) и пр.

При таких обстоятельствах условием для защиты будет являться не просто наличие субъективного права, а именно *принадлежность субъективного гражданского права управомоченному лицу либо лицу (лицам), в интересах которого в установленных законом случаях применяется защита.*

Другим немаловажным фактором (условием защиты), который необходимо учитывать при избрании способа защиты гражданских прав, является *соразмерность* последствиям негативного воздействия на субъективное гражданское право. Практически вся судебная практика исходит из обязательности соблюдения критерия соразмерности избираемого способа последствиям нарушения³⁵⁰. Такой принцип соответствует положениям ст. 10 ГК РФ о пределах осуществления гражданских прав. Иное означало бы излишний характер защиты, бесосновательно ограничивающий права и законные интересы лица, против которого такая защита направлена.

Таким образом, констатация совокупности выявленных условий защиты субъективного гражданского права, как обязательных требований, соблюдение которых влечет возможность применения защиты, влечет вывод о *надлежащем характере* применяемого управомоченным лицом способа защиты.

В качестве правового последствия избрания заинтересованным лицом ненадлежащего способа защиты следует применять отказ в защите права.

Думается, такой подход позволит закрепить четкие границы защиты гражданских прав, что, с одной стороны, повысит эффективность защиты прав заинтересованного лица, с другой – обеспечит и права лица, против которого такая защита применяется. Изложенное соответствует принципу

---

³⁵⁰ Определения Верховного Суда РФ от 18.12.2018 по делу № 307-ЭС18-8988; от 02.04.2019 № 85-КГ18-23; от 26.02.2019 № 117-КГ18-53 // СПС «КонсультантПлюс».

равноправия участников гражданского оборота как одного из базовых начал гражданского права (ст. 1 ГК Ф).

Далее, констатация всех вышеперечисленных условий защиты субъективного гражданского права неизбежно подводит к главному практическому вопросу о выборе способа защиты среди множества вариантов.

Прежде всего, отметим устоявшуюся системную позицию о принадлежности такого права выбора именно управомоченному лицу, что согласуется с базовыми принципами гражданского права о свободном и беспрепятственном осуществлении гражданских прав и обязанностей (ст. 1 ГК РФ) по своему усмотрению (своей волей и в своем интересе) (ст. 9 ГК РФ). Изложенное означает недопустимость понуждения лиц к реализации определенного поведения, составляющего содержание гражданских прав. Аналогичный подход к толкованию приведенных принципов гражданского права содержится в п. 58 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2020), утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 10.06.2020³⁵¹.

Вместе с тем, как известно, всякая свобода ограничивается свободой других лиц (иными словами – не нарушать права и обязанности третьих лиц), что закреплено в положениях Основного Закона Российской Федерации (ч. 3 ст. 17 Конституции РФ).

Следовательно, управомоченное лицо свободно в выборе способа защиты своего нарушенного права, однако такой выбор не должен ущемлять права и законные интересы других лиц, в связи с чем избранный способ защиты должен *соответствовать содержанию нарушенного или*

---

³⁵¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 10.

*оспариваемого права и спорного правоотношения, а также характеру нарушения, угрозы нарушения либо посягательства на право*³⁵².

Выбор конкретного способа защиты обусловлен не только характером негативного воздействия на право, но и природой каждого способа³⁵³. Это означает, что в тех случаях, когда закон предусматривает для конкретного правоотношения определенный способ защиты, лицо, обращающееся в суд, вправе воспользоваться именно этим способом защиты, а не каким-либо иным³⁵⁴.

Изложенное позволяет заключить о созревшей целесообразности легального закрепления правила об ограничении свободы выбора способа защиты с одновременным исключением требования об обязательной регламентации каждого способа защиты гражданских прав законом. Например, для защиты корпоративных прав участников на управление в хозяйственном обществе законом предусмотрены положения о возможности обжалования решений органов управления³⁵⁵, о понуждении к проведению общего собрания акционеров³⁵⁶ и пр. С учетом наличия прямой нормы права о возможности защиты субъективных гражданских прав именно приведенными способами, думается, отступление от такого инструментария должно являться основанием для вывода о ненадлежащем способе защиты, как следствие, об отказе в защите права.

В связи с этим отметим обоснованность исключения из закона требования об обязательном правовом закреплении способа защиты гражданских прав. В частности, достаточно часто встречаются примеры

---

³⁵² Такой подход отражен в п. 22 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2017), утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 16.02.2017 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 1, 2, 3.

³⁵³ Определение Верховного Суда РФ от 16.09.2014 по делу № 310-ЭС14-79 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁵⁴ Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 11.07.2014 по делу № А32-34232/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁵⁵ См. ст. 43 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

³⁵⁶ См. п. 8 ст. 55 Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1.

отказа в защите права по причине избрания способа, не поименованного в ст. 12 ГК РФ³⁵⁷.

Вместе с тем, одновременно наблюдается и признание правомерности применения способов защиты, прямо законом не предусмотренных. Например – признание договора незаключенным³⁵⁸, признание недостоверной регистрационной записи в ЕГРЮЛ в отношении юридического лица³⁵⁹, признание незаконными действий юридического лица и пр. Закон не упоминает указанные способы, но правоприменитель с надлежащим характером таких способов соглашается. Кстати, если рассмотреть отдельно такой способ защиты, как признание договора незаключенным, то остается неразрешенным вопрос, почему же тогда «признание договора заключенным» будет являться ненадлежащим способом по мотиву отсутствия его правового регулирования³⁶⁰.

Остается неясным, какова же граница возможного выхода за пределы ограничения, предусмотренного на сегодняшний день в ст. 12 ГК РФ (иными словами, в каком случае способ защиты, указанный (не указанный) в законе, будет являться надлежащим (ненадлежащим)). Очевидно, подобный пробел понижает эффективность защиты гражданских прав, подрывает принцип обеспечения защиты субъективных гражданских прав, наконец, создает сложности в правильности выбора управомоченным лицом способа защиты своего права.

Таким образом, как видно, установленная законом свобода выбора конкретного способа защиты все же ограничена наличием определенных критериев такого выбора, нарушение которых будет являться основанием для

---

³⁵⁷ См., напр.: Определение Верховного Суда РФ от 17.01.2020 № 306-ЭС19-25732 по делу № А12-6710/2019; Постановление АС Уральского округа от 20.09.2017 № Ф09-6191/14 по делу № А07-2059/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁵⁸ Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 08.06.2011 по делу № А79-9395/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁵⁹ Решение АС Пермского края от 05.05.2021 по делу № А50-2243/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁶⁰ Постановление ФАС Уральского округа от 19.12.2012 № Ф09-12327/12 по делу № А07-22276/2011 // СПС «КонсультантПлюс».

отказа в удовлетворения иска по причине избрания заинтересованным лицом ненадлежащего способа защиты гражданских прав.

Вместе с тем в п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»³⁶¹ сформулирована правовая позиция, согласно которой избрание управомоченным лицом способа защиты, применение которого не может восстановить нарушенное право, не является препятствием для принятия соответствующего иска. В таком случае суд должен вынести на обсуждение вопрос о юридической квалификации правоотношения для определения того, какие нормы права подлежат применению при разрешении спора.

Данные разъяснения не содержат прямого указания на невозможность отказа в иске заинтересованному лицу по причине избрания им ненадлежащего способа защиты, не влекущего достижение обозначенной цели защиты. Вместе с тем, согласно названной позиции, суд вправе за истца переформулировать правовую квалификацию его заявленных требований. Возникает вполне закономерный вопрос: означает ли подобная позиция наличие права суда самостоятельно изменить избранный истцом способ защиты?

С одной стороны, подобное дискреционное полномочие выглядит справедливым, поскольку не всегда становится очевидной целевая направленность управомоченного лица при предъявлении требований в суд. Это обстоятельство порождает потребность в выяснении позиции сторон о соответствии избранного истцом способа защиты характеру декларируемого нарушения. По мнению В.А. Болдырева, «именно так и поступает суд, когда на его разрешение поступает дело, в рамках которого рассматриваются

---

³⁶¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

„необычные“ требования и даже требования, нетипичные для данных обстоятельств и нарушений»³⁶².

Сторонники обоснованности приведенного подхода также ссылаются на известный еще римскому праву принцип *jura novit curia* («суд знает право»), что должно, казалось бы, оправдывать правомерность рассматриваемого правомочия суда.

Однако, думается, такой подход несколько нарушает закрепленный ст. 9 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (далее – АПК РФ)³⁶³, 12 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (далее – ГПК РФ)³⁶⁴ принцип состязательности и равноправия сторон в гражданском процессе. Полагаем, что суд не должен устранять за истца его «недоработки», тем самым, по сути, исполнять обязанность, возложенную на истца законом. Наличие такого правомочия у суда нарушит баланс интересов сторон, ограничит право противоположной стороны аргументированно и эффективно защищать свои интересы.

Представляется, что исключение права суда самостоятельно определять квалификацию заявленных истцом требований будет более способствовать достижению задач гражданского процесса.

В рассматриваемой ситуации уместным было бы вспомнить правовую позицию Президиума ВАС РФ, отраженную в Постановлении от 15.10.2013 № 8127/13, в соответствии с которой суд не вправе за ответчика исполнять соответствующую обязанность по опровержению представленных истцом доказательств, поскольку иначе будут нарушены такие фундаментальные принципы арбитражного процесса, как состязательность и равноправие сторон, что может привести к принятию неправильного решения (ст. 9 АПК РФ).

---

³⁶² Болдырев, В.А. Иски о признании регистрируемого договора прекратившимся и обязательственного права отсутствующим // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 1. С. 61.

³⁶³ СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

³⁶⁴ СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

Следовательно, поскольку суд не вправе за стороны исполнять обязанность по опровержению представленных доказательств, значит, суд не должен и самостоятельно за истца формулировать применимые нормы права к его требованиям и тем более применять правильный, по мнению суда, способ защиты гражданских прав³⁶⁵.

При таких обстоятельствах выбор способа защиты субъективного гражданского права принадлежит только управомоченному лицу, а компетентный орган (думается, не только суд, но и всякий иной соответствующий юрисдикционный орган) правом коррекции такого выбора обладать не должен. Избрание же лицом ненадлежащего способа защиты должно повлечь отказ в защите права. Именно такой подход способен обеспечить принцип равенства участников гражданских правоотношений (ст. 1 ГК РФ), а также баланс интересов сторон охранительного правоотношения, возникающего в связи с применением акта защиты субъективного гражданского права.

По итогам исследования, содержащегося в настоящем параграфе, сформулируем следующие выводы.

Условиями надлежащей защиты гражданских прав являются обязательные требования, соблюдение и выполнение которых влечет возможность применения способа защиты субъективного гражданского права.

От условий следует отличать основания защиты гражданских прав, представляющие собой юридические факты, оправдывающие применение способов защиты. К таким основаниям предлагается относить негативное воздействие на субъективное гражданское право в виде посягательства, правонарушения либо угрозы нарушения права.

---

³⁶⁵ Ранее нами уже освещался подобный подход, см.: *Латыпов, Д.Н.* Процессуальные условия применения надлежащего способа защиты гражданских прав // Вестник гражданского процесса. 2016. № 2. С. 272–281.

Вопреки существующему мнению, посягательство, правонарушение и угроза нарушения по своему содержанию пересекаются, но не совпадают. Посягательство, представляющее собой попытку негативного воздействия на право, возможно только в форме активных действий, в отличие от гражданского правонарушения, совершаемого как в форме действий, так и бездействия. В свою очередь, угроза нарушения права может представлять собой оконченное правонарушение, в связи с чем содержательно угроза не совпадает полностью ни с посягательством на субъективное гражданское право, ни с гражданским правонарушением.

Общими условиями надлежащей защиты гражданских прав являются:

- принадлежность субъективного гражданского права управомоченному лицу либо лицу (лицам), в интересах которого в установленных законом случаях применяется защита;

- наличие нарушенного или оспариваемого права (наличное нарушенное право обусловлено состоявшимся правонарушением либо посягательством на право, в то время как оспариваемое право – угрозой нарушения);

- направленность избранного способа на достижение целей защиты субъективного гражданского права;

- соразмерность избранного способа последствиям нарушения либо оспаривания права;

- соответствие избранного способа защиты характеру нарушения в случаях, установленных законом.

Для констатации надлежащего характера избранного способа защиты необходимо установить совокупность приведенных условий. Следовательно, отсутствие любого из условий должно повлечь отказ в защите субъективного гражданского права.

Обоснована целесообразность легального закрепления правила об ограничении свободы выбора способа защиты с одновременным исключением требования об обязательной регламентации каждого способа

защиты гражданских прав законом. С учетом наличия прямой нормы права о возможности защиты отдельных видов субъективных гражданских прав именно определенными, установленными законом способами, отступление от такого инструментария должно являться основанием для вывода о ненадлежащем способе защиты, как следствие, об отказе в защите права.

Выбор способа защиты субъективного гражданского права принадлежит только управомоченному лицу, а соответствующий юрисдикционный орган правом коррекции такого выбора обладать не должен. Избрание же лицом ненадлежащего способа защиты должно повлечь отказ в защите права. Именно такой подход способен обеспечить принцип равенства участников гражданских правоотношений (ст. 1 ГК РФ), а также баланс интересов сторон охранительного правоотношения, возникающего в связи с применением акта защиты субъективного гражданского права.

ГЛАВА 2. Система способов защиты гражданских прав в зарубежных правовых системах

§ 2.1. Англо-американская модель правового регулирования системы способов защиты гражданских прав

Системное доктринальное исследование в области права, думается, неизбежно должно включать сравнительный анализ зарубежного опыта (как правового регулирования, так и доктрины). Обоснованность такого методологического исследования неоднократно признавалась различными исследователями³⁶⁶.

Сравнительно-правовое исследование «стимулирует плодотворное размышление и помогает прийти к конструктивным выводам»³⁶⁷. Даже учебные пособия, как правило, включают в себя элементы обзора зарубежного правового регулирования, что обуславливает полноту и завершенность освещения материала. Например, в предисловии к монографии Л.А. Кассо «Понятие о залоге в современном праве» В.С. Ем указывает: «изучение зарубежного залогового права не являлось самоцелью, а служило поискам теоретических и законодательных конструкций, апробированных в практике иностранных государств»³⁶⁸.

Наконец, планомерное укрепление рыночных связей под воздействием интеграции национальной экономики в международный торговый оборот не может не повлечь преимущества зарубежных правовых конструкций при условии их обоснованности и оправданности. Представляется, что даже сформулированные по итогам доктринального исследования предложения по

---

³⁶⁶ См., напр.: *Дождев, Д.В.* Сравнительное право: состояние и перспективы // Российский ежегодник сравнительного права. 2008. СПб.: Россия-Нева, 2009. С. 7–28; *Ширвиндт, А.М.* Европейское договорное право: единство в многообразии (рецензия на книгу Хайна Кёгца «Europäisches Vertragsrecht») // Вестник гражданского права. 2015. № 4. С. 210–226.

³⁶⁷ *Монастырский, Ю.Э.* Возмещение убытков в гражданском праве России: дис. ... д-ра юрид.наук. Севастополь, 2020. С. 270.

³⁶⁸ *Ем, В.С., Рогова, Е.С.* Доктор права – Лев Аристидович Кассо // Кассо Л.А. Понятие о залоге в современном праве. М.: Статут, 1999. С. 14–15.

совершенствованию гражданского законодательства без оглядки на опыт стран общего и континентального права являлись недостаточно полными, поскольку такой подход позволяет шире взглянуть на существующую проблему защиты гражданских прав³⁶⁹.

Думается, наибольшую ценность для исследования в области права представляют зарубежные правовые порядки, на которые исторически ориентировались отечественный законодатель и российские исследователи гражданского права. Опыт схожих доктринальных работ в области цивилистической науки наглядно иллюстрирует целесообразность сравнительного анализа, прежде всего, англо-американского и континентального правового регулирования и доктрины³⁷⁰.

Итак, в странах англосаксонского права способы защиты прав рассматриваются в несколько иной плоскости, чем это обычно происходит в странах континентальной правовой системы. Для юристов стран общего права способы защиты обычно представляют собой один из финальных вопросов юридического анализа и «последнюю задачу» судебного процесса, к которой обращаются только после разрешения более фундаментальных вопросов относительно прав сторон³⁷¹.

Концепция «способов защиты» (remedy) в целом достаточно редко становится предметом пристального внимания юристов стран общего права. Одними из наиболее крупных исследователей этого института в Великобритании являются Бёркс³⁷² и Закжевски³⁷³. Как правило, в английской доктрине способы защиты не отделяются от понятия «гражданско-правовая ответственность»³⁷⁴. Они воспринимаются

---

³⁶⁹ Сятчихин, А.В. Заранее оцененные убытки в Российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 3.

³⁷⁰ Монастырский, Ю.Э. Указ. соч. С. 271.

³⁷¹ Dagan, H. Remedies and Rights – Reconstructing American Legal Realism & Rethinking Private Law Theory. 2013. Oxford: Oxford Univ. Press, 2013. P. 144.

³⁷² Birks, P. Rights, Wrongs, and Remedies // OJLS. 2000. No. 20. P. 1.

³⁷³ Zakrzewski, R. Remedies Reclassified. Oxford: Oxford Univ. Press, 2005.

³⁷⁴ Белых, В.С. Договорное право Англии: сравнительно-правовое исследование: монография. М.: Проспект, 2017. С. 164.

одновременно и как средства обеспечения соблюдения прав, хотя и не все исследователи разделяют эту точку зрения. Так, Хэнох Дэган полагает, что способы защиты служат не только как инструмент обеспечения, но и участвуют в формировании прав, которые они обеспечивают, в связи с чем взаимосвязь между гражданскими правами и способами их защиты нуждается в некотором переосмыслении³⁷⁵.

Как правило, в качестве способов защиты прав рассматриваются такие правовые инструменты, которые могут быть использованы при обращении в суд с иском³⁷⁶. Помимо них, как и в континентальном праве, выделяется самозащита права, осуществление которой возможно без обращения в суд.

В настоящем параграфе будут рассмотрены концепции системы способов защиты права, существующие как в Великобритании, так и в Соединенных Штатах Америки. В то же время конкретные средства защиты по английскому праву будут проанализированы отдельно, что обусловлено по меньшей мере двумя обстоятельствами. Во-первых, английское право характеризуется единством и целостностью правового регулирования (в отличие от США, где каждый штат принимает собственные законы), что существенно упрощает анализ рассматриваемого института. Во-вторых, при изучении практики применения положений английского права обнаружен значительный объем примеров реализации различных способов защиты при рассмотрении споров, вытекающих из заключенных субъектами гражданского оборота контрактов.

Итак, в англосаксонском праве существуют различные классификации способов защиты права. Так, они могут подразделяться на следующие достаточно привычные отечественному праву категории:

---

³⁷⁵ Там же.

³⁷⁶ *Burrows*, A. English Private Law. Third Edition. 2013. P. 1253.

– компенсационные (восстановительные) и карательные (в зависимости от того, позволяет ли присужденная компенсация восстановить имущественное право либо преследует цель наказать нарушителя)³⁷⁷;

– денежные и неденежные (в зависимости от того, применяется ли, например, возмещение убытков или исполнение обязательства в натуре (specific performance))³⁷⁸;

– внесудебные и применяемые судом³⁷⁹.

Американо-израильской исследовательницей Дафной Левинсон-Замир предложена заслуживающая внимания оригинальная классификация способов защиты гражданских прав посредством выделения прямых и косвенных способов, при том что все перечисленные выше способы защиты по своей природе, как правило, относятся к категории прямых³⁸⁰. Их «прямота» обуславливается тем, что вне зависимости от того, на какой результат они нацелены (получение компенсаций, желание получить от ответчика исполнение обязательства в натуре и т.п.), именно к этому результату они непосредственно и приводят. Иными словами, имеется прямая взаимосвязь между испрашиваемым способом защиты права и конечным результатом его применения.

В свою очередь, непосредственный результат применения косвенных способов защиты права не является конечным исходя из смысла закона. Например, конечным результатом может быть понуждение лица, нарушившего права, к самоконтролю во избежание последующих нарушений, направление его к определенным целям. В таком случае применение косвенных способов защиты права ведет не только к определенному, как правило о вещественному для пострадавшего лица, результату, но и вызывает эффект, схожий с частной превенцией в уголовном праве.

---

³⁷⁷ Polinsky A.M. & Shavell S. Punitive Damages: An Economic Analysis // HARV. L. REV. 1998. No. 111. P. 869.

³⁷⁸ Lewinsohn-Zamir, D. Do the Right Thing: Indirect Remedies in Private Law // B.U.L. REV. 2014. No. 94. P. 56.

³⁷⁹ Lewinsohn-Zamir, D. Identifying Intense Preferences // CORNELL L. REV. 2009. No. 94. P. 1411–12.

³⁸⁰ Lewinsohn-Zamir, D. Do the Right Thing: Indirect Remedies in Private Law. P. 57.

Обращение к косвенным способам защиты права наиболее эффективно в делах, в которых маловероятно совершение ошибки судом при определении права, подлежащего защите, и применимого способа защиты, при этом высок риск неправильного расчета подлежащей взысканию по прямому способу защиты денежной суммы³⁸¹.

Сам по себе факт наличия превентивного эффекта у способа защиты не делает его косвенным. Косвенный способ защиты права, как правило, не обязывает ответчика совершать определенные действия либо исполнять обязанности. Например, прямым способом защиты будет являться понуждение заемщика к выполнению обязательств по возврату кредитору денежных средств. В свою очередь, косвенным способом защиты будет являться удержание объекта залога (если таковой имеется), обеспечивающего исполнение обязательств по договору займа, что способно побудить должника исполнить свое основное обязательство по возврату займа. Таким образом, в американской юриспруденции способы защиты права в некотором смысле могут сливаться со способами обеспечения исполнения обязательств.

К косвенным способам защиты принято относить следующие способы защиты гражданских прав, которые можно объединить в ряд групп.

Первой группой являются натуральные способы защиты права, использование которых приводит к желаемому денежному результату. Они предоставляют обладателю права некоторое натуральное возмещение, целью которого является побуждение к выплате потерпевшему причитающихся ему денежных сумм. К этой группе относятся такие способы защиты права, как:

- удержание предмета залога;
- захват и удержание животных. Данный способ защиты специально выделяется в классификации, поскольку дополняет и обеспечивает обособленно существующую в США разновидность деликтных обязательств по компенсации ущерба, нанесенного животными, вторгшимися на границы

---

³⁸¹ Ibid. P. 59.

чужого земельного участка (trespassing)³⁸². Соответственно, удержание животных дополняет и обеспечивает это обязательство, имея под собой цель стимулировать должника к его выполнению³⁸³;

– приостановление исполнения неденежного обязательства. Данным способом самозащиты может воспользоваться продавец в случае задержки платежа со стороны покупателя, чтобы побудить последнего к исполнению. Такой способ защиты может быть применен как в обязательствах, в которых обе стороны должны осуществлять исполнение одновременно (например, купля-продажа без специальных условий о сроках), так и в обязательствах, предусматривающих последовательное исполнение сторонами³⁸⁴.

Вторая группа объединяет денежные способы защиты права, использование которых приводит к получению желаемого результата в натуре. К таким способам защиты относятся:

– удержание арендной платы и снижение арендной платы. Существование данного способа защиты корреспондирует специфическому праву жильца по договору найма жилого помещения, неизвестного российскому правопорядку, – «подразумеваемой гарантией обитаемости» (implied warranty of habitability). Указанная гарантия охватывает права в части здоровья и безопасности (например, отсутствие вредоносных грызунов), а также права на получение необходимых услуг, таких как отопление, энергия, горячее водоснабжение³⁸⁵. Нарушение такой гарантии наделяет арендатора (нанимателя) правом прекращения аренды либо требования возмещения убытков³⁸⁶. Однако вместо обращения в суд с подобным иском арендатор может удерживать арендную плату до тех пор,

---

³⁸² Restatement (Second) of Torts § 504(1). 1977; Keeton W. Page et al. Prosser and Keeton on the Law of Torts. 5th ed. 1984. P. 540.

³⁸³ *Steward, D.S.* Iowa Agricultural Fence Law: Good Fences Make Good Neighbors // *DRAKE L. REV.* 1995. No. 43. P. 717.

³⁸⁴ Restatement (Second) of Contracts § 237. 1981.

³⁸⁵ *Stoebuck, W.B. & Whitman, D.A.* The Law of Property. 3rd ed. Gale Cengage, 2000. P. 303–304.

³⁸⁶ *Singer, J.W.* Introduction to Property. 2nd ed. Aspen Publishers, 2005. P. 482, 485–86.

пока арендодатель не устранит имеющиеся недостатки³⁸⁷, либо размещать очередные платежи на эскроу-счете³⁸⁸. В качестве альтернативы арендатор может сократить размер арендных платежей, «приравняв» их к рыночной стоимости подобной аренды с недостатками³⁸⁹. Соответственно, неполучение арендных платежей либо их получение в сокращенном объеме стимулирует арендодателя к устранению недостатков в арендуемом помещении;

– приостановление исполнения денежного обязательства. В данном случае речь идет о взаимных обязательствах, в которых лицо, обязанное оплатить, например, переданную вещь, в случае неисполнения обязательства по передаче такой вещи вправе приостановить платежи для побуждения продавца к выполнению его части сделки.

Как удержание (снижение) арендной платы, так и приостановление исполнения направлены на понуждение нарушившей стороны к исполнению ее обязательств путем позволения пострадавшей стороне удержать денежные средства, которые она иначе должна была бы уплатить. Однако выделяются и такие способы защиты права, которые понуждают нарушившую сторону к исполнению обязательства в натуре путем возложения дополнительной обязанности по уплате пострадавшей стороне определенной денежной суммы. К таковым принято относить, в частности, астрент³⁹⁰. Данный способ защиты права был первоначально разработан французскими судами как процессуально-правовой инструмент³⁹¹, однако в итоге закрепился в качестве материально-правового способа защиты. Как и в других правовых системах, в англосаксонском праве астрент подразумевает обязанность судом ответчика

---

³⁸⁷ *Brandon, D.I. et al.* Self Help: Extrajudicial Rights, Privileges and Remedies in Contemporary American Society // *VAND. L. REv.* 1984. No. 37. P. 958.

³⁸⁸ *Hirsch, W. & Hirsch, J.* The Changing Landlord-Tenant Relationship in California: An Economic Analysis of the Swinging Pendulum // *Sw. U. L. REv.* 1983. No. 14. P. 9.

³⁸⁹ *Rabin, E.* The Revolution in Residential Landlord-Tenant Law: Causes and Consequences // *CORNELL L. REv.* 1984. No. 69. P. 525.

³⁹⁰ *Lewinsohn-Zamir, D.* Do the Right Thing: Indirect Remedies in Private Law. P. 66

³⁹¹ *Harris, D. & Tallon, D.* Contract Law Today: Anglo-French Comparisons. Oxford: Clarendon Press, 1989. P. 269.

уплачивать истцу определенную денежную сумму за каждый день просрочки исполнения обязательства после принятия судебного акта³⁹².

Третья группа представляет собой декларативный способ защиты права, использование которого приводит либо к получению денежной компенсации, либо к исполнению обязательства в натуре. Это самостоятельный косвенный способ защиты нарушенного права, конечной целью которого является понуждение ответчика к добровольному выполнению денежных либо натуральных обязательств. Решение суда о декларации (подтверждении) права приводит к констатации существующего положения в отношении предмета спора и не подразумевает его последующего принудительного исполнения³⁹³. Например, суд может установить, что страховой случай входит в предмет страхования³⁹⁴, какое-либо имущество принадлежит конкретному лицу³⁹⁵ и т.д. Как можно увидеть, в российском правовом порядке наиболее схожим с декларацией права является процессуальный институт об установлении фактов, имеющих юридическое значение, либо такой способ защиты нарушенного права, как признание права.

Косвенный характер этого способа защиты заключается в том, что, обладая определенным правом, наличие которого подтверждает суд, истец, как правило, имеет возможность на основании этого права заявлять какие-либо имущественные требования, а равно может возражать по имущественным требованиям ответчика или третьих лиц.

Четвертая группа способов защиты включает в себя денежные либо натуральные способы защиты права, использование которых приводит к декларации права.

Обычно решения судов, применивших денежные либо натуральные способы защиты права, напрямую декларируют то право, которое подлежит

---

³⁹² Ibid.

³⁹³ Woolf, H. et al. *The Declaratory Judgment*. 3rd ed. Sweet and Maxwell Ltd, 2002. P. 1.

³⁹⁴ Russ, L. & Segalla, F. *Couch on Insurance*. 3d ed. Sweet and Maxwell Ltd, 1999. § 202:3.

³⁹⁵ Woolf, H. et al. *Op. cit.* P. 2.

восстановлению, однако это не всегда так. Отмечается, что таким решением суд может не указывать право, подлежащее декларации, напрямую, а потребовать от ответчика совершить какие-то косвенные по отношению к субъективному праву действия, как, например, опровержение ранее распространяемых им фактов.

Пятая группа способов защиты – денежные способы защиты права, влекущие дополнительный денежный результат; натуральные способы защиты права, ведущие к исполнению дополнительных обязательств в натуре³⁹⁶. К таким способам защиты относятся:

– предварительные судебные запреты, применяемые в целях недопущения причинения большего вреда. А. Цукерман утверждает, что у предварительных судебных запретов есть «один общий признак: они не предназначены для окончательного разрешения спорного вопроса. Скорее, они предназначены для достижения какой-либо процессуальной цели или для регулирования поведения сторон в ожидании судебного разбирательства»³⁹⁷. При этом в англосаксонском праве предварительные запреты рассматриваются как способ защиты права в случае, если в результате их применения разрешается спор, т.е. сторона добровольно исполняет свои обязательства;

– приостановление исполнения, которое может нести дополнительный денежный или натуральный результат. В качестве примера, иллюстрирующего такую разновидность приостановления исполнения, приводится ситуация, когда владелец земельного участка может предоставить его для строительства многоквартирного дома в обмен на получение в собственность нескольких квартир в нем. В случае задержки

---

³⁹⁶ Наравне с перечисленными выше Левинсон-Замир выделяют средства защиты права религиозного характера (имеющие корни в иудаизме), которые, впрочем, имеют некоторое ограниченное применение лишь в штате Нью-Йорк. В силу этого они сознательно исключены из этой классификации, поскольку не могут считаться средствами защиты прав, применяемыми в англосаксонской правовой системе в широком смысле.

³⁹⁷ *Zuckerman, A. Zuckerman on Civil Procedure: Principles of Practice. Sweet and Maxwell, 2021.*

исполнения последнего обязательства он может приостановить исполнение своей обязанности по передаче земельного участка в собственность³⁹⁸;

– зачет встречных требований (в странах общего права производится в рамках судебного процесса)³⁹⁹.

Таким образом, приведенный обзор мнений о квалификации способов защиты в странах англосаксонского права позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, нередко способ защиты гражданского права отождествляется либо со способом обеспечения исполнения обязательств, либо с каким-либо процессуальным институтом. Подобный подход не позволяет получить четкое понимание процессуальных либо материально-правовых аспектов рассматриваемого института.

Во-вторых, сама по себе концепция выделения прямых и косвенных способов защиты позволяет сделать вывод о размытости границ применения способов защиты при конкретном нарушении права. С одной стороны, такой подход наиболее полно отвечает принципам диспозитивности, позволяющим обладателям гражданских прав самостоятельно определиться с инструментарием для защиты своего права, с другой – создает определенный дисбаланс, поскольку такая неопределенность в правовом результате, на который направлен избранный способ защиты, ограничивает права лица, против которого такой способ применяется (тем самым ставится под сомнение обеспечение принципа равноправия участников гражданских правоотношений).

В-третьих, единого унифицированного определения способа защиты гражданских прав (равно как и защиты либо охраны гражданских прав) в англосаксонском праве не усматривается.

Еще одна оригинальная классификация способов защиты права была предложена Стефеном Смитом⁴⁰⁰. Он полагает, что необходимо различать,

---

³⁹⁸ *L'enfant Plaza Prop., Inc. v. United States*, No. 67–75, 1981 WL 30785, at *18–25 (Ct. Cl. Apr. 13, 1981).

³⁹⁹ *Wood, P. English and International Set-off*. Sweet and Maxwell, 1989. P. 1144.

какие обязанности есть у одного лица в отношении другого и какой способ защиты права суд должен применить в случае нарушения этих обязанностей⁴⁰¹. Судебные постановления, как правило, «копируют» (replicate) ту обязанность, которую одна сторона правоотношений и так имела по отношению к другой⁴⁰². Вместе с тем, некоторые способы защиты права могут создавать новую обязанность для ответчика. Представляется, впрочем, что такая классификация в большей степени зависит от факта закрепления какого-либо способа защиты в договоре либо (для определенной разновидности гражданских правоотношений) в законе и в меньшей – связана с правовой природой либо системными признаками самих способов защиты. В отечественной доктрине аналогичная классификация отмечается посредством выделения правообразующих, правоподтверждающих и правоизменяющих способов защиты.

Особенности применения судебной формы защиты гражданских прав по праву Англии

При анализе английского права нельзя не отметить его значимую особенность: способы защиты права в нем формировались одновременно в системах общего права и права справедливости, что обусловило их значительное количество, специальный характер и зачастую перекрестное применение. Кроме того, в английском праве в значительной степени происходит смешение норм материального и процессуального права, ввиду чего зачастую классификация способов защиты гражданских прав приводится по критериям процессуальных этапов применения в суде. Несмотря на это, Эндрю Берроуз выделяет договорные способы защиты,

---

⁴⁰⁰ *Smith, S. Rights and Remedies: A Complex Relationship / Taking remedies seriously* (Sharpe R.J. & Roach K. eds.). Montréal: Canadian Institute for the Administration of Justice = Institut canadien d'administration de la justice, 2010. P. 31.

⁴⁰¹ *Ibid.* P. 42.

⁴⁰² *Ibid.* P. 47.

способы защиты от причинения вреда, реституционные (против неосновательного обогащения) способы защиты⁴⁰³.

Итак, рассмотрим классификацию судебных способов защиты права. Они подразделяются на те, которые доступны в рамках предварительного заседания (pre-trial), в судебном процессе (trial) и после судебного процесса (post-trial)⁴⁰⁴. Безусловно, бóльшая часть способов защиты доступна к применению исключительно в ходе судебного слушания.

Способы защиты, применяемые в рамках предварительного заседания, могут быть разделены на те, которые направлены на помощь лицу, участвующему в деле, в приготовлении к судебному процессу, а также те, которые направлены на обеспечение права истца на отсутствие предсудебных задержек.

На помощь лицу, участвующему в деле, в подготовке к судебному процессу направлены судебные ордера о раскрытии информации, о предоставлении дополнительной информации⁴⁰⁵ и приказы о проведении обыска⁴⁰⁶.

Право истца на отсутствие предсудебных задержек обеспечивается временными судебными запретами, обеспечительными мерами о наложении ареста на имущество должника и предварительными платежами.

Интересно, что, в отличие от континентальной системы права, в Великобритании такие процессуальные меры защиты рассматриваются в парадигме частного права, а не судебного процесса⁴⁰⁷.

Указанные инструменты считаются способами защиты права, поскольку в случае их применения (либо отказа в применении) можно избежать судебного процесса. Считается, что применение таких способов защиты должно производиться в результате предварительного анализа спора по

---

⁴⁰³ Burrows, A. English Private Law. P. 1253.

⁴⁰⁴ Ibid.

⁴⁰⁵ См. ч. 18 Правил гражданского процесса Великобритании (SI 1998/3132) от 10 декабря 1998 г. (далее – ППП).

⁴⁰⁶ Так называемые *Anton Piller orders*.

⁴⁰⁷ Бельх, В.С. Указ. соч. С. 198.

существо⁴⁰⁸, что, впрочем, не разделяется палатой лордов, полагающей необходимым разделять обеспечение иска и существо спора⁴⁰⁹.

Категория *способов защиты, доступных в судебном процессе* (далее также – судебные способы защиты), охватывает наиболее широкий перечень мер и средств, которые применяются английскими судами. Именно эта категория способов защиты, исходя из ее определения, наиболее близка к способам защиты гражданских прав, реализуемых в судебной форме в российском правовом порядке. В английском праве существует множество классификаций судебных способов защиты, которые по-разному группируют множественные способы защиты, известные в общем праве и праве справедливости.

В частности, способы защиты права могут быть разделены на принудительные, к которым относятся возмещение убытков, исполнение обязательства в натуре, присуждение денежных сумм; и декларативные («установительные»)⁴¹⁰ способы защиты, которые охватывают декларации, расторжения, исправления, залоги и др.

Другая классификация охватывает денежные способы защиты (возмещение убытков, присуждение определенной денежной суммы по контракту и т.п.) и неденежные (исполнение обязательства в натуре) способы защиты. В свою очередь, среди денежных способов защиты можно выделить возмещение убытков и заранее оцененные требования (присуждение согласованной суммы, *quantum meruit* и др.)⁴¹¹.

Все способы защиты можно разделить также на специфические (*specific*), которые обязывают ответчика выполнять его первоначальную обязанность либо исправить допущенное им нарушение такой обязанности (исполнение обязательства в натуре, судебные постановления, присуждение определенной денежной суммы за нарушение обязательств по контракту), и

---

⁴⁰⁸ *Cayne v Global Natural Resources plc* [1984] 1 All ER 225, CA.

⁴⁰⁹ *American Cyanamid Co v Ethicon Ltd* [1975] AC 396.

⁴¹⁰ *Lawson, F.H.* Remedies of English Law. 2nd edn. Lexis Law Publishing, 1980. Ch 17.

⁴¹¹ *Amantilla Ltd v Telefusion plc* (1987) 9 Con LR 139.

замещающие (substitutionary), которые обязывают ответчика выплатить «замещающую сумму» за нарушение первоначальной обязанности ответчика (например, возмещение убытков).

Наконец, английское право признает известное со времен римского частного права деление способов защиты на личные, применение которых не связано с конкретным имуществом ответчика и, соответственно, не дает приоритета истцу при его банкротстве (возмещение убытков, присуждение определенной договором денежной суммы и т.п.), и собственные, которые касаются возврата имущества, принадлежащего истцу, или оспаривания законности владения ответчика. Последние, соответственно, наделяют истца приоритетом в случае банкротства ответчика. К ним относятся: понуждение к исполнению обязательства по возврату вещей, возврату земли, некоторые виды доверительного владения (траста) и пр.

Далее в настоящем параграфе будет приведен краткий анализ отдельных видов (категорий) способов защиты по английскому праву.

Компенсации (compensation)

Институт компенсаций является краеугольным камнем системы способов защиты в английском праве. Компенсации представляют собой присуждение денежной суммы, эквивалентной потерям истца. Такие потери могут быть денежными, что обуславливает возможность точного исчисления присуждаемой денежной суммы, и неденежными. К последним относятся нанесение ущерба деловой репутации, причинение морального вреда и т.д. В таких случаях денежная сумма, присуждаемая судом, не может быть в полной мере эквивалентна потерям истца в силу сложности калькуляции последних. Компенсации обычно назначаются за гражданско-правовые нарушения, включая нарушения договорных обязательств, совершение

деликтов. В соответствии с разделом 50 Закона о Верховном Суде 1981 г.⁴¹² справедливое возмещение вреда назначается в дополнение или вместо принуждения к исполнению обязательства в натуре.

Возмещение убытков, вызванных нарушением условий контракта, является наиболее часто применяемым способом защиты права в рамках института компенсаций.

Как отмечал судья Парк, «норма общего права заключается в том, что, если сторона несет убытки из-за нарушения контракта, то, насколько это позволяют денежные средства, она должна быть помещена в такую же ситуацию в отношении убытков, как если бы контракт был выполнен»⁴¹³. Следовательно, целью применения возмещения убытков по контракту является помещение истца в такое благоприятное положение, в каком он бы находился в случае правильного исполнения контракта должником. Иначе говоря, данная норма направлена на защиту ожиданий истца⁴¹⁴, а также (в дополнение к этому) на защиту так называемого доверительного интереса (*reliance interest*), т.е. права истца на помещение его в такую позицию, как если бы контракта не было вообще. Это позволяет охватить в том числе преддоговорные расходы истца и подобные сопутствующие издержки⁴¹⁵.

Английские суды, определяя размер компенсации, придерживаются одной из двух моделей. Первая модель подразумевает присуждение истцу разницы, т.е. той денежной суммы, которую он напрямую потерял из-за лишения выгоды, на которую мог претендовать в случае исполнения контракта. Вторая модель направлена на «исцеление» положения истца, соответственно, в таком случае возмещению подлежит стоимость «исцеления»: истцу компенсируются дополнительные издержки, которые

---

⁴¹² The Supreme Court Act 1981 (An Act to consolidate with amendments the Supreme Court of Judicature (Consolidation) Act 1925 and other enactments relating to the Supreme Court of England and Wales and the administration of justice therein; to repeal certain obsolete or unnecessary enactments so relating; to amend Part VIII of the Mental Health Act 1959, the Courts-Martial (Appeals) Act 1968, the Arbitration Act 1979 and the law relating to county courts; and for connected purposes).

⁴¹³ *Robinson v Harman* (Parke B) (1848) 1 Exch. 850, 855.

⁴¹⁴ *Fuller, L.L. and Perdue, W.R. Jr.* The Reliance Interest in Contract Damages // Yale LJ. 1936. No. 46. P. 54.

⁴¹⁵ *Ibid.*

ему нужно будет понести, чтобы получить ту выгоду или занять то благоприятное положение, на которое он мог претендовать в результате исполнения контракта⁴¹⁶.

В деле Рэдфорд против де Фробервилль⁴¹⁷ суды рассматривали договорные правоотношения между истцом и ответчиком, в которых первый продал земельный участок под условием строительства стены, отгораживающей этот земельный участок от остального участка истца. Однако ответчик свои обязательства не исполнил. Судом рассматривался вопрос, подлежит ли присуждению в пользу истца ущерб на «исцеление» положения, иначе говоря, стоимость строительства стены на его земле, которая была эквивалентна 3400 фунтам стерлингов, или же необходимо присуждать разницу в стоимости земельных участков со стеной или без (которая фактически отсутствовала). Разрешая дело, суд постановил возместить расходы на «исцеление» положения истца, указав, что «полностью убежден в том, что истец искренне желает, чтобы эта работа была выполнена, и что он намеревается возместить любой присужденный ущерб на ее выполнение»⁴¹⁸.

В другом деле, где ответчик с нарушением исполнил обязательства по строительству бассейна, а именно построил бассейн меньшей глубины, чем подразумевалось заказом, суд отказал в возмещении компенсации расходов в размере более 21,5 тыс. фунтов стерлингов на «исцеление» положения (увеличение глубины бассейна), поскольку, несмотря на несоответствие заданию истца, бассейн был полностью пригоден для его целей (плавание и прыжки в воду). И хотя суд и установил, что разница в цене заказанного бассейна и построенного бассейна равнялась нулю, он тем не менее присудил

---

⁴¹⁶ *Burrows*, A. English Private Law. P. 1261.

⁴¹⁷ *Radford v De Froberville* [1977] 1 WLR 1262.

⁴¹⁸ *Ibid.*

истцу небольшую компенсацию ущерба в связи с «потерей удобства» (loss of amenity) в размере 2,5 тыс. фунтов стерлингов⁴¹⁹.

Заслуживает внимания тот факт, что английское право также допускает компенсацию ущерба за потерю возможности (loss of chance) получения выгоды. Так, в деле Чаплин против Хикс женщина, принимавшая участие в конкурсе красоты и не уведомленная своевременно об успешном прохождении одного из этапов конкурса, подала иск против организаторов; в свою очередь, Апелляционный суд решил, что она управомочена на получение компенсации за потерю возможности победы в соревновании⁴²⁰.

Английское право предусматривает ряд ограничительных принципов присуждения компенсации убытков, которые применяются как к контрактным, так и к деликтным обязательствам.

Во-первых, ответчик не несет ответственности за убытки, которые далеки от нарушения контракта. Данный ограничительный принцип основан на том, что иное было бы несправедливо по отношению к ответчику и налагало бы на него слишком большое бремя.

Для определения «удаленности» (remoteness) таких убытков английская судебная практика разработала двухступенчатый тест, который заключается в следующем⁴²¹. Если две стороны заключили договор, который одна из них нарушила, то убытки, которые другая сторона должна понести в связи с таким нарушением договора, должны быть такими, которые можно справедливо считать возникающими естественным образом, в соответствии с обычным ходом вещей, связанным с таким нарушением договора, или такими, которые стороны могли разумно предположить во время заключения договора⁴²². В то же время этот двухступенчатый тест может быть преодолен путем «удаления» подлежащего компенсации в обычных обстоятельствах

---

⁴¹⁹ Ruxley Electronics and Construction Ltd v Forsyth [1996] AC 344.

⁴²⁰ Chaplin v Hicks [1911] 2 KB 786, CA.

⁴²¹ Hadley v Baxendale (1854) 9 Exch. 341.

⁴²² Ibid.

убытка либо, наоборот, «приближения» не подлежащего компенсации убытка⁴²³.

Во-вторых, если нарушение контракта ответчиком явилось причиной убытков истца, истец лишается возможности требовать компенсации убытков за такую потерю, если какая-то иная промежуточная причина разорвала причинно-следственную связь между нарушением условий контракта и возникновением убытков. Концепция «вмешавшейся причины» (*intervening cause*) была разработана в контексте деликтных отношений, однако получила широкое применение и в рамках контрактных обязательств⁴²⁴. К подобным причинам относятся, в частности, природные явления, поведение третьих лиц или самого истца. При этом необходимо учитывать и иные обстоятельства, например, был ли обязан ответчик пресечь вмешательство третьей стороны (и имел ли такую возможность)⁴²⁵, насколько разумным было поведение истца⁴²⁶.

В-третьих, ограничительным критерием является также обязанность смягчения последствий (*duty to mitigate*). В ее основе лежит идея о недопустимости бездействия истца по минимизации убытков. Истец, действуя разумно, должен предпринять такие действия, чтобы способствовать достижению того благоприятного результата, на который он рассчитывал в ходе исполнения договора. Из этого следует, что истец не должен возлагать всю ответственность на ответчика, если он может принять разумные и эффективные меры для минимизации последствий нарушения контракта. Если истец имел разумную возможность избежать возникновения каких-либо убытков, но не воспользовался ей, он лишается права на такую компенсацию⁴²⁷.

---

⁴²³ *Supershield Ltd v Siemens Building Technologies FE Ltd*. [2010] EWCA Civ 7, [2010] 1 Lloyd's Rep 349.

⁴²⁴ *Burrows*, A. *English Private Law*. P. 1266.

⁴²⁵ *Stansbie v Troman* [1948] 2 KB 48, CA.

⁴²⁶ *Lambert v Lewis* [1982] AC 225, HL.

⁴²⁷ *Viscount Haldane LC in British Westinghouse Electric and Manufacturing Co Ltd v Underground Electric Rlys Co of London Ltd* [1912] AC 673, 689, HL.

В-четвертых, в случае если истцом допущена встречная вина (contributory negligence), сумма убытков может быть уменьшена. Данное ограничение было закреплено в Акте о реформе законодательства (о встречной вине) 1945 г.⁴²⁸ и применяется, как правило, в деликтных правоотношениях. В деле Барклейс Банк Лтд против Фэрклау Билдинг Лтд возможность применения концепции встречной вины была связана с нарушением ответчиком обязанности добросовестного соблюдения интересов и наличия его вины в причинении вреда (что делает правоотношения деликтными)⁴²⁹. Несмотря на это, применение данного института рекомендуется и к другим правоотношениям, например, когда со стороны ответчика имеет место только нарушение контрактных обязательств⁴³⁰.

В-пятых, концепция эмоционального (психического) стресса (mental distress) может повлиять на определение размера убытков в двух случаях:

1) если преобладающим или одним из важнейших объектов контракта являлось получение морального удовлетворения (например, отпуск, организация праздничного мероприятия)⁴³¹, что не было обеспечено ответчиком;

2) если психический стресс истца возник в результате каких-либо физических неудобств, вызванных нарушением контракта ответчиком.

Так, в одном из дел в результате небрежного обследования жилых помещений, произведенного экспертами, истцы испытали страдания, вызванные проживанием в ненадлежащем жилом помещении, что стало основанием для присуждения в их пользу компенсации ущерба⁴³². По всей видимости, концепция психического стресса представляет собой один из элементов морального вреда.

---

⁴²⁸ The Law Reform (Contributory Negligence) Act 1945 (An Act to amend the law relating to contributory negligence and for purposes connected therewith).

⁴²⁹ Barclays Bank Ltd v Fairclough Building Ltd [1994] 3 WLR 1057.

⁴³⁰ Law Commission in Contributory Negligence as a Defence in Contract // Law Com. 1993. No. 219.

⁴³¹ Jarvis v Swan's Tours Ltd [1973] QB 233, CA.

⁴³² Watts v Morrow [1991] 1 WLR 1421, CA.

В-шестых, в случае если будет установлен материальный ущерб, сам факт того, что он был вызван потерей репутации, обусловленной нарушением контракта, не является достаточным для ограничения истцов в возможности взыскания материального ущерба (даже если репутационные потери сами не подлежат возмещению)⁴³³. Это положение вытекает из более узкой категории споров, согласно которым в иске об оспаривании неправомерного увольнения истец должен быть ограничен возмещением ему прямого материального ущерба (потери заработной платы) и не может получить компенсацию за потерю репутации или усложнение поиска работы⁴³⁴.

В-седьмых, в случае если единственной неисполненной обязанностью была обязанность по уплате денежных средств, считается, что каких-либо дополнительных компенсаций, помимо этой суммы, не может быть присуждено⁴³⁵. В то же время в соответствии с положениями ст. 35А Закона о Верховном Суде 1981 г. суд уполномочен присудить также простые проценты на денежную сумму, подлежащую взысканию, с даты возникновения обстоятельства, ставшего причиной обращения в суд, до даты вынесения судебного акта или выполнения платежа. Помимо этого, согласно Закону о несвоевременной выплате коммерческих долгов (процентов) 1998 г.⁴³⁶, кредитор автоматически приобретает право на простые проценты после 30 дней просрочки уплаты коммерческого долга.

И в-восьмых, в случае если договор дает ответчику право альтернативного исполнения, убытки должны исчисляться исходя из того, что ответчик исполнил бы обязательства наиболее выгодным для себя способом (иначе говоря, исполнил бы минимально возможный объем обязательств по контракту)⁴³⁷.

---

⁴³³ *Foaminol Laboratories v British Artid Plastic Ltd* [1941] 2 All ER 393, 400.

⁴³⁴ *Addis v Gramophone Co Ltd* [1909] AC 488, HL.

⁴³⁵ *London, Chatham and Dover Railway Company v South Eastern Railway* [1893] AC 429, HL.

⁴³⁶ *The Late Payment of Commercial Debts (Interest) Act* 1998.

⁴³⁷ *Laverack v Woods of Colchester Ltd* [1967] 1 QB 278, 294.

Следующей разновидностью компенсаций является **возмещение убытков, вытекающих из деликта**.

Возмещение деликтных убытков концептуально отличается от возмещения контрактных убытков. Нарушение договора влечет за собой иск, в котором вопрос об ответственности сводится лишь к тому, допустил ли ответчик нарушение договора. Аналогичным образом строится доказывание в исках против нарушения владения (trespassing) или клеветы (libel). В то же время в случае деликтных обязательств, вытекающих из халатности (небрежности) ответчика (negligence) либо нарушения порядка пользования имуществом (nuisance), ситуация обратна: необходимо предоставление доказательств наличия ущерба. В случае таких деликтов применение концепций «удаленности» ущерба и «промежуточной причины» будет относиться не к вопросу убытков как таковых, а к вопросам, было ли совершено правонарушение, есть ли основания для ответственности.

Основной целью возмещения убытков, вытекающих из деликта, является постановка истца в такое положение, в каком он бы находился, если бы деликт не был совершен. Лорд Блэкберн указывал, что размер ущерба – это «...такая сумма денежных средств, которая поставит сторону, которая пострадала, в такое же положение, в каком она была бы, если бы она не понесла ущерб, за который теперь получает компенсацию или возмещение»⁴³⁸. Например, в случае деликта, заключающегося в обмане или введении в заблуждение в результате небрежности, истец имеет право быть поставленным в такое же благоприятное положение, как если бы не было сделано никаких утверждений, которые ввели в заблуждение. При этом истец, безусловно, не может быть поставленным в такое же благоприятное положение, как если бы такие утверждения были правдой.

При этом следует отличать введение в заблуждение как элемент обязательств из деликта (подобные заявления способствуют заключению

---

⁴³⁸ Livingstone v Rawyards Coal Co (1880) 5 App Cas 25, 39.

контракта) от заверений, несоблюдение которых влечет наступление договорной ответственности (такие заявления являются условиями контракта).

При применении такого способа защиты, как возмещение убытков, возникающих из деликта, также подлежат учету факторы, влияющие на определение пределов ответственности.

Первым фактором, как и в возмещении убытков из нарушения контракта, является удаленность. Убыток признается слишком «удаленным» в случае, если его невозможно было разумно предусмотреть в момент нарушения обязательства⁴³⁹.

Обязанность минимизации нанесенных убытков в деликтных правоотношениях применяется с некоторыми особенностями. Так, например, неразумным будет признаваться поведение истца, который отказывается от предложений помощи, способной предотвратить причинение вреда его собственности⁴⁴⁰. Интересным представляется тот факт, что в случае принятия разумных мер для минимизации убытков истец может предъявить иск даже на бóльшую сумму, если размер убытков в конечном счете вырос в результате разумного поведения истца⁴⁴¹.

Встречная вина, в отличие от требований в связи с нарушением условий контрактов, применяется к большей части деликтов. Для ее применения необходимо соблюдение ряда условий: истец должен поступить виновно либо небрежно по отношению к самому себе (например, поставить себя в опасное положение)⁴⁴²; это поведение истца должно стать фактической причиной причинения ему убытков; поведение истца должно было подвергнуть его особому риску получения ущерба. Применяя доктрину встречной вины, суд решает, в какой части будут снижены присуждаемые истцу убытки. Параграф 1(1) Закона о реформе законодательства (о

---

⁴³⁹ Overseas Tankship (UK) Ltd v Morts Dock & Engineering Co Ltd (The Wagon Mound) [1961] AC 388, PC.

⁴⁴⁰ Anderson v Hoen (The Flying Fish) (1865) 3 Moo PCCNS 77, PC.

⁴⁴¹ Esso Petroleum Co Ltd v Marden [1976] QB 801.

⁴⁴² Jones v Livox Quarries Ltd [1952] 2 QB 608.

встречной вине) 1945 г. устанавливает, что убытки «должны быть уменьшены настолько, насколько суд посчитает правильным и справедливым, учитывая вклад истца в ответственность за нанесенный ущерб».

Убытки же за психический стресс и потерю репутации, в отличие от нарушения контрактных обязательств, в деликтном праве анализируются через призму самой возможности ответственности, нежели подлежащих взысканию сумм. Так, например, отсутствует самостоятельная ответственность за причинение обычного психического расстройства, которое не признается психическим заболеванием. При этом по общему правилу убытки за причинение психических страданий подлежат взысканию, например, в случаях нанесения физических повреждений истцу, в увеличенном размере (*aggravated damages*). Что касается убытков за потерю репутации, они в первую очередь применяются в случаях деликта диффамации (*tort of defamation*).

Наиболее часто встречающимся на практике способом защиты является *возмещение убытков за причинение вреда здоровью*⁴⁴³, в частности, за имущественный вред (*pecuniary loss*). Такое возмещение может охватывать компенсацию потерянных доходов, медицинские и иные подобные расходы⁴⁴⁴. Если истец не понес или не понесет таких расходов, потому что он пользуется или, во всяком случае, мог бы воспользоваться услугами Национальной системы здравоохранения, он не вправе взыскивать то, что он получил бы в случае обращения в частную клинику. Более того, в соответствии с § 5 Закона о регулировании правосудия 1982 г.⁴⁴⁵ производится зачет любой экономии истца, которая связана или могла бы относиться к его содержанию за счет средств Национальной службы здравоохранения, и потерь его дохода.

---

⁴⁴³ *Burrows*, A. English Private Law. P. 1280.

⁴⁴⁴ *Sowden v Lodge* [2004] EWCA Civ 1370, [2005] 1 WLR 2129.

⁴⁴⁵ Administration of Justice Act 1982. P. 53.

В рамках такой компенсации истец может потребовать возмещения расходов по уходу, даже если они были произведены безвозмездно третьей стороной, хотя палата лордов указала, что такие расходы, скорее всего, понесло третье лицо, соответственно, между истцом и таким третьим лицом формируются трастовые отношения⁴⁴⁶. В деле Дрейк против Фостер Уилер Лтд суд постановил компенсировать стоимость содержания умершего лица в благотворительном хосписе в пользу последнего⁴⁴⁷.

Помимо этого, есть право истребования компенсации за утрату возможности ведения домашнего хозяйства, хотя такое возмещение может покрыть только найм третьих лиц для помощи в ведении хозяйства либо отказ таких третьих лиц от собственного заработка для того, чтобы помогать в ведении хозяйства⁴⁴⁸.

Наконец, истец может возместить свои затраты на приобретение оборудования и переезд в специализированное жилье, однако лишь в форме процентов от капитальных затрат на покупку такой недвижимости⁴⁴⁹.

Расчет имущественного вреда производится путем сложения всех расходов, которые истец понес, либо расчета его среднемесячного заработка по количеству месяцев, в течение которых истец не мог трудиться. Помимо уже понесенных издержек, на основе жизненных ожиданий истца оценочным путем рассчитываются его ориентировочные будущие расходы, которые также подлежат возмещению.

В дополнение к имущественному вреду подлежит компенсации также моральный вред (*non-pecuniary loss*). Он подразумевает компенсацию за понесенные истцом боль и страдания, а также за потерю удобства (*loss of amenity*) в результате нанесенной травмы. Особенностью компенсации морального вреда является его расчет на основе тарифной системы, в рамках которой суды ориентируются на расчеты, ранее произведенные в схожих

---

⁴⁴⁶ Hunt v Severs [1994] 2 AC 350, HL.

⁴⁴⁷ Drake v Foster Wheeler Ltd [2010] EWHC 2004 (QB).

⁴⁴⁸ Daly v General Steam Navigation Co Ltd [1979] 1 Lloyd's Rep 257, CA.

⁴⁴⁹ Roberts v Johnstone [1989] QB 878, CA.

делах. Такие дела публикуются в различных сборниках по отдельным категориям споров, а в 1992 г. впервые было издано системное Руководство по оценке общего ущерба в случаях телесных повреждений, которое с тех пор регулярно обновляется⁴⁵⁰.

На суммы имущественного и морального вреда решением суда могут быть также начислены проценты.

На основании § 32А Закона о Верховном Суде 1981 г. предварительная компенсация может быть присуждена в исках о возмещении вреда здоровью, если «доказана или допускается возможность того, что в определенный момент в будущем у потерпевшего в результате действия или бездействия, послужившего основанием для иска, разовьется какое-нибудь серьезное заболевание или произойдет серьезное ухудшение его физического или психического состояния». Суд указывает, какое конкретно заболевание либо ухудшение состояния предположительно может произойти, рассчитывает сумму ущерба, подлежащую взысканию, и конкретизирует период, в течение которого это может произойти. В случае действительного наступления подобных последствий истец приобретает право требовать реальной компенсации таких убытков.

Второй разновидностью способов защиты в виде компенсации убытков из деликта является *возмещение ущерба, вызванного смертью*. Данный способ защиты впервые был введен Законом о происшествиях со смертельным исходом 1846 г.⁴⁵¹ и затем обновленным Законом 1976 г.⁴⁵² Возмещение ущерба, причиненного смертью, производится, если смерть стала следствием противоправного действия, небрежности или неисполнения обязательств, т.е. в результате как совершенного деликта, так и нарушения контракта⁴⁵³.

---

⁴⁵⁰ Guidelines for the Assessment of General Damages in Personal Injury Cases. Oxford : OUP, 2020.

⁴⁵¹ Fatal Accidents Act 1846.

⁴⁵² Fatal Accidents Act 1976.

⁴⁵³ Grein v Imperial Airways Ltd [1937] 1 KB 50.

В соответствии с § 1(1) Закона 1976 г. основанием для удовлетворения иска является возможность предъявления иска в связи с противоправными действиями, небрежностью или неисполнением обязательств в случае, если бы смерть не наступила. Соответственно, если причинно-следственная связь между такими действиями и смертью напрямую отсутствует (умерший погиб по собственной вине, действия были прекращены до смерти и т.п.), к этому способу защиты обращаться нельзя. Если умерший проявил соучастие в отношении причин своей смерти, тогда в рамках концепции встречной вины размер убытков подлежит пропорциональному сокращению⁴⁵⁴.

В соответствии с § 1(2) Закона 1976 г. возмещение убытков присуждается иждивенцам умершего за потерю вследствие смерти ожидаемой некоммерческой материальной выгоды. В первую очередь она охватывает содержание за счет заработка умершего, а также потерю «услуг» (services), например, по ведению домашнего хозяйства супругом⁴⁵⁵, утрату заботы со стороны родителя⁴⁵⁶ и т.п. Также в круг таких убытков входят расходы на проведение похорон (§ 3(5) Закона 1976 г.).

Перечень иждивенцев определен законом (§ 1(3) Закона 1976 г.) и включает в себя:

- настоящего и бывшего супруга умершего;
- настоящего и бывшего гражданского партнера умершего либо иное лицо, выступавшее в таком качестве не менее двух лет до смерти;
- любого из родителей или других родственников умершего по прямой восходящей линии;
- любое лицо, к которому умерший относился как к своему родителю;
- любого ребенка или другого потомка умершего;
- любое лицо (не являющееся ребенком умершего), которое в период брака или гражданского партнерства, стороной которого был умерший,

---

⁴⁵⁴ Reeves v Commissioner of Police of the Metropolis [2000] 1 AC 360, HL.

⁴⁵⁵ Berry v Humm & Co [1915] 1 KB 627.

⁴⁵⁶ Hay v Hughes [1975] QB 790, CA.

рассматривалось им как ребенок семьи в связи с этим браком или гражданским партнерством;

– братьев, сестер, дядей, тетей умершего и их потомков.

Методика расчета размера убытков, причиненных смертью, в целом аналогична таковой для убытков, причиненных телесными повреждениями, хотя и имеются некоторые процессуальные различия⁴⁵⁷. В частности, согласно § 4 Закона 1976 г., размер убытков не подлежит снижению за счет каких-либо выгод, которые истец получил, получит или может получить в результате смерти (страховые выплаты, пенсии, пособия).

В дополнение к имущественной компенсации § 1А Закона 1976 г. предусматривает компенсацию психического стресса в твердой денежной сумме в пользу супруги умершего или, если таковой не состоял в браке, его родителей. Данный институт называется компенсацией «скорбных убытков» (bereavement damages).

Поскольку английское право возникло в результате параллельного развития общего права и права справедливости, в современном английском праве существует такой способ защиты, как *справедливая компенсация* (*equitable compensation*).

Основным способом защиты от правонарушений по праву справедливости (в основном – нарушений фидуциарных обязанностей) является справедливая компенсация. Это схожий с возмещением убытков денежный способ правовой защиты, целью которого является компенсация истцу. Наравне с «расчетом прибыли» (accounting for profits) данный способ, который еще называется «расчет убытков» (accounting for loss), является основным средством правовой защиты от нарушений по праву справедливости. Расчет прибыли влечет за собой правовые последствия, схожие с реституцией, тогда как справедливая компенсация влечет, собственно, компенсацию, в силу чего приравнивается к группе способов

---

⁴⁵⁷ Суды разделяют имущественный ущерб с момента смерти до суда и ущерб после суда, именно последний компенсируется, как правило, в значительной сумме. См.: *Graham v Dodds* [1983] 1 WLR 808, HL.

защиты по возмещению убытков. Тем не менее можно выявить и некоторые различия. Например, отмечается, что правила общего права об «удаленности» убытков и промежуточной причине не будут применяться при расчете справедливой компенсации, кроме того, справедливая компенсация может быть присуждена только в случае действительного причинения убытка⁴⁵⁸. Несмотря на это, справедливость такой позиции суда оспаривается⁴⁵⁹. Высказывается точка зрения, что выделение справедливой компенсации как самостоятельного способа защиты носит сугубо исторический характер и обусловлено самостоятельным развитием общего права и права справедливости. В действительности же справедливая компенсация фактически охватывается возмещением убытков⁴⁶⁰.

Последним способом защиты права в рамках компенсации являются *компенсаторные убытки*.

Данный способ защиты закреплен в ст. 50 Закона о Верховном Суде 1981 г., которая наделяет суд «юрисдикцией рассматривать заявление о судебном постановлении или исполнении обязательства в натуре, и возможностью присудить компенсацию в дополнение к судебному постановлению или исполнению обязательства в натуре или вместо них». Расчет компенсаторных убытков производится по правилу расчета убытков по общему праву⁴⁶¹, которые также будут носить компенсационный характер.

Указанная статья подразумевает возможность присуждения компенсаторных убытков в дополнение к судебному постановлению или исполнению обязательства в натуре только в случае, если истец представлял аргументы в пользу применения именно таких неденежных способов защиты, т.е. они должны быть основными в иске⁴⁶².

---

⁴⁵⁸ Target Holdings Ltd v Redfern [1996] AC 421, HL.

⁴⁵⁹ Burrows, A. English Private Law. P. 1291.

⁴⁶⁰ Bristol & West Building Society v Mothew [1998] Ch 1, CA. 17.

⁴⁶¹ Johnson v Agnew [1980] AC 367, HL.

⁴⁶² Horsler v Zorro [1975] Ch 302.

Статья 49 Закона о Верховном Суде 1981 г. позволяет истцу объединить иск о возмещении убытков по общему праву (рассмотренный выше) с иском об издании судебного постановления либо об исполнении обязательства в натуре. Однако обращение к институту компенсаторных убытков зачастую является более прагматичным выбором, поскольку такие убытки могут быть присуждены даже в отсутствие основания для иска об убытках по общему праву. Так, например, компенсаторные убытки могут быть назначены в случаях, когда правонарушение еще не совершено, в дополнение к судебному постановлению *quia timet* (либо взамен него), направленному на предотвращение совершения нарушения⁴⁶³. Кроме того, в случае дпящегося правонарушения либо нарушения контрактных обязательств компенсаторные убытки также могут быть более выгодны, поскольку позволяют покрывать не только уже понесенный истцом ущерб, но и ожидаемый от продолжения правонарушения. Возмещение убытков по общему праву, как было показано выше, направлено на компенсацию исключительно убытков, вызванных уже свершившимся деликтом или нарушением условий договора.

Реституция и наказание (restitution and punishment)

В отличие от компенсаций, реституция и наказание призваны, соответственно, лишить правонарушителя полученной выгоды либо наказать его за совершенное правонарушение. Английское право объединяет эти способы защиты в одну группу, считая их крайне необычными и подлежащими применению в экстраординарных случаях, когда иные способы защиты применить невозможно⁴⁶⁴. Кроме того, они являются достаточно новыми для английского права.

Несмотря на то, что английские юристы считают реституцию и наказание второстепенными способами защиты, Берроуз отмечает, что их существование способно внести вклад в полноценную защиту от

---

⁴⁶³ Leeds Industrial Co-operative Society Ltd v Slack [1924] AC 851, HL.

⁴⁶⁴ Rookes v Barnard [1970] AC 652, HL.

гражданских правонарушений⁴⁶⁵. Кроме того, они являются специфическими способами защиты, которые применяются против определенных нарушений, что также обуславливает их ценность.

В качестве одного из подвидов рассматриваемого способа защиты выделяется *реституция за нарушение закона*.

Английское право содержит разнообразные способы защиты, направленные на возврат неосновательного обогащения ответчиком, к ним относятся как способы защиты общего права (присуждение полученной ответчиком денежной суммы, *quantum meruit*), так и права справедливости, принудительные и декларативные, денежные и неденежные. Как видно из названия этой категории, применение таких способов защиты направлено на восстановление имущественного положения лица, пострадавшего от неосновательного обогащения ответчика.

Отделение не всех реституционных способов защиты друг от друга справедливо. Так, например, возврат полученных денежных средств (инструмент общего права) и расчет полученных денежных средств (инструмент права справедливости) практически друг от друга не отличаются, однако они формировались независимо. Также схожим с ними является *quantum meruit* и ряд других. Тем не менее, несмотря на схожую правовую конструкцию, особенностью английского права является то, что такие способы защиты традиционно применяются к различным фактическим обстоятельствам, не конфликтуя друг с другом в сфере их применения⁴⁶⁶. Так, возмещение ранее полученных денежных средств (*money had and received*) применяется для возврата денежных средств, уплаченных ответчику по ошибке или принуждению; присуждение выплаченных ответчику денежных средств (*money paid to the defendant's use*) используется в случаях защиты от принудительного погашения чужой задолженности; *quantum meruit* и *quantum valebat* применяются в случае компенсации

---

⁴⁶⁵ Burrows A. English Private Law. P. 1294.

⁴⁶⁶ Burrows A. English Private Law. P. 1258.

неосновательного обогащения, полученного, соответственно, в виде услуг или товаров. В целях упрощения этой системы английские юристы предлагают заменить различные способы защиты, выработанные судебной практикой, на единый способ – денежную реституционную компенсацию⁴⁶⁷.

Для пострадавшего лица будет выгодно обращение к реституции в том случае, когда ее применение повлечет больший размер компенсации, нежели в рамках возмещения убытков. Это может произойти в случае, когда выгода, полученная ответчиком, превышает размер убытков, причиненных истцу⁴⁶⁸. Также более выгодным обращение к реституции может быть с точки зрения исчисления сроков давности.

Реституция в современном виде произошла от различных способов защиты, направленных на лишение прибыли от гражданского правонарушения, таких как присуждение полученных денег, расчет прибыли, возмещение реституционных убытков. Фактически эти способы защиты были объединены в формате реституционных убытков под влиянием Комиссии по праву⁴⁶⁹.

Присуждение реституционных убытков исключает присуждение компенсационных убытков, иначе говоря, эти способы защиты являются альтернативными, истец должен сделать выбор между ними.

Итак, реституция существует в трех разновидностях:

- 1) реституция обогащения, полученного в результате деликта;
- 2) реституция обогащения, полученного в результате правонарушения по праву справедливости;
- 3) реституция обогащения, полученного в результате нарушения контракта.

Первым способом защиты, который будет проанализирован, является **реституция обогащения, полученного в результате деликта**. Данный

---

⁴⁶⁷ *Burrows, A. A Restatement of the English Law of Unjust Enrichment. Oxford : OUP, 2012. P. 38.*

⁴⁶⁸ *A-G for Hong Kong v Reid [1994] 1 AC 324, PC.*

⁴⁶⁹ *Aggravated, Exemplary and Restitutionary Damages // Law Com. 1997. No. 247. Paras 3.82–3.84.*

способ защиты имеет прямую взаимосвязь с таким институтом английского права, как «отказ от деликта» (waiver of tort). Несмотря на свое название и употребление термина waiver для отказа от права как такового, в данном случае стандартно он используется для обозначения отказа от требования компенсационных убытков в пользу предъявления реституционных убытков. Отказ от деликта не оправдывает ответчика и не освобождает последнего от ответственности⁴⁷⁰.

Помимо этого, отказ от деликта может быть использован в агентских правоотношениях, где пострадавшее лицо может отказаться от своего права на подачу иска о деликте, рассматривая причинителя вреда как уполномоченного действовать в качестве агента истца, чтобы обратиться впоследствии к договорным способам правовой защиты против агента. Также отказ от деликта может означать сознательное игнорирование деликта, например, в форме обмана, приведшего к неосновательному обогащению истца, заявляющего требование о компенсации ошибочно произведенного платежа. Однако следует отделять такие частные случаи от возмещения реституционных убытков.

Применение реституционных убытков в различных видах деликтов имеет свои особенности. Так, в случае совершения имущественных деликтов (proprietary torts), к которым относятся присвоение (conversion)⁴⁷¹, посягательство на вещь (trespass to goods)⁴⁷² и посягательство на землю (trespass to land)⁴⁷³, реституционный способ защиты – присуждение ранее полученных денежных средств (money had and received) – наиболее часто применяется на практике. В ряде дел, связанных с перечисленными имущественными деликтами, нередко присуждались убытки, которые по своему характеру также, вероятно, носили реституционный характер⁴⁷⁴.

---

⁴⁷⁰ United Australia Ltd v Barclays Bank Ltd [1941] AC 1.

⁴⁷¹ Lamine v Dorrell (1705) 2 Ld Raym 1216.

⁴⁷² Oughton v Seppings (1830) 1 B & Ad 241.

⁴⁷³ Powell v Rees (1837) 7 Ad & El 426.

⁴⁷⁴ Strand Electric and Engineering Co Ltd v Brisford Entertainments Ltd [1952] 2 QB 246, 254–255 и др.

Анализируя такие нарушения, суды рассматривали гипотетическую сделку, которую стороны могли бы заключить для приобретения права, действуя разумно. Основываясь на такой гипотетической сделке, для реституционного анализа суды использовали предполагаемую цену такой сделки и присуждали справедливый процент от ожидаемой прибыли правонарушителя.

Особенностью реституции за совершение имущественных деликтов является отсутствие критерия недобросовестности либо умышленного поведения ответчика. Так, в частности, при присвоении чужого имущества ответчик не может полагаться на то, что он обоснованно полагал, что имущество принадлежит ему, а не истцу. Например, если ответчиком совершен деликт присвоения в виде продажи товаров, принадлежащих истцу, истец приобретает право на реституцию прибыли от продажи таких товаров, которая была в действительности получена ответчиком.

Отдельной разновидностью имущественных деликтов являются деликты в сфере интеллектуальной собственности. Часть из них запрещена законом (нарушение авторских прав, патента) либо общим правом (некоторые виды недобросовестной конкуренции (*passing off*)). Регулирование деликтов в сфере интеллектуальной собственности зародилось в праве справедливости. Совершение таких деликтов, как правило, приводит именно к присуждению реституционных убытков⁴⁷⁵. Так, например, расчет прибыли (*account of profits*) применяется за недобросовестную конкуренцию, нарушение прав на товарный знак, нарушение авторских и патентных прав, нарушение прав исполнителя⁴⁷⁶.

Наконец, реституционные убытки теоретически могут применяться и к неимущественным деликтам, хотя чаще всего на практике используются иные способы защиты (например, реституция неосновательного обогащения).

---

⁴⁷⁵ Edelman J. *Gain-Based Damages*. Oxford : Hart Publishing Oxford, 2002. P. 224–231.

⁴⁷⁶ Patents Act 1977, s 61(1)(d), 62(1); Copyright, Designs and Patents Act 1988, s 96(2), 229(2), 191I(2).

Институт реституции обогащения, полученного от нарушения закона по праву справедливости, демонстрирует влияние, оказанное на систему английского права разделением на общее право и право справедливости. Право справедливости имеет дело не с деликтами, а со «справедливыми поступками», такими как нарушение фидуциарных обязанностей и нарушение доверия (*breach of confidence*). В этих случаях пострадавшим лицам доступна реституция в виде расчета прибыли. В частности, расчет прибыли может быть присужден для того, чтобы фидуциарий не извлекал несанкционированную прибыль из своего положения, даже если он действовал добросовестно⁴⁷⁷. Впрочем, в случае нарушения доверия суды могут назначить не расчет прибыли, а возмещение реституционных или компенсационных убытков⁴⁷⁸.

Предпочтительность применения реституции, а не компенсации за совершение вышеуказанных нарушений в целом не вызывает сомнений. Единственный вопрос состоит в том, должна ли реституция быть осуществлена через обязательственный (расчет прибыли) или вещный способ защиты (конструктивный траст (*constructive trust*)).

До последнего времени реституция не могла быть назначена за **нарушение условий контракта**. Долгое время действовал закон, по которому невинная сторона могла воспользоваться реституционными способами защиты, такими как возврат полученных денежных средств в случае отсутствия встречного исполнения⁴⁷⁹ или *quantum meruit* после законного расторжения нарушенного контракта по инициативе невинной стороны⁴⁸⁰. В то же время реституционные способы защиты, направленные на устранение причины неосновательного обогащения, не являются способами защиты от нарушения контракта⁴⁸¹.

---

⁴⁷⁷ *Murad v Al-Saraj* [2005] EWCA Civ 959.

⁴⁷⁸ *Seager v Copydex Ltd* [1967] 1 WLR 923, CA.

⁴⁷⁹ *Giles v Edwards* (1797) 7 Term Rep 181.

⁴⁸⁰ *De Bernardy v Harding* (1853) 8 Exch. 822.

⁴⁸¹ *Burrows*, A. English Private Law. P. 1878.

Так, в рамках одного дела суд отказал в присуждении реституционных убытков за нарушение договора после того, как ответчики, получившие от истца земельный участок для строительства жилых домов, построили больше домов, чем планировалось, получив большую прибыль. Суд установил, что истец не понес ущерба, в силу чего возмещения заслуживает только номинальный убыток; в возмещении реституционных убытков было отказано в связи с тем, что был заявлен иск о взыскании компенсационных убытков по общему праву за нарушение контракта, он не был основан ни на деликте, ни на нарушении владельческих прав, ни на убытках по праву справедливости⁴⁸².

В другом деле за нарушение ограничительных условий, препятствующих строительству домов на земельном участке, которые могли быть обеспечены через право справедливости, были присуждены, вероятно, именно реституционные убытки на основе гипотетической сделки (*hypothetical bargain*)⁴⁸³. Впрочем, позднее палата лордов отмечала, что расчет прибыли за нарушение контракта назначается в исключительных случаях, когда использование других договорных способов защиты невозможно⁴⁸⁴. Можно сказать, что последнее дело «поощрило» суды использовать, пусть и в исключительных случаях, расчет прибыли за нарушение контракта на основе гипотетической сделки.

С реституцией связан такой специфический способ защиты, как **принудительная отмена** либо аннулирование контракта. Этот способ защиты по своему содержанию близок к признанию договора недействительным, поскольку отменяет контракт с момента его совершения (*ab initio*). Он может быть использован в тех случаях, когда сторона заключила контракт под принуждением (*duress*), ненадлежащим влиянием (*undue influence*), в результате введения в заблуждение (*misrepresentation*) или

---

⁴⁸² *Surrey County Council v Bredero Homes Ltd* [1993] 1 WLR 1361, CA.

⁴⁸³ *Wrotham Park Estate Co Ltd v Parkside Homes Ltd* [1974] 1 WLR 798.

⁴⁸⁴ *Attorney-General v Blake* [2001] 1 AC 268, HL.

нераскрытие информации (undisclosure). При этом принудительная отмена является как судебным способом защиты, так и способом самозащиты права. Будучи обычно договорным способом защиты, поскольку позволяет избежать исполнения обязательств по сделке, заключенной с пороком воли, принудительная отмена контракта также применяется и для защиты от неосновательного обогащения в случае, если договор был исполнен истцом. Аннулирование такого договора влечет приведение обеих сторон в первоначальное положение (реституцию), следовательно, оно возвращает истцу право на имущество, если таковое было передано в рамках исполнения обязательств⁴⁸⁵, либо наделяет возможностью требования денежных средств (дает личную реституцию)⁴⁸⁶.

Наказание же как способ защиты прав обладает штрафным характером по отношению к ответчику.

Наличие способов защиты, направленных не на восстановление имущественного положения истца либо лишение незаконно полученных ответчиком благ, а на наказание последнего, в целом не характерно для английского права. Штрафные убытки, являющиеся исключением из этого правила, могут присуждаться только за совершение некоторых деликтов, их применение к нарушениям контрактных обязательств либо нарушений по праву справедливости исключено⁴⁸⁷. Палата лордов установила, что штрафные убытки могут применяться только в случаях, когда имел место ущемляющий права, произвольный или неконституционный проступок со стороны государственного служащего; если ответчик допустил ошибку, цинично рассчитывая, что это будет выгодно; и если назначение таких убытков прямо разрешено законом⁴⁸⁸. Интересно, что, даже если истец сможет доказать, что действия ответчика относятся к одной из этих категорий, это не влечет безапелляционного присуждения штрафных

---

⁴⁸⁵ Erlanger v New Sombrero Phosphate Co (1878) 3 App Cas 1218, HL.

⁴⁸⁶ Redgrave v Hurd (1881) 20 Ch D 1.

⁴⁸⁷ Rookes v Barnard [1964] AC 1129, HL.

⁴⁸⁸ Ibid.

убытков. Суд должен убедиться, что сумма, которую он планирует назначить, не только достаточна для наказания ответчика за его поведение, но и способна удержать его и других лиц от подобного поведения в будущем, а также явно демонстрировать неодобрение судом такого поведения. В данном случае применяется так называемый тест «тогда и только тогда» (if, but only if)⁴⁸⁹, который подразумевает, что все без исключения условия для назначения штрафных убытков будут выполнены.

Другим основанием для освобождения от штрафных убытков является привлечение ответчика к уголовной ответственности за те действия, за совершение которых ему могут быть назначены штрафные убытки (реализуется принцип *nemo debet bis vexari pro una et eadem causa*). Наконец, в случае противоправного поведения истца в присуждении штрафных убытков также может быть отказано⁴⁹⁰.

Существует целый ряд факторов, которые влияют на определение судом размера штрафных убытков. Во-первых, в деле Рукс против Барнар палата лордов зафиксировала принцип умеренности такой санкции. Во-вторых, суду надлежит принять во внимание средства, которыми располагает ответчик, и смягчающие обстоятельства⁴⁹¹. В-третьих, штрафные убытки не должны превышать минимальную сумму, подлежащую уплате одним из солидарных ответчиков (если это применимо к конкретному делу)⁴⁹²; а если имеет место множественность участников на стороне истца, то сначала определяется общая сумма штрафных убытков, которая затем распределяется между истцами⁴⁹³.

Понуждение к исполнению или предотвращение нарушения.
Понуждение к «отмене» нарушения.

---

⁴⁸⁹ Ibid. 1129, 1228.

⁴⁹⁰ Holden v Chief Constable of Lancashire [1987] QB 380, CA.

⁴⁹¹ Rookes v Barnard [1964] AC 1129.

⁴⁹² Broome v Cassell [1972] AC 1027, HL.

⁴⁹³ Riches v News Group Newspapers [1986] QB 256, CA.

Принуждение к исполнению или предотвращение нарушения представляют собой специфические способы защиты гражданских прав, применение которых судом обязывает ответчика выполнять свою основную обязанность не допускать нарушений. Выбор способа защиты зависит от того, позитивным (выполнять определенные действия, например, исполнять обязанности по контракту) или негативным (воздерживаться от совершения определенных действий, например, деликтов) характером обладает такая обязанность ответчика. Особняком стоит понуждение к «отмене» (undoing) допущенного нарушения, которое используется для остановки длящихся эффектов правонарушения путем обязания «отменить» последнее.

Большая часть способов защиты, относящихся к данной группе, выработана правом справедливости, за исключением присуждения согласованной суммы (award of an agreed sum).

В целом существует множество препятствий для применения способов защиты по праву справедливости, право их использования ограничено. Следует понимать, что базовым способом защиты в английском праве, как видно из проведенного анализа, является компенсация. Это обуславливает определенные трудности в применении иных способов защиты, особенно выработанных правом справедливости, хотя они и могли бы более эффективно защитить нарушенное право истца. И хотя запрещающее судебное постановление (prohibitory injunction) сравнительно доступно истцам и может противопоставляться компенсационным убыткам как основной способ защиты, вряд ли можно утверждать то же самое о понуждении к исполнению положительных обязанностей, в отношении которых судебные постановления и исполнение обязательства в натуре затруднены. Фактически они вторичны по отношению к компенсационным убыткам и могут быть присуждены лишь в дополнение к ним, если возмещения убытков будет недостаточно.

В рамках понуждения к исполнению традиционно выделяется такой способ защиты, как *присуждение согласованной суммы*.

Данный способ защиты применяется в договорных отношениях. Он представляет собой гибрид возмещения убытков и исполнения обязательства в натуре.

Первой разновидностью присуждения согласованной суммы является *присуждение согласованной цены (award of an agreed price)*. Речь идет о цене контракта, и такой иск является одним из самых распространенных среди предъявляемых в контрактных отношениях. Основанием для предъявления такого иска является явное нарушение ответчиком обязательства по уплате договорной цены. Договор при этом должен быть действителен, не расторгнут, не аннулирован, равно как не аннулировано и само обязательство по уплате договорной цены, например, в результате применения доктрины фрустрации (*frustration*), т.е. утери смысла договора. В отсутствие каких-либо условий об авансе согласованная цена считается подлежащей уплате, если истец полностью или в основной части выполнил свои встречные обязательства, за которые уплачивается цена. Например, продавец товаров не имеет права на получение согласованной цены до момента перехода права собственности к покупателю (ст. 49(1) Закона о купле-продаже товаров 1979 г.)⁴⁹⁴.

Спорным является вопрос, может ли суд отказать в удовлетворении иска о присуждении согласованной цены, если ответчик явно отказался от контракта, но истец этот отказ не принял и предъявляет данный иск вместо иска о возмещении убытков. С одной стороны, право истца на оставление контракта неисполненным (открытым) формально ничем не ограничено. С другой стороны, истец может не иметь такого права, поскольку к иску о присуждении согласованной цены также применяется обязанность по минимизации ущерба, и, если взыскания убытков достаточно для покрытия

---

⁴⁹⁴ Sale of Goods Act 1979 (An Act to consolidate the law relating to the sale of goods).

ущерба, нанесенного истцу, обязанность по минимизации ущерба может быть признана нарушенной, поскольку она подразумевает принятие расторжения контракта. Впервые этот подход был закреплен палатой лордов в деле Уайт и Картер против МакГрегора⁴⁹⁵, в котором, впрочем, между лордами не было единодушия. Впоследствии суды иногда отходили от применения этого подхода. Во-первых, как отметил лорд Рид в деле Уайт и Картер, «вполне может быть, что, если может быть показано, что у лица нет законного интереса в исполнении контракта, будь то финансового или какого-то другого, кроме требования возмещения убытков, ему не должно быть дозволено обременять другую сторону без пользы для него самого»⁴⁹⁶. Соответственно, некоторые суды дали этому расширенное толкование, указав, что на это дело можно сослаться только в том случае, когда истец может продолжать свое исполнение без взаимодействия с ответчиком⁴⁹⁷. Во-вторых, данная лордом Ридом квалификация об отсутствии «законного интереса» истца в исполнении контракта, которая иначе называется «совершенно неразумным» поведением, иногда также толковалась широко с целью преодоления позиции палаты лордов по делу Уайт и Картер.

Английское право признает также такой способ защиты, как *присуждение согласованных сумм, кроме цены* (award of agreed sums other than the price). Присуждение такой суммы представляется возможным как при нарушении условий контракта, так и при других событиях. Нарушение условий контракта ведет к применению *заранее оцененных убытков* (*liquidated damages*) и *неустоек* (*penalties*). В отличие от присуждения согласованной цены, для использования данного способа защиты не требуется исполнения ответчиком своих обязанностей по контракту. Заранее оцененные убытки представляют собой денежные суммы, определенные сторонами на случай нарушения либо невыполнения такой обязанности.

---

⁴⁹⁵ White and Carter (Councils) Ltd v McGregor [1962] AC 413, HL.

⁴⁹⁶ Ibid. 431.

⁴⁹⁷ Sea Carriers v Ferrostaal (The Puerto Buitrago) [1976] 1 Lloyd's Rep 250, 256, CA.

Заранее оцененные убытки всегда присуждаются судом в том размере, который был согласован сторонами. Для их присуждения необходима оценка действительности обещания по выплате таких заранее оцененных убытков, данного ответчиком.

В случае оговоренного между сторонами штрафа обещание заплатить со стороны ответчика не имеет юридического значения, вместо этого суд присуждает обычные (не оцененные заранее) убытки.

Заранее оцененные убытки – это денежная сумма, которая представляет собой предварительную оценку убытков, причиненных нарушением, т.е. сумма, необходимая для того, чтобы поставить истца в столь же хорошее положение, в котором он оказался бы, если бы контракт был исполнен надлежащим образом.

Неустойка – денежная сумма, которая превышает такую предварительную оценку. Целью неустойки является наказание за нарушение условий контракта и понуждение к выполнению договорных обязательств⁴⁹⁸.

В деле Филипс Гонконг Лтд против генпрокурора Гонконга суд счел, что нет необходимости расценивать оговорку об убытках в качестве штрафа. Оговорка об убытках может представлять собой предварительную оценку потерь, данную сторонами, даже если реальные потери истца будут значительно ниже. Иначе было бы сложно составлять оговорки о заранее оцененных убытках в сложных коммерческих контрактах⁴⁹⁹.

В настоящее время при присуждении согласованных убытков спорными являются следующие вопросы: включают ли заранее оцененные убытки те убытки, которые по закону не подлежат возмещению (например, возникшие в результате нарушения истцом обязанности минимизировать убытки); что происходит в случаях, когда оговорка о согласованных убытках является штрафом, однако реальные убытки истца превышают сумму этого штрафа; и,

---

⁴⁹⁸ Dunlop Pneumatic Tyre Ltd v New Garage and Motor Co Ltd [1915] AC 79, HL.

⁴⁹⁹ Phillips Hong Kong Ltd v A-G of Hong Kong (1993) 61 Building LR 41, PC.

наконец, действительна ли оговорка о заранее оцененных убытках, если она недооценивает и, следовательно, ограничивает убытки истца.

Схожим признаком присуждения согласованной суммы и присуждения согласованной цены является то, что обе суммы взыскиваются в связи с фактом наступления какого-либо события, без анализа, характерного, например, при возмещении обычных убытков⁵⁰⁰.

Еще одним «классическим» способом понуждения к исполнению, который, однако, не имеет широкого применения в английском праве, является понуждение к **исполнению обязательства в натуре (specific performance)**.

Такой способ защиты преследует цель понуждения ответчика к исполнению его позитивных обязанностей, а также обеспечивает охрану ожидаемого интереса истца. Отличие исполнения обязательства в натуре от судебных постановлений состоит в том, что последние направлены на соблюдение отрицательных договорных обязательств. Если судебное постановление, исходя из его содержания, направлено на понуждение к исполнению обязательства в натуре, оно будет регулироваться в соответствии с нормами и ограничениями, применимыми именно к исполнению обязательства в натуре. Само по себе нарушение условий контракта не является обязательным предварительным условием обращения с иском об исполнении обязательства в натуре. Такой иск основан на существовании контракта как такового, нарушение которого, свершившееся или возможное, делает «справедливым» присуждение исполнения обязательства в натуре.

Исполнение обязательства в натуре может быть обременено дополнительными условиями. Например, в случае если продавец, передавший товар с недостатками, требует понудить покупателя к надлежащему исполнению, суд присудит исполнение обязательства в натуре

---

⁵⁰⁰ Alder v Moore [1961] 2 QB 57, CA.

при условии выплаты продавцом покупателю компенсации за устранение такого дефекта⁵⁰¹.

Исполнение обязательства в натуре может применяться не во всех случаях нарушения контракта. Суд применяет такой способ защиты, только установив отсутствие всех ограничений для этого.

Первое и основное ограничение – достаточность (соразмерность) убытков. Исполнение обязательства в натуре не будет присуждено, если присуждение убытков будет достаточным и соразмерным понесенному истцом ущербу. Это принципиальное различие между исполнением обязательства в натуре в странах общего права и странах континентального права.

Суды могут счесть возмещение убытков несоизмерным в ряде случаев. Так, во-первых, денежные средства не всегда могут быть заменой обещанному исполнению, например, в договорах купли-продажи каких-либо индивидуально-определенных либо уникальных вещей. Особое значение в связи с этим приобрели контракты купли-продажи земли, поскольку каждый земельный участок уникален и не может быть заменен⁵⁰². Земля, как и произведения искусства, украшения и т.п., является физически уникальным товаром (*physically unique goods*). В дополнение к этому Трейтель ввел термин «коммерчески уникальные товары» (*commercially unique goods*), которые включают в себя товары, в том числе не уникальные физически, покупка заменителей которых будет настолько сложной или будет сопряжена с такими задержками, что деятельность истца серьезно пострадает.

Во-вторых, если контракт заключен в пользу третьей стороны, присуждение номинальных убытков вместо исполнения обязательства в натуре является несправедливым. Если сторона предъявляет иск по контракту, заключенному в пользу третьего лица, ее собственные потери влекут компенсацию номинальных убытков; но, если это приводит к

---

⁵⁰¹ Fawcett and Holmes' Contract (1889) 42 Ch D 150, CA.

⁵⁰² Falcke v Gray (1859) 4 Drew 651.

несправедливости исходя из существа контракта, номинальные убытки признаются несоразмерными, что позволяет присудить исполнение обязательства в натуре.

Вторым фактором, влияющим на присуждение исполнения обязательства в натуре, является необходимость постоянного наблюдения (*constant supervision*). Судом будет отказано в присуждении обязательства в натуре в случае, если оно будет подразумевать совершение непрерывных действий, требующих постоянного судебного надзора⁵⁰³.

Существует также традиционное правило, согласно которому суды не присуждают исполнение обязательства в натуре в рамках контрактов на личное оказание услуг (в Англии такими являются, например, трудовые контракты)⁵⁰⁴. Для трудовых контрактов этот запрет специально зафиксирован в ст. 236 Закона о профсоюзах и трудовых отношениях 1992 г. Одной из причин введения данного запрета является то, что такой контракт основан на отношениях взаимного доверия и уважения, и в случае их нарушения принудительное восстановление такого контракта породит лишь будущие конфликты между сторонами. Кроме того, в рамках многих контрактов достаточно трудно определить, каким же является надлежащее исполнение обязательства в натуре, например, если предметом является некая творческая деятельность⁵⁰⁵.

Еще одним специфическим признаком является требование взаимности (*want of mutuality*). В современном виде оно подразумевает, что суд не будет присуждать исполнение обязательства в натуре, если невозможно гарантировать, что истец исполнит все свои неисполненные обязательства безусловно, в этом случае возмещение убытков будет подходящим способом защиты⁵⁰⁶.

---

⁵⁰³ Ryan v Mutual Tontine Westminster Chambers Association [1893] 1 Ch 116, CA.

⁵⁰⁴ Johnson v Shrewsbury and Birmingham Rly Co (1853) 3 De GM & G 914.

⁵⁰⁵ Giles & Co Ltd v Morris [1972] 1 WLR 307, 318.

⁵⁰⁶ Price v Strange [1978] Ch 337, 367–368, CA.

В дополнение к четырем перечисленным ограничениям, исполнение обязательства в натуре не может быть присуждено, если условия контракта не позволяют принять достаточно определенное судебное постановление⁵⁰⁷, если контракт заключен нечестно⁵⁰⁸, где такое исполнение невозможно физически⁵⁰⁹, либо если поведение истца было недобросовестным (принцип «тот, кто ищет справедливости, должен действовать по справедливости»)⁵¹⁰.

Также следует отметить, что в настоящее время наблюдается тенденция в пользу обеспечения доступа к исполнению обязательства в натуре, что делает ближе правовые системы общего и континентального права, хотя главный предмет доказывания – отсутствие возможности соразмерной компенсации – сохраняется⁵¹¹.

Судебные постановления (injunctions) рассматриваются английским правом как способ защиты гражданских прав, выработанный правом справедливости. Следует различать судебные постановления как окончательный способ защиты, который применяется по иску, и судебные постановления как временные обеспечительные меры (последние не анализируются в рамках настоящей работы). Судебные постановления бывают запрещающими и обязывающими. Первые, соответственно, понуждают исполнять негативные обязанности, а вторые – позитивные.

Судебные постановления могут быть назначены *quia timet*, т.е. в случае наличия лишь угрозы совершения каких-либо правонарушений, как правило, деликтов. Для присуждения такого судебного постановления на истца возлагается бремя доказывания, что правонарушение весьма вероятно и неизбежно произойдет⁵¹².

Запрещающие судебные постановления могут быть направлены на противостояние нарушениям обязательств по контракту. В каком-то смысле,

---

⁵⁰⁷ Joseph v National Magazine Co [1959] Ch 14.

⁵⁰⁸ Walters v Morgan (1861) 3 De GF & J 718.

⁵⁰⁹ Ferguson v Wilson (1866) 2 Ch App 77.

⁵¹⁰ Chappell v Times Newspapers Ltd [1975] 1 WLR 482, CA.

⁵¹¹ Co-operative Insurance Society Ltd v Halfords Ltd (No 2) 1999 SLT 685, OH.

⁵¹² Redland Bricks v Morris [1970] AC 652, HL.

как мы указывали ранее, такое постановление противопоставляется по своему содержанию исполнению обязательства в натуре, поскольку направлено на недопущение нарушения негативных обязательств. Кроме того, в отличие от исполнения обязательства в натуре, запрещающее судебное постановление сравнительно легко получить. Хотя основным критерием для принятия запрещающего судебного постановления также является невозможность соразмерного удовлетворения интересов истца за счет возмещения убытков, сложно представить, что такое возмещение в принципе способно соразмерно компенсировать потери истца. Этот факт делает запрещающее судебное постановление основным способом защиты в таких делах⁵¹³.

В качестве оснований для отказа в присуждении судебного постановления выделяются несправедливые действия истца⁵¹⁴ или признание своего нарушения⁵¹⁵. Кроме того, дискуссионным вопросом является то, что предоставление запрещающего судебного постановления может быть равносильным косвенному исполнению обязанности, содержащейся в контракте, для которой исполнение обязательства в натуре в обычных условиях не может быть присуждено, с учетом проанализированного выше.

Так, в деле Ламли против Вагнер в отношении ответчика было вынесено судебное постановление, запрещающее ей петь где-либо, кроме театра истца, поскольку суд посчитал, что это не будет являться косвенным исполнением обязательства в натуре⁵¹⁶. Такой же подход встречался и в некоторых других судебных делах⁵¹⁷.

Другой подход был избран в деле Пейдж Уан Рекордс против Бриттона. Истец был нанят в качестве эксклюзивного агента и менеджера музыкальной группы, однако в нарушение обязанности воздерживаться от заключения

---

⁵¹³ Doherty v Allman (1878) 3 App Cas 709, 720, HL.

⁵¹⁴ Telegraph Despatch and Intelligence Co v McLean (1873) 8 Ch App 658.

⁵¹⁵ Shaw v Applegate [1977] 1 WLR 970, CA.

⁵¹⁶ Lumley v Wagner (1852) 21 LJ Ch 898.

⁵¹⁷ Warner Bros Pictures Inc v Nelson [1937] 1 KB 209.

контрактов с третьими лицами музыкальный коллектив заключил соглашение с другим менеджером. Суд между тем отказал в выдаче судебного постановления, посчитав, что таковое будет являться косвенным исполнением контрактных обязательств⁵¹⁸. Данный подход был признан более реалистичным и практичным в последующих судебных процессах.

Применение запрещающего судебного постановления против деликтов также встречается на практике. Суды применяли его в отношении нарушения авторских прав⁵¹⁹, патента⁵²⁰, диффамации⁵²¹ и пр. Несмотря на это, основной и наиболее важной сферой его применения является пресечение нарушений прав истца в отношении недвижимости, а именно причинение неудобств, нарушение порядка пользования имуществом (*nuisance*) и посягательства на землю (*trespass*). Именно запрещающее судебное постановление является основополагающим способом защиты от этих двух деликтов, хотя к ним может быть применено и возмещение компенсационных убытков (ст. 50 Закона о Верховном Суде 1981 г.).

В деле Шелфер против Лондон Электрик Лайтинг Ко рассматривался следующий случай. Рядом с пабом была построена электростанция, которая производила вибрации и шумы, причинявшие неудобства арендатору паба⁵²². Апелляционный суд вынес запрещающее судебное постановление, пояснив, что убытки могут быть назначены вместо него только в случаях, когда ущерб законным интересам истца невелик и может быть компенсирован небольшой суммой денежных средств. Данная концепция стала основополагающей в подобных делах.

Незначительность может быть продемонстрирована на примере дела Беренс против Ричардса, где ответчики посягнули на землю истца, однако истец отказался от запрещающего судебного постановления, поскольку

---

⁵¹⁸ Page One Records v Britton [1968] 1 WLR 157.

⁵¹⁹ Performing Right Society Ltd v Mitchell & Booker Ltd [1924] 1 KB 762.

⁵²⁰ Coflexip SA v Stolt Comex Seaway MS Ltd [2001] 1 All ER 952 (note), CA.

⁵²¹ Saxby v Easterbrook (1878) 3 CPD 339.

⁵²² Shelfer v City of London Electric Lighting Co. [1895] 1 Ch 287, CA.

нарушение не причинило ему реального вреда, номинального возмещения убытков для него было достаточно⁵²³.

В третьем деле суд решил, что судебное постановление может быть вынесено вне зависимости от размера причиненного ущерба, посчитав, что дело Беренс против Ричардса носит исключительный характер⁵²⁴.

Запрещающее судебное постановление может быть вынесено для прекращения или недопущения повтора нарушения по праву справедливости. Так, например, злоупотребляющему доверием доверительному управляющему можно запретить заключение невыгодного контракта в отношении собственности, находящейся в его управлении⁵²⁵, ограничить продажу такой собственности, если не соблюдены необходимые для этого законодательные требования⁵²⁶ (для недопущения нарушения доверия)⁵²⁷ и т.п. Принципы присуждения запрещающих судебных постановлений в данном случае аналогичны присуждению таковых в отношении нарушения контракта либо совершения деликта. Запрещающее судебное постановление является основным способом защиты против нарушений по праву справедливости.

Применение же *обязывающих судебных постановлений* в качестве способа защиты от нарушения условий контрактов встречается редко. Такой способ уступает свое место понуждению к исполнению обязательства в натуре. В деле Шепперд Хоумз Лтд против Сэндхем судья Меггари подчеркнула, что добиться присуждения обязывающего судебного постановления сложнее, нежели запрещающего; а убытки обычно считаются достаточным и основным способом защиты⁵²⁸. В качестве оснований для отказа в обязывающем судебном постановлении были выделены, в частности, незначительность ущерба, нанесенного истцу, и наличие

---

⁵²³ Behrens v Richards [1981] QB 88, CA.

⁵²⁴ Patel v W. H Smith (Eziot) Ltd [1987] 1 WLR 853, CA.

⁵²⁵ Dance v Goldingham (1873) LR 8 Ch App 902.

⁵²⁶ Wheelwright v Walker (1883) 23 Ch D 752.

⁵²⁷ Peter Pan Manufacturing Corp v Corsets Silhouette Ltd [1964] 1 WLR 96.

⁵²⁸ Shepherd Homes Ltd v Sandham [1971] Ch 340, 351.

диспропорции между ущербом, который будет нанесен ответчику от этого способа защиты, и выгодой, которую он принесет истцу⁵²⁹. В то же время обязывающее реституционное судебное постановление может применяться для «отмены» действий ответчика, совершенных в нарушение негативного договорного обязательства⁵³⁰.

Обязывающие судебные постановления в отношении деликтов практически всегда носят реституционный характер и направлены на «отмену» деликта. Они должны быть определенными. Вместе с тем даже в случаях, когда такое судебное постановление можно достаточно определенно сформулировать, суд обладает дискреционными полномочиями по его выдаче⁵³¹. Применение возмещения убытков вместо выдачи судебного постановления является основным способом защиты и применяется во всех случаях, когда деликт является достаточно обычным. Кроме того, создание затруднений для ответчика в результате применения такого способа защиты является препятствием для его применения. Затруднения при этом трактуются судами максимально широко, и фактически в пользу ответчика: пока ответчик действовал разумно, даже если и с нарушением, суды будут оценивать его обременение в сравнении с выгодой, приобретаемой истцом⁵³². В то же время, если ответчик действовал неразумно и необоснованно, к нему не будет никакого снисхождения⁵³³. Более того, вопреки ранее сложившейся практике, на текущий момент необходимость постоянного наблюдения не является препятствием для выдачи такого судебного постановления.

Наконец, обязывающее судебное постановление является подходящим способом защиты от нарушений по праву справедливости (нарушений

---

⁵²⁹ Ibid.

⁵³⁰ Charrington v Simons & Co Ltd [1971] 1 WLR 598, CA.

⁵³¹ Redland Bricks v Morris [1970] AC 652, 665.

⁵³² Ibid. P. 666.

⁵³³ Ibid.

позитивных фидуциарных обязанностей, совершаемых доверительным управляющим)⁵³⁴.

Возврат вещей; возврат для уничтожения или уничтожение под присягой

Возврат вещей (delivery up of goods) представляет собой подобный реституции способ защиты, направленный на понуждение ответчика к «отмене» (undo) допущенного им нарушения.

Возврат для уничтожения или уничтожение под присягой (delivery up for destruction or destruction on oath) связаны с обеспокоенностью истца вредоносным использованием вещи. Целью применения обоих способов защиты является пресечение действий, нарушающих права истца.

Иск о *возврате вещей* представляет собой специфический способ защиты прав истца от действий ответчика, который неправомерно вмешивается во владение (например, путем присвоения или посягательства на вещь). Его частным случаем является возврат материалов, содержащих принадлежащую истцу конфиденциальную информацию в случае нарушения доверия.

Право на возврат товаров закреплено в ст. 3 Закона о деликтах 1977 г. В результате реализации этого способа защиты ответчик обязывается доставить товар истцу либо разрешить истцу его забрать самостоятельно.

Возврат товаров, как и многие другие способы защиты, не применяется в случае, если возможной компенсации будет достаточно для погашения потерь истца. Данный подход основан на схожем подходе, применимом к исполнению обязательств в натуре; эти способы защиты считаются аналогичными друг другу.

Можно утверждать, что рассматриваемый способ защиты не применяется к большинству вещей, поскольку возмещение убытков

---

⁵³⁴ Fletcher v Fletcher (1844) 4 Hare 67.

позволяет купить заменитель вещи⁵³⁵. В то же время, как и в рамках присуждения исполнения обязательств в натуре, в отношении физически либо коммерчески уникальных товаров данный способ защиты допустим к применению.

В удовлетворении иска о возврате вещей может быть отказано даже в случае несоразмерности компенсации, если, например, имеется молчаливое согласие истца.

Как и в случае с исполнением обязательств в натуре, возврат вещей может быть присужден на условиях, например, возмещения стоимости улучшений, внесенных в вещь (ст. 3(7) Закона о деликтах 1977 г.).

Иск о возврате земли – частный случай иска о возврате вещей.

Иск о возврате земельного участка (action for the recovery of land) представляет собой разновидность иска, уполномочивающего титульного владельца земельного участка (в том числе на праве аренды) требовать возврата земельного участка из незаконного владения и выплаты компенсации за незаконное его использование. Условием удовлетворения такого иска является «лучший титул» владельца земельного участка (истца).

Такой иск не может быть предъявлен в отношении посягательства на владение, поскольку доступен только в случаях лишения титула. С этим связан и увеличенный в два раза срок давности (ст. 15(1) Закона о сроках давности 1980 г.).

Берроуз отмечает, что этот иск является одним из немногих, сохранивших свою идентичность как самостоятельный способ владельческой защиты против конкретного правонарушения, в отличие от остальных способов защиты, обладающих универсальным применением⁵³⁶.

В случае если имело место противоправное посягательство на интеллектуальную собственность (нарушение авторских прав, патента,

---

⁵³⁵ William Whitley Ltd v Hilt [1918] 2 KB 808, 819.

⁵³⁶ Burrows, A. English Private Law. P. 1317.

товарного знака и т.п.)⁵³⁷ или злоупотребление доверием⁵³⁸, суды вправе обязать ответчика доставить объект такого нарушения (предметы, сделанные в нарушение прав истца, средства их изготовления) истцу или суду для уничтожения либо самостоятельно уничтожить его под присягой (ст. 99, 230 Закона об авторских правах, дизайне и патентах 1988 г.).

Существует мнение, что такой способ защиты не используется для защиты иных прав (помимо интеллектуальных) в связи с историческими особенностями развития института, истоки которого усматриваются из права справедливости⁵³⁹.

Декларация прав

Все способы защиты гражданских прав основываются на декларации права стороны спора. Однако декларация существует и как самостоятельный способ защиты, с помощью которого судом выносится решение, не изменяющее существующее правоотношение.

Такая декларация, которая может быть осуществлена в отношении любого права стороны, может эффективно разрешить спор или предотвратить его возникновение в принципе.

Декларация может быть как положительной (подтверждение наличие права истца), так и отрицательной (установление отсутствия оснований для ответственности истца)⁵⁴⁰.

Очевидно, аналогом такого способа защиты по российскому праву является признание права и признание права отсутствующим (ст. 12 ГК РФ).

Декларация может быть заявлена только в тех случаях, когда спор либо нарушение прав или уже существуют, или вероятность их наступления не является гипотетической⁵⁴¹.

---

⁵³⁷ *Rosedale Associated Manufacturers Ltd v Airfix Products Ltd* [1956] RPC 360; *Slazenger & Sons v Feltham & Co* (1889) 6 RPC 531.

⁵³⁸ *Prince Albert v Strange* (1849) 2 De G & Son 704.

⁵³⁹ *Burrows*, A. *English Private Law*. P. 1318.

⁵⁴⁰ *Messier-Dowty Ltd v Sabena SA (No 2)* [2000] 1 WLR 2040, 2050.

⁵⁴¹ *Mellstrom v Garner* [1970] 1 WLR 603, CA.

Кроме того, декларация может быть использована для того, чтобы суд подтвердил, что ответчик совершил нарушение или равнозначные ему действия⁵⁴².

Выбор декларации судом может быть также обусловлен нецелесообразностью назначения судебного постановления⁵⁴³. Защита прав может быть обеспечена и предварительной декларацией (ст. 25.1(1)(b) ППП).

В качестве разновидности декларации может рассматриваться присуждение **возмещения номинальных убытков**. Такое возмещение назначается по искам в отношении правонарушений, для которых не нужно подтверждение ущерба. Если суд убежден, что реального ущерба истцу причинено не было, истец вправе требовать возмещения номинальных убытков, составляющих незначительную сумму до 10 фунтов стерлингов. Такие убытки не носят компенсационный характер, служат лишь для подтверждения факта нарушения, что обуславливает их схожую правовую природу с институтом декларации.

Российскому праву подобный способ защиты гражданских прав не известен, институт возмещения номинальных убытков, имеющий своей целью исключительно констатацию права (либо правонарушения), не нашел своего законодательного закрепления в Российской Федерации.

Способы самопомощи (self-help remedies)

Вместо подачи иска английское право предоставляет стороне возможность использования средств самопомощи.

Так, включив в контракт оговорку о сохранении права собственности (либо удержании титула – retention of title), иначе называемую оговоркой *Romalpa*, продавец может избежать необходимости предъявления иска покупателю в случае невыполнения последним условий контракта.

---

⁵⁴² Harrison v Duke of Rutland [1893] 1 QB 142, CA.

⁵⁴³ Llandudno UDC v Woods [1899] 2 Ch 705.

Данная оговорка направлена на предоставление продавцу приоритета перед кредиторами покупателя, если покупатель не оплачивает товар из-за своей неплатежеспособности или по иной заранее оговоренной причине⁵⁴⁴.

Содержание этой оговорки заключается в том, что продавец сохраняет за собой право собственности на товары до момента их оплаты покупателем. Оговорка также должна подразумевать, во-первых, право продавца войти на территорию покупателя для возврата товара (без совершения посягательства); во-вторых, обязательство покупателя хранить товары поставщика отдельно от иных товаров, маркировать их как принадлежащие поставщику; в-третьих, перечень событий, которые «активируют» право покупателя потребовать оплату или возврат товара⁵⁴⁵.

Разновидностью вышеуказанной оговорки является *оговорка обо всех денежных средствах* (all monies clause). В случае применения такой оговорки поставщик оставит за собой право собственности на конкретные товары до тех пор, пока покупатель не оплатит в принципе любые товары, полученные от поставщика, и не погасит любые иные существующие перед ним задолженности. Помимо наилучшего обеспечения интересов поставщика, целью существования такой оговорки является упрощение хозяйственных отношений между сторонами, поскольку она не требует связывания определенных товаров с конкретными неоплаченными счетами.

Следующим способом самозащиты является *оговорка о выручке от продажи* (proceeds of sale clause), в соответствии с которой поставленные товары должны быть проданы покупателем, а поставщик вправе получить вырученные с этой продажи денежные средства для погашения покупной цены. Будучи впервые признанной в вышеупомянутом судебном процессе *Romalpa*, который выявил фидуциарные отношения между поставщиком и покупателем, впоследствии эта оговорка вызывала дискуссии со стороны судов, которые в некоторых случаях признавали ее недействительной. Одним

---

⁵⁴⁴ Aluminium Industrie Vaasen BV v Romalpa Aluminium Ltd [1976] 1 WLR 676.

⁵⁴⁵ Re Bond Worth [1979] 3 AER 919.

из критериев применения этого способа защиты является установление фидуциарных отношений между поставщиком и покупателем, а также продажа товаров покупателем в качестве агента поставщика.

Оговорка о смешанных товарах (mixed goods clause) применяется в случаях, когда поставляемые товары смешиваются или объединяются в процессе производства с другими товарами, принадлежащими покупателю или третьим лицам. Оговорка о смешанных товарах наделяет поставщика правом собственности на любой продукт, полученный в результате производства.

Английское право различает товары, которые сохраняют свою индивидуальность (они по-прежнему могут принадлежать продавцу в случае наличия оговорки об удержании титула), и товары, которые эту индивидуальность теряют (например, смолы в процессе производства ДСП)⁵⁴⁶.

Вышеприведенные оговорки ограничены в своем действии в ряде случаев, в частности:

– если покупателем является компания, против которой было подано заявление о начале конкурсного производства, никаких шагов по возврату товаров нельзя принимать без согласия суда до рассмотрения такого заявления либо до окончания конкурсного производства (ст. 11 Закона о несостоятельности 1986 г.);

– оговорка об удержании правового титула не включена надлежащим образом в контракт между поставщиком и покупателем⁵⁴⁷.

Фактически действующее прецедентное право в отношении оговорок о смешанных товарах и выручке от продажи сделало их неэффективными. Самым ценным инструментом является оговорка об удержании титула, которая дает поставщику право проникновения на территорию покупателя, возможность возврата товаров, принадлежащих поставщику, в пределах всех

---

⁵⁴⁶ Borden (UK) Limited v Scottish Timber Products [1979] 3 AER 961.

⁵⁴⁷ John Snow & Company Limited v DBG Woodcroft & Company Limited [1985] BCLC 54.

задолженностей покупателя, а также возможность предъявления иска за присвоение товаров в отношении продающего их лица (например, ликвидатора).

Риски в отношении товаров переходят одновременно с переходом права собственности на них, если иное не предусмотрено договором (ст. 20 Закона о продаже товаров 1979 г.), обычно – в момент доставки товара. Если товар будет уничтожен после доставки, покупатель останется ответственным за цену товара. Чтобы предотвратить риск невозможности такого платежа, поставщик может включить оговорку о необходимости страхования товара в надежной страховой компании с упоминанием интереса поставщика в условиях страхования.

Удержание платежа (withholding of payment) и зачет (set-off) также рассматриваются в английском праве в качестве способов защиты.

Сразу отметим, что по российскому праву зачет представляет собой способ прекращения обязательства (ст. 410 ГК РФ), а не способ самозащиты.

Итак, в случае наличия у должника встречных требований к кредитору зачет позволяет уменьшить или погасить требование кредитора на сумму встречного требования. Английское право выделяет следующие разновидности зачета:

– законный зачет. Это процессуальный способ защиты, который возник из Статутов о зачете и ряда дел XVIII и XIX вв.⁵⁴⁸ К такому зачету можно прибегать только в случае наличия судебного иска, он не является средством самопомощи. Особенностью этого зачета является то, что требования могут возникать не обязательно из одной или тесно связанных сделок;

– справедливый зачет – способ защиты, доступный вне судебного разбирательства, когда взаимные требования возникают из одной или тесно связанных сделок. Такой зачет может применяться к неоплаченным

---

⁵⁴⁸ Bennett v White [1910] 2QB 643 CA.

денежным суммам⁵⁴⁹. Данный вид зачета является средством самопомощи и наделяет должника правом вычета суммы своего требования из долга для последующей передачи оставшейся части долга кредитору. При этом как в справедливом, так и в законном зачете рассматриваемые суммы должны быть с наступившим сроком платежа (due and payable) либо (в случае непогашенных убытков) оценены добросовестно и разумно⁵⁵⁰;

– банковский зачет, или право на объединение счетов, возможен при наличии у клиента более двух счетов в банке, один из которых является кредитным. Такой зачет позволяет банку зачесть имеющийся остаток по текущему счету для погашения отрицательного остатка по кредитному счету, если таковой подлежит выплате по требованию или с разумно коротким уведомлением⁵⁵¹. Этот зачет также является средством самопомощи и доступен без судебных разбирательств;

– банкротный зачет – его правила являются обязательными и не могут изменяться соглашением сторон⁵⁵². Любой кредитор, участвующий в процедуре банкротства, должен вычесть из своего требования сумму любых обязательств, возникших: а) до ликвидации или банкротства компании или физического лица; б) в любое время, когда кредитор получил уведомление о решении или заявлении о ликвидации компании или банкротстве физического лица, поскольку эти денежные суммы учитываются для создания общего баланса (по сути, создания новых обязательств). Этот зачет заменяет собой все договорные зачеты, если таковые существовали.

Английское право предусматривает также возможность реализации и иных способов самозащиты гражданских прав.

Если покупатель нарушает условия договора купли-продажи товаров, согласно Закону о купле-продаже товаров 1979 г., продавец приобретает права в отношении самих товаров в дополнение к правам в отношении

---

⁵⁴⁹ Hanak v Green [1958] 2 All ER 141 CA.

⁵⁵⁰ The Nanfri [1978] Lloyd's Rep 132 CA.

⁵⁵¹ Re Willis, Percival & Co ex parte Morier [1879] 12 ChD 491 CA.

⁵⁵² Halesown Presswork and Assemblies Ltd v Westminster Bank [1972] AC 785.

покупателя. Так, ст. 38(1) Закона наделяет неоплаченного продавца правами на:

- сохранение товара за собой, если продавец по-прежнему владеет товаром и покупателю не был предоставлен кредитный период, или срок кредита истек, или покупатель является неплатежеспособным. Продавец может удерживать товары до тех пор, пока покупатель не оплатит их (право удержания продавца);

- остановку перевозки товаров и их удержание, если товары доставлялись, однако покупатель их еще не оплатил (ст. 44 Закона);

- перепродажу скоропортящегося товара при условии уведомления покупателя о намерении продать и отсутствии оплаты в разумные сроки (ст. 48(3) Закона).

Помимо вышеприведенных обязательственных средств, самопомощь может реализовываться и против некоторых деликтов (в первую очередь trespass и nuisance).

Так, в случае совершения посягательства на землю землевладелец может, помимо обращения в суд за достаточно дорогостоящим судебным постановлением об удалении нарушителей, воспользоваться общим владельческим правом устранить нарушителя самостоятельно с применением «разумной силы» (reasonable force). Концептуально «разумную силу» можно определить как силу, необходимую для того, чтобы заставить посягающее лицо удалиться. Ввиду отсутствия четких критериев существует риск выйти за пределы разумности такого воздействия. Кроме того, прежде чем применять разумную силу, землевладелец должен сначала предложить нарушителю удалиться с территории самостоятельно и предоставить ему разумный срок для этого. Учитывая высокий риск превышения разумных пределов этого средства самопомощи, оно носит, скорее, исключительный характер.

Интересно, что этим средством самопомощи нельзя воспользоваться при нарушении границ жилой собственности, поскольку последнее составляет уголовное преступление.

В данном случае любопытной является параллель с американской системой самозащиты от подобных нарушений. Законодательство США направлено на обеспечение реализации собственниками права владеть земельным участком и удалять из пределов такого владения несанкционированных нарушителей, причем в особенности для американского права важно именно последнее, поскольку имеет свои корни в пятой и четырнадцатой поправках к Конституции США⁵⁵³.

Право удаления нарушителей с территории земельного участка «несет особую ценность в связке прав, образующих собственность», и позволяет «удалять из пределов своего владения любого – будь то незнакомец или – для целей этого принципа – даже друг, но особенно – государство и власти»⁵⁵⁴.

Ответственность за вторжение в пределы владения может наступить даже в тех случаях, когда в результате воздействия ответчика такое вторжение было произведено третьим лицом или вещью⁵⁵⁵.

Следовательно, английское право, особенно в сравнении с американским, весьма существенно ограничивает возможность применения самопомощи против деликтов.

По итогам исследования, приведенного в настоящем параграфе, можно сделать следующие выводы.

В английском праве отсутствует четкое регулирование системы способов защиты гражданских прав.

Во-первых, нередко способ защиты гражданского права отождествляется со способом обеспечения исполнения обязательств или с каким-либо процессуальным институтом. Подобный подход не позволяет

---

⁵⁵³ Ibid.

⁵⁵⁴ Hendler v. United States, 952 F.2d 1364, 1374-75 (Fed. Cir. 1991).

⁵⁵⁵ Marengo Cave Co. v. Ross, 212 Ind. 624, 10 N.E.2d 917 (1937).

получить ясное понимание процессуальных и материально-правовых аспектов рассматриваемого института.

Во-вторых, сама по себе концепция выделения прямых и косвенных способов защиты позволяет сделать вывод о размытости границ применения способов защиты при конкретном нарушении права. С одной стороны, такой подход наиболее полно отвечает принципам диспозитивности, позволяющим обладателям гражданских прав самостоятельно определиться с инструментарием для защиты своего права, с другой – создает определенный дисбаланс, поскольку такая неопределенность в правовом результате, на который направлен избранный способ защиты, представляется, ограничивает права лица, против которого такой способ применяется (тем самым ставится под сомнение обеспечение принципа равноправия участников гражданских правоотношений).

В-третьих, единого унифицированного определения способа защиты гражданских прав (равно как и защиты либо охраны гражданских прав) при изучении англосаксонского права не усматривается.

В-четвертых, общие положения о способах защиты гражданских прав, позволяющие заинтересованному лицу избрать надлежащий (а следовательно, и эффективный) способ, отсутствуют. Изложенное, в свою очередь, может привести не только к затруднению выбора применимого способа правообладателем, но и к излишнему ограничению прав правонарушителя.

В-пятых, центральным способом защиты в английском праве является компенсация убытков, которая должна применяться для защиты гражданских прав по умолчанию против всякого нарушения. Изложенное позволяет утверждать, что любое посягательство на право может быть оценено в денежном эквиваленте, компенсация которого в пользу потерпевшего приведет к восстановлению баланса интересов сторон. Прочие способы

защиты применяются субсидиарно при констатации невозможности возмещения убытков.

В-шестых, в качестве отдельных разновидностей компенсации убытков английское право предлагает взыскание номинальных убытков, а также заранее оцененных убытков. Такие способы защиты гражданских прав не известны российскому законодателю. Однако следует отметить, что, например, отечественной судебной арбитражной юрисдикцией признается правомерность требований о взыскании заранее оцененных убытков, определенных сторонами гражданско-правового обязательства, исходя из принципа свободы договора (ст. 421 ГК РФ)⁵⁵⁶. В связи с этим представляется целесообразным законодательное закрепление приведенных способов защиты в ГК РФ, что будет способствовать наиболее эффективной и полной защите гражданских прав при всем их многообразии.

Аналогичный подход, думается, применим и к категории «номинальных убытков», также известной английскому правопорядку.

---

⁵⁵⁶ См., например: постановления АС Московского округа от 21.09.2020 по делу № А40-249682/19, 9ААС от 15.10.2020 по делу № А40-52627/20, от 19.06.2020 № 09АП-4846/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

§ 2.2. Континентальная модель правового регулирования системы способов защиты гражданских прав

Прежде всего, рассмотрим правовое регулирование способов защиты прав по гражданскому праву Германии.

В Германии с 1896 г. и по сей день действует ГГУ, регулирующее обязательственные, деликтные и иные правоотношения.

Особенностью немецкого права является то, что достаточно широкие категории нарушений обязанностей и (или) закона охватывают целые группы способов защиты прав, которые не пересекаются между собой, как это происходит в английском праве. В связи с этим приведенный в настоящем параграфе анализ будет основан на разделении нарушений в сферах обязательственного права, деликтного права, защиты от неосновательного обогащения и нарушений владения.

Система обязательственных способов защиты прав

В отличие от системы обязательственного права в Великобритании, в Германии она недавно претерпела существенные изменения. При этом до пересмотра немецкого обязательственного права правила, регулировавшие нарушения контракта, считались чрезмерно сложными⁵⁵⁷. Это было связано с тем, что они были основаны на классификации конкретных разновидностей нарушений, а не структурированы в соответствии со способами защиты⁵⁵⁸.

Кроме того, утверждалось, что ГГУ основано на устаревшем принципе вины. ГГУ предусматривало, что прекращение контракта и требование о возмещении убытков были взаимоисключающими, что признавалось концептуально устаревшим. Норма § 306 ГГУ, устанавливающая недействительность договора, исполнение которого невозможно, подвергалась широкой критике как среди ученых-юристов, так и на

---

⁵⁵⁷ *Markesinis, B.S., Lorenz, W. and Dannemann, G. The German Law of Obligations, vol. I: The Law of Contracts and Restitution: A Comparative Introduction. Oxford : Clarendon Press, 1997. P. 398.*

⁵⁵⁸ *Zimmermann, R. The New German Law of Obligations: Historical and Comparative Perspectives. Oxford : Oxford University Press, 2005. P. 39.*

практике⁵⁵⁹. Двумя существенными недостатками ГГУ назывались: неурегулирование ситуации, когда исполнение не было объективно невозможным, но было невозможно с точки зрения должника; отсутствие правил для «положительного нарушения контракта» (*positive Vertragsverletzung*) для случаев, когда кредитор в результате ненадлежащего исполнения обязательств должником понес косвенные убытки.

В то же время бóльшая часть этих аргументов была опровергнута Ульрихом Хубером, заявившим о неверном толковании таких положений уложения⁵⁶⁰. Именно названный ученый инициировал последующие изменения в законодательстве⁵⁶¹.

Новую систему германского обязательственного права было предложено создавать на правилах, содержащихся в Конвенции о праве международной купли-продажи товаров (далее – КМКПТ)⁵⁶² и предшествовавших ей Гаагских конвенциях. Ключевой чертой проекта о внесении изменений в ГГУ являлось структурирование правил на основе системы способов защиты прав, единой концепции нарушения обязанностей (*Pflichtverletzung*) и отступления от требования к вине при прекращении контракта⁵⁶³. Вызывающую столько неприятия концепцию невозможности было предложено убрать из закона. Однако, несмотря на то что ст. 49 КМКПТ позволяет исключить ответственность должника только в том случае, когда нарушение основано на препятствии, выходящем за пределы сферы влияния должника, которое не могло быть им предвидено, принцип вины в отношении требований о возмещении убытков был сохранен. В то же время практические различия

---

⁵⁵⁹ Ibid.

⁵⁶⁰ Huber, U. *Leistungsstörungen*. 2 vols. Mohr Siebeck, 1999.

⁵⁶¹ Huber, U. *Empfiehl sich die Einführung eines Leistungsstörungenrechts nach dem Vorbild des Einheitlichen Kaufgesetzes? Welche Änderungen im Gesetzestext und welche praktischen Auswirkungen im Schuldrecht würden sich dabei ergeben?* / Bundesminister der Justiz (ed.), *Gutachten und Vorschläge zur Überarbeitung des Schuldrechts I*. Köln : Köln Bundesanzeiger-Verlagsgesellschaft, 1981. P. 647.

⁵⁶² Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров от 11.04.1980.

⁵⁶³ Stürner, R. *Einige Bemerkungen zum Stand der Schuldrechtsreform* / *Festschrift für Hans Erich Brandner*. Otto Schmidt, 1996. P. 635.

между проектами внесения изменений в ГГУ и КМКПТ не являлись существенными⁵⁶⁴.

В конечном виде проект изменений Закона об обязательствах был принят и вступил в силу с 1 января 2002 г.⁵⁶⁵ Наличие значительных взаимосвязей между действующей редакцией ГГУ, Принципов УНИДРУА и Принципов европейского контрактного права (далее – ПЕКП) также обуславливает выбор германского гражданского права в качестве объекта анализа. Фактически на сегодняшний день система континентального права, в рамках которой гармонизируется законодательство стран ЕС, основана именно на германской модели регулирования гражданских правоотношений и инкорпорированных в ней принципах.

Новый Закон об обязательствах основан на трех источниках. Во-первых, он призван передать опыт общеевропейского регулирования. В частности, он переносит регулирование, содержащееся в Директиве о потребительских продажах (которая основана на КМКПТ)⁵⁶⁶, а также частично в Директиве об электронной торговле⁵⁶⁷ и просроченных платежах⁵⁶⁸. Во-вторых, источником послужил вышеупомянутый проект, подготовленный в 1992 г. специальной комиссией, состоящей из чиновников, судей и профессоров права. В-третьих, реформирование затронуло другие источники, регулировавшие обязательственное право, но ранее не кодифицированные в ГГУ.

Как Директива о потребительских продажах, так и КМКПТ основана на представлении о том, что каждый способ защиты прав требует нарушения договора. Новая система обязательственного права в рамках ГГУ

---

⁵⁶⁴ *Schlechtriem, P.* Rechtsvereinheitlichung in Europa und Schuldrechtsreform in Deutschland // *Zeitschrift für Europäisches Privatrecht.* 1993. No. 1. P. 217–234.

⁵⁶⁵ Gesetz zur Modernisierung des Schuldrechts (Act on the Modernisation of the Law of Obligations) of 26 November 2001, BGBl. (Bundesgesetzblatt – Federal Acts Journal) 2001 I 3138 ss.

⁵⁶⁶ Directive 1999/44/EC of the European Parliament and of the Council of 25 May 1999 on certain aspects of the sale of consumer goods and associated guarantees // OJ L 171. P. 12.

⁵⁶⁷ Directive 2000/31/EC of the European Parliament and of the Council of 8 June 2000 on certain legal aspects of information society services, in particular electronic commerce, in the Internal Market // OJ L 178. P. 1–16.

⁵⁶⁸ Directive 2011/7/EU of the European Parliament and of the Council of 16 February 2011 on combating late payment in commercial transactions // OJ L 47. P. 1–10.

устанавливает, таким образом, что нарушение договора как основание для любого способа защиты распространяется на договорное право либо на все обязательственное право в целом.

Отличительной чертой германского законодательства является отделение права (требования) кредитора на исполнение обязательства в натуре от других прав кредитора, которые могут возникнуть в случае неисполнения либо ненадлежащего исполнения контракта. Иные способы защиты, к которым относится, например, возмещение убытков, расторжение договора или снижение договорной цены, называются вторичными способами защиты.

До 2002 г. способы защиты прав кредитора, как указывалось выше, были «привязаны» к разным видам неисполнения контракта, к которым относились: невозможность (*Unmöglichkeit*), просрочка (*Verzug*), позитивное нарушение контракта (*positive Vertragsverletzung*), права кредитора в случае обнаружения недостатков (*Gewährleistung*).

Способы защиты прав при нарушении обязательства, которыми располагал кредитор, различались в зависимости от того, какое из нарушений контракта совершено. Соответственно, в зависимости от нарушения различались и условия для применения способа защиты, в том числе срок давности для подачи иска. Так, например, в случае ненадлежащего исполнения договора купли-продажи по качеству кредитор приобретал возможность ограниченного круга способов защиты в случае обнаружения недостатков. Срок давности применения таких способов защиты составлял всего шесть месяцев, компенсация могла быть предоставлена только при выполнении целого ряда условий. При этом, если товар вообще не был поставлен, покупатель мог требовать возмещения убытков, включая косвенные, и мог подать иск в пределах значительно более длительного срока давности. Это приводило к множественным спорным ситуациям при

квалификации нарушения, поскольку различия между ними не были столь очевидными.

Новая редакция ГГУ изменяет систему способов защиты, делая эти различия несущественными либо вообще ничтожными. Нарушение обязанностей должником, которое сегодня является центральным условием для обращения за защитой в суд, является абстрактным понятием. Оно охватывает как непоставку товара, так и поставку бракованного товара (§ 433(1) ГГУ). В действующем законодательстве выбор способа защиты стал достаточно широк и универсален, поскольку лишился привязки отдельных способов защиты к конкретным нарушениям контракта. Система обязательственных способов защиты включает в себя:

а) исполнение обязательства в натуре;

б) компенсацию (возмещение убытков):

– вместо исполнения контракта;

– за просрочку исполнения контракта;

– за иные («простые») убытки;

– в виде возмещения расходов, полученных в ожидании исполнения;

в) прекращение (расторжение) контракта;

г) иные предусмотренные законом способы защиты, в том числе:

– устранение дефектов;

– снижение цены;

– поставку новых товаров надлежащего качества;

– замену в случае невозможности исполнения;

– защиту невыполненного контракта, защиту ненадежности.

Исполнение обязательства в натуре

Новая редакция ГГУ для обеспечения интересов кредитора существенно изменила правила требования об исполнении обязательства в натуре. В то же

время отмечается, что новые нормы создают излишнее давление на должника, вынуждая его исполнять обязательство в натуре⁵⁶⁹.

В соответствии с § 241 (последствия обязательства) Книги II ГГУ кредитор имеет право требовать исполнения от должника, что подразумевает исполнение обязательства в натуре. Это положение соответствует ПЕКП, ст. 9:102 которых исходит из того же принципа. Такая норма является исторической и не претерпевала существенных изменений с развитием ГГУ⁵⁷⁰.

В то же время § 275 (1) ГГУ предусматривает исключение из данного принципа, устанавливая, что «требование об исполнении обязательства в натуре исключено, если такое исполнение невозможно». Отмечается, что этот принцип также не является новым, он зародился еще в римском праве в виде максимы *impossibilium nulla est obligati*, соответствующей принципу моральной философии, согласно которому «должен – означает может»⁵⁷¹.

Невозможность исполнения обязательства, закрепленная в § 275 (1) ГГУ, толкуется максимально широко и охватывает собой:

- объективную невозможность исполнения, которая означает, что никто не сможет исполнить такое обязательство;
- субъективную невозможность исполнения, под которой понимается невозможность исполнения обязательства конкретным должником;
- первоначальную невозможность исполнения (в случаях, когда исполнение было невозможным уже на момент заключения договора);
- последующую невозможность исполнения (на момент заключения договора исполнение еще было возможным, однако перестало быть таковым в процессе исполнения);

---

⁵⁶⁹ Schulte-Nölke, H. The New German Law of Obligations: an Introduction (URL: <https://germanlawarchive.iuscomp.org/?p=357#sdfootnote1sym>).

⁵⁷⁰ Zimmermann, R. The Law of Obligations: Roman Foundations of the Civilian Tradition. Oxford: Oxford University Press, 1996. P. 770.

⁵⁷¹ Zimmermann, R. The New German Law of Obligations: Historical and Comparative Perspectives. P. 44.

- частичную невозможность исполнения;
- полную невозможность исполнения.

Приведенное исключение возможности требовать исполнения обязательства в натуре не зависит от того, несет ли ответчик ответственность за невозможность исполнения. В отличие от старой версии § 275 (1) ГГУ (в которой, впрочем, это положение и так толковалось как *pro non scripto*, в случае если было затронуто право на понуждение к исполнению обязательства), новая редакция отменяет требование о вине ответчика, а также ставит в один ряд первоначальную и последующую невозможность исполнения.

Данное положение соответствует ПЕКП, которые также не обязывают должника исполнить то, что он не может. Так, в соответствии со ст. 8:101(3) ПЕКП во взаимосвязи со ст. 8:108 ПЕКП кредитор не может требовать исполнения обязательства в натуре в случае, если неисполнение обязательств стороной было оправданным, поскольку оно произошло ввиду наличия препятствий, находившихся вне контроля этой стороны и которые не могли быть разумно ожидаемы, чтобы их принять во внимание, избежать либо преодолеть⁵⁷². Для иных случаев, когда требование исполнения обязательства в натуре в принципе не исключается, ст. 9:102 ПЕКП устанавливает, что такое исполнение не может быть присуждено, если исполнить обязательство было бы невозможно⁵⁷³.

Учитывая изложенное, заметим, что современная редакция ГГУ предусматривает более упорядоченное регулирование положений об исполнении обязательства в натуре и исключений из него. В то же время теперь Уложение проводит черту между невозможностью исполнения в узком смысле и теми случаями, когда было бы неразумным ожидать от должника исполнения. Согласно п. 2 § 275 ГГУ, «должник может отказаться

---

⁵⁷² Lando, O. and Beale, H. (eds.) Principles of European Contract Law. The Hague: Kluwer Law International, 2000. P. 379.

⁵⁷³ Аналогичное условие предусмотрено, например, ст. 7.2.2 (а) Принципов УНИДРУА.

от исполнения в той мере, в какой исполнение требует затрат и усилий, которые, принимая во внимание предмет обязательства и требования добросовестности, совершенно несоразмерны заинтересованности кредитора в исполнении». При определении того, что может быть разумно потребовано от должника, необходимо принимать во внимание, ответственен ли должник за возникновение препятствия к исполнению.

Действующая редакция вышеуказанной нормы была призвана учесть тот фактор, который назывался в старой редакции Уложения «практической невозможностью» (*faktische Unmöglichkeit*), противопоставляемой экономической невозможности (*wirtschaftliche Unmöglichkeit*)⁵⁷⁴. Это обуславливает измерение соотношения затрат и усилий должника и заинтересованности кредитора в исполнении. Для иллюстрации такого соотношения Циммерман приводит в пример кольцо стоимостью 100 евро, которое было выброшено в озеро после его продажи, но до перехода права собственности покупателю⁵⁷⁵. Стоимость осушения озера и поиска кольца, т.е. усилий, которые необходимо затратить на исполнение, явно несоразмерны стоимости кольца, которая представляет собой экономический интерес кредитора и ценность объекта договора⁵⁷⁶. Этот пример демонстрирует практическую невозможность исполнения. Вопрос экономической невозможности исполнения возникает в тех случаях, когда, например, цена товара резко возрастает. Должник в таких случаях не может ссылаться на § 275 ГГУ, хотя и может быть неразумным ожидание того, что должник будет исполнять обязательство в изменившихся обстоятельствах. Причина этого состоит в том, что несоразмерность необходимых усилий должника и заинтересованности кредитора отсутствует. Закон предусматривает иной способ преодоления чрезмерной выгоды покупателя и защиты интересов должника – правила изменения договора в связи с

---

⁵⁷⁴ *Löwisch, M.* in J. von Staudingers Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch. Berlin: Sellier-de Gruyter, 2001. § 275.

⁵⁷⁵ *Zimmermann, R.* The New German Law of Obligations: Historical and Comparative Perspectives. P. 46.

⁵⁷⁶ *Canaris, C.W.* Die Reform des Rechts der Leistungsstörungen. Juristenzeitung, 2001. P. 501.

изменением обстоятельств (*Störung der Geschäftsgrundlage*, § 313 ГГУ), концепцией, выработанной судебной практикой на основании § 242 ГГУ, устанавливающего принцип добросовестности. Однако, поскольку изменение обстоятельств охватывает случаи «разрушения» основания контракта⁵⁷⁷ и не является критерием применения ни исполнения обязательства в натуре, ни какого-либо иного способа защиты права, в настоящей работе дополнительно оно не будет анализироваться.

Пункт 2 § 275 ГГУ также основан на положениях ст. 9:102(2)(b) ПЕКП, в соответствии с которыми исполнение обязательства в натуре не может быть получено, если это повлечет несоразмерные усилия или издержки должника, чему придается тот же самый смысл практической невозможности исполнения⁵⁷⁸.

Следующим ограничением, которое необходимо учитывать при использовании исполнения обязательства в натуре в качестве способа защиты, является субъективная невозможность. В старой редакции ГГУ правила относительно невозможности охватывали как описанную выше практическую невозможность (т.е. такую, которая возникла в результате ставших несоразмерными ожиданий истца и потенциальных затрат ответчика на исполнение в натуре), так и фактическую невозможность исполнения в принципе. Обновленная редакция п. 2 § 275 ГГУ различает эти случаи. Во-первых, она содержит специальную норму, касающуюся практической невозможности. Во-вторых, она предусматривает различные правовые последствия для практической и фактической невозможности. В случае наступления фактической невозможности обязательство должника прекращается автоматически, в то время как при практической невозможности должнику предоставляется право отказаться от исполнения обязательства. Иными словами, у должника есть альтернатива: либо

---

⁵⁷⁷ *Heinrichs, H. Vertragsanpassung bei Störung der Geschäftsgrundlage — Eine Skizze der Anspruchslösung des § 313 BGB / Festschrift für Andreas Heldrich. Mohr Siebeck, 2005. P. 183.*

⁵⁷⁸ *Lando, O. and Beale, H. Op. cit. P. 396.*

отказаться от исполнения, либо все-таки продолжить его, несмотря на, вероятно, неразумные усилия, которые для этого потребуются⁵⁷⁹.

Такое решение, впрочем, встретило критическую реакцию⁵⁸⁰. Во-первых, кредитор ставится в затруднительное положение в тех случаях, когда должник не выполняет своих обязательств, но и не предпринимает попыток выхода из сложившейся ситуации путем прекращения исполнения. Во-вторых, разницу между фактической и практической невозможностью выявить в принципе непросто, особенно когда невозможность носит субъективный характер. Формально на субъективную невозможность распространяются положения п. 1 § 275 ГГУ, которые делают невозможным предъявление требования об исполнении обязательства в натуре в случаях, когда «исполнение невозможно для должника». Вместе с тем такие случаи, как правило, не влекут фактическую невозможность исполнения. Для объяснения субъективной невозможности исполнения Циммерман приводит в пример следующую ситуацию. Если А продает (но не передает) товар Б, затем продает и фактически передает товар В, формально А может истребовать у В данный товар и исполнить надлежащим образом свои обязательства перед Б. При этом возможность реализации таких действий зависит также от условий, перечисленных в п. 2 § 275 ГГУ, а именно, будут ли затраты на возврат товара от В к А соразмерны цене товара по договору с Б. Если грань между указанными п. 2 и 1 не будет нарушена, а должник сможет выбрать, исполнять ли обязательства или отказаться от их исполнения, п. 1 § 275 ГГУ не будет применим к данным правоотношениям. Пункт 1 указанного параграфа может применяться, например, в случаях, если В отказывается от возврата товара либо если он безвозвратно утерян в результате кражи⁵⁸¹.

---

⁵⁷⁹ *Canaris, C.W. Die Reform des Rechts der Leistungsstörungen. P. 504.*

⁵⁸⁰ *Ibid.*

⁵⁸¹ *Zimmermann, R. The New German Law of Obligations: Historical and Comparative Perspectives. P. 48.*

В более сложных условиях ситуация становится еще более запутанной и способна лишить должника определенной выгоды (например, в виде денежных сумм, которые он рассчитывал бы получить) из-за препятствий, за которые должник не всегда несет ответственность и которые он не может преодолеть. В частности, это может произойти в случаях продажи товара сначала наследодателем, затем наследником, не знавшим о факте продажи, и совершения последующих сделок.

Последним условием, ограничивающим возможность требования исполнения обязательства в натуре, является «моральная невозможность». В соответствии с п. 3 § 275 ГГУ должник имеет право отказаться от исполнения в случае, когда он должен был исполнить обязательства лично, но, если оценивать возникшее препятствие к исполнению против интереса кредитора в получении исполнения, неразумно было бы ожидать от должника это исполнение. В старой редакции ГГУ такие ситуации регулировались правилами, касающимися изменения обстоятельств. В отличие от ГГУ, ст. 9:102(2)(с) ПЕКП полностью исключает право на присуждение исполнения обязательства в натуре, если исполнение заключается в оказании услуг или выполнении работ личного характера.

Если буквально следовать формулировке п. 3 § 275 ГГУ, при оценке возможности отказа от исполнения не является существенным фактором, несет ли ответственность в возникновении препятствия к исполнению сам должник. Заинтересованность кредитора, в отличие от п. 2 данного параграфа, не признается решающим критерием для определения того, будет ли несоразмерным то, что должник должен сделать для надлежащего исполнения. Соответственно, фактически п. 3 § 275 ГГУ так и остается частным случаем общих правил изменения контракта ввиду изменения обстоятельств, смешивая исполнение обязательства в натуре как способ защиты и изменение обстоятельств как основание для изменения или прекращения контракта.

Возмещение убытков

Параграф 275 ГГУ, как мы проанализировали выше, регулирует только право кредитора на исполнение обязательства в натуре. Если должник автоматически освобождается от обязанности исполнить обязательство в натуре в соответствии с п. 1 указанного параграфа или приобретает право на такое освобождение на основании п. 2, это не означает, что он больше не понесет никаких обязательств по контракту. В отличие от Великобритании, в Германии наиболее важным «вторичным» обязательством является возмещение убытков. Согласно п. 1 § 280 ГГУ, если должник не выполняет обязанности, вытекающие из договора (обязательства), кредитор может потребовать возмещения убытков за причиненный таким невыполнением ущерб. Это положение не применяется, если должник не несет ответственности за неисполнение обязательства. В отличие от положений § 275 ГГУ, которые гармонизированы с ПЕКП, в данном случае можно выявить некоторые различия.

Как следует из диспозиции § 275 ГГУ, требование о возмещении убытков может быть заявлено только в случае наличия вины должника в неисполнении обязательства. ПЕКП, в свою очередь, исключают возможность предъявления требования о возмещении убытков в тех случаях, когда неисполнение обязательств должником вызвано препятствием, находящимся вне его контроля и наступления которого он не мог разумно ожидать, чтобы принять во внимание во время заключения контракта, а равно чтобы избежать или преодолеть его⁵⁸². Аналогичное содержащееся в ПЕКП положение предусмотрено в ст. 7.4.1, 7.1.7 Принципов УНИДРУА.

В то же время отмечается, что различия между положениями ГГУ и ПЕКП являются, скорее, кажущимися, нежели реальными⁵⁸³. Вина в действующей редакции п. 1 § 280 ГГУ не является необходимым условием

---

⁵⁸² Статьи 8:108, 9:501(1) ПЕКП.

⁵⁸³ *Zimmermann, R.* The New German Law of Obligations: Historical and Comparative Perspectives. P. 50.

для возможности предъявления требования к должнику, данное положение, скорее, распределяет бремя доказывания между сторонами спора (должник должен доказать, что он не несет ответственности за неисполнение обязательств), что следует из отрицательной конструкции второго предложения п. 1 § 280 ГГУ. Другие положения ГГУ также предусматривают, что должник несет ответственность только в случае наличия вины. Так, в частности, в старой редакции п. 1 § 276 ГГУ было закреплено, что должник несет ответственность в случае его вины либо в форме умысла, либо в форме небрежности, если иное не установлено Уложением. Новая редакция данного пункта дополнительно устанавливает, что может быть применена более строгая (а равно более мягкая) ответственность, если это следует из существа обязательства, в частности, в связи с принятием должником на себя гарантийных обязательств или принятием рисков, связанных с возможностью поставки объекта контракта. Таким образом, положения об ответственности должника в ходе реформы германского обязательственного права были существенно уточнены, что позволяет судам более гибко применять их в делах о защите прав.

Основанием для предъявления требования о возмещении убытков является нарушение обязанностей (*Pflichtverletzung*). Статья 1:301(4) ПЕКП закрепляет для аналогичного требования понятие «неисполнение», к которому относится «любое невыполнение обязательств в рамках контракта, в том числе просрочку исполнения, некачественное исполнение и отказ от сотрудничества с целью придания полной силы контракту». Германские юристы предпочли именно понятие нарушения обязанностей, поскольку в категорию «неисполнения» не всегда было просто уложить ненадлежащее исполнение или нарушение дополнительных обязанностей по контракту⁵⁸⁴. Иными словами, ненадлежащее исполнение представляется более широкой категорией. Вместе с тем нарушение обязанностей в германской правовой

---

⁵⁸⁴ *Heinrichs, H.* Die Pflichtverletzung, ein Zentralbegriff des neuen Leistungsstörungenrechts / Festschrift für Peter Schlechtriem. Mohr Siebeck, 2003. P. 515.

традиции основано на вине должника, хотя вина и не является основным условием наступления ответственности.

Помимо этого, ст. 9:501(1) ПЕКП, предусматривающая право потерпевшей стороны на возмещение убытков, причиненных неисполнением другой стороны, не оправданное ст. 8:108, регулирует общее требование о возмещении убытков, которое охватывает любые формы неисполнения обязательств.

Пункт 1 § 280 ГГУ, в свою очередь, распространяется только на случаи, когда неисполнение обязанности, вытекающей из контракта, является следствием поведения стороны, имевшего место после заключения контракта (последующая невозможность исполнения, просрочка исполнения, некачественное исполнение). Случаи наличия первоначальных препятствий для исполнения контракта либо первоначальной невозможности перечислены в п. 2 § 311a ГГУ.

Положения п. 1 § 280 ГГУ носят общий характер, при этом одновременно в законе использованы концепции различных видов убытков, возмещение каждого из которых производится в соответствии с собственными правилами. Так, § 280 ГГУ выделяет: возмещение убытков вместо исполнения контракта, возмещение убытков за просрочку исполнения, возмещение простых убытков⁵⁸⁵.

Возмещение убытков вместо исполнения контракта (Schadensersatz statt der Leistung) – достаточно широко используемый способ защиты в случаях различных нарушений контракта. В соответствии с п. 3 § 280 ГГУ применение этого способа защиты возможно только при соблюдении дополнительных требований, перечисленных в § 281–283. Данные параграфы закрепляют правила применения возмещения убытков вместо исполнения контракта в случаях конкретных нарушений.

---

⁵⁸⁵ Grigoleit, H.C. and Riehm, T. Die Kategorien des Schadensersatzes im Leistungsstörungenrecht. Mohr Siebeck, 2003. P. 727.

Параграф 281 ГГУ устанавливает правила возмещения убытков вместо исполнения контракта в случаях неисполнения или ненадлежащего исполнения контракта. Данное право предоставляется кредитору при условии установления для должника разумного срока для исполнения либо исправления недостатков или, если исходя из природы обязательства это невозможно, при условии направления предупреждения в адрес должника. Кроме того, если контракт исполнен только лишь частично, кредитор может предъявить требование о возмещении убытков вместо полного исполнения только в том случае, когда он не заинтересован в частичном исполнении. Возмещение убытков вместо исполнения не допускается в случаях незначительного нарушения контракта со стороны должника (п. 3). Наконец, если должник исполнил обязательства частично, а кредитор предъявляет иск о возмещении убытков вместо исполнения контракта целиком, должник приобретает право возврата своего исполнения в соответствии с § 346–348 ГГУ.

Германское законодательство выглядит более снисходительным к должнику, нежели ПЕКП, ст. 9:501 которых не предъявляет требования о направлении кредитором уведомления должнику до предъявления иска о возмещении убытков. ПЕКП закрепляют, что должник, который не выполняет свои обязательства в срок, несет ответственность за нарушение договора, в том числе, в виде иска о возмещении убытков, который может быть предъявлен незамедлительно. В то же время, согласно п. 4 § 281 ГГУ, наличие требования о возмещении убытков вместо исполнения контракта исключает возможность обращения с иском об исполнении обязательства в натуре. В итоге кредитор теряет свое право на исполнение и может требовать возмещения убытков на основании неполучения им исполнения, в том числе по получению «замещающего» исполнения от третьего лица⁵⁸⁶. Таким образом, в результате возмещения убытков контракт, по сути, прекращается,

---

⁵⁸⁶ *Ernst, W.* in Münchener Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch. C.H. Beck, 2003. § 281.

что влечет за собой последствия аналогичные прекращению контракта в соответствии с ПЕКП⁵⁸⁷.

Статья 9:506 ПЕКП, касающаяся возмещения затрат по замещающим сделкам, исходит из того, что контракт был расторгнут потерпевшей стороной. В то же время право на расторжение предоставляется только в том случае, когда неисполнение обязательств должником является существенным, или, в случае несущественной просрочки исполнения, если кредитор направил уведомление, устанавливающее разумный срок для надлежащего исполнения контракта⁵⁸⁸. Правила ГГУ в отношении установления дополнительного периода для исполнения в случаях серьезного нарушения контракта, в принципе, аналогичны вышеизложенным. Однако различия возникают, если речь идет о возмещении иных убытков, кроме разницы между ценой контракта и ценой замещающей сделки (в том числе в случаях несущественных нарушений условий контракта). В отличие от ГГУ, в соответствии с ПЕКП у кредитора нет права путем установления «льготного» периода превратить подобные нарушения в такие, которые позволяют ему расторгнуть договор.

Параграф 282 ГГУ устанавливает возможность возмещения убытков вместо исполнения контракта в случае неисполнения положений п. 2 § 241 ГГУ, т.е. в случае несоблюдения предусмотренных контрактом дополнительных обязанностей стороны, которые не влияют на надлежащее исполнение контракта как таковое. Пункт 2 § 241 ГГУ закрепляет, что контракты могут обязывать сторон учитывать права и законные интересы друг друга.

Согласно немецкому законодательству, договорные отношения не только порождают обязанности по исполнению, но также могут обязывать обе стороны быть внимательными в отношении прав и законных интересов друг друга. Фактически такая обязанность охватывает широкий спектр

---

⁵⁸⁷ *Lando, O. and Beale, H.* Op. cit. P. 363.

⁵⁸⁸ Статьи 8:106(3), 9:301(1) ПЕКП.

дополнительных обязанностей сторон⁵⁸⁹. Нарушение таких обязанностей позволяет кредитору требовать возмещения убытков вместо исполнения, если больше нельзя разумно ожидать получения исполнения. Это происходит, например, в случаях, когда должник, хоть и выполняет основную работу вовремя и с надлежащим качеством, но регулярно повреждает имущество должника, некорректно рассчитывает часы своей работы и т.п. § 282 ГГУ применяется исключительно к обязанностям, которые не влияют на основное исполнение (*nicht leistungsbezogen Nebenpflichten*). Иными словами, основное исполнение по контракту выполняется должником, однако при обстоятельствах, которые кредитор не должен терпеть. В случае нарушения дополнительных обязанностей, непосредственно влияющих на исполнение контракта (*leistungsbezogen Nebenpflichten*), например, когда должником не соблюдаются обязанности по маркировке и упаковке, не предоставляется документация в отношении произведенных работ, без которых их приемка и использование результата работ будут невозможны, кредитор может обратиться только к способу защиты, предусмотренному § 281 ГГУ. Разновидность способа защиты, предусмотренная § 282 ГГУ, в таком случае исключена⁵⁹⁰.

В отличие от ГГУ, ПЕКП не предусматривают специальных правил, касающихся возможности расторжения контракта при нарушении дополнительных обязанностей сторон. Вероятно, такое расторжение возможно при условии, если действия должника могут рассматриваться как неисполнение контракта. Это следует, в частности, из ст. 1:301(4) ПЕКП, согласно которой нарушение дополнительной обязанности или невыполнение обязанности сотрудничать с целью исполнения контракта подпадает под понятие «неисполнение». Кроме того, на основании ст. 9:501

---

⁵⁸⁹ *Ernst, A.Kramer*, in *Münchener Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch*, 4th edn., vol. IIa (2003), § 241, nn. 31.

⁵⁹⁰ *Zimmer, D.* *Das neue Recht der Leistungsstörungen*. *Neue Juristische Wochenschrift*, 2002. P. 6.

ПЕКП в таких случаях возможна подача иска о возмещении убытков, хотя во многих странах подобный иск будет носить деликтный характер.

Параграф 283 ГГУ регулирует возмещение убытков вместо исполнения в случаях невозможности исполнения, т.е. в тех случаях, когда обязательство должника по исполнению в натуре автоматически прекращается в соответствии с п. 1 § 275 ГГУ либо в случае отказа должника от исполнения на основании п. 2 и 3 § 275 ГГУ. Впрочем, § 283 ГГУ просто отсылает читателя к базовым требованиям п. 1 § 280 ГГУ, создавая тем самым замкнутый круг. Кредитор вправе требовать удовлетворения иска во всех случаях последующей невозможности исполнения, если должник не докажет, что он не несет ответственности за нее. Циммерман отмечает несовершенство этой нормы, поскольку в случаях, когда должник не исполняет обязанность, от которой он был освобожден, вряд ли можно утверждать, что он действует в нарушение такой обязанности⁵⁹¹. Тот факт, что контракт не был исполнен, вряд ли может рассматриваться как нарушение исполнения для целей предъявления требования о возмещении убытков. В конечном счете значение имеет именно нарушение должником своих обязанностей, которое послужило причиной невозможности исполнения. В то же время такой подход потребовал бы от кредитора доказывания как невозможности исполнения, так и ее причин. Утверждается, что подобной внутренней неурегулированности можно было бы избежать, если бы германское законодательство в полной мере соответствовало ПЕКП и использовало «неисполнение», а не «нарушение обязанностей» в качестве основания для предъявления убытков⁵⁹².

Это утверждение представляется весьма спорным, поскольку, очевидно, не всякое «неисполнение» влечет ответственность и, как следствие, применение такого способа защиты, как возмещение убытков. По российскому праву необходимым условием для компенсации убытков

---

⁵⁹¹ *Zimmermann, R.* The New German Law of Obligations: Historical and Comparative Perspectives. P. 53.

⁵⁹² *Canaris, C.W.* Die Reform des Rechts der Leistungsstörungen. P. 523.

(впрочем, как и для всех иных способов защиты гражданских прав) является все же наличие нарушенного права, что подразумевает под собой наличие посягательства на право со стороны нарушителя.

Возмещение убытков за просрочку исполнения контракта

Основным концептуальным отличием возмещения убытков за просрочку исполнения контракта от иных способов защиты является то, что их взыскание не влечет за собой освобождение должника от обязанности исполнить контракт. Данный способ защиты направлен на компенсацию убытков, возникших из-за того, что должник не выполнил свои обязательства в установленные сроки, включая упущенную прибыль и дополнительные издержки, понесенные в результате задержки, а также снижение стоимости объекта договора в течение периода задержки исполнения⁵⁹³. Убытки подлежат взысканию, если должник виновно не исполнил обязательства в надлежащие сроки, т.е. если он находится в состоянии *mora debitoris* (п. 2 § 280, § 286 (ранее – § 283) ГГУ).

Для предъявления такого иска необходимо, чтобы:

- срок платежа наступил;
- кредитор направил должнику специальное предупреждение (*Mahnung*), которое на момент подачи иска не исполнено. В то же время предупреждение не является обязательным в случае, когда срок исполнения определен конкретной датой (*dies interpellat pro homine*).

В части платежей по двустороннему контракту регулирование также претерпело некоторые изменения. Так, в частности, в 2000 г. был принят Закон об ускорении платежей⁵⁹⁴, который представляет собой реализацию Директивы ЕС о борьбе с просроченными платежами в коммерческих сделках⁵⁹⁵. Правила, касающиеся *mora debitoris*, были прокомментированы

⁵⁹³ *Canaris, C.W. Begriff und Tatbestand der Verzögerungsschadens im neuen Leistungsstörungenrecht. Zeitschrift für Wirtschaftsrecht, 2003. P. 321.*

⁵⁹⁴ Acceleration of Payments Act. Bundesgesetzblatt 2000 I, 330.

⁵⁹⁵ Directive 2000/35/EC of the European Parliament and of the Council of 29 June 2000 on combating late payment in commercial transactions // OJ L 200. P. 35.

как «бесконечно непродуманные и неприемлемые»⁵⁹⁶ и в соответствии с указанным законом претерпели некоторые изменения. Пункт 3 § 286 новой редакции ГГУ содержит указание, что должник считается неисполнившим требование об уплате компенсации, если он не выполняет свои обязательства в течение 30 дней после установленной даты и получения счета-фактуры или эквивалентного платежного требования.

Кредитор имеет право начисления неустойки (процентов) на денежные средства, уплата которых была просрочена в соответствии с § 286 ГГУ. Размер процентов зафиксирован в § 288 ГГУ. Он составляет 8% сверх базовой процентной ставки для операций, в которых не участвует потребитель, и 5% во всех остальных случаях (п. 1 и 2 указанного параграфа), если иное не предусмотрено законом. Как указано в § 287 ГГУ, пока должник находится в состоянии *mora debitoris*, он несет ответственность за любую небрежность (эта норма преодолевает более мягкие стандарты ответственности, обычно применяемые к должнику), а также за наступление в этот период невозможности исполнения контракта, пусть даже не по вине должника, за исключением случаев, когда ущерб все равно возник бы, даже если бы он исполнил свои обязательства в пределах установленного срока.

Таким образом, действующее регулирование данной разновидности убытков приведено в соответствие с ПЕКП. Статья 9:501 ПЕКП предоставляет кредиторам право требовать возмещения убытков. Статья 9:508(1) ПЕКП предоставляет право требования возмещения процентов в случае просрочки выплаты денежных средств. Данная статья также устанавливает, что взыскание процентов не препятствует возмещению будущих убытков, если таковые возникли.

Положения п. 2 § 287 ГГУ и ст. 8:108 ПЕКП также близки. Они устанавливают, что неисполнение должника не будет оправданным в момент

---

⁵⁹⁶ Ernst, W. Deutsche Gesetzgebung in Europa—am Beispiel des Verzugsrechts // Zeitschrift für Europäisches Privatrecht. 2000. No. 8. P. 769.

просрочки исполнения обязательства, даже если возникшие препятствия для исполнения были одновременно за рамками его контроля и разумно непредвиденными.

Как отмечалось ранее, наиболее существенным отличием ПЕКП от ГГУ является то, что ПЕКП не содержат требования о предупреждении в связи с просрочкой исполнения обязательства.

Простые убытки

Последней разновидностью убытков, подлежащих взысканию в соответствии с нормами германского обязательственного права, являются «простые» убытки. По сути, это наиболее общая категория убытков, за исключением проанализированных выше (закреплена в п. 1 § 280 ГГУ). Целью возмещения простых убытков является компенсация всего косвенного ущерба, понесенного кредитором в результате нарушения договора в отношении других объектов правовой защиты. Так, например, в случае если товар, реализованный по договору продажи стороне Б, окажется дефектным и причинит из-за своих недостатков ущерб стороне Б, этот ущерб подпадет под понятие простых убытков.

Старая редакция ГГУ регулировала подобные случаи через институт «позитивного неисполнения» (*Positive Forderungsverletzung*). Закон основывался на различии между интересом кредитора в получении того исполнения, на которое он рассчитывал (*Mangelschaden*) – этот интерес находился под особыми способами защиты, предусмотренными правилами о купле-продаже и выполнении работ, и его заинтересованностью в том, чтобы другие принадлежащие ему объекты правовой защиты не были повреждены в результате ненадлежащего исполнения (*Mangelfolgeschaden*)⁵⁹⁷.

В настоящее время отсутствует единая точка зрения на то, сохранилось ли это разделение в новом законе⁵⁹⁸. С одной стороны, в соответствии с § 281 ГГУ все убытки, включая косвенные, покрываются убытками вместо

⁵⁹⁷ *Medicus, D. Bürgerliches Recht. 18th edn. Vahlen, 1999. P. 351.*

⁵⁹⁸ *Zimmermann, R. The New German Law of Obligations: Historical and Comparative Perspectives. P. 58.*

исполнения контракта. Кредитор должен быть помещен в такое положение, в котором он находился бы, если бы должник надлежащим образом исполнил свои обязательства, и кредитор не только сохранил бы (либо получил) надлежащий объект контракта, но и ему не был бы нанесен какой-либо иной ущерб. Основываясь на такой трактовке, сфера применения п. 1 § 280 ГГУ может быть существенно сокращена.

С другой стороны, § 281 ГГУ требует, чтобы кредитор предоставил должнику период для надлежащего исполнения, что не имеет смысла в случае косвенных убытков.

Учитывая изложенное, вероятно, должны быть разграничены убытки, которых можно было бы избежать в результате дополнительного исполнения в рамках продленного срока (например, стоимость исправления недостатков), и убытки, которые оставались бы незатронутыми возможностью исполнения в рамках дополнительного срока (вред здоровью, гибель иного имущества). В первом случае речь идет об убытках вместо исполнения, во втором – о простых убытках.

Концептуально это разграничение отличается от существовавшего между *Mangelschäden* и *Mangelfolgeschäden*. Оно основано на предположении, что понятие убытков вместо исполнения контракта должно толковаться таким образом, чтобы не лишать должника «второго шанса» выполнить его контрактные обязательства, предусмотренного ГГУ, и заработать выгоду, о которой он договорился. В то же время на практике это различие выявить достаточно сложно. Одна из спорных ситуаций касается возможности возмещения убытков, которые возникают в результате того, что объект контракта был поставлен с недостатками, и его нельзя использовать до тех пор, пока недостатки не будут устранены либо взамен него не будет поставлен другой объект. Например, если речь идет о каком-то оборудовании, обладающем ключевым значением для ведения бизнеса, это может привести к потере производительности этого бизнеса

(Betriebsausfallschaden). В данной ситуации может быть применен любой из видов компенсации убытков (возмещение убытков вместо исполнения контракта; возмещение «простых» убытков (в зависимости от того, когда возникли убытки и когда стало невозможным использование объекта контракта, в течение периода для исправления недостатков или по его истечении) или применение правил о возмещении убытков за просрочку исполнения)⁵⁹⁹.

Таким образом, возмещение убытков в Германии все еще является излишне сложным в реализации способом защиты права. Его применение зависит от вида возникшего убытка и обстоятельств его возникновения, что влечет недостаточный уровень абстрактности и универсальности норм, хотя именно на это и была направлена реформа обязательственного права. Очевидно, что германским законодателем будут предприниматься последующие шаги для исправления сложившейся ситуации, вероятно, путем гармонизации положений ГГУ с ПЕКП с некоторым реформированием обоих источников права.

Замена в случаях невозможности исполнения

Если исполнение обязательств по контракту стало невозможным не по вине должника, кредитор не приобретает права ни на исполнение обязательства в натуре, ни на возмещение убытков. В то же время должник мог приобрести что-то вместо объекта, который он должен был поставить, например, право требования к третьему лицу. В соответствии с немецким законодательством справедливым считается обязательство должника передать кредитору любую выгоду, которую он получил. Иными словами, поскольку должник должен был передать уничтоженный или утерянный объект, он не может удерживать приобретенный им заменитель этого объекта. Указанное положение было исторически закреплено в ГГУ (§ 281 в старой редакции, § 285 в новой редакции).

---

⁵⁹⁹ Grigoleit, H.C. and Riehm, T. Op. cit. P. 754.

Кредитор также может потребовать передать ему объект-заменитель в случае, если должник несет ответственность за возникшие препятствия к исполнению. Следствием реализации этого права является уменьшение размера убытков вместо исполнения, которые могут быть присуждены по иску кредитора.

Ни КМКПТ, ни ПЕКП не содержат аналогичных норм, хотя такой способ защиты, безусловно, способствует наилучшему обеспечению интересов кредиторов и не обременяет излишне должников.

Возмещение расходов, понесенных в ожидании получения исполнения.

В некоторых случаях для кредитора может быть затруднительным расчет понесенных убытков либо вообще установление их факта. Кроме того, кредитор может понести иные расходы, полагаясь на обещание должника исполнить обязательство. Так, приобретая какое-либо недвижимое имущество, кредитор может ожидать, что будет использовать эту недвижимость для каких-то целей, в связи с чем он приобретает необходимое оборудование и иные вещи. Тем не менее фактической возможности использовать такое недвижимое имущество в желаемых целях может по какой-либо причине не быть⁶⁰⁰.

Вместо заявления требования о возмещении упущенной выгоды, расчет которой будет основан на оценках и предположениях, можно истребовать расходы, понесенные кредитором в ожидании использования недвижимого имущества для такой цели. Эти расходы не вызваны неисполнением либо ненадлежащим исполнением обязательств должником, они были бы понесены, если бы последний исполнил свое обещание, – кредитору просто не удалось достичь цели, на которую были направлены его расходы.

В соответствии со старой редакцией ГГУ суды вставали на сторону кредитора, поскольку ожидалось, что сделка позволила бы ему заработать

---

⁶⁰⁰ BGHZ 114, 193.

эквивалент вложенной суммы, однако вставал вопрос, как быть в случаях, если вложения производились ради удовлетворения неких нематериальных нужд, а не для получения за счет этого прибыли. § 253 ГГУ прямо запрещал взыскание нематериального интереса в рамках договорного права, что подвергалось критике⁶⁰¹.

Согласно новой редакции § 284 ГГУ, вместо заявления требования о возмещении убытков кредитор может взыскать любые расходы, которые он понес и которые он мог бы понести в ожидании получения исполнения, за исключением случаев, когда цель этих расходов не могла быть достигнута даже в отсутствие нарушения должником своих обязанностей.

Способы защиты в случае наличия первоначальных препятствий для исполнения обязательства

В соответствии со старой редакцией § 306 ГГУ первоначальная объективная невозможность исполнения рассматривалась не как конкретный вид нарушения контракта, а как препятствие для действительности контракта. Согласно положениям старой редакции § 307 ГГУ, кредитор приобретал в таких случаях право на возврат его отрицательного процента. Это правило подвергалось широкой критике⁶⁰², поскольку договор вызывает у стороны разумную уверенность в получении в оговоренное время исполнения, а если исполнение окажется невозможным с самого начала, то сторона должна быть помещена в те же условия, в которых она была бы, если бы контракт был выполнен. Например, договор купли-продажи вызывает у покупателя разумную уверенность в том, что он в должное время получит обещанный объект; если исполнение окажется невозможным с самого начала, он может рассчитывать, что его поместят в положение, в котором он был бы, если бы контракт был должным образом выполнен (в отличие от положения, в котором он был бы, если бы не полагался на срок действия

---

⁶⁰¹ *Canaris, C.W. Die Reform des Rechts der Leistungsstörungen. P. 516.*

⁶⁰² *Rabel, E. Gesammelte Aufsätze. Mohr Siebeck, 1965. P. 56.*

договора). Ввиду этого § 306 ГГУ имел на практике ограничительное толкование.

Можно предположить, что подобные рассуждения свидетельствуют о закреплении принципа «восстановления положения, существовавшего до нарушения права», известного отечественному законодателю (ст. 1, 12 ГК РФ).

В ходе реформы в п. 1 § 311a ГГУ (что соответствует правилам ст. 4:102 ПЕКП) было закреплено положение о том, что договор не является недействительным, даже если на момент его заключения выполнение обязательства было невозможным.

В случаях первоначальной субъективной невозможности исполнения продавец ранее подвергался строгой ответственности, поскольку считалось, что, заключая контракт и утверждая о его исполнимости, продавец подразумевал, что может исполнить контракт, независимо от того, знал он или мог знать о наличии препятствий (это толкование было основано на § 273 и 306 ГГУ). Однако п. 2 § 311a ГГУ изменил регулирование режима ответственности. В настоящее время первоначальная невозможность исполнения рассматривается одинаково, вне зависимости от того, объективная она или субъективная. Затем, один и тот же режим ответственности применяется для первоначальной и последующей невозможности исполнения контракта, поскольку не имеет принципиального значения, наступила невозможность прямо перед его заключением либо непосредственно после него. Соответственно, первоначальные препятствия, как и последующие, теперь оцениваются с учетом вины должника в их наступлении⁶⁰³. Вина при этом определяется различным образом исходя из того, в какой момент возникла невозможность исполнения. Например, если объект договора похищен после его заключения, тогда в вину ответчику можно вменить ненадлежащее несение бремени содержания имущества и

---

⁶⁰³ *Canaris, C.W. Grundlagen und Rechtsfolgen der Haftung für anfängliche Unmöglichkeit nach § 311a Abs. 2 BGB / Festschrift für Andreas Heldrich. Mohr Siebeck, 2005. P. 21.*

неосмотрительность по отношению к другой стороне. В случае же если товар похищен до заключения договора, вина продавца состоит в том, что он знал или явно должен был знать о факте отсутствия у него во владении этой вещи, однако дал обещание передать ее кредитору. По общему правилу (п. 2 § 311a ГГУ) кредитор может потребовать возмещения убытков вместо исполнения либо компенсации его расходов в порядке § 284 ГГУ, однако это не применяется, если должник не был осведомлен о наличии препятствий к исполнению на момент заключения договора и не несет ответственности за свою неосведомленность. Германскими исследователями было предложено наделить кредитора правом требования «отрицательного процента»⁶⁰⁴ по аналогии с положениями § 122 ГГУ, согласно которому лицо, которое расторгает договор по ошибке, обязано возместить другой стороне ущерб, который она понесла, полагаясь на действительность договора.

Справедливо утверждать, что случаи возникновения такого первоначального препятствия к исполнению договора действительно связаны с ошибкой, когда продавец не знает, что он больше не владеет объектом договора (применительно к рассматриваемому примеру). Избавление от договорных обязательств в соответствии с § 122 ГГУ обычно происходит только за плату, что и обуславливает применение этого режима к вышеописанным ситуациям. Следует отметить, что ПЕКП не наделяют кредитора правами, аналогичными предусмотренным § 122 ГГУ. В любом случае, однозначной трактовки правомочий кредитора в германском праве все еще не выработано.

Расторжение договора

Помимо правовых систем, которые разрешают прекращение договора только по решению суда и, соответственно, оставляют на усмотрение суда определение предварительных условий прекращения, можно выделить две

---

⁶⁰⁴ *Canaris, C.W. Zur Bedeutung der Kategorie der "Unmöglichkeit" für das Recht der Leistungsstörungen / Schulze R. and Schulte-Nölke H. (eds.) Die Schuldrechtsreform vor dem Hintergrund des Gemeinschaftsrechts. Mohr Siebeck, 2001. P. 64.*

модели⁶⁰⁵. Согласно первой модели, прекращение или расторжение контракта допускается только в случае существенного нарушения условий контракта в качестве общего принципа, оставляя тем самым на усмотрение правоприменителя определение случаев существенного нарушения. В рамках такой модели, когда существенность нарушения условий контракта не является определенной, может быть использован институт требования исполнения (претензии), которым устанавливается срок исполнения обязательства (*Nachfrist*). Неисполнение обязательства в течение такого дополнительного срока будет признаваться существенным нарушением условий контракта. Этой модели следуют, например, КМКПТ, ПЕКП и Принципы УНИДРУА.

Вторая модель основана на общеобязательном требовании установления кредитором дополнительного периода времени, чтобы дать должнику «второй шанс», однако, предоставление такого дополнительного периода считается ненужным в случаях очевидного существенного нарушения условий контракта. Такая модель закреплена, в частности, в Обязательственном кодексе Швейцарии, а также в § 323 ГГУ.

Статьи 8:101, 9:301 ПЕКП (основываясь на положениях ст. 49 КМКПТ) предоставляют кредитору право требования возмещения убытков, причиненных неисполнением обязательств другой стороной, если только такое неисполнение не было вызвано препятствием, не зависящим от другой стороны. Такой иск не влияет на судьбу договора. В то же время кредитор может пожелать расторгнуть договор вместо использования каких-либо иных способов защиты либо предъявить требование о возмещении убытков совместно с требованием о расторжении договора. Право на расторжение предоставляется только в случае существенного неисполнения договора и не ставится в зависимость от наличия оправдания неисполнения. Такая модель

---

⁶⁰⁵ *Schlechtriem, P.* The German Act to Modernize the Law of Obligations in the Context of Common Principles and Structures of the Law of Obligations in Europe. Oxford U Comparative L Forum 2, 2002. URL: <https://ouclf.law.ox.ac.uk/the-german-act-to-modernize-the-law-of-obligations-in-the-context-of-common-principles-and-structures-of-the-law-of-obligations-in-europe/>.

защиты прав является одной из наиболее популярных на международном уровне⁶⁰⁶.

Представление о том, что обращение к расторжению договора как к способу защиты доступно лишь в случаях, когда степень неисполнения достигает определенного уровня серьезности, воспринята во многих национальных правовых системах. Это правило основано на том, что расторжение договора в некотором плане отменяет основополагающий принцип договорного права *pacta sunt servanda*, в том числе, в виде возврата риска, который должна была нести потерпевшая сторона, к нарушившей стороне⁶⁰⁷. Так, например, дабы не ставить под угрозу краеугольный принцип всего договорного права, римское право не признавало права на расторжение договора в случае его нарушения стороной. Этот подход изначально был положен в основу и ГГУ, которое не предусматривало общего права на расторжение договора⁶⁰⁸. В то же время некоторые элементы права на расторжение договора устанавливались, в частности, в случаях прекращения обязанности исполнять договор, если исполнение становится невозможным по вине должника (§ 275 старой редакции ГГУ), в случае *mora debitoris* (§ 326 старой редакции ГГУ), в случаях ненадлежащего исполнения, существенным образом повлиявшего на контрактные правоотношения и многих других (см., например, положения § 323, 325, 459, 462, 633, 634 старой редакции ГГУ). Соответственно, старая редакция ГГУ содержала в себе разрозненную систему смежных с расторжением договора способов защиты, каждый из которых применялся в различных случаях нарушений условий контракта.

Новая редакция ГГУ в значительной степени упростила эту систему, объединив и связав многие нормы. Так, например, § 326 ГГУ регулирует ситуации, когда должник освобождается от исполнения обязательства

---

⁶⁰⁶ Rolland, W. Die Aufhebung des Vertrages nach den Vorschlägen zur Schuldrechtsreform auf dem Hintergrund internationaler Entwicklungen / Festschrift für Peter Schlechtriem. Mohr Siebeck, 2003. P. 638.

⁶⁰⁷ Flessner, A. Befreiung vom Vertrag wegen Nichterfüllung // Zeitschrift für Europäisches Privatrecht. 1997. No. 5. P. 266.

⁶⁰⁸ Zimmermann, R. "Heard melodies are sweet, but those unheard are sweeter...": *Conditio tacita*, implied condition und die Fortbildung des europäischen Vertragsrechts. Mohr Siebeck, 1993. P. 160.

согласно § 275 ГГУ, как в связи с невозможностью исполнения (п. 1), так и в связи с реализацией должником своего права на отказ от исполнения (п. 2 и 3). Правовым последствием этого является прекращение права требования со стороны должника к кредитору. Фактически, хотя кредитор и не обязан воспользоваться правом прекращения исполнения, он автоматически освобождается от своих обязательств по отношению к должнику.

В случаях невозможности исполнения исключение обязанности другой стороны по исполнению контракта является функциональным эквивалентом права на расторжение. Исходя из содержания § 326 ГГУ, это применимо вне зависимости от того, несет ли должник ответственность за невозможность исполнения. Если невозможность исполнения произошла по вине кредитора либо возникла, когда кредитор не выполнил обязательства по принятию исполнения, должник сохраняет свои встречные права требования по отношению к кредитору. В то же время должник должен вычесть то, что он сэкономил (сберег) в результате освобождения от обязанности исполнять обязательства либо то, что он приобрел или умышленно отказался от приобретения в результате использования своего труда в другом месте (п. 2 ст. 326 ГГУ).

Кроме того, если кредитор требует то, что должник получил в качестве замены объекта, причитающегося по договору, должник сохраняет свое требование против кредитора, правда, в уменьшенном размере, если стоимость замены ниже, чем стоимость первоначально причитавшегося кредитору исполнения (п. 3 § 326 ГГУ).

В соответствии с п. 4 § 326 ГГУ, когда кредитор уже исполнил обязательство, от которого он был освобожден на основании этого параграфа, он может потребовать реституции (интересно, что в старой редакции ГГУ кредитор приобретал право требовать возврата неосновательного обогащения).

В случае если должником допущено нарушение договора (кроме невозможности исполнения), кредитору предоставляется право на расторжение договора при условии соблюдения положений § 323 и 324 ГГУ. Содержание данных параграфов в значительной степени совпадает с регламентацией возмещения убытков вместо исполнения контракта (§ 281, 282 ГГУ). Регулирование этих вопросов гармонизировано с целью исключения возможности предъявления вместо требования о расторжении контракта требований о возмещении убытков⁶⁰⁹.

В случае нарушения не влияющих на исполнение дополнительных обязанностей § 324 ГГУ предоставляет кредитору право расторгнуть договор, если нельзя разумно ожидать его исполнения.

В случае нарушения либо ненадлежащего исполнения должником своих обязательств кредитор может прекратить исполнение договора, при условии установления для должника разумного срока для исполнения обязательства в натуре либо для устранения недостатков в уже предоставленном исполнении и истечения такого срока.

В соответствии с п. 3 § 323 ГГУ предупреждение (*Abmahnung*) может заменить собой установление периода для исполнения контракта, если таковое невозможно.

Если должник всерьез и окончательно отказался от исполнения (*Erfüllungsverweigerung*), как нами было отмечено выше, кредитор не обязан устанавливать дополнительный срок для исполнения, чтобы потребовать возмещения убытков вместо исполнения или расторгнуть договор. Пункт 4 § 323 и п. 2 § 281 ГГУ уполномочивают кредитора на реализацию таких способов защиты, даже если отказ должника произошел до наступления срока исполнения. Эти правила впервые появились до внесения изменений в ГГУ, однако существовали лишь на уровне судебного прецедента и

---

⁶⁰⁹ *Zimmermann, R. The New German Law of Obligations: Historical and Comparative Perspectives. P. 70.*

доктрины⁶¹⁰. Данный способ защиты соответствует ст. 9:304 ПЕКП, согласно которой контракт может быть расторгнут (и может быть заявлено требование о возмещении убытков), если до его исполнения очевидно, что будет иметь место существенное неисполнение.

Уведомление о расторжении договора влечет за собой освобождение обеих сторон от выполнения их обязательств и необходимость возмещения того, что уже было выполнено. ГГУ предоставляет специальный режим для реституции в рамках расторжения договора, отличный от такого при истребовании неосновательного обогащения, его применение обеспечивается через принцип *lex specialis derogat legi generali*. Выделение отдельного режима реституции для случаев расторжения контракта обусловлено тем, что прекращение исполнения не аннулирует контракт и, следовательно, не создает ситуации, когда исполнение признается сделанным «в отсутствие правовых оснований»⁶¹¹. Правила реституции также претерпели существенные изменения в ходе реформы гражданского законодательства Германии.

Согласно п. 2 § 346 ГГУ, сторона должна возместить стоимость объекта в случае его ухудшения или уничтожения. При этом любое ухудшение, возникшее в результате использования объекта по назначению, не следует принимать во внимание⁶¹². Данное ограничение направлено на избежание получения продавцом излишней выгоды от применения этого способа защиты. В случае если в контракте указывается встречное исполнение, расчет стоимости полученного объекта должен основываться на этом встречном исполнении (п. 2 § 346 ГГУ). Поскольку встречное исполнение, установленное сторонами, отражает стоимость предмета без дефектов,

---

⁶¹⁰ Zimmermann, R. The New German Law of Obligations: Historical and Comparative Perspectives. P. 75.

⁶¹¹ Zimmermann, R. Unjustified Enrichment: The Modern Civilian Approach // Oxford Journal of Legal Studies. 1995. No. 15. P. 403.

⁶¹² Restitution after Termination for Breach of Contract: German Law after the Reform of 2002 / Burrows A. and Rodger A. (eds.) Mapping the Law: Essays in Memory of Peter Birks. Oxford : Oxford University Press, 2006. P. 332.

конечная стоимость объекта должна быть уменьшена в соответствии с § 441, 638 ГГУ⁶¹³.

Германское законодательство было в значительной степени гармонизировано с ПЕКП, однако некоторые различия в них существуют и по сей день.

Так, общий механизм расторжения договора в целом идентичен. Статья 9:303(1) ПЕКП также предоставляет право расторжения контракта путем письменного уведомления другой стороны, без проведения судебного разбирательства⁶¹⁴. В некоторых случаях как ГГУ (§ 326), так и ПЕКП (ст. 9:303(4)) вообще предусматривают возможность автоматического прекращения договора. В соответствии с обоими источниками расторжение договора освобождает обе стороны от их будущих обязательств. Немецкое законодательство, следуя логике ПЕКП, отказалось от концепции вины как основания для расторжения договора.

В то же время в отличие от ПЕКП, ст. 9:301(1) которых предоставляет возможность расторжения контракта в случае существенного нарушения его условий, ГГУ предъявляет требование о предоставлении дополнительного срока для надлежащего исполнения, хотя и с некоторыми исключениями, изложенными выше. При этом ПЕКП (ст. 8:106(3), 9:301(2)) позволяют предоставить дополнительный период для исполнения в случае несущественной просрочки, несоблюдение которого повлечет признание такой просрочки существенным нарушением условий контракта. Однако это не распространяется на случаи некачественного исполнения контракта⁶¹⁵.

Иные способы защиты гражданских прав

Концепция изменения контрактов в случае фундаментального изменения их сбалансированности (в части правового положения сторон) в результате событий, которые происходят (или становятся известными) после

---

⁶¹³ Ibid. P. 334.

⁶¹⁴ В целом приведенные положения схожи с правовыми нормами ГК РФ (ст. 450.1).

⁶¹⁵ Lando, O. and Beale, H. Op. cit. P. 374.

заключения контракта, при этом находятся вне пределов контроля либо не могут быть предвидены потерпевшей стороной, и риск наступления которых не принят этой стороной, в настоящий момент включена в ПЕКП (ст. 6:111) и Принципы УНИДРУА (ст. 6.2.2.3). Аналогичные положения в КМКПТ отсутствуют.

В немецком законодательстве изначально отвергнутая концепция *clausula rebus sic stantibus* была признана во второй половине XX в.⁶¹⁶ и закреплена в § 313 ГГУ. Интересно, что, хотя ПЕКП выделяют в качестве основания для изменения контракта только изменение обстоятельств после его заключения, п. 2 § 313 ГГУ допускает изменение условий контракта также в случае, когда обнаруживается ложность существенных представлений, ставших основанием для договора. ГГУ не обязывает сторону, поставленную в невыгодное положение, требовать проведения повторных переговоров относительно контракта (в отличие от ПЕКП). Согласно п. 1 § 313 ГГУ, сторона, которая заинтересована в изменении договора, должна направить заявление в суд, в котором будет указано требование о конкретных изменениях, предложенных к внесению в договор. При этом, согласно п. 3 § 313 ГГУ, если изменение условий контракта невозможно либо в отношении его части неприемлемо, то сторона, поставленная в невыгодное положение, может отказаться от контракта, а в случае ддящихся обязательств – расторгнуть его.

Защита невыполненного контракта и защита ненадежности

Данный способ защиты закреплён в § 320 ГГУ (находит свой эквивалент в ст. 9:201(1) ПЕКП) и является отражением концепции *exceptio non adimpleti contractus* – способа защиты права, который позволяет стороне приостановить свое собственное исполнение, сопровождается правом отклонить требование о таком исполнении до тех пор, пока другая сторона должным образом не выполнит свои обязательства по контракту.

---

⁶¹⁶ *Markesinis, B.S., Lorenz, W. and Dannemann, G. Op. cit. P. 523.*

Параграф 321 ГГУ дополняет этот способ защиты, устанавливая, что, если по взаимному договору одна из сторон должна будет действовать первой, она может отказаться исполнять свою часть контракта, если после заключения договора становится очевидным, что ее право на встречное исполнение находится под угрозой неспособности другой стороны исполнить свои обязательства. Этот способ защиты называется «защитой ненадежности» (Unsicherheitseinrede).

Снижение договорной цены

Право на снижение цены все еще содержится в немецком законодательстве, в частности, в положениях, регулирующих договоры купли-продажи (§ 441 ГГУ), аренды (§ 536 ГГУ) и контракты на выполнение работ (§ 638 ГГУ). Так, например, в соответствии с п. 1 § 441 ГГУ в случае нарушения обязательств по договору купли-продажи со стороны продавца в виде поставки некачественных товаров покупатель вправе вместо расторжения договора направить продавцу заявление о снижении покупной цены. Пункт 3 данного параграфа закрепляет, что покупная цена должна быть уменьшена в той пропорции, в которой стоимость вещи, не имеющей дефектов, на момент заключения договора достигла бы фактической стоимости. Нормы, регулирующие иные договоры, аналогичны по своему содержанию.

Каких-то обобщенных норм в отношении этого способа защиты в немецком законодательстве не представлено, в отличие от общего регулирования в соответствии со ст. 9:401 ПЕКП.

Способы защиты от деликтов в германском праве

Общие условия возмещения убытков в связи с совершением деликта закреплены в § 823 ГГУ, закрепляющем генеральный деликт. Так, в частности, устанавливается, что лицо, умышленно или по неосторожности незаконно причиняющее вред жизни, телесной неприкосновенности,

здоровью, свободе, имуществу или иному праву другого лица, обязано возместить потерпевшему причиненный ущерб. Также на уровне судебной практики из этой статьи выводилось общее право личности – *allgemeines Resönlichkeitsrech*, которое, впрочем, не было включено в ГГУ⁶¹⁷.

Приведенные положения распространяются и на случаи нарушения лицом закона, направленного на защиту другого лица. При этом возникновение права требовать возмещения убытков ставится под условие наличия вины, даже если сам по себе закон может быть нарушен в ее отсутствие (п. 2 § 823 ГГУ). Аналогичная концепция закреплена и в ГК РФ (ст. 15, 401).

В соответствии с § 253 ГГУ возмещению подлежит также нематериальный ущерб.

Пункт 1 данной нормы устанавливает, что взыскание денежных средств за любой нематериальный ущерб допускается только в случаях, предусмотренных законом. Кроме того, согласно п. 2 § 253 ГГУ, в случае если убытки выплачиваются за телесные повреждения, вред, нанесенный здоровью, свободе или сексуальному самоопределению, в дополнение к сумме убытков возможно истребование компенсации морального вреда.

Общим условием для предъявления требования о возмещении убытков, возникающих из деликта, является наличие вины причинителя вреда. В то же время § 831–834, 836–838 ГГУ ставят решение вопроса о наличии оснований для возмещения убытков в зависимость от того, проявило ли лицо, являющееся причинителем вреда (либо ответственным за причинение вреда в соответствии с указанными нормами), разумную предусмотрительность и заботливость. Для оценки этих параметров будет применяться тот уровень разумности и осмотрительности, которым располагали бы иные лица той же профессии в такой ситуации. Иными словами, этот параметр носит

---

⁶¹⁷ BGHZ 13, 334.

оценочный характер. Кроме того, может применяться и § 254 ГГУ о встречной ответственности.

Параграф 827 ГГУ устанавливает основание для освобождения ответственности: лицо, которое в бессознательном состоянии или в состоянии патологического психического расстройства, препятствующего свободному волеизъявлению, причиняет вред другому лицу, не несет ответственности за такой ущерб, за исключением случаев, когда такое состояние было вызвано виновным лицом самостоятельно в результате употребления алкогольных напитков или аналогичных средств. Вторым основанием для освобождения от ответственности является ненаступление возраста ответственности.

Любопытным представляется тот факт, что немецкое право, несмотря на наличие указанных оснований для освобождения от ответственности за совершение деликта, обязывает виновное лицо выплатить компенсацию за нанесенный ущерб, если возмещение вреда не может быть получено от третьей стороны и при условии, что такое лицо не лишается средств, разумно необходимых для своего существования либо для исполнения обязанностей по содержанию своих иждивенцев (§ 829 ГГУ).

В дополнение к генеральному деликту, ГГУ предусматривает широкий перечень поименованных деликтов, включающий, в частности, ответственность за вред, причиненный домашним животным, распространение сведений, ставящих под угрозу кредитоспособность, ответственность владельцев земельных участков, зданий, ответственность государственных служащих и пр.

Еще одним элементом системы немецкого деликтного права является институт строгой (безвиновной) ответственности (например, ответственности водителя транспортного средства за вред, причиненный в результате ДТП)⁶¹⁸, который регулируется специальными законами, являющимися

---

⁶¹⁸ Strassenverkehrsgesetz.

исключениями из генерального деликта, зафиксированного в Уложении. Законами устанавливается и предел сумм строгой ответственности, который для одного потерпевшего составляет 600 тыс. евро, а в случае причинения вреда в результате ДТП – 3 млн евро. Данная сумма может выплачиваться единовременно либо в качестве ежегодного пособия (ренты).

Еще одним случаем строгой ответственности является ответственность за причинение вреда в результате применения фармацевтических препаратов, в частности, если такие препараты либо инфузии (например, переливание крови) повлекли заражение пациента ВИЧ-инфекцией. Положения о строгой ответственности установлены в специальном законе⁶¹⁹. Для предъявления требования о возмещении убытков пострадавший пациент должен доказать причинно-следственную связь между причиненным ему вредом и использованным препаратом.

Таким образом, система способов защиты от деликтов в немецком праве претерпела некоторые изменения, направленные на ужесточение условий строгой (безвиновной) ответственности, а также расширение возможности истребования компенсации морального вреда. В то же время, учитывая разрозненное регулирование, эту систему на сегодняшний день все еще нельзя признать удачной.

Способы защиты от неосновательного обогащения

Кондикционные обязательства урегулированы в гл. 24 ГГУ. Пункт 1 § 812 ГГУ предусматривает, что лицо, которое получает что-либо в результате действий другого лица или иным образом за его счет без законных оснований для этого, обязано возвратить этому лицу полученное (произвести реституцию). Эта обязанность также существует, если правовые основания впоследствии утрачивают силу или если результат, на достижение которого направлено исполнение, не достигнут.

---

⁶¹⁹ Arzneimittelgesetz.

Таким образом, для предъявления генерального иска о возврате неосновательного обогащения необходимо одновременное выполнение двух условий:

- 1) имущество приобретается одним лицом за счет другого вследствие исполнения последним обязательства либо иным образом;
- 2) основания для приобретения (сбережения) имущества, т.е. цель предоставления имущества, отсутствуют.

На основании этой нормы иски о неосновательном обогащении классифицируют на кондикции из исполнения и кондикции не из исполнения⁶²⁰. В первом случае речь идет об исполнении обязательства в натуре, в том числе, о передаче денежных средств, вещей и т.п.

Под исполнением понимается осознанное и целенаправленное увеличение чужого имущества – денежный платеж, передача права собственности на вещь, освобождение другого лица от долга, принятие долга на себя в пользу другого лица, оказание услуги и т.д. Исполнением считается также договорное признание существования или отсутствия долга.

В германском праве (в отличие, например, от французского) требования о возврате неосновательного обогащения, возникшего в связи с исполнением контракта, могут быть предъявлены только к непосредственному получателю неосновательного обогащения.

Что касается кондикций не из исполнения, одним из важнейших их случаев является требование о взыскании неосновательного обогащения, возникшего вследствие посягательства на права другого лица, например, в случаях продажи, потребления или использования чужой вещи в отсутствие для этого законных оснований. В соответствии с § 816 ГГУ бывший собственник приобретает право требования неосновательного обогащения к

---

⁶²⁰ *Новак, Д.В.* Неосновательное обогащение в гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Д.В. Новак. М., 2006. С. 99.

лицу, похитившему вещь⁶²¹. Эта норма является альтернативной возмещению убытков и виндикационному иску.

Помимо этого, могут быть предъявлены требования к лицу, чей долг был погашен за него истцом (по сути, в порядке регресса). Истец может заявлять требования о возврате понесенных расходов, расходов на улучшение чужого имущества и пр.⁶²²

Согласно § 818 ГГУ, возврату как неосновательное обогащение подлежит как само неосновательно приобретенное имущество, так и извлеченные из него доходы, а если имущество вернуть невозможно – его стоимость.

Способы владельческой защиты по праву Германии

Исторически инструментарий владельческой защиты в праве Германии был схож с таковым в английском праве, поскольку оба института были основаны на *remedium spolii* (обязанности суда восстановить во владении)⁶²³. Однако с момента вступления в силу ГГУ немецкое регулирование владельческой защиты приобрело самостоятельность.

Владельческие способы защиты направлены на защиту от запрещенного вмешательства со стороны третьих лиц. Категория запрещенного вмешательства охватывает как лишение владения, так и создание препятствий к нему. В случае если лицо прямо возражает, а равно не дает согласия на вмешательство в его владения, действия третьего лица считаются вмешательством⁶²⁴.

Как традиционно принято в различных правовых системах, владелец может защититься от нарушения своих прав путем применения самозащиты и обращения за защитой в суд.

---

⁶²¹ Ibid. P. 34.

⁶²² Новак, Д.В. Указ. соч. С. 101.

⁶²³ Климанова, Д.Д. Владельческие иски в Англии, Германии и России: сравнительно-правовой анализ // Российский юридический журнал. 2016. № 6. С. 78.

⁶²⁴ Никонов, С.П. Actio Spolii. Харьков, 1908. С. 258.

При этом за защитой своих прав может обратиться как непосредственный владелец (например, арендатор), так и опосредованный владелец (собственник, передавший имущество во владение другого лица). Иными словами, ГГУ определяет круг владельцев достаточно широко, используя в качестве оснований владения как право собственности, так и права, приобретаемые в рамках договоров.

Ответчиком по иску является нарушитель владения либо его правопреемник, если таковой имеется (§ 858 ГГУ), что может быть истолковано как исключение добросовестных приобретателей из круга ответчиков.

Объектом владельческой защиты выступают как движимые, так и недвижимые вещи, включая сервитуты⁶²⁵.

Перечень способов владельческой защиты предусмотрен § 859–862 ГГУ и включает в себя, соответственно:

- самозащиту, осуществляемую владельцем;
- самозащиту, осуществляемую актуальным владельцем по смыслу § 855 ГГУ;
- иск о возврате утраченного владения;
- иск об устранении имеющихся препятствий владению;
- иск об издании запрещающего судебного постановления с целью недопущения создания препятствий владению в дальнейшем (второе предложение п. 1 § 862 ГГУ).

Как видно из указанных правовых положений, самозащита особо выделена в перечне способов владельческой защиты (в отличие от российского права).

Для удовлетворения владельческого иска по ГГУ необходимо одновременное наличие двух условий: 1) должен быть доказан факт лишения владения или наличия препятствий к нему; 2) владение истца должно быть

---

⁶²⁵ Там же. С. 259.

непорочным и быть приобретенным ранее, чем в течение года, предшествующего нарушению или лишению владения.

В соответствии с § 863 ГГУ ответчик может возразить по иску, только доказав, что его действия не относились к запрещенному вмешательству.

Учитывая изложенное, владельческие способы защиты, предусмотренные германским правом, направлены на восстановление положения, существовавшего до нарушения права (т.е. восстановление владения либо устранение препятствия владению). В отличие от Англии, в Германии возмещение убытков как способ владельческой защиты не применяется.

Способы защиты гражданских прав в законодательстве Нидерландов

Похожую на принятую в Германии систему способов защиты гражданских прав предусматривает и гражданское законодательство Нидерландов.

Основным способом защиты гражданских прав в Нидерландах является *исполнение обязательства в натуре*. Данный способ защиты предусмотрен ст. 3:296 Гражданского кодекса Нидерландов (Burgerlijk Wetboek, далее – BW), которая закрепляет, что «если лицо по закону обязано что-то отдать, сделать или воздержаться от действий в отношении другого лица, суд должен приказывать ему, по запросу или требованию уполномоченного лица, выполнить это определенное действие, если иное не вытекает из закона, характера обязательства или юридического акта». Исполнение обязательства в натуре является центральным способом защиты, применяемым против нарушений контрактов. Голландский исследователь Хаас отмечает, что это положение распространяется не только на договорные обязанности, но и на обязанности, существующие в рамках, например, вещных правоотношений

или правоотношений в сфере интеллектуальной собственности⁶²⁶. Очевидно речь в данном случае может идти, например, об обязанности воздерживаться от нарушения права собственности и, как следствие, права управомоченного лица на предъявление негаторного иска в случае совершения такого нарушения.

Следует обратить внимание, что положения ст. 3:296 BW, исходя из структуры кодекса, относятся непосредственно к регулированию имущественных отношений в целом и некоторых вещных прав, и они применяются к иным правоотношениям постольку, поскольку их правовая природа не противоречит этому (ст. 3:326 BW). Соответственно, можно констатировать, что исполнение обязательства в натуре действительно является, в том числе, одним из основных вещно-правовых способов защиты. Отметим здесь же, что к другим вещно-правовым способам защиты нидерландский законодатель относит иск об истребовании из чужого владения и иск об устранении вмешательства во владение (т.е. виндикационный и негаторный иски), которые могут быть использованы титульным владельцем против любого третьего лица в течение года с момента наступления такого события (ст. 3:125 BW). Также BW отдельно предусматривает «право на истребование вещи», которым обладает только собственник (ст. 5:2). Какими-либо другими существенными отличиями от принятых в общемировой практике аналогов эти способы защиты не обладают.

Таким образом, вся система способов защиты гражданских прав в Нидерландах построена вокруг такого системообразующего способа защиты как понуждение к исполнению обязанности в натуре, применяемого против всякого нарушения права по умолчанию. Прочие способы защиты применяются субсидиарно, при невозможности и (или) недостаточности (неэффективности) понуждения к исполнению обязанности в натуре.

---

⁶²⁶ *Haas, D.* De grenzen van het recht op nakoming (Recht & Praktijk nr. 167). Kluwer, 2009. P. 12.

Интересно, что формулировка ст. 3:296 BW предусматривает обязанность суда обеспечить исполнение обязательства в натуре, однако ни эта, ни какая-либо другая норма, содержащаяся в кодексе, не наделяет управомоченное лицо правом требовать такого исполнения. Фактически, материально-правовая норма о возможности требовать исполнения обязательства в натуре в гражданском законодательстве Нидерландов отсутствует, она просто предполагается; при этом BW закрепляет процессуально-правовую норму о судебном рассмотрении. Это, безусловно, является существенным недостатком в закреплении данного способа защиты.

Помимо отсутствия как такового закрепления права на получение исполнения обязательства в натуре, BW не содержит принципа обязательности исполнения договоров (*pacta sunt servanda*), что влечет за собой ряд претензий к эффективности системы способов защиты гражданских прав в соответствии с законодательством Нидерландов, а также ставит вопрос о несоответствии действующего гражданского законодательства этой страны законам, принятым в иных странах ЕС⁶²⁷. При этом старая редакция BW, основанная на Кодексе Наполеона, содержала ст. 1374(1), которая прямо закрепляла принцип обязательной силы договоров⁶²⁸.

Как следует из положений ст. 3:296 BW, исполнение обязательства в натуре может осуществляться в трех формах:

- 1) передача объекта договора (*te geven*), которая включает в себя как поставку предусмотренного договором товара, так и оплату договора;
- 2) исполнение предусмотренной договором работы (*te doen*), что охватывает случаи выполнения работ, оказания услуг, а также исполнения работником своих трудовых обязанностей;

---

⁶²⁷ Ibid. P. 338.

⁶²⁸ Rutten L.E.H. Mr. C. Asser's handleiding tot de beoefening van het Nederlands Burgerlijk Recht, Verbintenissenrecht, De overeenkomst en de verbintenis uit de wet. Zwolle: Tjeenk Willink, 1961. P. 26.

3) воздержание от совершения каких-либо действий (*na te laten*), которое, как мы отмечали выше, в представлении некоторых исследователей может распространяться, в том числе, на вещно-правовые отношения.

Несмотря на чрезвычайно широкую сферу применения данной нормы⁶²⁹, она не является универсальной. Так, нидерландский законодатель очерчивает круг ограничений для применения исполнения обязательства в натуре, который включает в себя невозможность исполнения в соответствии с законом, в связи с существом обязательства и ввиду закрепления соответствующих условий в контракте.

Невозможность исполнения в соответствии с законом наступает в случаях ничтожности контракта либо противоречия его публичному порядку, а равно в случаях, когда в законе для конкретных правоотношений прямо указано на невозможность исполнения обязательства в натуре. Помимо этого, невозможность исполнения в соответствии с законом охватывает случаи абсолютной и относительной (или временной) невозможности исполнения обязательства, а также случаи, когда исполнение обязательства потребует от должника неразумных усилий или издержек.

Существо обязательства может препятствовать исполнению его в натуре в случаях, когда должник принял на себя обязательства личного характера, однако, например, произошло столь существенное изменение обстоятельств, что исполнение нанесет существенный вред частной жизни должника⁶³⁰.

Что касается закрепления в договоре, стороны вправе самостоятельно установить условия, когда применение управомоченным лицом исполнения обязательства в натуре не допускается. Кроме того, обязательственное право Нидерландов признает принцип пропорциональности и запрета злоупотребления правом, что влечет необходимость учета интересов другой стороны правоотношений при совершении каких-либо действий. Так,

---

⁶²⁹ *Reehuis W.H.M. & Slob E.E.* Parlementaire Geschiedenis van het nieuwe burgerlijk wetboek, Invoering boeken 3, 5 en 6 – Boek 7 Bijzondere overeenkomsten, Titels 1, 7, 9 en 14. Deventer: Kluwer 1991. P. 895.

⁶³⁰ *Haas D.* Op. cit. P. 340.

например, исполнение обязательства в натуре будет представлять собой злоупотребление правом, если это нарушает баланс интересов сторон, в частности, путем создания чрезмерного бремени для должника.

Помимо исполнения обязательства в натуре, гражданское законодательство Нидерландов предусматривает следующие «дополняющие» способы защиты гражданских прав, которые применяются **в рамках обязательственных правоотношений**: возмещение убытков, договорные штрафы, прекращение договора, его аннулирование, декларативное решение и вынесение судебного постановления.

При этом приведенные способы защиты гражданских прав разделяются в зависимости от того, обусловлено ли неисполнение обязательств поведением должника или нет. В последнем случае законодатель дает возможность потребовать лишь исполнения обязательства в натуре и аннулирования контракта. В случае неисполнения, обусловленного поведением должника, кредитор вправе потребовать: исполнения обязательства в натуре; исполнения обязательства в натуре и возмещения убытков, причиненных просрочкой исполнения; возмещения убытков вместо исполнения; аннулирования контракта (*ontbinding wegens niet-nakoming*); аннулирования контракта и возмещения убытков (либо реституции); расторжения контракта; внесения изменений в контракт.

Неисполнение обязательства признается не обусловленным поведением должника в случае, если оно произошло в результате наступления событий, которые находились за рамками контроля должника и взятых им на себя рисков. Иными словами, речь идет о возникновении внешних препятствий для исполнения. Классическим случаем такого неисполнения обязательства является форс-мажор⁶³¹.

Возмещение убытков по нидерландскому праву применяется в отношении т.н. компенсационных убытков, которые включают в себя любые

---

⁶³¹ Ibid. P. 341.

материальные потери (ущерб) и иной вред (включая моральный вред). Положения о возмещении убытков «открывают» раздел BW, касающийся последствий неисполнения обязательства, что создает ложное впечатление о приоритете убытков над исполнением обязательства в натуре. В то же время некоторыми авторами исполнение обязательства в натуре рассматривается не в качестве способа защиты от нарушения контракта, а как обязательный элемент обязательства как такового⁶³², ввиду чего положения раздела 6.1.9 BW, очевидно, будут применимы исключительно к возмещению убытков и другим «второстепенным» способам защиты гражданских прав.

Категория материального ущерба как составляющая убытков по нидерландскому праву охватывает как уже понесенный ущерб, так и упущенную выгоду (ст. 6:96(1) BW). В дополнение к этому кодекс наделяет возможностью потребовать в качестве убытков возмещения разумных издержек на (ст. 6:96(2)):

- предотвращение или уменьшение ущерба, который можно ожидать в результате события, влекущего за собой ответственность;
- определение характера, размера ущерба и лиц, ответственных за его причинение;
- попытки получить удовлетворение в ходе внесудебного урегулирования спора.

Элементом убытков может выступать также прибыль, полученная ответчиком в результате нарушения обязательств либо неправомерных действий. Так, ст. 6:104 BW предусматривает, что, когда лицо, несущее ответственность перед другим лицом в результате совершения неправомерных действий или неисполнения обязательства, получает прибыль в результате этого, суд может присудить убытки в виде полученной ответчиком прибыли или ее части. Эта норма в основном используется в случае нарушения интеллектуальной собственности истца. Хотя положения

---

⁶³² Hartkamp A.S. & Sieburgh C.H. Mr. C. Asser's handleiding tot de beoefening van het Nederlands Burgerlijk Recht, Verbintenissenrecht 6, deel I*, De verbintenis in het algemeen. Deventer: Kluwer 2008. P. 380.

ст. 6:104 BW и сформулированы как полномочия суда, эта норма закреплена в материально-правовом законе и, полагаем, может быть истолкована как правомочие истца.

Статья 6:74 BW формулирует правило о возмещении убытков следующим образом: «Любой недостаток в исполнении обязательства признается неисполнением со стороны должника и возлагает на него ответственность за убытки, которые в результате этого понес кредитор, за исключением случаев, если неисполнение не связано с должником». Положения следующей ст. 6:75 BW разъясняют, в каких случаях неисполнение будет считаться не связанным с должником: если вина должника в нем отсутствует, если должник не несет ответственности в силу закона, юридического акта или общепринятых принципов.

Убытки выплачиваются, как правило, в денежной форме, если только управомоченное лицо не потребовало у суда иной (натуральной) формы компенсации (ст. 6:103 BW). Целью возмещения убытков является не наказание должника, а приведение кредитора в такое положение, в котором он бы находился, если бы событие, послужившее причиной для возникновения убытков, не произошло.

В случаях, если исполнение обязательства не стало «постоянно невозможным», право на компенсацию возникает только при наличии вины должника. Для юридической фиксации вины должника и возможности последующего предъявления требования о возмещении убытков (как и в германском праве) необходимо соблюсти процедуру, включающую в себя направление должнику формального уведомления о неисполнении обязательства с предоставлением ему разумного периода времени, в течение которого он может исполнить обязательство надлежащим образом (ст. 6:82 BW). Из этого правила есть исключения, в частности, когда обязательство возникло из деликта, когда для обязательства был установлен срок действия и ряд других. В случае последующего исполнения обязательства должником

либо наступления постоянной невозможности исполнения возможность предъявления требования о возмещении убытков исключается.

Предъявление требований о возмещении убытков возможно только в отношении уже понесенных, а не будущих убытков, за исключением применения метода так называемого абстрактного способа расчета убытков, т.е. путем ориентации на некоторые объективные критерии, позволяющие установить размер убытков, которые могут быть причинены в определенной ситуации.

Как и в иных правовых порядках, нидерландскому праву известны концепции собственной вины кредитора и совместной вины сторон обязательства либо иных лиц (ст. 6:101–6:102 BW).

Специфической разновидностью данного способа защиты также является возмещение убытков, причиненных просрочкой исполнения (ст. 6:85 BW).

Следующим способом защиты гражданских прав являются *договорные штрафы*, которые представляют собой стандартную конструкцию неустойки. Особенностью неустойки по голландскому праву является то, что запрещается одновременное требование исполнения обязательства в натуре и уплаты неустойки (ст. 6:92(1) BW).

Прекращение договора завершает все обязательства сторон, не отменяя действительности сделки, однако освобождая стороны от права требования последующего исполнения. Если это исполнение по какой-то причине уже произошло, производится реституция (двусторонняя либо односторонняя), а, в случае ее невозможности, сторона приобретает право на компенсацию исполненного.

От прекращения договора отличается его *аннулирование* (иными словами, признание сделки недействительной). Данный способ защиты права подлежит применению в случае принуждения к заключению договора, мошенничества, неправомерного влияния, введения в заблуждение либо

ошибки. Аннулированный контракт не исполняется, стороны возвращаются в такое положение, как будто контракта не существовало в принципе.

Декларативное решение подтверждает или определяет права сторон, не обязывая их совершать какие-либо действия в отношении друг друга (ст. 3:302 BW). Этот способ защиты права во многом схож с признанием права, однако, как и в других европейских странах, имеет более широкое применение. Так, управомоченное лицо может обратиться за декларацией действий ответчика правонарушением, чтобы впоследствии предъявить иск о возмещении убытков.

Таким образом, вновь обратим внимание на возможность применения способа защиты нарушенного права в качестве ее своеобразного предварительного этапа, непосредственным образом не приводящего к достижению цели защиты нарушенного гражданского права (как и в английском праве). Следует также отметить, что такая концепция не известна отечественному законодателю.

Последним способом защиты гражданских прав, предусмотренным гражданским законодательством Нидерландов в обязательственных правоотношениях, являются *судебные постановления*, которые могут быть обязывающими и запрещающими (что делает их схожими с аналогичным способом защиты прав в Англии). Судебные постановления подразделяются на временные, предварительные или постоянные.

В случае совершения *правонарушений и деликтов* ст. 6:162 BW наделяет пострадавшее лицо правом на возмещение убытков. Для возникновения такого права необходимо наступление условий:

1) убытки должны быть нанесены в результате незаконных действий. К незаконным действиям относятся: нарушение прав, действие или бездействие в нарушение установленных законом обязанностей, а также действие или бездействие в результате нарушения норм социального поведения, действующих «в соответствии с неписаным законом». Незаконность

действий также зависит от ряда сопутствующих факторов, которые включают в себя серьезность и длительность нарушения, а также обстоятельства, при которых нарушение было допущено;

2) обусловленность поведением правонарушителя. Как и в обязательствах, деликт считается обусловленным поведением ответчика либо при наличии вины последнего, либо в случае принятия им на себя рисков, охватывающих такие действия;

3) причинно-следственная связь, которая должна быть обнаружена между неправомерными действиями и возникновением убытков;

4) относительность. Статья 6:163 BW устанавливает принцип, согласно которому обязанность по возмещению убытков не возникает, если возможность возмещения убытков в определенной ситуации прямо не предусмотрена законом.

Последний критерий, по всей видимости, обуславливает, что, как ГГУ, BW предусматривает значительное число особенностей возмещения ущерба (ст. 6:169–6:184 BW), включая нормы о строгой ответственности, ответственности за некачественный товар (ст. 6:185–6:193 BW), недобросовестные коммерческие практики (ст. 6:193а–6:193j BW) и введение в заблуждение рекламой (ст. 6:194–6:196 BW).

Способы защиты гражданских прав в законодательстве Франции

Французский гражданский кодекс, действующий со времен Наполеона, недавно претерпел достаточно существенные изменения, направленные, во-первых, на модернизацию контрактного права, и, во-вторых, на кодификацию выработанной за два столетия практики применения законодательства⁶³³. В настоящий момент Гражданский кодекс Франции действует в редакции постановления от 10 февраля 2016 г. № 2016-131, принятого Законом от 20 апреля 2018 г. № 2018-287 (далее – ГК Франции).

---

⁶³³ *Fages, F. and Saarinen, M.* The Complex Commercial Litigation Law Review: France / The Complex Commercial Litigation Law Review (ed Steven M Bierman). Law Business Research, 2020. P. 1.

Несмотря на то, что перечень способов защиты гражданских прав, применимых в **обязательственных правоотношениях**, в целом идентичен другим странам континентального права, гражданское законодательство Франции имеет некоторые особенности.

В отличие от ГГУ и ВВ, ГК Франции (ст. 1217) закрепляет перечень доступных в случае неисполнения контракта санкций.

Так, сторона, обязательство перед которой не было исполнено или было выполнено частично, может:

– отказаться от исполнения или приостановить исполнение собственного обязательства (*refuser d'exécuter ou suspendre l'exécution de sa propre obligation*);

– потребовать исполнения обязательства в натуре (*poursuivre l'exécution forcée en nature de l'obligation*);

– запросить снижение цены (*obtenir une réduction du prix*);

– расторгнуть договор (*provoquer la résolution du contrat*);

– потребовать возмещения последствий неисполнения (*demander réparation des conséquences de l'inexécution*).

ГК Франции содержит специальное указание на то, что санкции, которые не исключают друг друга, могут совмещаться, и в дополнение к любой из них может быть предъявлено требование о возмещении убытков и неустойки. В отличие от законодательства Нидерландов, ГК Франции содержит достаточно краткие и четко сформулированные специальные нормы, которыми предусмотрены правила и условия применения отдельных способов защиты гражданских прав.

Возможность *приостановления исполнения собственного обязательства* является самым новым способом защиты от нарушений в сфере обязательственного права Франции. Данное положение вдохновлено ст. 9:201 ПЕКП (и, надо полагать, соответствующими положениями ГГУ) и дает кредитору право после направления соответствующего уведомления в

одностороннем порядке приостановить исполнение собственных обязательств при соблюдении двух условий:

– если очевидно, что контрагент не выполнит свои обязательства к оговоренному сроку;

– если последствия неисполнения будут достаточно серьезными для интересов кредитора.

Исполнение обязательства в натуре может быть применено при условии направления в адрес должника уведомления о необходимости исполнения (по сути, претензии), если только такое исполнение не является невозможным либо не влечет дисбаланс интересов кредитора и должника в виде повышения издержек должника либо чрезмерной выгоды кредитора (ст. 1221 ГК Франции). После направления такого уведомления кредитор вправе, во-первых, самостоятельно исполнить обязательство должника, а, во-вторых, вернуть уже исполненное должником на данный момент с последующей компенсацией собственных издержек на эти цели. Кроме того, кредитор вправе (путем обращения в суд) потребовать от должника авансировать исполнение обязательства самим кредитором либо осуществить возврат уже исполненного.

В качестве альтернативы исполнению обязательства в натуре ст. 1223 ГК Франции наделяет кредитора правом, после направления упомянутого выше уведомления, принять частичное исполнение и потребовать соразмерного уменьшения цены контракта, вне зависимости от того, оплачена ли уже эта цена или еще нет.

Пожалуй, наиболее подробно урегулированным способом защиты гражданских прав является расторжение контракта. Такое расторжение может быть совершено: 1) путем применения оговорки о прекращении контракта; 2) в случае существенного неисполнения контракта – путем одностороннего уведомления, направленного кредитором в адрес должника, либо обращения в суд.

Оговорка о прекращении контракта может применяться в результате неисполнения должником обязательств после получения им уведомления о необходимости исполнения, но только если такое уведомление прямо предусматривало оговорку о прекращении договора. Для того чтобы расторжение контракта вступило в силу, необходимо дополнительно направить уведомление о расторжении договора, которое может быть оспорено должником.

Расторжение контракта, в случае если предоставленное сторонами друг другу в ходе исполнения имеет ценность только в рамках полного исполнения расторгнутого контракта, влечет реституцию полученного сторонами в соответствии с условиями, предусмотренными ст. 1352–1352-9 ГК Франции. В ином случае реституции подлежит только полученное после даты расторжения контракта (прекращения на будущее время).

Возмещение последствий неисполнения, в сущности, представляет собой возмещение убытков и неустойки, о чем прямо говорит ст. 1231 ГК Франции. Возмещение убытков, как и иные способы защиты гражданских прав, может быть применено только в случае заблаговременного направления должнику уведомления о необходимости исполнения. Из этого правила есть исключение – когда «неисполнение является окончательным» (*l'inexécution soit définitive*).

Должник обязан возместить убытки либо за неисполнение, либо за просрочку исполнения обязательства, если только исполнению не препятствовали обстоятельства непреодолимой силы. Для возмещения убытков необходима причинно-следственная связь между нарушением контракта и, собственно, убытками⁶³⁴.

Возмещение убытков по гражданскому законодательству Франции охватывает как прямой ущерб, так и упущенную выгоду. Однако на должника может быть возложена обязанность по возмещению только тех

---

⁶³⁴ Ibid. P. 10.

убытков, которые были предусмотрены или могли быть предусмотрены на момент заключения договора, за исключением случаев, когда неисполнение обязательств вызвано грубой или умышленной небрежностью (ст. 1231-3 ГК Франции). Кроме того, основным принципом возмещения убытков по гражданскому законодательству Франции является возмещение пострадавшему лицу точного размера нанесенного ему ущерба, не больше и не меньше, т.е. восстановление лица в то положение, в котором оно бы находилось, если бы убытки не были причинены⁶³⁵.

Статья 1231-5 ГК Франции предусматривает возможность закрепления в контрактах заранее оцененных убытков, сумму которых, впрочем, в определенных случаях может изменить суд (например, если размер убытков чрезмерно высокий или низкий).

В случае даже если неисполнение контракта является результатом грубой или умышленной небрежности, возмещаются только те убытки, которые были непосредственным и прямым результатом неисполнения.

Положения о способах защиты во **внедоговорных обязательствах**, по сути, сохранились неизменными, поменялась лишь их нумерация в ГК Франции.

В соответствии со ст. 1240 ГК Франции «любое человеческое действие, которое причиняет вред другому человеку, порождает обязательство у человека, по вине которого оно произошло, возместить ущерб». Соответственно, для обращения к деликтным способам защиты необходимо наличие вины, убытка и причинно-следственной связи между ними.

Как и законодательство Германии и Нидерландов, ГК Франции предусматривает некоторые особенности возмещения ущерба в частных случаях деликтов. Так, ст. 1242 ГК Франции устанавливает ответственность за вред, нанесенный работником, и другие случаи строгой ответственности, ст. 1243 – ответственность владельца за животное, ст. 1244 – ответственность

---

⁶³⁵ Ibid. P. 16.

владельца за здание и т.д. Отдельная глава закрепляет ответственность за некачественные товары, основанную на Директиве об ответственности за качество продукции⁶³⁶.

Возмещение ущерба представляет собой максимально общую категорию, которая охватывает, в том числе, финансовые потери, физический вред, моральный вред и т.п. Французское право руководствуется принципом «полной компенсации» любого причиненного пострадавшему лицу вреда⁶³⁷.

В случае возможности одновременного использования обязательственных способов защиты прав и деликтных применению подлежат исключительно первые, что следует из ст. 1217 ГК Франции.

Наконец, последним видом внедоговорных обязательств является неоправданное обогащение (*l'enrichissement injustifié*, ст. 1303–1303-4 ГК Франции). Статья 1303 ГК Франции предусматривает достаточно сложно сформулированную норму, согласно которой «лицо, которое извлекает выгоду из неоправданного обогащения в ущерб другому лицу, должно возместить ущерб лицу, которое тем самым стало беднее, в сумме, равной наименьшей из двух величин: обогащения и обнищания». Неоправданность вознаграждения обуславливается тем, что оно не связано с исполнением обязательств «обедневшим лицом» либо его намерением предоставить безвозмездную помощь. В случае наличия права на любой другой способ защиты, кроме компенсации суммы неоправданного обогащения, пострадавшее лицо лишается возможности ее применения.

Относительно *вещно-правовых* способов защиты по законодательству Франции необходимо отметить следующее.

Статья 2278 ГК Франции закрепляет, во-первых, абсолютный характер владельческой (включая собственническую) защиты, во-вторых, принцип защиты от нарушений, угрожающих владению (без конкретизации

---

⁶³⁶ Директива об ответственности за качество продукции 85/374/ЕЕС от 25 июля 1985 г.

⁶³⁷ *Van Gerven W., Lever J., Larouche P.* Cases, Materials and Text on National, Supranational and International Tort Law. Hart Publishing, 2000. P. 60–62.

нарушений и способов защиты от них). Отмечается, что этот принцип обеспечивается, прежде всего, возможностью обращения к виндикационному иску⁶³⁸, что может быть также выведено из комплексного анализа положений гл. II раздела XXI книги III ГК Франции. Кроме того, право на истребование движимой вещи в течение трех лет со дня ее утраты или кражи у фактического владельца предусмотрено ст. 2276 ГК Франции, а ст. 2272 ГК Франции устанавливает срок давности для требования в отношении недвижимого имущества в размере 30 лет.

Отдельно следует отметить, что французское право в принципе не предусматривает предъявление негаторных исков, хотя в теории возможность их предъявления иногда признается.

Подведем итоги исследованию, приведенному в настоящем параграфе.

Во-первых, как и англосаксонское право, континентальное право не содержит какой-либо четкой системы способов защиты гражданских прав. Общие положения о реализации гражданско-правовых способов защиты, являющиеся универсальными применительно к любому посягательству на право, отсутствуют. Европейские правоведы стран континентального права также такой пробел не восполняют.

По большому счету, положения о защите гражданских прав в странах романо-германской правовой семьи представляют собой набор (совокупность) способов, направленных на защиту того или иного права. Причем с учетом достаточно подробной детализации порядка применения какого-либо конкретного способа (как например, применительно к компенсации убытков в Германии), порой достаточно непросто определить критерии надлежащего способа, подлежащего применению при конкретном правонарушении.

---

⁶³⁸ *Scott, M. Conversion and Revindication // Malaya Law Review. 1963. Vol. 5. No. 1. P. 45.*

Во-вторых, германское право в части регулирования защиты гражданских прав содержит в основном схожие с российским правом положения. Каких-либо существенных различий в правовом регулировании не обнаружено, за исключением более подробной регламентации видов посягательств, против которых подлежат применению конкретные способы защиты. Причем следует обратить внимание, что какая-либо логика в систематизации описываемых в законе правонарушений также не усматривается, что ставит под сомнение обеспечение защиты гражданских прав таким правовым регулированием, которое по идее должно предлагать потерпевшему исчерпывающий инструментарий для защиты своего нарушенного права против всякого посягательства.

В-третьих, выявлено, что система способов защиты гражданских прав в Нидерландах построена вокруг такого системообразующего способа как понуждение к исполнению обязанности в натуре, применяемого против всякого нарушения права по умолчанию. Прочие способы защиты применяются субсидиарно при невозможности и (или) недостаточности (неэффективности) понуждения к исполнению обязанности в натуре.

Такое суждение подтверждается еще и тем, что все прочие способы защиты гражданских прав гражданское законодательство Нидерландов именуется в качестве «дополняющих».

Кроме того, на примере регулирования декларации права как способа защиты (как и в английском праве) показано, что законодательство Нидерландов закрепляет возможность применения способа защиты нарушенного права в качестве своеобразного предварительного этапа, непосредственным образом не приводящего к достижению цели защиты нарушенного гражданского права. При этом такая концепция не известна отечественному законодателю.

В-четвертых, законодатель Франции, как и английский законодатель, предлагает более подробное регулирование порядка применения такого

способа защиты, как возмещение убытков, предусматривая, в частности, отсутствующую в законодательстве России возможность применения компенсации заранее оцененных сторонами обязательства убытков.

ГЛАВА 3. Основы построения системы способов защиты гражданских прав в Российской Федерации

§ 3.1. Методологические подходы к исследованию и построению системы способов защиты гражданских прав

Как уже указывалось ранее, ни зарубежная, ни отечественная доктрина не предлагают варианты систематизации способов защиты гражданских прав. Правовые положения, позволяющие выявить такую систему, также не обнаружены.

Очевидно, само понятие «система» имеет философские корни.

Термин «система» известен еще со времен Древней Греции. В переводе с древнегреческого система – «целое, составленное из частей; соединение». Исходя из этого, система определяется философами как множество элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которое образует определенную целостность, единство⁶³⁹.

По мнению В.Н. Садовского, система является «качественно определенной совокупностью взаимосвязей и элементов, образующих единое целое, способное к взаимодействию с условиями своего существования»⁶⁴⁰. В дополнение к этому, данный исследователь выявил, что между системами более высокого и низкого порядка существует прямая взаимосвязь, и меньшая, как правило, является элементом большей⁶⁴¹.

Развивая указанный подход, В.Н. Волкова указывает, что такое определение системы позволяет подразделить «сложную среду» на «надсистему или вышестоящие системы, нижележащие или

---

⁶³⁹ См.: Большой Российский энциклопедический словарь. М.: БРЭ, 2003. С. 1437.

⁶⁴⁰ Садовский, В.Н. Основания общей теории систем: логико-методологический анализ. М.: Наука, 1974. С. 83.

⁶⁴¹ Садовский, В.Н. Там же. С. 23.

подведомственные системы, системы актуальной или существенной среды»⁶⁴².

Зарубежная доктрина также содержит множество возможных определений системы. В частности, в ней под системой понимают «размещение, множество или совокупность вещей, связанных или соотносящихся между собой таким образом, что вместе они образуют некоторое единство, целостность»⁶⁴³, а равно «интегрированную совокупность взаимодействующих элементов, предназначенная для кооперативного выполнения заранее определенной функции»⁶⁴⁴.

В отечественной же доктрине под системой рассматривается «совокупность любым способом выделенных из остального мира реальных или воображаемых элементов. Такая совокупность является системой только тогда, когда: 1) заданы связи, существующие между этими элементами; 2) с миром вне системы взаимодействует как целое; 3) при эволюции во времени совокупность будет считаться одной системой, если между элементами в разные моменты времени можно провести однозначное соответствие. Соответствие должно быть именно однозначным...»⁶⁴⁵.

В отношении социальных систем В.Д. Сорокин отмечает, что таковая может объединять под собой существенное количество элементов, которое обладает изменчивым характером. Несмотря на это, количественное изменение элементов системы не влечет за собой качественных изменений – преобразования системы в другую. В качестве типичного примера социальной системы данный исследователь называет отрасль права, которая

---

⁶⁴² Волкова, В.Н. Из истории развития системного анализа в нашей стране // Экономическая наука современной России. 2001. № 2. С. 149.

⁶⁴³ Distefano, J.J., Williams, I.J. Feed back and Control Systems. N.Y., 1967. P. 1.

⁶⁴⁴ Operation Research and Systems Enginuring / eds. D. Flagech, W.H. Huggis, R.H. Roy. Baltimor; N.Y., 1960. P. 58.

⁶⁴⁵ Малиновский, А.А. Определение понятия системы и системного подхода // Системные исследования. Ежегодник. М., 1970. С. 37.

объединяет собой различные правовые нормы, связанные, однако, одним и тем же предметом⁶⁴⁶.

Соответственно, по мнению О.А. Бастрыкиной, для определения сущности любой социальной системы важнейшим значением обладает не количество элементов такой системы, а качественная связь между ними⁶⁴⁷.

Таким образом, само по себе выявление определенного количества элементов не образует собой систему. При констатации системы устанавливается объединение взаимодействующих между собой элементов, в результате чего появляется объективно необходимое свойство целостности. В отсутствие таких общих связей между элементами о системе утверждать не приходится, скорее, в этом случае речь может идти о неорганизованной совокупности.

В качестве одного из свойств системы в отечественной науке называлась определенная степень организации элементов этой системы. Она влечет приобретение элементами системы качеств, которые индивидуально у них отсутствовали⁶⁴⁸.

Использование понятия «система» является необходимым, когда нужно подчеркнуть, что «что-то» является большим, сложным, не полностью сразу понятным, при этом целым, единым. В отличие от понятий «множество» и «совокупность», понятие системы подчеркивает упорядоченность, целостность, наличие закономерностей построения, функционирования и развития (выделено нами. – Д.Л.)⁶⁴⁹.

Применительно к категории «способы защиты гражданских прав» потребность в выявлении наличия системы очевидна. Только ст. 12 ГК РФ содержит перечень из 12 способов, причем норма права указывает на

---

⁶⁴⁶ Сорокин, В.Д. Правовое регулирование: предмет, метод, процесс // Правоведение. 2000. № 4. С. 253.

⁶⁴⁷ Бастрыкина, О.А. Системообразующие связи внутреннего содержания права : дис. ... канд. юрид. наук. Коломна, 2006. С. 18.

⁶⁴⁸ Гальперин, Л.Б., Лебедев, П.Н. Кибернетика и управление социальными процессами // Вопросы теории советского права. 1966. С. 23.

⁶⁴⁹ Волкова, В.Н., Денисов, А.А. Теория систем и системный анализ: учебник для академического бакалавриата. 2-е изд. М.: Юрайт, 2014.

возможность применения и иных способов, поименованных законом. Изложенное порождает необходимость в обращении к иным многочисленным законам.

Бесспорно, охватить банальным перечислением все возможные способы при всем многообразии гражданских прав невозможно. А стало быть, существующее правовое регулирование способов защиты, не предусматривающее никакое упоминание на их систематизацию, создает определенные сложности в выборе эффективных способов защиты, позволяющих достичь цели защиты гражданских прав.

Следовательно, сама по себе множественность видов гражданских прав порождает необходимость в констатации системных элементов, позволяющих определить общие и единые свойства, призванные упорядочить разрозненную на сегодняшний день палитру всех возможных способов защиты гражданских прав.

Изложенное обуславливает необходимость применения системного подхода при изучении рассматриваемого правового феномена.

В рамках научной методологии системный подход рассматривается в качестве направления научного познания, основанного на рассмотрении объекта как системы, т.е. в качестве: целостного комплекса взаимосвязанных элементов (И.В. Блауберг, В.Н. Садовский, Э.Г. Юдин)⁶⁵⁰; совокупности взаимодействующих объектов (Л. фон Берталанфи); совокупности сущностей и отношений (А.Д. Холл, Р.И. Фейджин, поздний Л. фон Берталанфи)⁶⁵¹.

Исходя из этого, к числу базовых принципов системного подхода относят: целостность (позволяет рассматривать одновременно систему как единое целое и в то же время как подсистему для вышестоящих уровней), иерархичность строения (т.е. наличие нескольких элементов, расположенных

---

⁶⁵⁰ Блауберг, И.В., Садовский, В.Н., Юдин, Э.Г. Системный подход // Новая философская энциклопедия : в 4 т. 2-е изд., испр. и доп. М. : Мысль, 2010.

⁶⁵¹ Общая теория систем – критический обзор // Исследования по общей теории систем: Сборник переводов / общ. ред. и вступит. ст. В.Н. Садовского и Э.Г. Юдина. М. : Прогресс, 1969. С. 23–82.

на основе подчинения элементов низшего уровня элементам высшего уровня), структуризацию (позволяет анализировать элементы системы и их взаимосвязи в рамках конкретной организационной структуры), множественность (позволяет использовать множество различных моделей для описания отдельных элементов и системы в целом), системность (свойство объекта обладать всеми признаками системы)⁶⁵².

Таким образом, предназначение системы состоит в выявлении общих связей, подчиняющихся единым «правилам игры».

Вообще, системный подход как метод научного познания активно используется теоретиками права. Так, С.С. Алексеев отмечал ценность системности в том, что она обеспечивает возможность для разнородных норм права «регулировать общественные отношения системно», что означает, в частности: комплексность регулирования, использование взаимосвязанных методов, обеспечение в равной степени дифференцированности и согласованности «воздействия на общественные отношения»⁶⁵³. Ученый утверждал: «система права – это внутренняя структура права, выражающая расположение правовых институтов по связанным между собой подразделениям (отраслям)»⁶⁵⁴.

Применение системного метода позволяет формировать целостную методологию науки. Л.Б. Тиунова отмечает, что применение системного подхода заключается в следующих элементах: «определение места и функций системного подхода в системе общенаучной методологии; разработка понятийно-категориального аппарата; определение специфики использования системного подхода в конкретных областях науки»⁶⁵⁵.

По мнению Н.А. Власенко, «условием создания правовой государственности, эффективной реформы правовой системы выступает

---

⁶⁵² Воскобойников, А.Э. Системные исследования: базовые понятия, принципы и методология // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 6 (ноябрь – декабрь).

⁶⁵³ Алексеев, С.С. Структура советского права. М. : Юрид. лит., 1975. С. 72.

⁶⁵⁴ Алексеев, С.С. Общие теоретические проблемы системы советского права. М. : Юрид. лит., 1961. С. 7.

⁶⁵⁵ Тиунова, Л.Б. Системные связи правовой действительности. СПб., 1991. С. 10.

формирование актуальной и высокотехнической системы юридических норм»⁶⁵⁶. Согласно позиции О.А. Кузнецовой, создание такой актуальной правовой системы возможно только при условии применения к праву системных методов научного исследования, которые предполагают изучение элементов подобной правовой системы по отдельности и во взаимосвязи друг с другом⁶⁵⁷.

Как отмечает Б.Г. Юдин, системный подход к изучению каких бы то ни было явлений, в том числе и правовых, основывается на следующих постулатах: необходимость отнесения изучаемого явления к некоторому целому; учет сложности исследуемых объектов; рассмотрение данного объекта как внутренне упорядоченного, структурированного целого⁶⁵⁸.

Приведенный обзор мнений позволяет заключить, что для констатации системы способов защиты гражданских прав необходимо установить среди таковых общие элементы, позволяющие квалифицировать целостность всех способов, их иерархичность, системность и пр.

Сначала отметим, что законодатель ответа на такой вопрос не предлагает. Существующее правовое регулирование защиты гражданских прав не предусматривает общих правовых положений, применимых ко всем способам защиты, устанавливающих единые условия применения, позволяющих определить иерархичность таковых (иными словами, разрешить проблему выбора правильных способов защиты, исключить конкуренцию).

Уже сама ст. 12 ГК РФ, посвященная способам защиты, закрепляет лишь их перечень, жизнеспособность которого в отечественной доктрине получила неоднозначную оценку.

---

⁶⁵⁶ Власенко, Н.А. Теория государства и права: учебное пособие для бакалавриата. 3-е изд., доп. и испр. М.: Норма; Инфра-М, 2018. С. 53.

⁶⁵⁷ Кузнецова, О.А. Специализированные нормы российского гражданского права: теоретические проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2007. С. 34.

⁶⁵⁸ Юдин, Б.Г. Становление и характер системной ориентации // Ежегодник системных исследований. М., 1971. С. 33.

Перечень основных способов защиты гражданских прав закреплен в положениях ст. 12 ГК РФ. Однако он не является закрытым, или исчерпывающим, поскольку данная норма устанавливает право на использование и иных способов защиты прав и охраняемых законом интересов, предусмотренных законом. Ввиду этого, в случае если способ защиты прав законом не предусмотрен, то его использование, по всей вероятности, будет недопустимым, хотя данная оговорка и вызывает дискуссии в научных кругах.

В то же время нельзя забывать и о том, что ч. 2 ст. 46 Конституции РФ не допускает применения способов защиты, которые не закреплены законом, не ограничивая применение способов защиты, в законе прямо не поименованных. Вероятно, изменение ст. 12 ГК РФ в таком ключе позволило бы более гибко формулировать требования к правонарушителю, хотя и создало бы очевидные трудности в правоприменении. Тем не менее, в настоящее время существенным признаком способа защиты гражданских прав в российском праве является его закрепленность в законодательстве.

Несмотря на это, норма о запрещении использования способа защиты, прямо не предусмотренного законом (либо о возможности защиты нарушенного права или охраняемого законом интереса лишь способами, прямо предусмотренными законом), в действующем законодательстве отсутствует. Это породило появление весьма неоднозначной практики применения гражданского законодательства. Так, на протяжении практически 20 лет действовал п. 32 Постановления Пленумов ВС РФ и ВАС РФ от 01.07.1996 № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». Изложенная в нем правовая позиция высших судебных инстанций утверждала, что гражданским законодательством не исключается возможность обращения в суд с иском о признании недействительной ничтожной сделки⁶⁵⁹. В то же

---

⁶⁵⁹ Вестник ВАС РФ. 1996. № 9.

время известно, что как ст. 12 ГК РФ, так и другие нормы гражданского права не содержали прямого указания на возможность применения такого способа защиты, как признание сделки ничтожной. В 2015 г. данный пункт был признан не подлежащим применению в соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»⁶⁶⁰. Вместо п. 32 совместного Постановления действует содержащийся в Постановлении 2015 г. п. 84, который фиксирует содержащееся в абз. 2 п. 3 ст. 166 ГК РФ (в ред. от 07.05.2013 № 100-ФЗ)⁶⁶¹ правило о возможности обращения в суд с иском о признании недействительной ничтожной сделки только в случаях наличия в этом законного интереса истца. Таким образом, хотя законодательно такой способ защиты права все-таки был закреплен в 2013 г., до этого времени его применение допускалось на основании лишь толкования, данного высшими судебными инстанциями.

К тому же нельзя не отметить отсутствие однозначной формулировки в законе и по сей день, поскольку ст. 12 ГК РФ все еще закрепляет способ защиты гражданских прав в виде «признания оспоримой сделки недействительной и применения последствий ее недействительности, применения последствий недействительности ничтожной сделки», в то время как в п. 3 ст. 166 ГК РФ содержится не самая удачная формулировка, позволяющая требовать «признания недействительной ничтожной сделки независимо от применения последствий ее недействительности», что вряд ли можно назвать сформированным способом защиты гражданских прав.

Изложенное породило мнение о том, что во избежание возможности выведения новых способов защиты гражданских прав судебной практикой целесообразно установить в ст. 12 ГК РФ положение о недопустимости

---

⁶⁶⁰ Российская газета. 2015. 30 июня.

⁶⁶¹ Федеральный закон от 07.05.2013 № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2013. 13 мая.

защиты гражданских прав способами, прямо не предусмотренными законом. Сторонники такого подхода отмечают, что указанная корректировка закона позволила бы избежать неопределенностей в выборе надлежащего способа защиты гражданского права.

Нельзя не отметить и то, что под вопросом стоит как таковая целесообразность создания примерного (исчерпывающего) перечня способов защиты гражданских прав. Так, А.П. Сергеев, признавая потенциальную пользу подобного решения для управомоченных лиц, заключающуюся в упрощении ориентации в возможных способах, к которым лицо может обратиться для защиты прав, в то же время отмечает, что научная обоснованность такого перечня сомнительна, поскольку приведенные в данной норме способы защиты часто взаимно перекрывают друг друга.⁶⁶²

Действительно, ст. 12 ГК РФ ценна тем, что приведение в ней списка наиболее общих и часто применяемых на практике способов защиты гражданских прав упрощает выбор надлежащего способа защиты права, а также в целом вызывает позитивный эффект на гражданско-правовое регулирование охранительных правоотношений, очерчивая некоторые общие начала защиты гражданских прав. В то же время возникают обоснованные сомнения в том, что положения ст. 12 ГК РФ позволяют обеспечить возможность защиты всяких гражданских прав, в чем, казалось бы, и должен присутствовать смысл формулирования абстрактной нормы.

В данном контексте следует обратить внимание на то, что конкретные способы защиты гражданских прав в той или иной степени урегулированы лишь применительно к вещным правам, причем речь в первую очередь идет о «традиционных» виндикационном и негаторном исках и лишь в некоторых частных случаях – о признании права (например, в ст. 222, 234 ГК РФ), хотя закрепление такого способа защиты в ст. 12 ГК РФ, на первый взгляд, должно означать универсальность его применения.

---

⁶⁶² Гражданское право : учебник. Ч. 1 / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Теис, 1996. С. 271.

Еще сложнее складывается картина с обязательственно-правовыми способами защиты гражданских прав. Их регулирование распределено по многим статьям ГК РФ, что усложняет применение способов защиты управомоченным лицом, а в случаях, например, самозащиты прав и признания права вообще вынуждает руководствоваться лишь общими принципами и началами гражданского законодательства, а также достаточно переменной судебной практикой.

Для иллюстрации способов защиты, не поименованных в ст. 12 ГК РФ, однако предусмотренных законом, можно обратить внимание на абз. 2 ст. 1123 ГК РФ, в котором содержится отсылка к другим способам защиты, предусмотренным ГК РФ.

В качестве другого примера можно привести положения п. 3 ст. 450.1 ГК РФ, в соответствии с которыми в случае отсутствия у одной из сторон договора лицензии на осуществление деятельности или членства в саморегулируемой организации, необходимых для исполнения обязательства по договору, другая сторона вправе отказаться от договора (исполнения договора) и потребовать возмещения убытков.

В соответствии с практикой применения указанных положений речь идет именно об иных способах защиты гражданских прав, которые не предусмотрены как ст. 450.1 и 1123 ГК РФ, так и ст. 12 ГК РФ⁶⁶³.

Так, ряд авторов наделяет потерпевшее управомоченное лицо правом самостоятельного выбора и использования любого способа защиты (самозащиты) его гражданского права (с учетом положений ст. 9, 10, 14 ГК РФ)⁶⁶⁴. Таким образом, впрочем, перечень способов защиты гражданских прав перестает быть ограниченным фиксацией конкретных способов защиты в законе.

---

⁶⁶³ См., напр.: Апелляционное определение Ленинградского областного суда от 11.01.2017 № 33-202/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶⁶⁴ *Идрисов, Р.Ф., Костюк, Н.Н., Кокунова, С.Д. Указ. соч. С. 87.*

В то же время с этой позицией невозможно согласиться как с теоретической, так и с практической точек зрения. С большой долей вероятности ее применение на практике лишь повысит число злоупотреблений правом под маской защиты права. Впрочем, нельзя не отметить и то, что сами авторы это не ставят под сомнение, указывая, что отсутствие ограничений права выбора способа защиты приведет к «смене мест» правонарушителя и управомоченного лица и, возможно, будет способным причинить вред уже должнику⁶⁶⁵.

Наилучшим путем закрепления наиболее часто используемых, оправданных сложившейся практикой применения способов защиты гражданских прав представляется все же их прямое закрепление в законе. При этом представляется целесообразным, помимо статuirования непосредственно способов защиты, позитивация норм о критериях и особенностях защиты (в том числе правило о недопустимости причинения большего вреда правонарушителю).

Следовательно, можно утверждать, что положения ст. 12 ГК РФ в текущем виде не обеспечивают возможность защиты всяких гражданских прав при всем их многообразии, напротив, для специфических способов защиты гражданских прав эта защита представляется несколько усложненной для всех заинтересованных лиц, кроме опытных юристов. Данные обстоятельства обуславливают необходимость изучения всех общих способов защиты гражданских прав для создания их эффективной системы, устранения излишне частного характера применения и «перекрестности» между различными способами защиты.

Как уже отмечалось в настоящей работе, некоторым общим положениям о защите гражданских прав посвящены правовые нормы ст. 1, 11 и 12 ГК РФ, декларирующих о необходимости обеспечения защиты гражданских прав посредством обращения в суд либо иной компетентный орган с

---

⁶⁶⁵ Там же.

использованием способов, набор которых установлен законом. Фактически проиллюстрированной дефиницией охвачены все имеющиеся в современном гражданском законодательстве общие положения о способах защиты гражданских прав. Дальнейшее правовое регулирование построено лишь на конкретизации видов применяемых способов защиты, а также особенностей порядка их применения.

Сама по себе множественность видов гражданских прав уже порождает необходимость в констатации системных элементов, направленных на определение общих и единых свойств, призванных упорядочить разрозненную на сегодняшний день палитру всех возможных способов защиты гражданских прав.

В предыдущих главах настоящей работы уже отмечалось, что ни зарубежная, ни отечественная доктрины не предлагают варианты систематизации способов защиты гражданских прав. Правовые положения, позволяющие выявить такую систему, также не обнаружены.

Существующий вариант правового регулирования, фактически предлагающий разрешить такую проблему посредством закрепления лишь перечня способов, не приводит к констатации признаков системы в способах, что не может не породить коллизии в правоприменении (в том числе описанные выше).

Следовательно, в попытке применить системный подход к изучению рассматриваемого правового феномена следует выявить единые компоненты, на которые можно было бы опереться при построении системы.

В научной доктрине подобные компоненты принято именовать *системообразующими факторами*, призванными организовать и упорядочить элементы системы.

Следует отметить, что научная литература содержит широкий спектр работ, посвященных поиску системообразующего фактора в праве.

А.А. Кононов на основе такого общенаучного подхода попытался разработать концепцию системы права. Система права в его представлении является иерархической структурой, состоящей из отраслей, институтов права, конкретных правоотношений. На основе этих размышлений автор приходит к умозаключению, что стабильный состав общностей и отраслей права влечет за собой и обуславливает стабильность системы права в целом⁶⁶⁶.

Основываясь на естественнонаучной общей теории систем, А.А. Кононов рассматривает систему права в качестве «суперсистемы», внутри которой подсистемы систематизируются с применением промежуточных механизмов. В то же время необходимость применения таких промежуточных механизмов подвергалась критике со стороны других ученых⁶⁶⁷.

По мнению другого исследователя, А.В. Кузьменко, системообразующим признаком элементов системы права является их *целевая направленность*. Данный исследователь рассматривает правовую систему как модель, состоящую из трех взаимосвязанных и взаимозависимых элементов, к которым относятся право, законодательство и общественные отношения. Так, например, общественные отношения формируются под влиянием законодательства, которое должно учитывать направленность общественного развития. Справедлива и обратная взаимосвязь законодательства с другими элементами системы, которое формируется с учетом системы права и практических потребностей общества в регулировании общественных отношений определенным путем. Это характеризует как систему права в целом, так и ее отдельные элементы, в частности: отрасли права, отрасли законодательства, группы общественных отношений. А.В. Кузьменко классифицирует элементы системы права как самостоятельные системы исходя из их целевой направленности,

---

⁶⁶⁶ Кононов, А.А. Общенаучная концепция системы права // Правоведение. 2003. № 3 (248). С. 20–21.

⁶⁶⁷ Анохин, П.К. Очерки по физиологии функциональных систем. М., 1975. С. 42–43.

представляющей собой «достижение оптимального функционирования определенной группы общественных отношений» или «урегулирование группы однородных общественных отношений»⁶⁶⁸.

Использование *цели* (или *целевой направленности*) как системообразующего фактора при построении системы способов защиты гражданских прав представляется вполне справедливым. Вспомним, что, согласно теории систем, целевая направленность элементов системы рассматривается в качестве *системообразующего фактора*.

Такое мнение не является единственным. Обосновывая актуальность констатации системообразующего фактора, А.Д. Шминке утверждает, что такая потребность обусловлена необходимостью создания упорядоченного взаимодействия между элементами (компонентами) системы права (применительно к настоящему исследованию – между всеми возможными способами защиты гражданских прав); при этом такое упорядочивание должно быть направлено на достижение полезного результата. В свою очередь, поскольку результат представляет собой «следствие чего-либо»⁶⁶⁹, а значит, отражает достижение *цели*, то «его формулирование должно осуществляться на основании цели, которую ставит государство перед правом»⁶⁷⁰.

Следуя закону обратной логики, можно заключить о квалификации цели в качестве системообразующего фактора, создающего упорядоченную структуру компонентов системы.

Упоминание о *целевой направленности* при поиске системообразующего фактора содержится также в трудах иных ученых. Так, согласно позиции Ф.Е. Темникова, «организованность» множества, которым является система, раскрывается через категорию *цели*⁶⁷¹. Аналогичной

---

⁶⁶⁸ Кузьменко, А.В. «Системный взгляд» на систему права // Правоведение. 2003. №3(248). С. 4–11.

⁶⁶⁹ Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 4. М. : Рус. яз. ; Медиа, 2006. С. 90.

⁶⁷⁰ Шминке, А.Д. Система права и система законодательства: вопросы методологии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012.

⁶⁷¹ Волкова, В.Н. Указ. соч. С. 149.

позиции придерживается В.Н. Сагатовский, утверждающий: «система есть конечное множество функциональных элементов и отношений между ними, выделяемое из среды в соответствии с определенной целью в рамках определенного временного интервала»⁶⁷².

От целевой направленности (цели) теории права отличают иной системообразующий фактор – *функции*. В юридической доктрине термин «функция» применяется, чтобы охарактеризовать социальную роль государства и права. О.А. Бастрыкина отмечает, что «функция определяет динамические структуры, которые оказывают воздействие на различные стороны внешней среды»⁶⁷³.

В достаточной степени единообразной трактовки функций права правовой доктриной до настоящего времени не было выработано. В то же время имеется понимание того, что функции права являются отражением специфических свойств права как социального феномена⁶⁷⁴. Кроме того, рассматривая функции права, необходимо учитывать, что назначение права и направления его воздействия напрямую взаимосвязаны и взаимообусловлены.

В рамках системы способов защиты гражданских прав их функции могут быть определены как обладающие наибольшим значением аспекты их воздействия на регулируемые гражданским правом общественные правоотношения.

Помимо этого, поскольку «функции права» в доктрине зачастую отождествляются с его назначением, функция способа защиты гражданских прав будет представлять собой (либо совпадать) охрану гражданских прав. Исходя из этого, способы защиты гражданских прав будут направлены как

---

⁶⁷² Сагатовский, В.Н. Опыт построения категориального аппарата системного подхода // Философские науки. 1976. № 3.

⁶⁷³ Бастрыкина, О.А. Системообразующие связи внутреннего содержания права : дис. ... канд. юрид. наук. Коломна, 2006. С. 65.

⁶⁷⁴ Общая теория государства и права. Академический курс. Т. 2 / под. ред. М.Н. Марченко. М., 2001. С. 54.

на предотвращение посягательства на право, так и на собственно защиту права от состоявшегося нарушения.

Очевидно, что способ защиты гражданских прав (в связи с тем, что защита, как установлено ранее, в отличие от охраны, все же представляет собой реакцию на свершившееся негативное воздействие на право) не может иметь функцию превенции. В связи с этим, представляется, отождествление терминов «функция» и «назначение» в отношении способов защиты не является верным.

Таким образом, думается, существенные отличия в терминах «функция», «назначение», «задача», «цель», «целевая направленность» как системообразующих факторов применительно к способам защиты гражданских прав отсутствует.

В свою очередь, теория права в качестве критерия классификации функций права выделяет его характер и цель воздействия права на общественные отношения⁶⁷⁵. Цель воздействия находит свое практическое воплощение через ряд функций, на выполнение которых оно направлено: регулятивно-статическую, регулятивно-динамическую и регулятивно-охранительную. Изложенное в очередной раз позволяет заключить об обоснованности выделения цели в качестве системообразующего фактора в праве.

Не менее интересна позиция о классификации системообразующих факторов. Научная литература также предлагает широкий спектр мнений по такому вопросу. Например, П.К. Анохин рассматривал две группы системообразующих факторов: «внешние (факторы среды, которые способствуют возникновению и развитию систем) и внутренние (которые порождаются объединенными в систему отдельными элементами, группами элементов)»⁶⁷⁶.

---

⁶⁷⁵ Байтин, М.И. О принципах и функциях права: новые моменты // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2000. № 3. С. 12.

⁶⁷⁶ Анохин, П.К. Избранные труды. Философские аспекты теории фундаментальной системы. М., 1978. С. 59.

Системообразующие факторы обычно находятся за пределами права, являются внешними факторами среды. В дополнение к ним, безусловно, должны быть проанализированы и внутренние факторы. Внутренними потребностями правовой системы обусловлено ее разделение на меньшие структурные элементы. В свою очередь, внешние факторы оказывают непосредственное влияние на формирование внутренних потребностей, носящих правовой характер. Системообразующие факторы воздействуют на систему права совокупно и комплексно, дополняя друг друга.

В то же время в числе комплекса системообразующих факторов зачастую выделяется основной фактор, который определяет систему. Такой фактор в доктрине также называется «доминирующим». Согласно утверждению П.К. Анохина, «решающим и единственным фактором является результат, который, будучи недостаточным, активно влияет на отбор именно тех степеней свободы у компонентов системы, которые при их интегрировании определяют в дальнейшем получение полноценного результата»⁶⁷⁷.

Ввиду этого целевая направленность различных компонентов системы, их направленность на получение конкретного результата может выступать в качестве системообразующего фактора.

В правовой доктрине фактор, который служит основанием для выделения структурной единицы (отрасли, института, нормы права), рассматривается в качестве доминирующего фактора. Его выделение обладает принципиальным значением для понимания природы и специфики такого структурного элемента, единицы системы права. В качестве такового при исследовании системы права, например, учеными рассматривается предмет правового регулирования, позволяющий классифицировать отрасли права⁶⁷⁸.

---

⁶⁷⁷ Анохин, П.К. Указ. соч. С. 74.

⁶⁷⁸ Бастрькина, О.А. Системообразующие связи внутреннего содержания права : дис. ... канд. юрид. наук. Коломна, 2006. С. 74.

При этом следует обратить внимание на то, что одного лишь основного системообразующего фактора может быть недостаточно для уяснения сущности рассматриваемой системы. Опять же, в теории права выделяются (помимо «главного») так называемые дополнительные системообразующие факторы, к которым ученые относят метод правового регулирования, а также функциональные связи на примере системы права⁶⁷⁹. При этом отмечается, что такие функциональные связи должны содержать признаки субординации между собой⁶⁸⁰.

Проблема определения системообразующего фактора при построении системы достаточно активно изучалась философами. В.Н. Садовский, например, проиллюстрировал несколько десятков подходов к пониманию системообразующего фактора⁶⁸¹. В то же время данный исследователь не предлагает ответа на вопрос, что за универсальный системообразующий фактор был бы общеобязательным «для всех видов и направлений системного подхода»⁶⁸².

П.К. Анохин полагает важным и необходимым определить и квалифицировать системообразующий фактор при изучении любой системы. Причиной этому выступает то, что такой фактор определяет саму систему, а равно стратегию применения такого фактора в научно-исследовательской деятельности. Данный автор полагает, что, если в системе системообразующий фактор будет отсутствовать, не выявить, какой фактор является системообразующим, истинные свойства системы невозможно будет обнаружить. Соответственно, систему можно считать таковой, если в ходе ее анализа можно установить, что она объединяет под собой такие закономерности процессов или механизмов, которые «являются изоморфными для различных классов явлений». П.К. Анохин полагал, что

---

⁶⁷⁹ Керимов, Д.А. Философские проблемы права. М., 1972. С. 292; Советское трудовое право / под. ред. А.С. Пашкова. М., 1976. С. 34.

⁶⁸⁰ Левченко, В.М. Субординация в структуре права (функциональные аспекты): монография. Рязань: РИПиЭМВД России, 1996. С. 18.

⁶⁸¹ Садовский, В.Н. Основание общей теории систем. М., 1974. С. 92–102.

⁶⁸² Анохин, П.К. Указ. соч. С. 23–24.

системообразующим фактором является *полезный результат*, поскольку он является «неотъемлемым и решающим компонентом системы, инструментом, создающим упорядоченное взаимодействие между всеми другими ее компонентами»⁶⁸³.

Таким образом, систематизация способов защиты гражданских прав должна предполагать структуру, т.е. определенное взаимодействие соответствующих способов. Основными общими условиями систематизации способов защиты гражданских прав являются их координация и субординация как элементов единой структуры⁶⁸⁴.

Следует отметить, что в теории права наблюдаются суждения о системных характеристиках в праве, к которым относят: единые цели и принципы; общие юридические понятия и термины; критерии выделения составных частей; официальную классификацию правовых актов; способы обеспечения внутрисистемных правовых связей; целеустремленный правотворческий процесс со своими разновидностями⁶⁸⁵.

Следовательно, выявляемые системообразующие факторы в отношении способов защиты гражданских прав должны обладать одновременно следующими обязательными свойствами:

- целостностью, при которой констатация системообразующего фактора будет позволять рассматривать одновременно систему способов защиты как единое целое;
- системностью, при которой системообразующий фактор должен быть применимым ко всем без исключения способам защиты гражданских прав;
- иерархичностью строения, позволяющей на основе выявленных системообразующих факторов определить критерии субординации способов защиты;

---

⁶⁸³ Анохин, П.К. Указ. соч. С. 25–34.

⁶⁸⁴ Левченко, В.М. Субординация в структуре права (функциональные аспекты) : монография. Рязань : РИПЭ МВД РФ, 1996. С. 49–57.

⁶⁸⁵ См., напр.: Тихомиров, Ю.А. О системе российского законодательства // Конституция и закон: стабильность и динамизм / под ред. В.П. Казимирчука. М., 1998. С. 105; Шминке, А.Д. Система права и система законодательства России: вопросы методологии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012.

– координацией, позволяющей на основе системообразующих факторов как отграничить способы защиты гражданских прав друг от друга, так и установить возможность совместного или субсидиарного применения.

Думается, именно по указанным признакам и следует определять системообразующие факторы в правовом регулировании способов защиты гражданских прав. Такие системообразующие факторы должны пронизывать всю систему способов защиты в целом, образовывать взаимосогласованность между ними.

С учетом установленной ранее в настоящей работе обоснованности квалификации цели (или целевой направленности) в качестве системообразующего фактора на основе анализа теоретико-философской доктрины, думается, следует определить цель защиты гражданских прав как такой фактор в системе способов защиты гражданских прав.

При этом, опираясь на приведенный в настоящем параграфе обзор мнений, представляется целесообразным квалифицировать цель защиты в качестве основного (базового, или «главного») системообразующего фактора.

Сама по себе *цель* представляет собой сложное понятие, в зависимости от контекста и стадии познания имеющее разное наполнение: «идеальные устремления», «конечный результат», «побуждение к деятельности» и т.д. Цель традиционно рассматривается в качестве *элемента* любой системы⁶⁸⁶.

Соответственно, цель защиты гражданских прав как системообразующий фактор в системе способов защиты будет представлять собой конечный результат применения способа защиты гражданских прав, на который непосредственным образом должен быть направлен применяемый способ.

При этом такая констатация цели среди способов защиты позволит субординировать последние между собой, в том числе выявить

---

⁶⁸⁶ Большой Российский энциклопедический словарь. М. : БРЭ, 2003. С. 1437.

«вышестоящие» и «нижестоящие» элементы (способы) по отношению друг к другу, что, в свою очередь, позволит утверждать уже о системности в способах защиты гражданских прав.

Забегая вперед, отметим, что предпосылки для такой иерархии могут быть определены посредством выделения общих и специальных способов защиты по критерию цели применяемой защиты. Например, поименованное на сегодняшний день в ст. 12 ГК РФ в качестве именно способа защиты восстановление положения, существовавшего до нарушения права, можно квалифицировать в качестве цели защиты. Но упоминание о ней в качестве отдельного способа защиты позволяет утверждать об общем характере такого способа, применяемого в случае, если нарушенное право не может быть защищено иным специальным способом (согласно общепринятой концепции).

При таких обстоятельствах констатация цели защиты в результате применения конкретного способа защиты должна являться обязательным условием для эффективной защиты. Изложенное свидетельствует о наличии определенной связи, взаимной обусловленности таких категорий, как «цель» и «условие». В связи с этим нельзя не вспомнить об обозначенной выше целесообразности выделения и дополнительного системообразующего фактора в рамках системы способов защиты. Таким дополнительным фактором, думается, должны стать *условия* защиты гражданских прав.

При подведении итогов исследования, отраженного в настоящем параграфе, следует заключить следующее.

Установлено, что существующее правовое регулирование не позволяет заключить о наличии системы в способах защиты гражданских прав по причине отсутствия всех необходимых компонентов системы. В свою очередь, широкий спектр видов гражданских прав, а следовательно, и многообразие возможных способов их защиты обуславливает потребность в

построении системы, что необходимо для повышения эффективности защиты гражданских прав.

Имеющийся вариант правового регулирования, фактически закрепляющий лишь перечень способов защиты гражданских прав посредством перечисления в ст. 12 ГК РФ, не позволяет утверждать о наличии системы в способах защиты.

Систематизация способов защиты гражданских прав должна предполагать структуру, т.е. определенное взаимодействие соответствующих способов. Основными общими условиями системообразования способов защиты гражданских прав являются их координация и субординация как элементов единой структуры.

На основе анализа положений научной философии и теории права доказано, что построение системы способов защиты гражданских прав должно опираться на определенные системообразующие факторы.

При этом выявляемые системообразующие факторы в отношении способов защиты гражданских прав должны обладать одновременно следующими обязательными свойствами:

- целостностью, при которой констатация системообразующего фактора будет позволять рассматривать одновременно систему способов защиты как единое целое;

- системностью, при которой системообразующий фактор должен быть применимым ко всем без исключения способам защиты гражданских прав;

- иерархичностью строения, позволяющей на основе выявленных системообразующих факторов определить критерии субординации способов защиты,

- координацией, позволяющей на основе системообразующих факторов как отграничить способы защиты гражданских прав друг от друга, так и установить возможность совместного или субсидиарного применения.

Такие системообразующие факторы должны пронизывать всю систему способов защиты в целом, образовывать взаимосогласованность между ними.

В результате в качестве системообразующего фактора при построении системы способов защиты гражданских прав определена *цель защиты гражданских прав*.

Таким образом, цель защиты гражданских прав как системообразующий фактор в системе способов защиты будет представлять собой конечный результат применения способа защиты гражданских прав, на который непосредственным образом должен быть направлен применяемый способ.

§ 3.2. Цель как системообразующий фактор в системе способов защиты гражданских прав

Как уже было указано в предыдущем параграфе, цель защиты рассматривается в качестве основного (главного) системообразующего фактора в системе способов защиты.

При изучении вопроса о цели (или целевой направленности) в контексте способов защиты гражданских прав сначала обратимся к существующему правовому регулированию.

Положения ГК РФ не содержат упоминания о цели защиты как таковой. Идею законодателя о такой целевой направленности (или о предназначении) защиты гражданских прав, представляется, можно вывести из ст. 1 ГК РФ, в которой приведены основные начала гражданского права, среди перечня которых содержится упоминание об «обеспечении восстановления нарушенных прав, их судебной защите» (п. 1 ст. 1 ГК РФ).

Исходя из этого, можно прийти к выводу, что выделяемое в ст. 1 ГК РФ «восстановление нарушенных гражданских прав», по всей вероятности, должно являться конечной целью и результатом защиты права (причем не обязательно в судебной форме, как указано в ст. 1 ГК РФ, но и в административной, поскольку ст. 11 ГК РФ хотя и выделяет судебную форму защиты в качестве основной, но не ограничивает возможность защиты гражданских прав только судебной защитой).

Действующее на сегодняшний день гражданско-правовое регулирование, следовательно, влечет за собой целый ряд вопросов:

- является ли «обеспечение восстановления нарушенного права» целью защиты гражданских прав?
- если является, то имеются ли какие-либо иные цели защиты, или «обеспечение восстановления нарушенного права» представляет собой единственную его цель?

– может ли являться цель защиты гражданских прав одновременно способом защиты?

– должна ли достигаться таковая цель защиты при применении любого способа защиты гражданских прав? Каковы правовые последствия констатации отсутствия обозначенной целевой направленности при применении способа защиты?

– наконец, каким образом констатация цели / целей защиты влияет на систематизацию способов защиты гражданских прав?

Думается, разрешение указанных поставленных вопросов в ходе настоящего исследования позволит упорядочить систему способов защиты гражданских через такой системообразующий фактор, как цель защиты.

Итак, помимо положений ст. 1 ГК РФ, восстановление гражданских прав в контексте защиты гражданских прав является предметом регулирования ст. 12 ГК РФ, закрепляющей набор определенных основополагающих (или универсальных) способов защиты. В качестве одного из таких положений указанной нормы права выделяют «восстановление положения, существовавшего до нарушения права» (абз. 3 ст. 12 ГК РФ).

Соотношение категорий «восстановление нарушенного права», «восстановление положения, существовавшего до нарушения права» является дискуссионным, по этому вопросу существует несколько позиций.

Согласно одному подходу, «восстановление нарушенных гражданских права» рассматривается в качестве одного из принципов гражданского права, который претворяется в жизнь путем применения одного из конкретных способов защиты, перечисленных в ст. 12 ГК РФ⁶⁸⁷. Следует отметить, что подобный подход нашел свое подтверждение и в трактовке Конституционного и Верховного судов РФ. Так, высшие судебные инстанции указывают, что целью широкого спектра способов защиты гражданских прав

---

⁶⁸⁷ *Авилов, Г.Е., Безбах, В.В., Брагинский, М.И. и др.* Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / под ред. О.Н. Садикова. 3-е изд., испр., перераб. и доп. М. : Контракт ; Инфра-М, 2005. С. 96.

является «обеспечение восстановления нарушенных прав и поддержание стабильности гражданских правоотношений как основных начал гражданского законодательства».⁶⁸⁸ Очевидно, что как таковое перечисление судами «восстановления нарушенного права» наряду с иными принципами гражданского права позволяет об отнесении рассматриваемой категории именно к базовым началам.

По-иному «восстановление нарушенного права» квалифицировала В.В. Тутынина. Данный исследователь считает, что восстановление нарушенных прав как принцип и восстановление положения, существовавшего до нарушения права, как способ защиты гражданских прав могут и должны быть разграничены. Причиной этому, по мнению данного автора, является то, что нормы ст. 12 ГК РФ «развивают и дополняют положения обозначенного гражданско-правового принципа»⁶⁸⁹.

Другие исследователи занимают позицию, что восстановление нарушенного права может выступать одновременно как цель (предназначение, конечный результат) и способ защиты гражданских прав. Например, О.А. Кузнецова наделяет такой двойственной природой как восстановление положения, существовавшего до нарушения права, так и пресечение действий, нарушающих право⁶⁹⁰.

В определенной степени точку зрения О.А. Кузнецовой разделяет и С.Б. Полич. Данный автор понимает восстановление положения, существовавшего до нарушения права, как общую меру, направленную на защиту как частных, так и публичных интересов, а равно (к этому выводу

---

⁶⁸⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 09.04.2020 № 16-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 части 3 статьи 104 Федерального закона “О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд” в связи с жалобой гражданина В.В. Солина» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 20. Ст. 3220; Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 28.01.2021 № АПЛ20-472 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶⁸⁹ Тутынина, В.В. Восстановление нарушенного права: принцип гражданского права, цель или способ защиты гражданских прав // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. № 1. С. 86–92.

⁶⁹⁰ Кузнецова, О.А. Восстановление положения, существовавшего до нарушения права, и пресечение действий, нарушающих право, как цели и способы защиты гражданских прав // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 3 (25). С. 36–41.

автор приходит на основании анализа сложившейся судебной практики) как способ защиты гражданских прав, хотя и применяемый в исключительных случаях⁶⁹¹.

В целом схожей позиции о применении «восстановления» в качестве самостоятельного способа защиты придерживаются О.Г. Ломидзе и Э.Ю. Ломидзе. Данные исследователи полагают, что такой способ защиты права может быть конкретизирован в вытекающих из него нормах права, иными словами, они видят, как правило, существующую потребность в специальном правовом регулировании. Однако данный способ защиты может быть применен и без дополнительной конкретизации, восполняя собой пробелы правового регулирования⁶⁹². Указанный правовой подход соответствует правовой позиции, изложенной в Постановлении Президиума ВАС РФ от 25.10.2011 № 5910/11, о возможности применения восстановления положения, существовавшего до нарушения права, в качестве способа защиты гражданских прав в тех случаях, когда в законе отсутствует прямое указание на применение специальных способов защиты конкретных нарушенных прав.

В качестве способа защиты гражданских прав, который обладает универсальным характером, восстановление положения, существовавшего до нарушения права, рассматривается и В.В. Витрянским. Профессор отмечает, что универсальность этого способа защиты прав означает возможность его применения для защиты любого субъективного гражданского права⁶⁹³. Схожей позиции об универсальности основополагающих способов защиты

---

⁶⁹¹ *Полч, С.Б.* Восстановление положения, существовавшего до нарушения права, – способ защиты гражданских прав или общая мера защиты прав? // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2016. № 3. С. 70–80.

⁶⁹² *Ломидзе, О.Г., Ломидзе, Э.Ю.* Негаторный иск и восстановление положения, существовавшего до нарушения права // Закон. 2011. № 8. С. 124.

⁶⁹³ *Брагинский, М.И., Витрянский, В.В.* Договорное право. Книга первая. Общие положения. М., 2005. С. 776 (автор главы – В.В. Витрянский).

права (т.е. тех, которые закреплены в ст. 12 ГК РФ), придерживаются и многие другие исследователи⁶⁹⁴.

Определяя понятие способа защиты гражданских прав, В.В. Витрянский выделяет в качестве цели применения способов защиты «пресечение, предотвращение, устранение нарушений права, его восстановление и (или) компенсация потерь, вызванных нарушением права»⁶⁹⁵.

Из этого следует, что если рассматривать, в частности, восстановление нарушенного права как самостоятельный способ защиты, то конечной целью и результатом его будет являться вновь «восстановление нарушенного права». Получается, «восстановление» применяется для «восстановления», что, думается, не совсем раскрывает сущность рассматриваемой правовой категории.

В связи с этим представляется не совсем уместным отнесение «восстановления положения, существовавшего до нарушения права» к числу способов защиты гражданских прав.

На практике «восстановление нарушенных либо оспоренных прав», как правило, рассматривается в качестве конечного результата, который достигается посредством применения способов защиты гражданских прав.⁶⁹⁶

Трудно оспаривать, что восстановление нарушенного права действительно представляет собой характерную черту любого способа защиты гражданских прав. Согласно такой концепции, конкретный применяемый способ защиты должен быть направлен на восстановление нарушенного права.

Вместе с тем, если рассматривать «восстановление нарушенного права» одновременно в качестве самостоятельного способа защиты, как предлагает

---

⁶⁹⁴ См., напр.: *Хабиров, А.И.* Средства, способы и формы гражданско-правовой защиты прав сторон по договору займа: теоретический аспект // Вестник гражданского процесса. 2018. № 6. С. 226–259.; *Буш, И.А.* Защита прав участников арендных отношений по российскому законодательству : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011.

⁶⁹⁵ *Брагинский, М.И., Витрянский, В.В.* Там же.

⁶⁹⁶ См., напр.: Постановление ФАС УО от 25.11.2008 № Ф09-8771/08-С6, Постановление АС Московского округа от 27.08.2019 № Ф05-13857/2019, Решение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 14.10.2020 № АКПИ20-430 // СПС «КонсультантПлюс».

ряд авторов, указанных выше, и как на сегодняшний день позволяет заключить ст. 12 ГК РФ, то возникает вполне логичное предположение, что восстановление нарушенного права как способ защиты должен обладать универсальным характером и применяться в случаях отсутствия закрепленного в законе специального способа защиты нарушенного права.

Так, в судебной практике нередко встречаются случаи распространения такого способа, как восстановление положения, существовавшего до нарушения права, на требования, предъявление которых законом прямо не предусмотрено. К таковым, например, относятся требование о признании недействительными записей в Едином государственном реестре юридических лиц⁶⁹⁷, до недавнего времени требование об оспаривании решений органов управления некоммерческих организаций⁶⁹⁸ и т.д.

Однако в таком случае фактически можно будет применить любой способ защиты, даже не предусмотренный законом (хотя это формально и ограничено ст. 12 ГК РФ), если такой способ приведет к восстановлению положения, существовавшего до нарушения права, или пресечению действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения.

В связи с этим представляется, что квалификация «восстановления нарушенного права» как одного из способов защиты и его закрепление на одном «уровне» с другими способами защиты не вполне логичны. Отдельные несистемные мнения, соглашающиеся с этим заключением, можно изредка встретить и в научной литературе.

Так, К.И. Скловский выявляет потенциальную возможность отождествления восстановления первоначального положения с любым иным способом защиты права, отмечая, что «одно лишь указание этого способа в

---

⁶⁹⁷ Постановление 17ААС от 19.01.2010 № 17АП-8895/2009-ГК, Постановление ФАС Уральского округа от 15.03.2006 № Ф09-598/06-С4 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶⁹⁸ См., напр.: Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 17.11.2011 по делу № А33-17125/2010, Постановление ФАС Дальневосточного округа от 25.07.2011 № Ф03-3301/2011 // СПС «КонсультантПлюс».

законе, без детализации и конкретизации, не дает почвы для применения определенной защиты»⁶⁹⁹.

М.А. Рожкова выражает схожую позицию, указывая, что способы защиты гражданских прав преследуют определенные общие цели, к числу которых относится и восстановление нарушенного права. Ввиду этого нецелесообразным является выделение восстановления положения, существовавшего до нарушения права, как самостоятельного способа защиты гражданских прав, поскольку это представляет собой, скорее, цель применения любого способа защиты прав.⁷⁰⁰

С учетом распространенного мнения о том, что любой способ защиты гражданских прав (даже предусмотренный законом) должен обязательно привести к восстановлению нарушенного права⁷⁰¹, в данном случае уместно говорить не о способе защиты как о материально-правовых мерах принудительного характера, а о *цели* защиты гражданских прав, поскольку фактически восстановление является итогом применения конкретного способа защиты.

Таким образом, следует заключить о том, что восстановление положения, существовавшего до нарушения права (или восстановление нарушенного права), является целью защиты гражданских прав, достигаемой посредством применения конкретных способов защиты.

Рассмотрим далее виды иных возможных целей защиты гражданских прав в результате применения способов.

Попытки квалификации целей защиты гражданских прав можно обнаружить в значительном количестве трудов, посвященных классификациям способов защиты гражданских прав.

---

⁶⁹⁹ Проблемы развития частного права: Сб. ст. к юбилею Владимира Саурсевича Ема / под ред. Е.А. Суханова, Н.В. Козлова. М. : Статут, 2011. С. 280.

⁷⁰⁰ Рожкова, М.А. Средства и способы правовой защиты сторон коммерческого спора. М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 208.

⁷⁰¹ См., напр.: Постановление 8ААС от 14.12.2012 по делу № А75-5973/2011; Определение ВС РФ от 09.08.2011 № 38-В11-8; Определение ВАС РФ от 08.10.2012 № ВАС-12487/12 по делу № А40-167512/09-89-1143 // СПС «КонсультантПлюс».

Так, в качестве задач института защиты гражданских прав Е.Ю. Качалова выделяла: «предупреждение нарушения субъективных прав; обеспечение необходимых условий их осуществления; восстановление нарушенных прав»⁷⁰².

Приведенная классификация, думается, не вполне логична. Превентивная функция, в отличие от защиты, присуща охране гражданских прав, как уже указывалось ранее в настоящей работе. Равно как и обеспечение условий осуществления гражданских прав, т.е. их существование в нормальном (ненарушенном) состоянии. Следовательно, названный автор в качестве задач защиты гражданских прав фактически определяет только восстановление нарушенных прав. Обоснованность констатации такой цели защиты уже признана и доказана ранее, вместе с тем, представляется, такая цель не может являться единственной, охватывающей все стороны защиты гражданских прав против всяких посягательств на право.

Исследуя правовую природу самозащиты гражданских прав, Э.Л. Страунинг выделяет в качестве цели, или направленности, защиты гражданских прав «обеспечение неприкосновенности права, пресечение нарушения и ликвидацию последствий такого нарушения»⁷⁰³. Соответственно, если не брать во внимание «обеспечение неприкосновенности», поскольку таковое является все же общим принципом (не целью), то именно в качестве целей защиты гражданских прав, согласно позиции ученого, можно определить пресечение нарушения права и устранение (ликвидацию) последствий нарушения.

Такая конструкция, предложенная указанным автором, также не бесспорна. Очевидно, одновременное пресечение нарушения и устранение его последствий не всегда будут совпадать. При защите против оконченого

---

⁷⁰² Качалова, Е.Ю. Защита субъективных гражданских прав от посягательств : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. С. 40–41.

⁷⁰³ Страунинг, Э.Л. Самозащита гражданских прав : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 29.

правонарушения пресечение нарушения отсутствует в принципе, в связи с чем возможным является только устранение уже последствия свершившегося противоправного поведения. Например, при применении последствий недействительности ничтожной сделки (ст. 12, 167 ГК РФ), в случае если на момент применения такого способа защиты сделка полностью исполнена сторонами, воля заинтересованного лица (потерпевшего) направлена именно на устранение последствий правонарушения, само по себе посягательство на право уже свершилось, следовательно, пресечения как такового не требуется.

Напротив, пресечение правонарушения может быть достаточным для обеспечения защиты нарушенного права, а устранение последствий правонарушения будет излишним по причине отсутствия таковых. Подобный же подход подтверждается и судебной практикой. Так, Верховным Судом РФ рассмотрен спор по требованию истца о признании действий поставщика электрической энергии по уведомлению о предстоящем ограничении режима потребления незаконными. Суды первой, апелляционной и кассационной инстанций в удовлетворении требований отказали по причине избрания ненадлежащего способа защиты, поскольку, по мнению судов, такое уведомление само по себе не влечет нарушение прав истца. К тому же, как указали суды, истец не лишен последующей возможности предъявления требований о взыскании убытков, в случае констатации незаконности ограничения поставщиком поставки электроэнергии.

Отменяя судебные акты, Верховный Суд РФ указал, что рассматриваемое требование следует квалифицировать в качестве *пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, являющимся способом защиты, прямо поименованным абз. 3 ст. 12 ГК РФ и направленным на исключение угрозы материальному праву истца, предупреждение вредных последствий таких действий*. Возмещение же

убытков, возникших после введения ограничения, не обеспечивает потребителю такой возможности⁷⁰⁴.

Таким образом, Верховным Судом РФ фактически констатирована возможность достижения исключительно цели пресечения правонарушения. Какая-либо ликвидация последствий нарушения права здесь отсутствует как таковая.

Причем приведенный пример вновь наглядно иллюстрирует, что поводом для такой защиты послужило не само правонарушение, а только лишь угроза его совершения (угроза нарушения права), о чем указывалось ранее. Право в такой ситуации находится еще в ненарушенном (нормальном) состоянии, однако появился повод для защиты в связи с появившейся угрозой нарушения права.

Таким образом, при реализации способов защиты гражданских прав возможно достижение как цели **пресечения** правонарушения, так и ликвидации последствий нарушения (причем как одновременно, так и по отдельности).

Исследованию пресекательных способов защиты гражданских прав посвящено множество цивилистических трудов.

Достаточно широкий обзор всевозможных конкретных пресекательных способов в сфере интеллектуальных прав приведен в трудах Л.В. Сагдеевой⁷⁰⁵. Указанный автор, рассматривая прямо закрепленное в подп. 2 п. 1 ст. 1252 ГК РФ правомочие о пресечении, описывает классификацию таких требований, как требования о запрете использовать определенным способом объекты авторского права или смежных прав, например, воспроизводить и распространять дизайн упаковки определенного

---

⁷⁰⁴ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15.04.2019 по делу № 306-ЭС18-20653 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷⁰⁵ Сагдеева, Л.В. Негаторный иск и требования о пресечении действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения // Журнал российского права. 2020. № 2. С. 85–93; Она же. Требования о пресечении действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения // ИС. Промышленная собственность. 2019. № 1. С. 55–62.

товара⁷⁰⁶ или дизайн игрушки⁷⁰⁷, о запрете осуществлять изготовление или предложение о продаже маркированного спорным товарным знаком товара (со сходным до степени смешения обозначением)⁷⁰⁸, либо продукта, в котором использованы изобретение⁷⁰⁹ или полезная модель⁷¹⁰, и пр.

Изложенное как минимум позволяет заключить о некоем общем характере «пресечения нарушения либо угрозы нарушения». Думается, даже множество возможных способов защиты интеллектуальных прав, в частности, может свидетельствовать о необоснованности квалификации «пресечения» в качестве способа, поскольку в противном случае и то, и другое будет являться способом.

Одновременно как способ и цель защиты пресечение нарушения рассматривает О.А. Кузнецова. Указанный автор понимает под пресечением действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, оперативное требование обладателя права о немедленном и окончательном прекращении совершаемого действия, нарушающего право или создающего угрозу его нарушения, которое имеет своей целью одновременно восстановление положения, существовавшего до нарушения права, и пресечение правонарушения. В то же время данный исследователь полагает, что пресечение допустимо только при наличии длящегося, не оконченного к моменту применения акта защиты правонарушения. Обосновывая двусторонний взгляд на пресечение нарушения, ученый на примере такого способа защиты, как компенсация убытков, поясняет, что причиненные убытки не могут быть пресечены, вместе с тем с их реальным возмещением

---

⁷⁰⁶ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 18.08.2017 № С01-433/2017 по делу № А43-16089/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷⁰⁷ Апелляционное определение Московского городского суда от 10.11.2017 по делу № 33-38862/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷⁰⁸ Постановления Суда по интеллектуальным правам от 06.06.2018 № С01-345/2018 по делу № А40-89576/2017, от 30.11.2016 № С01-110/2015 по делу № А40-2288/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷⁰⁹ Апелляционное определение Верховного суда Республики Татарстан от 12.09.2017 по делу № 33-4109/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷¹⁰ Постановления Суда по интеллектуальным правам от 30.03.2016 № С01-663/2014 по делу № А34-5780/2012, от 05.08.2015 № С01-579/2015 по делу № А03-6341/2014; Постановление ФАС Московского округа от 28.04.2012 по делу № А40-68030/08-15-589 // СПС «КонсультантПлюс».

потерпевшему прекращается охранительное правоотношение, в связи с чем «достигается общая цель защиты – прекращение (пресечение) правонарушения»⁷¹¹.

Е.В. Вавилин не разграничивает восстановление положения, существовавшего до нарушения права, и пресечение действий, нарушающих право либо создающих угрозу нарушения права, квалифицируя способы защиты, направленные на достижение таких целей, в качестве одной группы пресекательных мер⁷¹².

Вместе с тем, рассматриваемая цель защиты гражданских прав присутствует при дпящемся негативном воздействии на право, имеющем место быть на момент применения конкретного способа защиты. Следовательно, окончание (прекращение) посягательства на право правонарушителем исключает и достижение рассматриваемой цели защиты, в связи с чем способы защиты, направленные на реализацию пресечения нарушения, должны признаваться ненадлежащими. Следует отметить, что в таком случае потерпевший вправе рассчитывать на иные цели защиты, в частности, на восстановление нарушенного права.

Таким образом, полагаем, что приведенный подход о возможной квалификации пресечения нарушения права в качестве одновременно и способа, и цели защиты является не вполне верным, поскольку фактически отождествляет две различные цели защиты (пресечение нарушения и восстановление нарушенного права). Кстати, согласно итоговому заключению указанного автора, пресечение нарушения и восстановление положения, существовавшего до нарушения права, сравниваются как являющиеся и конечной целью применения любых способов защиты прав⁷¹³.

Далее, существующее легальное определение, содержащееся в ст. 12 ГК РФ, закрепляет два аспекта пресечения: превентивный (пресечение угрозы

---

⁷¹¹ Кузнецова, О.А. Понятие пресечения действий, нарушающих право, как способа защиты гражданских прав // Современное право. 2013. № 12. С. 66–70.

⁷¹² Вавилин Е. В. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2016. С. 74.

⁷¹³ Кузнецова, О.А. Указ. соч. С. 66–70.

нарушения) и ликвидационный (пресечение (устранение) наличного нарушения).

Рассуждая о превентивной природе «пресечения», А.Г. Карапетов справедливо указывает, что предупреждение нарушения (а не восстановление прав уже после него) является более привлекательным как для публичной власти (экономнее не допустить необоснованный переход материальных ценностей в ненадлежащие руки, нежели задействовать механизм принуждения по их возврату правообладателю), так и для потенциального потерпевшего (восстановительные средства защиты всегда менее эффективны, чем превентивные, что приведет к затруднительности восстановления нарушенного права в полном объеме)⁷¹⁴.

Э.М. Мурадян в целом придерживается аналогичного мнения, рассматривая так называемые превентивные иски⁷¹⁵. Названный автор в качестве превентивного иска определял иск, направленный на предотвращение противоправного поведения ответчика. Целью такого иска является обеспечение свободного осуществления права истца, «предупреждение реальных фактических и формально-юридических осложнений, исключение вероятных вредных последствий»⁷¹⁶.

Представляется правильным согласиться с обоснованностью защиты права против угрозы нарушения (а не только наличного нарушения), тем более что востребованность «защиты от угрозы» подтверждена и актуальной правоприменительной практикой⁷¹⁷.

Среди множества примеров судебных актов наблюдается достаточно системный подход к определению сути «пресечения угрозы нарушения права». Особенностью «угрозы», которую следует пресекать именно через институт гражданско-правовой защиты, является наличие хотя бы

---

⁷¹⁴ Карапетов, А.Г. Модели защиты гражданских прав: экономический взгляд // Вестник экономического правосудия РФ. 2014. № 11. С. 24–91; № 12. С. 24–73.

⁷¹⁵ Мурадян, Э.М. Превентивные иски // Государство и право. 2001. № 4. С. 23–27.

⁷¹⁶ Мурадян, Э.М. Там же. С. 23.

⁷¹⁷ См., напр.: пункт 36 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2019), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.11.2019 // СПС «КонсультантПлюс».

одного из двух ее признаков: создание таких препятствий, которые существенно нарушают право лица на реализацию принадлежащих ему прав, либо возложение на управомоченного субъекта необоснованных обязанностей. Одной из задач правоприменителя при решении вопроса об использовании конкретных мер в рамках института гражданско-правовой защиты является выяснение реальной потребности судебного вмешательства в правоотношения сторон. Очевидно, констатация несущественности такой угрозы будет означать ненадлежащий характер избранного способа защиты гражданских прав и, следовательно, отказ в защите права. «Принцип эффективного правосудия, необходимость следования которому при предоставлении судебной защиты закреплена в Постановлении Президиума ВАС РФ от 11.05.2010 № 161/10, предполагает возможность превентивной судебной защиты субъекта гражданского оборота от действий, создающих угрозу нарушения его прав (абзац 3 статьи 12 ГК РФ), то есть допускает активную правовую охрану интересов такого субъекта от еще не состоявшихся, но потенциально неизбежных посягательств. О подобной неизбежности свидетельствует следующая из поведения нарушителя настолько высокая степень вероятности нарушения им границ гражданских прав и охраняемых законом интересов потерпевшего, что применительно к обычно предполагаемой последовательности в поведении субъекта гражданского оборота (как правомерном, так и противоправном) не остается сомнений в осуществлении им дальнейших действий по вторжению в охраняемую законом сферу прав и интересов потерпевшего. Такая упредительная активная правовая охрана отвечает принципу экономии в использовании средств судебной защиты, обозначенному Конституционным Судом Российской Федерации в качестве одной из гарантий обеспечения справедливости судебного решения в Постановлении от 20.10.2015 № 27-П»⁷¹⁸.

---

⁷¹⁸ Постановление 17 ААС от 20.07.2021 № 17АП-7340/2021-ГК по делу № А50-1843/2021, Постановление 336

Очевидно, что каждый из конкретных способов защиты направлен на пресечение нарушения либо угрозы нарушения права, а, следовательно, само по себе свойство «направленности» (или итогового результата, к которому стремится заинтересованное лицо при применении способа защиты) по основаниям, изложенным в предыдущем параграфе настоящей работы, позволяет определить рассматриваемую категорию (пресечение) в качестве цели защиты гражданских прав.

Таким образом, такой способ защиты гражданских прав, как «пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения», приведенный в ст. 12 ГК РФ, фактически представляет собой цель применения защиты, а не ее способ (так же как и ранее проанализированное восстановление положения, существовавшего до нарушения права). Следовательно, «пресечение нарушения либо угрозы нарушения» следует квалифицировать в качестве еще одной цели защиты гражданских прав.

Существует мнение, что такими целями защиты следует ограничиться, поскольку любой способ защиты направлен либо на восстановление нарушенного права, либо на пресечение нарушения (угрозы нарушения)⁷¹⁹.

Причем встречается и позиция о том, что защита всякого нарушенного права имеет своей целью именно его восстановление. Такой подход системно поддерживается в правоприменительной судебной практике⁷²⁰. Вместе с тем встречаются и отдельные намеки на различия между компенсацией и восстановлением гражданских прав. Например, в сфере правового регулирования несостоятельности (банкротства) при рассмотрении споров о привлечении к субсидиарной ответственности Верховный Суд РФ

---

17 ААС от 14.07.2021 № 17АП-7115/2021-ГК по делу № А50-3798/2021, Постановление 9 ААС от 14.09.2020 № 09АП-27380/2020 по делу № А40-52119/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷¹⁹ См., напр.: *Мауратова, В.В.* Правовая природа способа защиты гражданских прав // Российская юстиция. 2009. № 4. С. 19.

⁷²⁰ См., напр.: Постановление АС Уральского округа от 10.09.2021 № Ф09-6582/21 по делу № А50-27431/2020; Постановление АС Уральского округа от 19.08.2021 № Ф09-6636/21 по делу № А60-63426/2020; Постановление АС Северо-Западного округа от 04.06.2020 № Ф07-2680/2020 по делу № А21-5368/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

фактически констатировал возможность как восстановления нарушенных прав кредиторов, так и компенсацию их имущественных потерь одновременно⁷²¹.

Представляется, что защита гражданских прав не исчерпывается достижением только приведенных целей. От восстановления нарушенного права (восстановления положения, существовавшего до нарушения права) следует отличать **компенсацию потерь**, являющуюся следующей целью применения способов защиты гражданских прав.

В научной литературе встречается множество отдельных суждений о правовой природе компенсации в контексте защиты (либо о компенсаторных способах защиты).

Ряд авторов полагает, что компенсация полностью поглощается восстановлением, представляет собой частный случай восстановления. Согласно такой точке зрения, сама по себе компенсация предполагает эквивалентное возмещение, которое приводит к восстановлению права до изначального (ненарушенного состояния).

Действительно, в широком смысле любая защита в результате должна восстановить существовавший баланс прав и законных интересов сторон. Толкование ст. 393 ГК РФ, закрепляющей диспозицию о возмещении вреда, например, свидетельствует о том, что потерпевший должен быть поставлен в такое положение, которое имело бы место в случае, если бы его право не было нарушено.

Вместе с тем компенсация (от лат. *Compensatio*) означает «возмещение»⁷²². Восстановление же представляет собой «возврат в исходное состояние после какого-либо его нарушения или возврат в исходное состояние каких-либо нарушенных параметров системы»⁷²³.

---

⁷²¹ См. п. 6 Постановления Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Бюллетень ВС РФ. 20018. № 3.

⁷²² URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/компенсация> (дата обращения: 29.09.2021).

⁷²³ URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/восстановление_\(значения\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/восстановление_(значения)) (дата обращения: 29.09.2021).

Следовательно, как минимум лексическое значение рассматриваемых терминов не является тождественным.

Наиболее ярким и наглядным примером компенсации является возмещение убытков. Будучи объективно существующими негативными изменениями имущественной сферы пострадавшего лица (кредитора), убытки как таковые не могут быть возмещены. В свою очередь, такие имущественные потери, очевидно, могут быть оценены в денежном эквиваленте. Соответственно, применение такого способа защиты повлечет, во-первых, определение денежного эквивалента потерям потерпевшего, во-вторых, присуждение установленного размера эквивалента в пользу управомоченного лица.

При этом возмещение не представляет собой замену исполнения, не относясь к виду исполнения обязательств. Напротив, когда должник ненадлежащим образом исполняет свое обязательство, обязанность по возмещению убытков возникает и существует сверх и помимо обязанности исполнения в натуре, как это предусмотрено п. 1 ст. 396 ГК РФ. И хотя законом (п. 2 ст. 396 ГК РФ) предусмотрено исключение из этого правила, это не освобождает должника от обязанности возврата кредитору, например, предварительно полученных денежных средств⁷²⁴.

Изложенное позволяет заключить, что необходимо отличать компенсацию потерь как цель защиты нарушенного гражданского права от восстановления положения, существовавшего до нарушения такого права, поскольку в случае последнего производится восстановление первоначального состояния права, существовавшего до его нарушения, в то время как компенсация только возмещает потери от нарушения, когда восстановить первоначальное состояние права, существовавшее до его нарушения, не представляется возможным.

Отдельные суждения о подобной раздельной квалификации

---

⁷²⁴ Волков, А.В. Возмещение убытков по гражданскому праву России: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000. С. 11–55.

«восстановления» и «компенсации» встречаются и в цивилистических трудах. Так, В.Ю. Саватеев, рассматривая виды способов защиты гражданских прав (при использовании в качестве критерия классификации выполняемые функции), выделял как восстановительные способы, так и компенсационные⁷²⁵.

Правда, указанный ученый не разделял «цели» и «способы» защиты гражданских прав, фактически их отождествляя. В частности, в качестве примера восстановительного способа автор приводит восстановление положения, существовавшего до нарушения права. Следовательно, рассмотренное выше определение восстановительного способа фактически полностью дословно совпадает, по логике ученого, с конкретным одноименным способом защиты. В очередной раз констатируем, что определение «восстановления» через «восстановление» не раскрывает сущности рассматриваемой категории посредством выделения специфичных свойств, отличающих таковую от иных.

Таким образом, *компенсацию потерь* следует рассматривать в качестве самостоятельной цели защиты гражданских прав, которая может отличаться от восстановления положения, существовавшего до нарушения права.

При этом, вопреки распространенному мнению, следует отличать «восстановление положения, существовавшего до нарушения права» от «компенсации потерь», поскольку первая указанная цель означает именно восстановление нарушенного гражданского права, т.е. приведение в полноценное первоначальное состояние, существовавшее до нарушения. Например, исключительно на восстановление направлены такие способы защиты, как истребование имущества из чужого незаконного владения, присуждение к исполнению обязанности в натуре, применение последствий недействительной сделки в натуре.

---

⁷²⁵ Саватеев, В.Ю. Гражданско-правовая защита прав участников предпринимательских отношений : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2007. С. 77–96.

В свою очередь, компенсация потерь влечет эквивалентное возмещение нарушенного (утраченного) права при условии невозможности восстановления права в изначальном (первозданном) виде, существовавшем до нарушения. К ним можно отнести взыскание убытков, компенсацию морального вреда и пр.

Вместе с тем, думается, что все цели защиты гражданских прав не исчерпываются лишь восстановлением, пресечением либо компенсацией. Напротив, реализация установленных законом способов защиты гражданских прав не всегда приводит к их восстановлению (в том смысле, который описан выше в настоящей работе), пресечению либо компенсации. Например, в результате применения такого способа, как признание права, констатируется наличие права у заинтересованного лица (принадлежность права именно этому лицу). Признание следует отличать от присуждения.

Следовательно, такое признание может быть не направлено на восстановление положения, существовавшего до нарушения, по причине отсутствия такового (иными словами, первоначальное состояние права не нарушено, в связи с чем и нечего восстанавливать).

Впрочем, такой способ защиты не имеет своей целью и пресечение действий, нарушающих право либо создающих угрозу нарушения, поскольку как длящееся правонарушение, которое необходимо пресечь, так и очевидная угроза нарушения, которое неизбежно должно свершиться, могут отсутствовать⁷²⁶.

По этим же основаниям отсутствует и компенсация, ибо не усматривается конкретных потерь, возникших у управомоченного лица в связи с посягательством на право, требующим реакции в виде применения признания права в качестве адекватного способа защиты.

---

⁷²⁶ Следует отметить, что в цивилистической доктрине встречается позиция о квалификации признания права в качестве способа защиты, направленного на пресечение нарушения (предотвращения нарушения). См., *Вавилин Е. В.* Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2016. С. 73.

Таким образом, пример приведенного способа защиты (признания права) наглядно иллюстрирует потребность в квалификации иной цели защиты гражданских прав, отличной от упомянутых выше. В связи с этим представляется уместным утверждать о такой цели, как *устранение правовой неопределенности* в правоотношении сторон.

Относительно категории «правовой неопределенности» существует множество трудов в области исследования коллизий (пробелов, недостатков и пр.) в правовом регулировании гражданских правоотношений.

Д.И. Романенко в качестве правовой неопределенности рассматривает отсутствие императивной нормы в гражданском законодательстве при условии наличия возможных альтернативных вариантов поведения⁷²⁷.

О.Э. Лейст определял правовую неопределенность как некую неоднозначную (двусмысленную, расплывчатую) норму гражданского права (с точки зрения ее буквального содержания). Фактически ученый связывал рассматриваемую категорию с понятием технического пробела в праве⁷²⁸. Однако сама по себе конкуренция норм (конкуренция исков), предполагающая правомерность реализации любого из возможных вариантов выбора, правовой неопределенностью не является⁷²⁹.

П.Д. Портянова рассматривает гражданско-правовую неопределенность в качестве «самостоятельной формы дефекта гражданского права, включающей естественный гражданско-правовой пробел (но не иные формы позитивной неопределенности), гражданско-правовой пробел, и конкуренцию гражданско-правовых норм в условиях отсутствия правила выбора применимой нормы»⁷³⁰.

---

⁷²⁷ См.: Романенко, Д.И. Аналогия права (цивилистическое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2019. С. 10.

⁷²⁸ Лейст, О.Э. Реализация права. Теория государства и права : курс лекций / под ред. М.Н. Марченко. М. : Зерцало: Теис, 1996. С. 35–36.

⁷²⁹ Блинков, О.Е., Блинкова, Е.В. Конкуренция исков в российском гражданском праве // Юридическая наука. 2017. № 2. С 24–26.

⁷³⁰ Портянова, П.Д. Дефекты института гражданско-правовой защиты : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2021. С. 61.

Приведенный обзор мнений свидетельствует об исследовании категории «правовой неопределенности» в контексте толкования правовых норм. Однако применительно к защите гражданских прав, думается, необходимо рассматривать признаки правовой неопределенности именно в правоотношениях сторон.

Доктринальных цивилистических исследований именно в такой области не обнаружено. Отдельные положения о наличии такой цели защиты, как подтверждение защищаемого права либо прекращение (изменение) обязанности, отмечаются в трудах Е.В. Вавилина⁷³¹. Однако думается, предложенная ученым квалификация указанной цели все же не охватывается содержанием устранения правовой неопределенности.

Итак, упоминание о такой задаче разрешения споров между участниками гражданских правоотношений, как устранение правовой неопределенности, достаточно часто встречается в судебной практике. Так, «внесение определенности в правоотношения сторон» квалифицируется в качестве обязательного элемента, подлежащего установлению при разрешении спора⁷³², а также в качестве цели судебной защиты при разрешении иска. В связи с этим констатация направленности поданного иска на достижение цели внесения правовой неопределенности рассматривается в качестве критерия определения *надлежащего* характера избранного управомоченным лицом способа защиты гражданских прав. Такой подход применяется судом исходя из совокупного толкования положений ст. 4 АПК РФ, ст. 11, 12 ГК РФ⁷³³.

Таким образом, рассматриваемая цель может обуславливать надлежащий характер применяемого способа защиты.

---

⁷³¹ Вавилин Е. В. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2016. С. 59.

⁷³² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15.04.2019 по делу № 306-ЭС18-20653 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷³³ Постановление 9ААС от 14.09.2020 № 09АП-27380/2020 по делу № А40-52119/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

Более того, необходимость устранения самой неопределенности в гражданском правоотношении неоднократно признавал и Конституционный Суд РФ, причем даже не в сфере института защиты гражданских прав⁷³⁴.

Думается, приведенные обстоятельства свидетельствуют об обоснованности и практической оправданности выделения такой цели защиты гражданских прав, как устранение правовой неопределенности в гражданском правоотношении.

При этом основная масса примеров из рассмотренных судебных актов, содержащих упоминание о направленности избранного способа защиты гражданских прав на устранение правовой неопределенности, свидетельствует о наличии сразу нескольких целей защиты (помимо устранения правовой неопределенности) при применении способа защиты, что означает возможное субсидиарное значение рассматриваемой цели⁷³⁵.

Однако, представляется, что для вывода об обоснованности выявления рассматриваемой цели защиты необходимо все же доказать и выявить ее самостоятельный характер, а значит, возможность констатации исключительно направленности на устранение правовой неопределенности при применении способа защиты. В противном случае и практическая, и теоретическая значимость подобного исследования не очевидна.

Думается, ответ на поставленный вопрос опять же содержит судебная практика.

Так, непоименованный в законе, но выявленный в п. 52 Постановления Пленумов ВС РФ, ВАС РФ № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав»⁷³⁶, способ защиты – признание права

---

⁷³⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 25.11.2020 № 2691-О; определения Конституционного Суда РФ от 24.12.2020 № 2994-О; от 26.10.2017 № 2382-О // СПС «Консультант-Плюс».

⁷³⁵ См., напр.: Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 09.06.2014 по делу № А32-12652/2013; Постановление 7ААС от 21.08.2020 № 07АП-4249/2020 по делу № А27-28654/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷³⁶ Вестник ВАС РФ. 2010. № 6.

отсутствующим – вероятно, может быть направлен исключительно на устранение правовой неопределенности.

В сфере применения обязательственных способов защиты гражданских прав уместно отметить об устоявшейся практике реализации такого способа, как признание договора незаключенным. Такой способ защиты также не получил своего правового закрепления. Однако приведенный обзор правоприменительных актов наглядно демонстрирует практическую оправданность и потребность в таком способе.

Кстати, актуальность и жизнеспособность рассмотренного способа (признание договора незаключенным) подтверждается и отдельными цивилистическими исследованиями. Например, Р.А. Зейналова справедливо утверждает об обоснованности такого способа защиты гражданских прав, как признание договора незаключенным, отмечая как его регулятивный (т.е. направленный на устранение неопределенности в правоотношениях сторон), так и пресекающий (предотвращение дальнейшего заблуждения в отношении заключенности договора) характер. При этом особенно акцентируется внимание на том, что признание договора незаключенным не является реакцией на правонарушение (в том числе угрозу правонарушения), поскольку факт незаключенности не является правонарушением⁷³⁷.

Не вдаваясь в дискуссию относительно противоречия в указанной позиции (наличия либо отсутствия пресекающего характера у такого способа, как признание договора незаключенным), отметим выявленную важную особенность рассматриваемого способа – направленность на устранение сомнений в заключенности договора и отсутствие правонарушения.

Таким образом, приведенные обстоятельства служат доказательством наличия необходимости в установлении *устранения правовой неопределенности* в качестве самостоятельной цели защиты гражданских

---

⁷³⁷ Зейналова, Р.А. Признание договора незаключенным как самостоятельный способ защиты права // Юрист. 2017. № 4. С. 24–28.

прав. При этом с учетом отсутствия в правовом регулировании упоминания о такой цели (в отличие от того же рассмотренного ранее «восстановления положения, существовавшего до нарушения права» или «пресечения действия, нарушающего право либо создающего угрозу нарушения») очевидна потребность в соответствующем легальном закреплении.

При этом рассмотренные примеры в очередной раз доказывают назревшую необходимость в разрешении давнего спора о целесообразности сохранения требования об обязательном упоминании в законе о способе защиты, возможном к применению.

Ранее нами уже освещалась дискуссия об обоснованности исчерпывающего характера перечня всех возможных способов защиты. Напомним, что популярные современные воззрения исходят из того, что закрепление исчерпывающего характера перечня способов защиты гражданских прав, состоящего в обязательности указания в законе на возможность применения только тех способов, которые прямо предусмотрены законом, необоснованно нарушает свободу выбора заинтересованным лицом оптимальной защиты гражданского права. Сторонники такого подхода утверждают, что с учетом диспозитивного принципа регулирования гражданского права следует исключить обязательность регламентации каждого применяемого способа защиты гражданских прав в законе. Такой подход (по сравнению с существующим правовым регулированием) будет более соответствовать Основному Закону Российской Федерации (ст. 46 Конституции РФ, устанавливающей запрет на использование способов, только прямо запрещенных законом), исключит правовую неопределенность в возможности применения способов защиты гражданских прав, прямо не поименованных в законе.

Представляется, что приведенное предложение является излишним и опасным. Исключение принципа обязательного легального регулирования каждого избранного способа защиты может создать хаос в применении

способов защиты гражданских прав. Во-первых, общий перечень способов защиты, отраженный в ст. 12 ГК РФ, в любом случае необходим как базовый инструментарий для защиты нарушенных прав, на который могут ориентироваться участники гражданского оборота, тем более что ряд указанных способов уже имеет доказанную оправданность практического применения (в отдельных случаях – вековую историю).

Во-вторых, такой подход нарушит баланс интересов сторон спора, поскольку лицу, против которого применяется защита, будет сложнее определяться с эффективной защитой уже своих прав.

Разумеется, предусмотреть в законе все способы защиты гражданских прав (с учетом постоянного развития общественных отношений, а также широкого спектра видов гражданских прав) невозможно. Изложенное само по себе ставит под сомнение принцип «обязательности законодательного закрепления» избранного способа защиты. Выявлено на сегодняшний день абсолютно противоположное толкование такого правила (в одном случае позволяющее отказать в защите права по причине отсутствия упоминания в законе об избранном способе, в другом – применить защиту, фактически реализовав способ, законом не установленный). Такое двоякое понимание надлежащего характера способа защиты, очевидно, умаляет эффективность защиты как таковой.

В свою очередь, устранение такого ограничения, как уже нами отмечено, не должно приводить к хаосу в применении способов защиты.

Возможным вариантом разрешения споров о соотношении целей и способов защиты гражданских прав, о целесообразности сохранения принципа обязательного правового закрепления каждого применяемого способа, представляется, может являться законодательное регулирование выявленных выше целей защиты гражданских прав.

Затем, специальные способы защиты гражданских прав могут предопределяться правовыми нормами, регулирующими вполне

определенное правоотношение⁷³⁸. Следовательно, одновременно, в целях сохранения устоявшихся способов защиты целесообразно установить общее требование к применимым способам защиты: в случае если законом предусмотрено использование конкретных поименованных в законе способов защиты от совершения определенных посягательств на право, то применению подлежит именно такой способ защиты, в то время как все прочие способы защиты будут являться ненадлежащими.

Итак, следует констатировать, что в качестве целей защиты гражданских прав необходимо рассматривать:

- восстановление положения, существовавшего до негативного воздействия на право,
- пресечение действий, нарушающих право либо создающих угрозу его нарушения,
- компенсацию потерь от нарушения права,
- устранение правовой неопределенности в правоотношениях сторон.

Такие цели защиты гражданских прав должны охватывать все возможные способы защиты.

Любой из применяемых способов защиты гражданских прав обязательно должен быть направлен на достижение любой из указанных целей (либо несколько целей одновременно). В противном случае избранный способ защиты гражданских прав следует признать ненадлежащим, что должно повлечь отказ в защите права.

Возвратимся к дискуссии о целях защиты гражданских прав как системообразующих факторах в построении системы способов. Напомним, что система присутствует тогда, когда выявленные системообразующие факторы (в рассматриваемом случае – цели защиты) будут обладать следующими свойствами: целостности, системности, иерархичности строения, позволяющей на основе выявленных системообразующих

---

⁷³⁸ Постановление АС Уральского округа от 15.03.2021 № Ф09-700/21 по делу № А60-5578/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

факторов определить критерии субординации способов защиты, координации, позволяющей на основе системообразующих факторов как отграничить способы защиты гражданских прав друг от друга, так и установить возможность совместного или субсидиарного применения.

Очевидно, что обозначенные четыре цели защиты гражданских прав содержат все обозначенные признаки.

По итогам исследования, приведенного в настоящем параграфе, сделаем следующие выводы.

Установлено, что целями защиты гражданских прав, на достижение которых направлены любые способы защиты, являются: восстановление положения, существовавшего до негативного воздействия на право; пресечение действий, нарушающих право либо создающих угрозу нарушения; компенсация потерь от нарушения права, устранение правовой неопределенности в правоотношениях сторон.

Доказано, что существующее легальное закрепление «восстановления положения, существовавшего до нарушения права», а также «пресечения действий, нарушающих право либо создающих угрозу нарушения» в качестве способов защиты не отражает установленную суть таких правовых категорий, в действительности представляющих собой цели (а не способы) защиты. Любой способ защиты может быть направлен на достижение любой из указанных целей, а, следовательно, такое смешение категориального аппарата создает неопределенность в надлежащем характере избираемого способа защиты.

Аргументировано, что существующий принцип обязательного закрепления способа защиты гражданских прав в законе нивелирует возможность построения непротиворечивой системы способов. С учетом невозможности правового регулирования всех способов, обеспечивающих действительную защиту всяких без исключения видов гражданских прав (с

учетом их многообразия), представляется, что существующее ограничение на применение способов защиты, прямо законом не предусмотренных, является излишним. Такое действующее на сегодняшний день правовое регулирование порождает противоречивую правоприменительную практику применения способов, не поименованных и поименованных в законе.

В целях придания четкости системе способов защиты, используя выявленные системообразующие факторы в виде целей, обеспечивающих защиту всех без исключения видов гражданских прав, представляется целесообразным исключить принцип обязательного закрепления законом каждого способа защиты с одновременной законодательной фиксацией обозначенных целей защиты, на достижение которых должен быть обязательно направлен избираемый способ.

Обязательное установление любой из указанных целей (либо их совокупности) является необходимым условием для вывода о надлежащем характере избранного способа защиты гражданских прав. Следовательно, правовым последствием того, что применяемый управомоченным лицом способ защиты не приводит к достижению описанной цели (целей), должен являться отказ в защите гражданского права.

Одновременно, вопреки существующему в цивилистике мнению, следует сохранить правовое регулирование существующего перечня способов защиты, предусмотренного как ст. 12 ГК РФ, так и иными законами, поскольку такой инструментарий практически оправданных конкретных способов защиты позволяет ориентироваться управомоченному лицу при выборе эффективного способа, обеспечивающего защиту его права. Однако вместо исключаемого правила об «обязательности правового закрепления» необходимо установить положения о возможности законодательного установления обязательного применения конкретных способов для защиты отдельных гражданских прав.

Представляется, что предложенный вариант построения системы способов защиты позволит определить более четкие границы и порядок их применения, что повысит эффективность защиты и обеспечит баланс интересов сторон.

Распространенное мнение о квалификации всех возможных способов защиты гражданских прав на универсальные (т.е. приведенные в ст. 12 ГК РФ и применимые для защиты любых гражданских прав) и специальные (иными словами, любые способы защиты, не вошедшие в перечень ст. 12 ГК РФ, но предусмотренные каким-либо специальным законом и применяемые для защиты отдельных видов гражданских прав), думается, не позволяет точно определить критерий разграничения (вид защищаемого гражданского права).

Установлено, что способы защиты гражданских прав следует разграничивать на восстановительные, пресекательные, компенсаторные и направленные на устранение правовой неопределенности по критерию цели защиты. При этом, вопреки распространенному мнению, следует отличать восстановительные способы от компенсаторных, поскольку применение первых направлено именно на восстановление нарушенного гражданского права (приведение в полноценное первоначальное состояние, существовавшее до нарушения).

Компенсаторные способы, в свою очередь, направлены только на эквивалентное возмещение нарушенного (утраченного) права при условии невозможности восстановления права в изначальном (первозданном) виде, существовавшем до нарушения. К таковым можно отнести взыскание убытков, компенсацию морального вреда и пр.

Пресекательные способы направлены на прекращение длежащего нарушения гражданского права либо на прекращение угрозы нарушения права (например, негативный иск, признание недействительным решения собрания).

Способы, направленные на устранение правовой неопределенности, не влекут возникновение (изменение) права заинтересованного лица, а призваны только устранить сомнения в надлежащем обладателе права либо в наличии права, внести ясность в правоотношения сторон. Классическим примером такого способа будет являться признание права.

ГЛАВА 4. Классификация способов по критерию цели защиты гражданских прав

§ 4.1. Способы защиты гражданских прав, направленные на восстановление положения, существовавшего до негативного воздействия на право

В предыдущей главе описан выявленный системообразующий фактор в системе способов защиты гражданских прав (цель защиты). Такой фактор позволяет сконструировать единую непротиворечивую систему способов защиты, необходимую для эффективной защиты субъективных гражданских прав.

В свою очередь, выявленный фактор (критерий) позволяет перейти к следующему этапу построения системы, в философии именуемому как классификация⁷³⁹. Применительно к теме исследования классификация будет представлять собой деление способов защиты гражданских прав по определенному критерию (в рассматриваемом случае – цели защиты), при котором все способы защиты делятся на определенные виды.

Как уже отмечалось в предыдущем параграфе, восстановительные способы квалифицируются по критерию цели – направленности на восстановление положения, существовавшего до негативного воздействия на право (или восстановление нарушенного права). Для целей настоящего исследования в дальнейшем термины «негативное воздействие на право» и «нарушение права» будут использованы в качестве синонимов.

Опять же, вспомним, что закон содержит неоднократное упоминание о «восстановлении» при наличии нарушения в понимании как общего начала гражданского права (ст. 1 ГК РФ), так и конкретного частного способа защиты (ст. 12 ГК РФ). Вообще, категория «восстановление»

---

⁷³⁹ Url: <https://ru.wikipedia.org/wiki/классификация> (дата обращения: 04.11.2021).

применяется достаточно часто в Кодексе в контексте защиты гражданских прав (в отличие от прочих целей либо способов защиты, если пользоваться существующей терминологией).

Так, помимо приведенных выше положений, «восстановление» используется законодателем как последствие применения способа защиты субъективного гражданского права. В частности, в случае реализации такого способа, как признание акта органа публичной власти недействительным, нарушенное право подлежит восстановлению, о чем прямо указано в ст. 13 ГК РФ.

Также «восстановление» используется в качестве необходимого атрибута при констатации наличия одного из вариантов ущерба: «расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права» (ст. 15 ГК РФ).

В ст. 1106 ГК РФ предусматривается возможность потребовать «восстановления прежнего положения» в случае передачи управомоченным лицом путем уступки требования принадлежащего ему права на основании несуществующего обязательства.

В области интеллектуальных прав закон прямо содержит закрепление «восстановления положения, существовавшего до нарушения права» (ст. 1251 ГК РФ), как одного из способов, направленных на защиту указанных личных неимущественных прав.

Ни в одном из приведенных случаев законодатель не упомянул о «восстановлении положения, существовавшего до нарушения» в ракурсе цели защиты. В ст. 1251 ГК РФ буквально воспроизводится норма, содержащаяся в ст. 12 ГК РФ.

Определение же перечня способов защиты посредством использования в качестве собирательного и отличительного критерия восстановления положения, существовавшего до нарушения права, именно как цели применения акта защиты (а не отдельного самостоятельного способа

защиты), вновь позволит систематизировать существующую палитру всевозможных способов защиты, регулируемых различными законами (не только ГК РФ).

Итак, как уже было установлено ранее в настоящей работе, восстановление положения, существовавшего до нарушения права (или восстановление права), представляет собой восстановление права в первоначальном (первозданном) виде, существовавшем до негативного воздействия на него.

Представляется, на достижение обозначенной цели (восстановление права) направлены способы защиты, представляющие собой *присуждение к исполнению обязанности в натуре*.

Подобный способ защиты рассматривается цивилистами в качестве некоего общего или универсального, поскольку может быть применим при нарушении практически любого нарушения права⁷⁴⁰.

Присуждение к исполнению имеет множество популярных и практически оправданных вариаций. Наиболее известной из них является присуждение к исполнению гражданско-правового обязательства (об исполнении денежного обязательства, о возложении обязанности исполнить принятые обязательства по договору и пр.).

В сфере вещно-правовых способов защиты присуждение нередко отождествляется с истребованием имущества из чужого незаконного владения (ст. 301 ГК РФ).

Отдельные исследователи квалифицируют присуждение к исполнению в натуре в качестве меры гражданско-правовой ответственности⁷⁴¹. С этой точки зрения к присуждению относятся все «санкционные» способы защиты, в частности, взыскание неустойки, взыскание убытков и пр. Однако такая позиция поддерживается далеко не всеми. Согласно другому подходу,

---

⁷⁴⁰ Каранетов, А.Г. Иск о присуждении к исполнению обязательства в натуре. М. : Статут, 2003.

⁷⁴¹ Лейст, О.Э. Санкции в советском праве. М., 1962; Самощенко, И.С., Фарушкин, М.Х. Ответственность по советскому законодательству. М., 1971; Братусь, С.Н. Юридическая ответственность и законность. М., 1976.

присуждение к исполнению обязательства в натуре следует отличать от присуждения к исполнению в результате привлечения лица к гражданско-правовой ответственности, поскольку в первом случае реализуемый способ направлен на удовлетворение того, что должно было бы состояться в отсутствие нарушения обязательства (исполнение, на которое претендует кредитор в любом случае в силу определенных условий обязательства). Присуждение же к исполнению в качестве санкции означает претензию управомоченного лица на получение сверх того, что должно быть получено в силу обязательства, при этом право на таковое возникает исключительно в случае нарушения обязательства⁷⁴².

Присуждение к исполнению обязанности в натуре применимо и при наличии деликта. В таком случае присуждение рассматривается как требование о возмещении вреда в натуре делинквентом, который причинил вред имущественному праву⁷⁴³.

Представляется, что приведенные мнения не являются бесспорными. Отождествление присуждения с мерами гражданско-правовой ответственности приводит к безосновательному смешению таких способов защиты. Очевидно, что поставленные цели при применении указанных способов являются различными (в случае с присуждением – восстановление положения, существовавшего до негативного воздействия на право, при привлечении к ответственности – компенсация потерь в связи таким негативным воздействием).

В качестве дополнительной аргументации приведем позицию В.Ф. Яковлева, разграничившего принуждение в зависимости от наличия (отсутствия) новых обязанностей у лица, оказывающего негативное воздействие на субъективное гражданское право. По мнению названного ученого, принуждение следует квалифицировать в качестве меры защиты в

---

⁷⁴² Каранетов, А.Г. Указ. соч.

⁷⁴³ Гутников, О.В. Деликтная ответственность за нарушение относительных прав: перспективы развития в российском праве // Закон. 2017. № 1. С. 22–37.

тех случаях, когда такое принуждение используется в рамках исполнения уже наличествующей обязанности, и в качестве меры гражданско-правовой ответственности – в случае создания этой принудительной мерой новой обязанности, являющейся следствием правонарушения⁷⁴⁴.

Вместе с тем отметим, что присуждение допустимо как для достижения цели пресечения нарушения или угрозы нарушения (например, в случае понуждения к заключению договора (ст. 429 ГК РФ) или принудительной регистрации перехода права по договору купли-продажи недвижимой вещи (ст. 551 ГК РФ)), так и для восстановления положения, существовавшего до нарушения права. Очевидно, что «восстановить» можно только то право, которое первоначально имелось, но утрачено в результате негативного воздействия. Следовательно, при применении присуждения к исполнению обязательства (например, при предъявлении требования о передаче вещи по договору) пресекается наличное нарушение права на получение вещи (а не восстанавливается право на вещь).

При этом в очередной раз отметим, что закрепить исчерпывающий перечень абсолютно всех возможных конкретных требований, реализуемых путем присуждения к исполнению обязанности в натуре, не представляется возможным. В связи с этим конкретный применяемый способ (или заявленное требование в суд) может быть определен в качестве присуждения к исполнению в натуре в случае, если фактически применяемый способ направлен на восстановление положения, существовавшего до нарушения права (восстановление права в изначальном состоянии, существовавшем до нарушения).

Следует обратить внимание, что в качестве «присуждения к исполнению обязанности в натуре» можно рассматривать и такой способ, как применение последствий недействительности сделки, также указанный в ст. 12 ГК РФ. Выявленное дублирование вновь подтверждает наличие порока в

---

⁷⁴⁴ См.: Яковлев, В.Ф. Принуждение в гражданском праве // Проблемы современного гражданского права: сб. статей / отв. ред. В.Н. Литовкин, В.А. Рахмилович. М., 2000. С. 211.

существующем варианте «системы» наиболее общих способов защиты, перечень которых приведен в ст. 12 ГК РФ, а именно – отсутствие системы в принципе в связи с наличием «задвоения» среди отдельных способов.

Итак, *применению последствий недействительности сделок* (как оспоримых, так и ничтожных) посвящены положения ст. 166–167 ГК РФ, из содержания которых следует, что общими последствиями являются:

- отсутствие правовых последствий от сделки с момента ее совершения;
- обязанность каждой стороны возвратить другой все полученное по сделке в натуре (двусторонняя реституция);
- обязанность стороны возместить стоимость полученного в случае невозможности натурального возврата;
- прекращение действия оспоримой сделки на будущее время.

Очевидно, восстановительным способом, согласно рассматриваемой в настоящем параграфе классификации, будет являться только второй вид последствий (возврат полученного по сделке в натуре). Прочие разновидности последствий направлены либо на пресечение нарушения или угрозы нарушения, либо на компенсацию потерь при невозможности возврата первоначального положения, существовавшего до нарушения.

При этом цивилистическая наука по-разному определяет целевую направленность указанного способа. В частности, Г.Я. Стоякин полагает, что применение последствий недействительности сделок обладает компенсационной направленностью⁷⁴⁵. Д.И. Мындра указывает, что «признание сделки недействительной и применение последствий ее недействительности должно обеспечивать защиту и восстановление нарушенных прав»⁷⁴⁶. Аналогичным образом в качестве восстановительного

---

⁷⁴⁵ Стоякин, Г.Я. Функциональная направленность охранительных норм в гражданско-правовых обязательствах // Проблемы обязательственного права: Межвузов. сб. научных трудов / отв. ред. Г.Я. Стоякин. Свердловск, 1989. С. 39–40.

⁷⁴⁶ Мындра, Д.И. Недействительность сделки, не соответствующей закону или иным правовым актам : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. С. 21.

способа признание сделки недействительной рассматривает Д.В. Параскевова⁷⁴⁷.

Думается, оба мнения являются правильными в контексте сформулированного выше вывода о возможности квалификации рассматриваемого способа, направленного как на восстановление положения, существовавшего до нарушения, так и на компенсацию потерь. Выявление же только одной из целей бесосновательно сужает спектр возможного применения способа для защиты гражданских прав.

Правовая природа указанного способа защиты (признание сделки недействительной и применение последствий недействительности) изучалась многими исследователями.

М.А. Рожкова полагает, что «недействительность сделки в литературе рассматривается как качество конкретной сделки, указывающее на ее упречность, которое одновременно признается следствием такой упречности»⁷⁴⁸. Соответственно, совершение недействительной сделки (сделки с пороком) рассматривается в качестве правонарушения.

Аналогичным образом недействительные сделки рассматривал С.С. Алексеев, утверждавший, что недействительность сделки – «это ее порочность, то есть действие, хотя и являющееся сделкой или только именуемое «сделкой», но совершенное с такими нарушениями, предусмотренными законом, которые делают его изначально ничтожным или оспоримым, вследствие чего оно либо не порождает те юридические последствия, которые преследовали субъекты, или эти последствия могут не

---

⁷⁴⁷ Параскевова, Д.В. Признание сделки недействительной и (или) применение последствий недействительности сделки как способ защиты гражданских прав : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010. С. 52.

⁷⁴⁸ Рожкова, М.А. Средства и способы правовой защиты сторон коммерческого спора. М. : Волтерс Клувер, 2006.

наступить по решению суда»⁷⁴⁹. Такого же мнения придерживался В.А. Рясенцев⁷⁵⁰.

А.М. Эрделевский указывает, что при констатации недействительности сделки совершенное в виде сделки действие не порождает каких-либо правовых последствий, за исключением связанных с недействительностью⁷⁵¹.

Правонарушение отграничивалось от сделки М.М. Агарковым, полагавшим, что недействительная сделка относится к неправомерным действиям, которые не следует квалифицировать в качестве сделки. По мнению ученого, такие действия необходимо именовать волеизъявлениями, которые уже могут быть действительными и недействительными⁷⁵².

Д.В. Параскевова рассматривает признание сделки недействительной и применение последствий недействительности в качестве универсального (или общего) способа защиты гражданских прав⁷⁵³. Однако она не указывает, в чем именно заключается такая «универсальность». Если определять подобный «общий характер» как возможность применения способа защиты против всякого негативного воздействия на право либо для защиты любого субъективного гражданского права, то рассматриваемый способ таковым назвать явно нельзя. Дополнительно отметим, что судебная практика, вопреки указанному мнению Д.В. Параскевовой, квалифицирует рассматриваемый способ в качестве специального (а не универсального)⁷⁵⁴.

И.А. Данилов именует признание сделки недействительной и применение последствий недействительности исключительным способом защиты. Он считает, что такой способ применим только тогда, когда

---

⁷⁴⁹ Гражданское право : учебник / под общ. ред. С.С. Алексеева. 2010. С. 100–101 (автор главы – С.С. Алексеев).

⁷⁵⁰ Советское гражданское право : учебное пособие для студентов ВЮЗИ. М., 1960. С. 178–179 (автор главы – В.А. Рясенцев).

⁷⁵¹ Гражданское право. Часть первая : учебник / под ред. А.Г. Калпина, А.И. Масляева. М.: Юристъ, 2000. С. 200 (автор главы – А.М. Эрделевский).

⁷⁵² Агарков, М.М. Понятие сделки по советскому гражданскому праву. Избранные труды. М., 2002. С. 47–48.

⁷⁵³ Параскевова, Д.В. Указ. соч. С. 31.

⁷⁵⁴ См., напр.: Постановление АС Уральского округа от 18.08.2021 № Ф09-5343/21 по делу № А76-30358/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

отсутствует возможность защитить субъективное гражданское право иными предусмотренными законом средствами. При этом вместо признания сделок недействительными указанный автор предлагает в первую очередь использовать «устранение пороков сделок» (конвалидацию)⁷⁵⁵. Нельзя не согласиться с таким подходом ввиду его направленности на обеспечение принципа «сохранения однажды заключенного договора», что отвечает своевременному правовому регулированию обязательственного права.

Применение двусторонней реституции, направленной на восстановление положения, существовавшего до нарушения права, отдельными авторами рассматривается в качестве санкции за правонарушение. Применение таковой порождает новую юридическую обязанность для правонарушителя, отсутствовавшую до нарушения права⁷⁵⁶.

Из положений ст. 167 ГК РФ следует, что применение реституции имеет два взаимоисключающих варианта, реализуемых в зависимости от возможности «натурного» возврата исполненного по сделке:

- собственно возврат полученного по сделке в натуре (при наличии такой возможности);
- возмещение эквивалентной стоимости полученного по сделке (при отсутствии таковой).

Именно стоимостное возмещение приводит к смешению рассматриваемого способа защиты со способами, направленными на компенсацию потерь в связи с негативным воздействием на право. Следовательно, только лишь восстановительным способом применение последствий недействительности будет являться в случае применения реституции в натуре, поскольку именно при такой вариации защиты произойдет восстановление положения, существовавшего до нарушения права.

---

⁷⁵⁵ Данилов, И.А. Устранение порока сделки в качестве альтернативы признания ее недействительной // Юрист. 2009. № 8. С. 21–27.

⁷⁵⁶ Новицкий, И.Б. Сделки. Исковая давность. М. : Госюрлит, 1954. С. 65–67.

Однако применение последствий недействительности в виде возмещения стоимости полученного по сделке следует отличать от иного компенсаторного способа – возмещения убытков⁷⁵⁷. Нельзя не согласиться с таким подходом, поскольку взыскание убытков обладает свойством «полного имущественного возмещения», в отличие от реституции, влекущей возврат только того, что было получено по сделке. Очевидно, возврат полученного может не привести к полному возмещению убытков, компенсирующих такое состояние, как если бы право не было нарушено причинителем вреда.

Следующим способом защиты (из перечисленных в ст. 12 ГК РФ), который может иметь своей целью восстановление положения, существовавшего до негативного воздействия на право, является *признание недействительным акта государственного органа или органа местного самоуправления* (абз. 6 ст. 12 ГК РФ).

Названный способ может включать в себя совокупность установленных ранее целей защиты гражданских прав.

Так, признание недействительным акта органа публичной власти может быть направлено на пресечение нарушения права (удовлетворение судом соответствующего требования об оспаривании акта, очевидно, прекратит длящееся правонарушение, оказывающее негативное воздействие на субъективное гражданское право). Одновременно такой способ может быть направлен и на восстановление положения, существовавшего до негативного воздействия на право.

В научной литературе встречается мнение о том, что такой способ защиты может обладать также превентивной функцией. Сторонники этого подхода утверждают, что удовлетворение судом заявления о признании недействительным акта органа публичной власти само по себе предотвращает возможное повторное или новое (аналогичное)

---

⁷⁵⁷ *Ком, А.А.* Природа недействительных сделок // Недействительность в гражданском праве: проблемы, тенденции, практика: сб. статей / отв. ред. М.А. Рожкова. М. : Статут, 2006. С. 95–115.

противоправное поведение как самим нарушителем, так и другими лицами⁷⁵⁸.

Думается, такое утверждение является весьма спорным. Ранее в настоящей работе уже освещалась дискуссия вокруг превенции как одного из элементов охраны (а не защиты) гражданских прав. Выявление предупредительного свойства именно у рассматриваемого способа не приводит к констатации признака, отличающего признание акта недействительным от иных способов защиты. Очевидно, подобная функция (в интерпретации М.А. Двигун) присуща любому способу. Следовательно, основания для описания такого признака в качестве определяющего для рассматриваемого способа защиты отсутствуют.

Также заслуживает критики мнение о наличии компенсаторной цели при применении признания недействительным акта органа публичной власти. Подобная позиция базируется на том, что в силу положений ст. 13 ГК РФ при удовлетворении судом требования о признании акта недействительным нарушенное право подлежит восстановлению либо защите иными способами, предусмотренными ст. 12 ГК РФ. Одновременно положения ст. 16 ГК РФ прямо закрепляют право на возмещение убытков в случае издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления. Аналогичные нормы содержатся в ст. 1069 ГК РФ, согласно которой в результате издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления гражданин или юридическое лицо вправе требовать возмещения вреда⁷⁵⁹.

Вновь не согласимся с таким подходом в силу следующего.

Как уже отмечалось ранее в настоящей работе, необходимым условием для констатации надлежащего характера избираемого способа защиты

---

⁷⁵⁸ Двигун, М.А. Признание недействительным акта государственного органа или органа местного самоуправления как способ защиты гражданских прав : дис. ... канд. юрид. наук. Абакан, 2008. С. 58.

⁷⁵⁹ Двигун, М.А. Указ. соч. С. 58–59.

является направленность на непосредственное достижение цели защиты субъективного гражданского права, подвергнувшегося негативному воздействию. Если же признание недействительным акта органа публичной власти является исключительно предварительным этапом защиты, имеющей своей целью впоследствии компенсировать потери заинтересованного лица (возместить убытки в связи с изданием незаконного акта), то сам по себе избранный способ (оспаривание акта) будет квалифицирован в качестве ненадлежащего. Следовательно, в удовлетворении требования о признании такого акта недействительным при таких обстоятельствах судом будет отказано.

Аналогичный подход встречается и в судебной практике. Так, при рассмотрении АС Пермского края дела № А50-24744/2013 заявитель обжаловал бездействие органа государственной власти субъекта РФ, выразившееся в ненаправлении в его адрес соглашения об определении выкупной цены земельных участков, изъятых для государственных нужд. Одновременно заявитель просил суд возложить на компетентный орган обязанности устранить допущенные нарушения гражданских прав путем направления соответствующего соглашения об определении выкупной цены земельных участков, изъятых для государственных нужд.

Суд в удовлетворении заявленных требований отказал, констатировав избрание ненадлежащего способа защиты, поскольку возложение на государственный орган обязанности по исполнению положений закона о направлении в адрес землевладельца требуемого соглашения непосредственным образом не восстановит право заявителя на возможное равноценное возмещение утраченного имущества. Судом установлена конкретная цель обращения за судебной защитой – равноценное возмещение

за изъятый участок, соответственно, надлежащим способом защиты для достижения такой цели будет являться именно возмещение убытков⁷⁶⁰.

Вспомним, что английская правовая доктрина рассматривает категорию «косвенных способов защиты», непосредственным образом не направленных на достижение конкретного требуемого результата защиты. В таком случае рассматриваемая точка зрения являлась бы справедливой. Однако, как уже отмечалось, подобный подход может привести к хаосу в применении способов защиты гражданских прав, к нивелированию самого смысла защиты (иными словами, такая позиция фактически закрепит возможность «защиты ради защиты»).

Итак, признание недействительным акта органа публичной власти не обладает компенсационной природой. Такой способ защиты направлен на пресечение нарушения права и (или) на восстановление положения, существовавшего до негативного воздействия на субъективное гражданское право (восстановление права заинтересованного лица в том виде и в том объеме, в котором оно существовало до нарушения).

Следует отметить, что закон на текущий момент отличает *признание недействительным акта органа публичной власти от неприменения судом акта государственного органа или органа местного самоуправления, противоречащего закону*, квалифицируя последнее в качестве самостоятельного способа защиты гражданских прав (абз. 13 ст. 12 ГК РФ).

Как научная литература, так и судебная практика зачастую отмечают все-таки косвенную (производную) природу указанного способа. Хотя существуют мнения и о самостоятельном характере такого способа, представляющего собой конкретное требование⁷⁶¹.

В соответствии с позицией Конституционного Суда РФ рассматриваемый способ защиты по своему буквальному смыслу направлен

---

⁷⁶⁰ Постановление АС Уральского округа от 09.10.2014 по делу № А50-24744/2013, Определение Верховного Суда РФ от 22.12.2014 по указанному делу // СПС «КонсультантПлюс».

⁷⁶¹ Вавилин Е. В. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2016. С. 74.

на «правильное применение законов и иных нормативных правовых актов при рассмотрении судами дел, а значит, на реализацию требований статей 46 (часть 1) и 120 (часть 2) Конституции Российской Федерации и части 3 статьи 5 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ „О судебной системе Российской Федерации“ о применении правовых положений, имеющих наибольшую юридическую силу», не предполагает каких-либо исключений из данного правила и потому имеет целью не ограничение, а гарантирование конституционного права на судебную защиту⁷⁶².

Фактически конституционно-правовой смысл положений абз. 13 ст. 12 ГК РФ, закрепивших названный способ защиты, состоит в обязанности суда, рассматривающего гражданское дело, проверить нормативный правовой акт, подлежащий применению в данном гражданском деле на соответствие иному нормативному правовому акту, имеющему большую юридическую силу.

При этом такое противоречие, исходя из позиции Конституционного Суда РФ, может быть заявлено лицом, участвующим в деле, что дает основания полагать о возможности применения такого способа по собственной инициативе судом (в отсутствие соответствующего волеизъявления со стороны заинтересованных лиц).

В принципе, аналогичные разъяснения содержатся и в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», согласно которому наличие приведенного способа защиты гражданских прав позволяет суду при разрешении конкретного спора не применять противоречащий закону акт органа публичной власти независимо от признания этого акта недействительным.

---

⁷⁶² Постановление Конституционного Суда РФ от 06.12.2017 № 37-П // СЗ РФ. 2017. № 51. Ст. 7912.

Неприменение акта органа публичной власти именуют также в качестве средства «косвенного судебного нормоконтроля»⁷⁶³.

При исследовании «косвенной» природы рассматриваемого способа защиты ученые также отмечают вполне обоснованные сложности в возможности самостоятельного практического применения. Так, С.Ю. Некрасов и Е.С. Усова справедливо описывают проблему формулирования в исковом заявлении при обращении в суд такого самостоятельного искового требования, как неприменение судом акта органа публичной власти. Такой вариант защиты права сложно представить. Авторы отмечают, что подобное требование зачастую формируется в совокупности с другими, поскольку сам по себе рассматриваемый способ не влечет восстановление нарушенного права либо достижение иных выявленных в настоящей работе целей защиты⁷⁶⁴.

Изложенное позволяет сделать вывод об отсутствии целесообразности выделения «неприменения судом акта государственного органа или органа местного самоуправления, противоречащего закону» в качестве самостоятельного способа, избираемого управомоченным лицом для защиты своего субъективного гражданского права (хотя бы в связи с возможностью применения такого способа не заинтересованным лицом, а судом по собственной инициативе).

Следующим способом, направленным на восстановление положения, существовавшего до негативного воздействия на право, может являться *признание решения собрания недействительным* (абз. 5 ст. 12 ГК РФ).

До недавних пор в перечне способов защиты гражданских прав, содержащемся в ст. 12 ГК РФ, отсутствовал такой способ защиты, как

---

⁷⁶³ См., напр., п. 24 Рекомендаций Научно-консультативного совета при Федеральном арбитражном суде Уральского округа «Вопросы правоприменения по гражданским делам, подведомственным арбитражным судам» (По итогам заседания, состоявшегося 10 июня 2015 года в г. Ижевске); постановления АС Западно-Сибирского округа от 14.05.2021 № Ф04-1848/2021; 18ААС от 05.07.2019 № 18АП-7911/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷⁶⁴ Некрасов, С.Ю., Усова, Е.С. Неприменение судом акта государственного органа или органа местного самоуправления, противоречащего закону, как способ защиты гражданских прав // Российский судья. 2019. № 10. С. 3–8.

признание недействительным решения органов управления юридического лица, что, представляется, было оправданным, поскольку конкретный способ защиты, порядок и условия его применения регламентировались специальными отдельными законами. Например, право на предъявление требования о признании недействительными решений общих собраний участников общества с ограниченной ответственностью закреплялось в ст. 43 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», аналогичное право акционеров регулировалось ст. 49 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» и т.д.

Как правило, применительно к каждому виду юридического лица соответствующий специальный закон закреплял тем либо иным образом такой способ защиты, как признание недействительным решения органа управления такого юридического лица. При этом фактически оспаривание решений органов управления юридического лица квалифицировалось судами в качестве восстановления положения, существовавшего до нарушения права, пресечения действий, создающих угрозу нарушения права⁷⁶⁵. Изложенное дополнительно подтверждает направленность рассматриваемого способа на восстановление.

В свою очередь, судебная практика подтверждала, что даже в случае отсутствия прямого указания в законе на возможность оспаривания решения органа управления применительно к отдельным юридическим лицам (например, в отношении некоммерческих организаций) требование о признании недействительным решения органа управления соответствует положениям ст. 12 ГК РФ, поскольку признается в качестве направленного на восстановление положения, существовавшего до нарушения права⁷⁶⁶.

---

⁷⁶⁵ Постановления ФАС Поволжского округа от 21.06.2012 по делу № А55-22986/2011, ФАС Уральского округа от 14.01.2010 № Ф09-10676/09-С4, ФАС Волго-Вятского округа от 03.11.2010 по делу № А31-701/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷⁶⁶ См., напр.: постановления ФАС Восточно-Сибирского округа от 17.11.2011 по делу № А33-17125/2010, ФАС Дальневосточного округа от 25.07.2011 № Ф03-3301/2011 // СПС «КонсультантПлюс».

Наконец, Федеральным законом от 30.12.2012 № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»⁷⁶⁷ в ст. 12 ГК РФ был включен такой способ защиты, как *признание недействительным решения собрания*.

Следовательно, законодатель посчитал необходимым именно в ст. 12 ГК РФ, содержащую общий перечень наиболее распространенных способов защиты гражданских прав, внести указанное дополнение.

Подобное изменение вполне объяснимо тенденцией развития правового регулирования корпоративных отношений, повышенным вниманием к названной сфере общественных отношений. Представляется, что истоки систематизации указанной области содержатся еще в так называемом пакете *антирейдерских законов*. Речь в первую очередь идет о федеральных законах от 30.12.2008 № 312-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁷⁶⁸, от 19.07.2009 № 205-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁷⁶⁹, серьезным образом изменивших порядок управления в некоторых юридических лицах, порядок совершения сделок с долями в уставном капитале, акциями акционерных обществ и т.д.

Отдельно следует обратить внимание на изменения, внесенные последним из названных законов в АПК РФ, а именно – на дополнение Кодекса гл. 28.1, именуемой «Рассмотрение дел по корпоративным спорам». Указанным нормативным правовым актом впервые дано легальное определение корпоративному спору (ст. 225.1 АПК РФ).

Наконец, Федеральным законом от 30.12.2012 № 302-ФЗ дополнена ст. 2 ГК РФ в части указания на регулирование гражданским законодательством отношений, связанных с участием в корпоративных организациях или с

---

⁷⁶⁷ СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7627.

⁷⁶⁸ СЗ РФ. 2009. № 1. Ст. 20.

⁷⁶⁹ СЗ РФ. 2009. № 29. Ст. 3642.

управлением ими (корпоративных отношений).

Таким образом, представляется, что специальное закрепление в ст. 12 ГК РФ такого способа защиты, как признание недействительным решения собрания, обусловлено повышением уровня регулирования указанной области общественных отношений, направлено на более эффективную защиту прав заинтересованных лиц в этой сфере. Причем с учетом положений ст. 181.1 ГК РФ, распространяющей возможность применения рассматриваемого способа защиты в отношении любых собраний, с которыми закон связывает гражданско-правовые последствия или порождает правовые последствия, представляется целесообразным подобное устранение законодательного пробела, долгое время до этого восполняемого только судебной практикой.

Итак, с точки зрения целевой направленности рассматриваемый способ защиты (признание решения собрания недействительным) является способом, направленным на восстановление положения, существовавшего до оказания негативного воздействия на субъективное гражданское право, и (или) на пресечение нарушения права.

Подведем итоги классификации способов защиты, поименованных в ст. 12 ГК РФ, в качестве способов, направленных на восстановление положения, существовавшего до негативного воздействия на право.

Установлено, что способами защиты гражданских прав, направленными на восстановление положения, существовавшего до негативного воздействия на право, являются способы, имеющие своей целью приведение субъективного гражданского права в полноценное первоначальное состояние, существовавшее до нарушения (полное восстановление), исключающее необходимость применения иных способов защиты.

Применение восстановительного способа должно являться конечным итогом защиты субъективного гражданского права, полностью устраняющим как негативное воздействие на право, так и последствия такого воздействия.

При этом следует отличать восстановительные способы от компенсаторных, поскольку последние направлены лишь на эквивалентное имущественное возмещение потерь, вызванных негативным воздействием на субъективное гражданское право.

Из содержащегося в ст. 12 ГК РФ перечня способами защиты, направленными исключительно на восстановление положения, существовавшего до негативного воздействия на право, являются присуждение к исполнению обязанности в натуре, применение последствий недействительности сделки в виде возврата сторонами полученного по сделке в натуре.

Способами защиты, которые могут быть направлены как на восстановление положения, существовавшего до нарушения права, так и на пресечение нарушения права, являются признание недействительным акта государственного органа или органа местного самоуправления, а также признание решения собрания недействительным.

Доказано, что неприменение судом акта органа публичной власти не является самостоятельным способом защиты гражданских прав, поскольку само по себе не направлено на достижение установленных целей защиты гражданских прав. Неприменение судом акта органа публичной власти как форма судебного косвенного нормоконтроля реализуется исключительно совместно с иными способами защиты субъективных гражданских прав.

§ 4.2. Способы защиты гражданских прав, направленные на пресечение нарушения или угрозы нарушения права

«Восстановление» и «пресечение» поименованы в одном абзаце ст. 12 ГК РФ, что наталкивает на мысль о совместном применении способов, которые одновременно должны быть направлены как на восстановление положения, существовавшего до нарушения права, так и на пресечение действий, нарушающих право либо создающих угрозу нарушения.

Действительно, как показано в предыдущем параграфе, одновременное наличие двух указанных целей защиты при реализации конкретного способа допустимо, что, однако, не умаляет их самостоятельности.

Определим сущностные свойства «пресечения» в целях отграничения от восстановления положения.

В теории права нередко термин «пресечение» используется совместно с «мерой». Однако взгляды на подобные категории не всегда совпадают.

С.С. Алексеев, например, отрицал существование мер пресечения в системе государственного принуждения⁷⁷⁰. Н.С. Малеин также не признавал существование термина «меры пресечения», утверждая, что для гражданского, административного, трудового права характерны санкции лишь двух видов: одни представляют меры ответственности, другие – меры защиты правопорядка и субъективных прав⁷⁷¹.

В свою очередь, И.С. Самощенко, М.Х. Фарушкин, напротив, признавали справедливость квалификации мер пресечения, которые регламентируются не санкциями, а диспозициями правовых норм и применяются хотя и в связи с правонарушениями, но до решения вопроса по существу⁷⁷². Б.Т. Базылев, С.Н. Кожевников рассматривали меры пресечения

---

⁷⁷⁰ Алексеев, С.С. Общая теория права : в 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 270–273.

⁷⁷¹ Малеин, Н.С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М., 1985. С. 148–149.

⁷⁷² Самощенко, И.С., Фарушкин, М.Х. Ответственность по советскому законодательству. М., 1971. С. 56, 61.

в качестве санкций, реализуемых в специфических пресекательных правоотношениях⁷⁷³.

В.К. Бабаев и В.М. Баранов под мерами государственного пресечения понимают разновидность правового принуждения, представляющего собой использование юридических рычагов в целях принудительного предотвращения правонарушений и их вредных последствий, привлечения виновных к ответственности (обыск, выемка)⁷⁷⁴.

Представляется, что приведенные мнения необоснованно акцентируют внимание только лишь на превентивном аспекте пресечения. Пресечение может быть направлено как на предотвращение негативного воздействия на субъективное гражданское право, так и на его прекращение.

Также не совсем правильным будет применение термина «пресечение» совместно с «мерой». Все же мера пресечения квалифицируется в качестве института уголовно-процессуального права (принудительные меры, временно ограничивающие права личности, применяемые органами дознания, следователем и судом к обвиняемым, в исключительных случаях к подозреваемым при наличии предусмотренных в законе оснований с целью лишить их возможности скрыться от дознания, предварительного следствия и суда, воспрепятствовать установлению истины по делу или продолжить преступную деятельность, а также для обеспечения исполнения приговора)⁷⁷⁵.

Нередко в научной литературе пресечение отождествляется с восстановлением. Сторонники данного подхода считают, что пресечение, как правило, способствует восстановлению прежнего положения, существовавшего до нарушения права. Например, В.Е. Додин указывал:

---

⁷⁷³ *Базылев, Б.Т.* Социальное назначение государственного принуждения в советском обществе // Правоведение. 1968. № 5. С. 35–36; *Кожевников, С.Н.* О принуждении в правоохранительной деятельности Советского государства // Проблемы применения советского права: сб. учен. тр. Свердловск. юрид. ин-та. Вып. 22. Свердловск, 1973. С. 123.

⁷⁷⁴ *Бабаев, В.К., Баранов, В.М.* Общая теория права: Краткая энциклопедия. Н. Новгород, 1997. С. 158.

⁷⁷⁵ См. гл. 13 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

«Вряд ли имеется достаточно оснований, чтобы выделить меры пресечения в какую-то обособленную группу санкций. Для того чтобы отнести санкции к той или иной группе, прежде всего следует исходить из того, какие цели эти санкции преследуют. А так как меры пресечения направлены на прекращение правонарушений и устранение вредных последствий совершенного деяния, то станет ясно, что меры пресечения могут быть только санкциями правосстановительными»⁷⁷⁶.

Самостоятельный характер пресечения (отличный от восстановления) обусловлен самой целью защиты субъективного гражданского права, на достижение которой направлен избранный способ. Критерием, отличающим «пресечение» от «восстановления» является степень ликвидации негативного воздействия на право. Как уже указывалось в предыдущем параграфе, при отсутствии необходимости в применении дополнительного способа защиты для полного устранения последствий от негативного воздействия на право реализуемый способ защиты будет являться исключительно восстановительным. В свою очередь, в результате пресечения нарушения права (угрозы нарушения) возможно применение дополнительно иных способов защиты, например, направленных на компенсацию потерь.

Вместе с тем возникает закономерный вопрос, каковы границы достаточности применения восстановительных либо пресекательных способов. Думается, ответом на этот вопрос будет являться констатация возможности применения только пресекательных способов против угрозы нарушения права, в отличие от всех прочих способов, реализуемых в качестве реакции на уже совершенное посягательство на субъективное гражданское право либо правонарушение.

---

⁷⁷⁶ Додин, В.Е. Основания административной ответственности. Ученые записки. Вып. 1(8). М. : ВНИИСЗ, 1964. С. 72.

Итак, вообще лексическое значение «угрозы» тождественно «опасности», т.е. возможности возникновения обстоятельств, которые, очевидно, приведут к ухудшению состояния объективной реальности⁷⁷⁷.

Применительно к защите гражданских прав (как уже отмечалось ранее в настоящей работе) угроза нарушения права является основанием (поводом) для защиты субъективного гражданского права. Защита от угрозы нарушения означает наличие превентивного характера у применяемого пресекательного способа защиты, направленного на исключение возможных негативных последствий от нарушения права, предупреждение вредных последствий нарушения⁷⁷⁸.

При угрозе само субъективное материальное право находится еще в ненарушенном состоянии, но, очевидно, такое нарушение неизбежно произойдет в будущем, если такую угрозу не устранить. Неприменение способа защиты против угрозы нарушения повлечет необходимость в использовании впоследствии уже иных способов, направленных на компенсацию потерь или восстановление положения, существовавшего до негативного воздействия на право.

Таким образом, пресекательные способы защиты направлены на прекращение (ликвидацию) длящегося (совершаемого в данный момент) правонарушения либо на прекращение угрозы нарушения права (в отличие от восстановительных способов, представляющих собой реакцию на уже свершившееся и оконченное нарушение к моменту применения способа защиты). Иными словами, пресекательные способы применяются против существующего либо будущего негативного воздействия на субъективное гражданское право, в то время как восстановительные – обращены в прошлое (уже завершенное нарушение). Если избранный способ защиты

---

⁷⁷⁷ URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/угроза> (дата обращения: 27.11.2021).

⁷⁷⁸ Определение Верховного Суда РФ от 15.04.2019 по делу № 306-ЭС18-20653 // СПС «КонсультантПлюс».

гражданских прав обеспечивает восстановление нарушенного права только в будущем, то такой способ будет являться пресекательным⁷⁷⁹.

Аналогичное мнение встречается в теории права. Например, А.В. Стремоухов в качестве пресечения понимал принудительное прекращение уже начавшегося и происходящего нарушения прав человека⁷⁸⁰. О.А. Красавчиков утверждал, что пресекательные меры применяются при наличии правонарушений либо направлены против правонарушителей⁷⁸¹. Соответственно, не следует полностью приравнять пресечение к предупреждению нарушения права. В отличие от предупредительных мер, пресекательные могут реализоваться на следующем этапе правовой защиты, когда нарушение права произошло. Думается, предупредительная функция уместна именно при применении пресекательных способов против угрозы нарушения (а не самого правонарушения), что объясняет различный временной отрезок принудительного воздействия.

Таким образом, пресекательные способы защиты гражданских прав могут применяться до совершения правонарушения, в то время как восстановительные – исключительно уже при состоявшемся нарушении.

Также отличия пресечения от восстановления ученые усматривают по критерию направленности (собственно, по целевой направленности). В частности, отмечается, что пресекательные способы направлены на предотвращение совершения противоправных деяний, а восстановительные – на восстановление прежнего правового состояния⁷⁸².

---

⁷⁷⁹ Аналогичный подход встречается в судебной практике. См., напр.: Постановление АС Восточно-Сибирского округа от 09.11.2020 № Ф02-4858/2020 по делу № А19-15814/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷⁸⁰ *Стремоухов, А.В.* Правовая защита человека. Теоретический аспект : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1996. С. 29–30.

⁷⁸¹ *Красавчиков, О.А.* Ответственность, меры защиты и санкции в советском гражданском праве // Проблемы гражданско-правовой ответственности и защиты гражданских прав. Сборник ученых трудов. Свердловск, 1973. С. 11; *Сыроватская, Л.А.* Ответственность по советскому трудовому праву. М., 1974. С. 19.

⁷⁸² *Евдокимов, С.В.* Правовосстановительные меры в Российском праве : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1999. С. 63.

Далее, весьма спорным представляется мнение сторонников отождествления «пресечения» и «восстановления». Например, Н.С. Малеин полагал, что меры защиты нарушенных прав всегда направлены на пресечение нарушения права и восстановление нарушенных имущественных или личных интересов, поскольку обеспечивают предупреждение правонарушения⁷⁸³.

Приведенное мнение автора, думается, справедливо при констатации превентивной функции в пресекательных и восстановительных способах. Но такой подход, представляется, не отражает существенные отличительные характеристики рассматриваемых категорий. В широком смысле превентивная функция, стимулирующая к воздержанию в дальнейшем от противоправного поведения, присуща любому способу защиты гражданских прав. Поэтому отождествление пресекательных и восстановительных способов защиты по приведенному критерию (наличию превентивной функции) является некорректным.

Интересен подход С.В. Евдокимова, полагающего, что восстановительная цель также свойственна пресечению, однако обладает опосредованным характером. Ученый отмечает, что меры пресечения не только прекращают противоправные действия, но и в конечном счете не редко обеспечивают восстановление нарушенного состояния, что, в свою очередь, достигается не всегда. Если восстановительные способы обеспечивают интересы конкретных управомоченных лиц, то пресекательные, указывает автор, применяются в защиту прав неопределенного круга лица. Неприменение пресекательных способов может привести к тяжелым отрицательным последствиям⁷⁸⁴.

Представляется, что последний тезис (о направленности на защиту права неопределенного круга лиц) не совсем аргументирован. И те, и другие способы могут быть направлены на защиту как определенного обладателя

---

⁷⁸³ Малеин, Н.С. Указ. соч. С. 149.

⁷⁸⁴ Евдокимов, С.В. Указ. соч. С. 57.

субъективного гражданского права, так и группы лиц, как минимум такие примеры имеются в судебной практике⁷⁸⁵.

Сущность пресекательных способов защиты гражданских прав состоит в принудительном прекращении имеющегося нарушения права либо угрозы его нарушения. Воздействуя таким образом на волю лица, оказывающего негативное воздействие на субъективное гражданское право, пресекательные способы обеспечивают общественно необходимый вариант поведения, что и составляет желаемый результат, их конкретную цель.

Правоприменительная практика содержит множество вариаций всевозможных конкретных способов, представляющих собой пресечение нарушения или угрозы нарушения. Встречаются примеры реализации понуждения к подписанию актов приема-передачи товара⁷⁸⁶, актов о признании необоснованным расчета объема потребленного энергоресурса⁷⁸⁷ и прочие непоименованные способы защиты.

Классическим примером пресекательных способов, прямо указанных в законе, являются иски о предупреждении причинения вреда, предусмотренные ст. 1065 ГК РФ (иск о запрещении деятельности, создающей опасность для жизни или здоровья; об обязанности приостановить либо прекратить деятельность, причиняющую вред или создающую угрозу его причинения).

Из поименованных в общей норме ст. 12 ГК РФ, посвященной способам защиты гражданских прав, следует отметить *прекращение или изменение правоотношения*. Причем такой способ, направленный на пресечение негативного воздействия на субъективное гражданское право, в отсутствие законной оговорки об ином, применим в отношении любого вида гражданского правоотношения – как обязательственного (например,

---

⁷⁸⁵ См., напр., п. 4 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 5 (2017), утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 27.12.2017; Постановление АС Волго-Вятского округа от 15.02.2017 № Ф01-6193/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷⁸⁶ Постановление АС Дальневосточного округа от 06.09.2021 № Ф03-4549/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷⁸⁷ Постановление АС Волго-Вятского округа от 20.09.2021 № Ф01-4808/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

изменение или расторжение договора в порядке ст. 450–453 ГК РФ), так и вещного (в частности, принудительное изъятие у собственника его имущества в порядке ст. 235 ГК РФ).

В доктрине прекращение или изменение правоотношения, реализуемые в судебной форме, еще именуют преобразовательными исками⁷⁸⁸.

Очевидно, описать все применимые способы в законе невозможно. Изложенное в очередной раз подтверждает целесообразность исключения правовых положений, ограничивающих применение способа защиты гражданских прав, прямо не предусмотренного законом. В связи с этим следует определить общие критерии применения пресекательных способов защиты.

По итогам исследования, приведенного в настоящем параграфе, сформулируем следующие выводы.

Пресекательные способы защиты направлены на прекращение (ликвидацию) длящегося (совершаемого в момент защиты) нарушения субъективного гражданского права либо на прекращение угрозы нарушения права (в отличие от восстановительных способов, представляющих собой реакцию на уже свершившееся и оконченное нарушение к моменту применения способа защиты). Пресекательные способы применяются против существующего либо будущего негативного воздействия на субъективное гражданское право, в то время как восстановительные – обращены в прошлое (направлены против уже совершенного нарушения).

Следовательно, если избранный способ защиты гражданских прав обеспечивает восстановление нарушенного права только в будущем, то такой способ будет являться пресекательным.

---

⁷⁸⁸ См., напр.: Мясникова Н.К. Виды исков в гражданском судопроизводстве. С. 23–24; Иск в гражданском судопроизводстве : сборник / О.В. Исаенкова, А.А. Демичев, Т.В. Соловьева и др.; под ред. О.В. Исаенковой. М. : Волтерс Клувер, 2009. 216 с.

При применении пресекательных способов защиты против угрозы нарушения права само субъективное материальное право находится еще в ненарушенном состоянии. В свою очередь, угроза, против которой допустимо пресечение, должна быть очевидной для участников гражданских правоотношений, означающей, что нарушение права неизбежно произойдет в будущем, если такую угрозу не устранить. Неприменение пресекательного способа защиты гражданских прав против угрозы нарушения повлечет необходимость в использовании впоследствии уже иных способов, направленных на компенсацию потерь или восстановление положения, существовавшего до негативного воздействия на право.

Способами защиты, направленными исключительно на пресечение нарушения либо угрозы нарушения, являются запрещение деятельности, создающей опасность для жизни или здоровья; принудительное приостановление либо прекращение деятельности, причиняющей вред или создающей угрозу его причинения.

§ 4.3. Способы защиты гражданских прав, направленные на компенсацию потерь

Как уже отмечалось, Гражданский кодекс РФ не содержит легального закрепления «компенсации потерь» в качестве цели защиты субъективного гражданского права.

«Компенсация» (от лат. *Compensatio*) представляет собой «возмещение»⁷⁸⁹, что должно означать «возместить то, что было утрачено». Очевидно, компенсация применяется при отсутствии возможности восстановления утраченного в изначальном виде.

В свою очередь, «потерей» является нечто утраченное (потерявшееся)⁷⁹⁰.

В юридической литературе сам термин «компенсация» рассматривают по-разному. Как правило, компенсацию квалифицируют в качестве меры гражданско-правовой ответственности, поскольку она применяется между юридически равными субъектами, по требованию и в пользу потерпевшей стороны, для защиты частного имущественного права потерпевшего, а также имеет преимущественной целью возмещение имущественных потерь правообладателя (компенсаторная, восстановительная функция)⁷⁹¹.

Компенсация направлена на возмещение потерь управомоченного лица, чье субъективное гражданское право подвергнуто негативному воздействию. При этом компенсированные потери могут быть как имущественными, так и неимущественными. Здесь следует отметить давнюю дискуссию о возможности компенсации неимущественных потерь юридического лица⁷⁹². Полагаем, что какие-либо препятствия в постановке обозначенной цели защиты в зависимости от субъекта применения способа защиты гражданских прав должны отсутствовать, хотя бы по причине наличия принципа равенства

⁷⁸⁹ URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/компенсация> (дата обращения: 11.12.2021).

⁷⁹⁰ URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/потеря> (дата обращения: 11.12.2021).

⁷⁹¹ Новоселова, Л.А. Принцип справедливости и механизм компенсации как средство защиты исключительных прав // Вестник гражданского права. 2017. № 2. С. 48–55.

⁷⁹² См., напр.: Хохлов, В.А. Общие положения об обязательствах: Учебное пособие. М. : Статут, 2015. С. 287–288.

субъектов гражданских правоотношений. На сегодняшний день встречаются и примеры из судебной практики, допускающие возможность компенсации нематериального вреда в пользу юридических лиц со ссылкой на практику ЕСПЧ, Конституционного Суда РФ, Президиума ВАС РФ⁷⁹³. Иной подход ставил бы юридические лица, подвергшиеся умалению деловой репутации, в ситуацию необоснованной ограниченности защиты своих законных интересов, косвенно свидетельствуя об уменьшении объема реальной ответственности за соответствующие правонарушения.

Итак, как уже отмечалось, компенсаторные способы защиты гражданских прав направлены только на эквивалентное возмещение нарушенного (утраченного) права при условии невозможности восстановления права в изначальном (первозданном) виде, существовавшем до нарушения. Следовательно, отличительным признаком компенсации потерь от прочих установленных ранее целей защиты гражданских прав будет являться направленность применяемого способа на замещение состоявшейся утраты в результате негативного воздействия на субъективное гражданское право.

Классическим примером компенсаторного способа защиты, поименованного в ст. 12 ГК РФ, разумеется, является *взыскание убытков*.

Упоминание о компенсации (возмещении) убытков встречается довольно часто в ГК РФ. Очевидно, законодатель особо подчеркивает правомерность применения такого способа защиты гражданских прав в определенных ситуациях, указывая на его универсальный характер.

Полагаем, что правовая сущность категории «убытки» так или иначе взаимосвязана с потенциальной способностью их к возмещению. Из осуществленного в рамках настоящего исследования анализа норм кодифицированного акта гражданского законодательства – ГК РФ, –

---

⁷⁹³ См., напр.: постановления АС Уральского округа от 25.09.2015 № Ф09-6957/15 по делу № А07-1900/2015; 18ААС от 04.08.2014 № 18АП-7319/2014; 5ААС от 28.12.2015 по делу № А51-15888/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

оперирующих термином «убытки», позволяет заключить о двояком смысле этой категории, воспринимаемой и как последствие правонарушения, и как объект санкции в виде «возмещения убытков» (ст. 393 ГК РФ). Таким образом, оперируя терминами «убытки» и «возмещение убытков», ГК РФ понимает под ними либо соответствующее право кредитора (требовать их возмещения), либо соответствующую обязанность должника (возместить их). Следовательно, произведенной анализ позволяет заключить о концептуальном взгляде отечественного законодателя на убытки как меру гражданско-правовой ответственности за неисполнение либо исполнение обязательства при одновременном причинении вреда⁷⁹⁴.

Убытки, подлежащие возмещению в случае нарушения договора, в континентальном праве условно можно разделить на два вида: компенсаторные убытки, т.е. убытки, причиненные неисполнением обязательства вообще, а также мораторные убытки, т.е. вызванные просрочкой исполнения обязательства со стороны должника⁷⁹⁵.

Различие между ними заключается в том, что мораторные убытки могут взыскиваться вместе с требованием об исполнении обязательства в натуре, в то время как взыскание компенсаторных убытков предполагает, что требование об исполнении договорного обязательства не предъявляется.

Возмещение убытков представляет собой меру гражданско-правовой ответственности, «суть которой в предоставлении пострадавшему ликвидного эквивалента в качестве достаточной и законной компенсации»⁷⁹⁶.

Правовые положения о возмещении убытков направлены на обеспечение восстановления имущественной сферы потерпевшего путем

---

⁷⁹⁴ См.: Пиндинг, А.Я. Возмещение убытков, причиненных промышленным предприятиям неисполнением договорных обязательств : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1968. С. 25; Васькин, В.В. Возмещение убытков в гражданско-правовых обязательствах. Саратов, 1971. С. 218; Кроль, М.С. Возмещение убытков в капитальном строительстве. Донецк, 1972. С. 205.

⁷⁹⁵ Волков, А.В. Возмещение убытков по гражданскому праву России : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000. С. 52.

⁷⁹⁶ Волков, А.В. Указ. соч. С. 63.

присуждения ему денежной компенсации, по общему правилу, как в части утраченного, так и в части неполученных доходов⁷⁹⁷.

Существующее легальное определение компенсации убытков, содержащееся в ст. 15 ГК РФ, позволяет квалифицировать «убытки» в качестве негативных имущественных последствий, возникающих у лица вследствие нарушения его неимущественного или имущественного права. Реализация такого способа защиты, как возмещение убытков, возможна лишь при наличии определенных условий гражданско-правовой ответственности⁷⁹⁸.

Традиционный набор необходимых элементов для применения такой меры гражданско-правовой ответственности, как возмещение убытков, представляет собой совокупность следующих условий: наличие противоправного поведения причинителя убытков, собственно наличие самих убытков у управомоченного лица, а также причинно-следственная связь между противоправным поведением и возникшими убытками⁷⁹⁹.

При этом точный размер убытков не является необходимым фактором. Согласно правовой позиции, сформулированной в п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»⁸⁰⁰, из положений п. 5 ст. 393 ГК РФ следует, что суд не может отказать в удовлетворении требования кредитора о возмещении убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства, только на том основании, что размер убытков не может быть установлен с разумной степенью достоверности. В этом случае размер подлежащих возмещению убытков,

---

⁷⁹⁷ Ломидзе, О.Г., Ломидзе, Э.Ю. Обязательство из неосновательного обогащения при недостижении стороной договора своей цели // Вестник ВАС РФ. 2006. № 7.

⁷⁹⁸ Постановление АС Волго-Вятского округа от 08.06.2020 по делу № А43-13968/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷⁹⁹ Аналогичный правовой подход сформулирован в п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

⁸⁰⁰ Бюллетень ВС РФ. 2016. № 5.

включая упущенную выгоду, определяется судом с учетом всех обстоятельств дела исходя из принципов справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению обязательства.

Аналогичным образом неким условно наличным фактором является и причинно-следственная связь, которая может быть доказана управомоченным лицом *с разумной степенью достоверности*. Такая правовая позиция следует из Определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 29.01.2020 № 305-ЭС19-19395 по делу № А40-98757/2018, а также п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств».

Изложенное позволяет заключить, что причинно-следственная связь между противоправным поведением и убытками присутствует тогда, когда образовавшиеся убытки, скорее всего, возникли именно в результате задекларированного потерпевшим лицом правонарушения, совершенного причинителем убытков, при отсутствии каких-либо иных причин, которые могли привести к таким убыткам.

Далее, терминологически «убытки» квалифицируются по-разному как в законе, так и в научной литературе. Общепринятым является использование тождественных по своему значению терминов «ущерб», «расходы», «убытки» в том смысле, что возмещение таковых предполагает сумму присуждаемого в целях нивелирования имущественного результата правонарушения.

Вместе с тем содержательно «убытки» шире, чем только «расходы» либо «ущерб». Понятие убытков охватывает не только реальные (уже свершившиеся) потери, но и расходы, которые потерпевший в будущем должен будет понести, чтобы восстановить первоначальное состояние субъективного гражданского права. Изложенное породило дискуссию

относительно целесообразности закрепления возмещения убытков в качестве отдельного способа защиты гражданских прав, возможности отказа от такого способа путем его замены на иные компенсационные меры (например, взыскание неустойки).

В частности, В.А. Хохлов указывал, что расходы, которые необходимо произвести потерпевшему, совсем не обязательно должны быть направлены исключительно на восстановление нарушенного права. В качестве примера он привел следующую ситуацию: в целях исполнения договора поставки покупатель понес расходы по уплате арендной платы за склад для размещения товара, который должен был быть поставлен поставщиком, но не поставлен. Очевидно, такие расходы не могут быть квалифицированы в качестве направленных на восстановление нарушенного права, однако в связи с имеющим место нарушением должны возмещаться⁸⁰¹.

Относительно разновидностей убытков необходимо отметить следующее.

Легальное регулирование рассматриваемого способа защиты гражданских прав позволяет заключить о двух видах убытков, подлежащих возмещению: реальный ущерб (произведенные или необходимые расходы для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение имущества потерпевшего) и упущенная выгода (неполученные доходы, которые потерпевший получил бы при отсутствии правонарушения) (п. 2 ст. 15 ГК РФ).

Как уже отмечалось, в отечественном законодательстве отсутствуют положения, позволяющие квалифицировать иные виды возможных убытков. В свою очередь, зарубежные правовые порядки закрепляют и иные варианты убытков.

Например, заранее оцененные убытки по праву Англии (изначально оговоренный сторонами гражданского правоотношения размер убытков,

---

⁸⁰¹ Хохлов, В.А. Гражданско-правовая ответственность за нарушение договора: дис. ... д-ра юрид. наук. Самара, 1998.

подлежащих возмещению потерпевшей стороне при совершении правонарушения другой стороной). В настоящей работе уже отмечалась последняя тенденция правомерности взыскания заранее оцененных убытков в судах российской юрисдикции. В доктрине советского периода схожие убытки именовались «нормативными», т.е. убытками, которые можно изначально нормировать или спрогнозировать посредством фиксации в договоре.

Впоследствии учеными разрабатывалась концепция условных убытков, которые определялись также в договоре в виде определенных твердых сумм, подлежащих возмещению, либо в виде установления ставки (номинала) ущерба в зависимости от объема невыполнения и сроков нарушения договорных обязательств⁸⁰². Вместе с тем легального закрепления подобный вид убытков ни в советском, ни в российском законе так и не получил.

Следующий вид убытков, также не известных российскому гражданскому праву, – символические убытки. Как уже отмечалось, возможность взыскания подобных убытков закреплена в английском и американском праве. В частности, в США при отсутствии убытков как таковых потерпевшему может быть присуждена символическая сумма в размере 1 цента. Очевидно, что подобный судебный акт призван констатировать (зафиксировать) само противоправное поведение. Схожие примеры известны и правоприменителю Англии, допускающему возможность взыскания так называемых презренных (ничтожно малых) убытков с ответчика⁸⁰³.

В очередной раз подчеркнем, что приведенные примеры применения рассматриваемого способа защиты гражданских прав в иных странах, тем более с учетом фактической рецепции отдельных вариаций российским

---

⁸⁰² *Иоффе, О.С.* План и организация договорных связей в социалистическом народном хозяйстве. Ученые записки. Вып. 10. М.: ВНИИСЗ, 1967. С. 52; *Годес, А.Б.* Вопросы материальной ответственности государственных предприятий и организаций в условиях новой системы планирования и экономического стимулирования // Вопросы Гражданского права и процесса. Л.: Изд-во ЛГУ, 1969. С. 21.

⁸⁰³ *Дженкс, Э.* Английское право / пер. Л.А. Лунца. М.: Госюриздат, 1947. С. 198.

судом, свидетельствуют о назревшей необходимости законодательного закрепления указанных возможных видов компенсаторных способов. Думается, такой подход позволит наиболее полно обеспечить достижение целей защиты гражданских прав при всем многообразии возможных негативных воздействий.

Следующим способом защиты гражданских прав, направленным на компенсацию потерь и закрепленным в ст. 12 ГК РФ, является ***взыскание неустойки***.

Компенсационный характер такого способа защиты гражданских прав неоднократно отмечался в судебной практике. Такой подход к пониманию неустойки является достаточно устоявшимся⁸⁰⁴. Очевидно, что компенсационное свойство неустойки обусловлено требованиями закона о ее соразмерности последствиям нарушения (неисполнения или ненадлежащего исполнения) обязательств.

Согласно правовой позиции, отраженной в Постановлении Президиума ВАС РФ от 14.02.2012 № 12035/11, компенсационный характер гражданско-правовой ответственности в виде взыскания неустойки предполагает выплату потерпевшему такой компенсации его потерь, которая будет адекватна и соизмерима с нарушенным интересом⁸⁰⁵. В то же время встречается и иной подход, в том числе в высших судебных инстанциях. Так, определяя правовую природу неустойки в сфере законодательства о защите прав потребителей, Верховный Суд РФ указал на исключительно штрафной характер такой санкции, не преследующей цели компенсации потерь потребителя⁸⁰⁶.

---

⁸⁰⁴ См., напр.: определения Верховного Суда РФ от 18.10.2021 № 305-ЭС21-18693, от 19.05.2021 № 307-ЭС21-5800 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸⁰⁵ Вестник ВАС РФ. 2012. № 6.

⁸⁰⁶ Пункт 7 Обзора практики рассмотрения судами дел, связанных с применением главы 23 Налогового кодекса Российской Федерации, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 21.10.2015 // СПС «КонсультантПлюс».

Подобные противоречивые суждения дополнительно обуславливают необходимость более детального изучения рассматриваемого способа защиты.

Аксиомой в юриспруденции стало утверждение о том, что неустойка выполняет одновременно и функцию способа защиты гражданских прав, присутствуя в ст. 12 ГК РФ; и функцию способа обеспечения исполнения обязательств, в том числе через нормы ст.ст. 329–330 ГК РФ. Заметим, что цивилистическая теория неустойки, включающее доктринальное представление о ее правовой природе, классификациях ее видов, оснований применения и т.д., находится на достойном научном уровне, о чем свидетельствуют многочисленные научные работы на этот счет⁸⁰⁷.

ГК РФ регламентирует два вида неустойки: штраф и пени. При этом каких-либо отличий одного вида от другого закон не устанавливает, фактически указывая на тождественность таковых. Соответственно, квалификацию штрафа и пени можно выявить лишь в научной литературе.

Считается, что штраф как неустойка – это определенная законом или договором денежная сумма, которую должник обязан уплатить кредитору за неисполнение или ненадлежащее исполнение своего обязательства в заранее установленном размере или в процентном отношении к стоимости предмета исполнения⁸⁰⁸. При этом штраф является однократно взыскиваемой суммой⁸⁰⁹.

Пени традиционно определяются в качестве денежной суммы, которую должник обязан уплатить кредитору в процентном отношении к сумме просроченного платежа (невыполненного обязательства); такая сумма исчисляется непрерывно нарастающим образом⁸¹⁰.

---

⁸⁰⁷ Артеменко, М.С. Роль неустойки в обеспечении исполнения планово-договорных обязательств в новых условиях хозяйствования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1986; Быков, А.Г. Роль гражданско-правовых санкций в осуществлении хозяйственного расчета : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1967; Травкин, А.А. Неустойка в советском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1968.

⁸⁰⁸ Советское гражданское право : учебник. Т. 1 / под ред. О.А. Красавчикова. М., 1985. С. 487.

⁸⁰⁹ Гражданское право. Т. 1 / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М., 2001. С. 569.

⁸¹⁰ Костюк, В. Обеспечение исполнения обязательств // Хозяйство и право. 2003. № 3. Приложение.

Вместе с тем разницы между неустойкой-штрафом, неустойкой-пенями и просто неустойкой без указания на ее разновидности практически не имеется. Теоретически отличия можно выявить при классификации неустойки по признаку ее соотношения с убытками. Так, на основании ст. 394 ГК РФ гражданско-правовая доктрина выделяет четыре вида неустойки: зачетная; исключительная; штрафная; альтернативная⁸¹¹.

Другая классификация видов неустойки основана на критерии наличия (отсутствия) договорного характера (договорная либо законная неустойка). Неустойка, согласованная в договоре, обязательно фиксируется посредством заключения сторонами обязательства соглашения в письменной форме в силу императивных требований ст. 331 ГК РФ (несоблюдение письменной формы влечет недействительность соглашения)⁸¹², в отличие от законной неустойки, регламентируемой, соответственно, только нормой закона.

Таким образом, рассматриваемый способ защиты гражданских прав, очевидно, следует отнести к компенсаторным способам защиты. Вопреки существующему мнению, штрафная (или карательная) цель у приведенного способа отсутствует⁸¹³. Представляется, что определение наказания в качестве цели защиты гражданских прав неприемлемо, поскольку само наказание (кара) все же присуще уголовному либо административному праву, а не гражданскому, среди основных начал которого – обеспечение эквивалентности обмениваемых материальных благ⁸¹⁴. Изложенное означает общую направленность любого способа защиты гражданских прав, прежде всего, на обеспечение соблюдения (восстановления) баланса прав и законных

---

⁸¹¹ *Казанцев, В.И.* Гражданско-правовые способы обеспечения исполнения обязательств // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2006. № 12.

⁸¹² Аналогичный подход отражен и в доктрине, см.: *Комментарий к Гражданскому кодексу РСФСР / отв. ред. проф. С.Н. Братусь, проф. О.Н. Садиков. М. : Юридическая литература, 1982. С. 233.*

⁸¹³ Позиция о штрафном (карательном) свойстве неустойки довольно часто встречается в научной литературе. См., напр.: *Елисеев, Н.Г.* Многократные убытки за нарушение антимонопольного законодательства: перспективы появления в российском праве // *Вестник ВАС РФ.* 2013. № 8. С. 4–15; *Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / под ред. Т.Е. Абовой, А.Ю. Кабалкина. М., 2004; Казанцев, В.И.* Указ. соч.; *Васин, В.Н., Казанцев, В.И.* К вопросу о правовой природе штрафа // *Российский судья.* 2006. № 1.

⁸¹⁴ Постановление АС Уральского округа от 15.07.2016 № Ф09-7482/16 // СПС «КонсультантПлюс».

интересов участников гражданских правоотношений. Следовательно, и рассматриваемый способ защиты (взыскание неустойки) предназначен для эквивалентной компенсации потерь в связи с негативным воздействием на субъективное гражданское право, а не на наказание лица, нарушившего гражданско-правовое обязательство.

Следующим способом защиты, из перечисленных в ст. 12 ГК РФ, имеющим аналогичную цель, является **компенсация морального вреда**. Такой способ защиты, исходя из легального регулирования, претендует на самостоятельность, отличность от прочих способов, в том числе закрепленных в указанной статье Кодекса.

В то же время отдельные ученые подобный способ защиты квалифицируют в качестве производного, применяемого исключительно совместно с иными способами защиты, например, взысканием убытков⁸¹⁵.

Примечательно, что закон оперирует термином «компенсация» применительно к моральному вреду. В иных случаях причинения вреда фигурирует термин «возмещение»⁸¹⁶. Очевидно, изложенное дополнительно обосновывает компенсационную цель рассматриваемого способа защиты.

Компенсация морального вреда трактуется как предусмотренная нормами материального права мера, имеющая своей целью восстановление благ и прав личного (неимущественного) характера⁸¹⁷.

При изучении положений ст. 150 ГК РФ можно сделать вывод, что под нематериальными благами законодатель определяет неимущественные блага, нарушение которых, в свою очередь, влечет причинение неимущественного вреда.

В отличие от возмещения убытков, компенсация морального вреда направлена на возмещение потерь неимущественного характера (несмотря на

---

⁸¹⁵ *Монастырский, Ю.Э.* Убытки и нематериальный вред // Вестник гражданского права. 2019. № 2. С. 113–132.

⁸¹⁶ *Колотева, В.Г.* Применение законодательства о компенсации морального вреда в российской судебной практике. Проблемы определения размера компенсации морального вреда // Право и политика. 2007. № 8.

⁸¹⁷ *Гущин, Д.И.* Юридическая ответственность за моральный вред. СПб., 2002. С. 122.

одинаковую форму компенсации в виде денежного эквивалента). Причем компенсация морального вреда допускается независимо от возмещения имущественного вреда (п. 3 ст. 1099 ГК РФ).

При подведении итогов исследования, произведенного в настоящем параграфе, следует сформулировать следующие выводы.

Компенсаторные способы защиты гражданских прав направлены исключительно на эквивалентное возмещение вреда, причиненного управомоченному лицу в результате негативного воздействия на субъективное гражданское право. Такие способы защиты нарушенного (утраченного) права применяются при условии невозможности восстановления права в изначальном (первозданном) виде, существовавшем до негативного воздействия.

При этом, вопреки существующему мнению, наказание (кара) не может являться целью защиты гражданских прав при применении компенсаторных способов, поскольку иной подход не соответствует такому принципу гражданского права, как обеспечение эквивалентности обмениваемых материальных благ, а не наказание лица, оказавшего негативное воздействие на субъективное гражданское право.

К компенсаторным способам защиты гражданских прав следует отнести взыскание убытков, взыскание неустойки, компенсацию морального вреда и пр.

Доказана обоснованность заимствования некоторых зарубежных компенсаторных способов защиты гражданских прав, не известных отечественному законодателю. В качестве отдельных разновидностей компенсации убытков английское право предусматривает взыскание номинальных убытков, оцененных убытков, символических убытков. Аналогичные положения имеются и в законодательстве Франции.

Российский закон не предусматривает возможность применения таких способов защиты гражданских прав.

Отдельные несистемные примеры отечественной судебной арбитражной практики свидетельствуют о правомерности требований о взыскании заранее оцененных убытков, определенных сторонами гражданско-правового обязательства исходя из принципа свободы договора (ст. 421 ГК РФ) по российскому праву.

В связи с этим представляется целесообразным заимствование приведенных способов защиты посредством их прямого закрепления в ГК РФ, что будет способствовать наиболее эффективной и полной защите гражданских прав при всем их многообразии.

§ 4.4. Способы защиты гражданских прав, направленные на устранение правовой неопределенности

Как отмечалось в § 3.1, 3.2 настоящей работы, такая цель защиты гражданских прав, как устранение правовой неопределенности, не закреплена в ГК РФ (в отличие от того же рассмотренного ранее «восстановления положения, существовавшего до нарушения права», или «пресечения действия, нарушающего право либо создающего угрозу нарушения»).

При этом устранение правовой неопределенности в гражданском правоотношении не должно быть направлено ни на восстановление положения, существовавшего до нарушения права, ни на пресечение нарушения либо угрозы нарушения права, ни на компенсацию потерь. Применяемый способ защиты должен преследовать цель исключительно внесения ясности (устранение сомнений) в уже существующее правоотношение. Следовательно, такие способы защиты не должны обладать правонаделяющим (правообразующим) характером.

Изложенное также означает, что применение рассматриваемых способов защиты не должно повлечь за собой понуждение ответчика к выполнению каких-либо обязанностей (совершению либо воздержанию от совершения каких-либо действий), следовательно, такие способы защиты не влекут принудительного исполнения.

Классическим примером способа защиты гражданских прав, направленного на устранение правовой определенности (из перечисленных в ст. 12 ГК РФ), будет являться *признание права*. На примере названного способа наглядно проиллюстрируем особенности применения способов защиты гражданских прав, направленных на устранение правовой неопределенности.

Итак, рассуждая о гражданско-правовой сущности признания права,

представляется необходимым рассмотреть вопрос о соотношении признания права и присуждения. Думается, что его разрешение имеет важное значение при определении места признания права в системе способов защиты гражданских прав.

Актуальность названной проблемы подтверждается множеством высказываний правоведов – как отечественных, так и зарубежных. Анализ подобных мнений позволяет сделать вывод, что признание права (как способ защиты субъективного права, реализуемый в судебной форме защиты) не может повлечь за собой принудительного исполнения судебного акта. Именно это утверждает А.А. Добровольский, считая отсутствие принудительного исполнения судебного акта о признании права основным критерием отграничения признания права от присуждения: «Ответчик в данном случае ни к каким действиям не присуждается, и в отношении него никакого принудительного исполнения не требуется»⁸¹⁸.

Признание права направлено не на присуждение ответчика к исполнению, а лишь на официальное установление, удостоверение (констатирование) судом наличия или отсутствия соответствующего права. В цивилистической науке встречается мнение о том, что иски о признании, имеющие в виду только предварительное удостоверение правоотношений, за которыми еще может последовать иск о присуждении, обозначают, так же как иски без присуждения, – предварительные, преюдициальные, установительные. К ним относят, например, иски о признании права собственности, о признании права пользования жилым помещением, о признании акта недействительным. Иски о присуждении и иски о признании объединены в теории гражданского процессуального права единым термином – «декларативные иски». Судебные решения по данным искам не вносят никаких преобразований в существующее правоотношение: после судебного решения оно остается таким же, каким было и до судебного

---

⁸¹⁸ Добровольский, А.А. Исковая форма защиты права (основные вопросы учения об иске). М. : Изд-во МГУ, 1965. С. 157.

процесса. Например, суд официально признает право собственности истца на недвижимость – и судебный акт будет основанием для регистрации права, либо суд присуждает ответчика к возмещению долга – и судебный акт при отсутствии добровольного исполнения повлечет за собой возбуждение исполнительного производства и принудительное взыскание задолженности.

Таким образом, присуждение как таковое при применении признания права отсутствует, а следовательно, единственным правовым результатом в данном случае является фиксация определенности в наличии (отсутствии) гражданского правоотношения.

Российские ученые-цивилисты дореволюционного периода определяли иск о признании права как иск о судебном подтверждении наличия или отсутствия гражданского правоотношения, решение по которому устранил сомнение, неопределенность, неясность в правовых отношениях лиц⁸¹⁹. Целью иска о признании называлось обеспечение истца против будущего спора, т.е. иск о признании рассматривался в качестве подготовительной, вспомогательной ступени к будущему иску о присуждении, вытекающему из спорного правоотношения⁸²⁰.

Далее необходимо констатировать, что заинтересованное лицо вправе применять такой способ защиты, как признание права, и в том случае, когда субъективное право не только оспаривается, но уже нарушено, что не лишает это лицо возможности впоследствии заявить самостоятельное требование о присуждении. Так, истец может заявить о признании права собственности, а после в самостоятельном порядке потребовать виндикации.

В развитие вышесказанного М.А. Гурвич подчеркивал, что потребность в предъявлении иска о признании возникает вследствие оспаривания существования прав и обязанностей с целью предотвращения

---

⁸¹⁹ Аналогичной позиции в понимании иска о признании права придерживается на сегодняшний день и судебная практика. См.: Постановление ФАС Северо-Западного округа от 30.06.2004 № А56-35988/03 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸²⁰ Обзор мнений по данному вопросу В.М. Гордона, И.Е. Энгельмана, Ю.С. Гамбарова и Е.В. Васьковского см. в кн.: Хрестоматия по гражданскому процессу / под общ. ред. М.К. Треушников. М. : Городец, 1996. С. 131–138.

правонарушения в дальнейшем, но до того, как спорное право было нарушено. В частности, указанный автор утверждал: «Если... право еще не нарушено, то все же спором о праве, отрицанием его существования или оспариванием его содержания создается неопределенность во взаимоотношениях сторон, которая, в свою очередь, создает угрозу неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанности в будущем»⁸²¹. Таким образом, М.А. Гурвич определяет некий превентивный характер признания права. Думается, в данном случае целью признания права будет именно предотвращение нарушения права в будущем.

Однако существует и иная позиция (А.А. Добровольский, С.А. Иванова), согласно которой иск о признании является средством защиты не только оспоренного, но и нарушенного права, т.е. тогда и в тех случаях, когда требуется устранить допущенное нарушение субъективного права истца⁸²².

В современной юридической науке признанию права также придается констатирующее (не правообразующее) значение. Само название рассматриваемого способа, полагает А.В. Люшня, косвенно свидетельствует в пользу того, что суд, защищающий права истца (собственника) с его помощью, право признает (подтверждает), а не создает, в отличие, например, от средства, предусмотренного абз. 11 ст. 12 ГК РФ («прекращение или изменение правоотношения»)⁸²³. В связи с изложенным, признание права не может обладать свойствами правонаделяющего характера.

Тем не менее признание права в любом случае подразумевает определенный правовой результат для заинтересованного лица. Думается, указанное обстоятельство вполне соответствует смыслу ст. 12 ГК РФ и принципу диспозитивности, поскольку именно заинтересованному лицу принадлежит право выбора способа защиты нарушенного права. Причем справедливость наличия рассматриваемой цели защиты (устранение

---

⁸²¹ Советский гражданский процесс: учебник / под ред. М.А. Гурвича. М. : Высшая школа, 1975. С. 106.

⁸²² См., напр.: *Добровольский, А.А., Иванова, С.А.* Основные проблемы исковой формы защиты права. М. : Изд-во МГУ, 1979. С. 61.

⁸²³ *Люшня, А.В.* Правовая природа судебного признания права собственности // Вестник ВАС РФ. 2007. № 5.

правовой неопределенности, например, в части принадлежности права) подтверждается и актуальной судебной практикой⁸²⁴.

Далее, устранение правовой неопределенности может иметь как позитивный, так и негативный аспект. Иными словами, при применении способа защиты можно установить как наличие правоотношения, так и его отсутствие.

Применительно к негативным способам защиты гражданских прав, направленным на устранение правовой неопределенности, следует отнести признание права отсутствующим, признание договора незаключенным, признание сделки несовершенной и т.д. В свою очередь, позитивными будут являться признание права, признание сделки действительной.

При этом отметим, что закон прямо закрепляет дефиницию только о двух способах защиты: признание права (ст. 12 ГК РФ) и признание сделки действительной (ст. 165 ГК РФ).

В соответствии с п. 1 ст. 165 ГК РФ и разъяснениями, содержащимися в п. 58 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», если одна из сторон полностью или частично исполнила сделку, требующую нотариального удостоверения, а другая сторона приняла исполнение и уклоняется от такого удостоверения, суд по требованию стороны, исполнившей сделку, вправе признать сделку действительной.

Приведенные правовые положения означают, что при реализации такого способа защиты, как признание сделки действительной, следует установить совокупность следующих обстоятельств: факт исполнения сделки одной из сторон, принятие исполнения второй стороной, а также уклонение второй стороны от нотариального удостоверения сделки⁸²⁵.

---

⁸²⁴ См., напр.: Постановление 5ААС от 18.03.2013 № 05АП-1394/2013 по делу № А51-14528/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸²⁵ Постановление 17ААС от 15.10.2018 № 17АП-12868/2018-ГК // СПС «КонсультантПлюс».

Разрешая вопрос о действительности сделки, суд учитывает причины, по которым сделка не была удостоверена нотариально, а также поведение каждой из ее сторон.

Признание сделки действительной возможно только в том случае, если причиной отсутствия нотариального удостоверения послужило недобросовестное поведение второй стороны, принявшей исполнение, но неправомерно уклоняющейся от заключения сделки в требуемой законом форме.

Правило, установленное в ст. 165 ГК РФ, объясняется двумя причинами.

Во-первых, сторона, принявшая исполнение, а затем уклоняющаяся от нотариального удостоверения сделки, ведет себя недобросовестно, что не допускается положениями ст. 1, 10 ГК РФ.

Во-вторых, принятие исполнения рассматривается как поведение, подтверждающее намерение придать сделке юридическое действие. При этом в той или иной мере утрачивает значение тот факт, что стороны не завершили процесс совершения сделки, не придав ей надлежащей формы и тем самым не выразили еще воли на сделку.

В обоих случаях существенно не только исполнение сделки одной стороной, но и действия другой стороны, принимающей исполнение. Имеет значение, помимо принятия исполнения, и в целом поведение другой стороны, которая подтверждала действие сделки⁸²⁶.

Прочие способы защиты гражданских прав, прямо законом не поименованные, встречаются только в судебной практике. Наиболее популярными (часто применяемыми) являются: признание договора заключенным⁸²⁷, признание приобретшим право⁸²⁸, признание сделки совершенной⁸²⁹.

---

⁸²⁶ Постановление 9ААС от 30.12.2019 № 09АП-68810/2019-ГК № 09АП-68812/2019-ГК по делу № А40-159643/19 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸²⁷ Постановления 13ААС от 24.01.2020 по делу № А56-57869/2019, 10ААС от 02.12.2019 по делу № А41-105811/18 // СПС «КонсультантПлюс».

Отметим, что практически по каждому из указанных способов практика применения неоднородна. Например, если допускается такой способ защиты, как признание приобретшим право, то уже признание перехода права несостоявшимся будет квалифицировано в качестве недопустимого способа по мотиву отсутствия в ст. 12 ГК РФ упоминания о таковом⁸³⁰. Или же если возможным к применению является «признание договора незаключенным», то реализация «признания договора расторгнутым» будет недопустима⁸³¹.

Такой различный (порой весьма выборочный) подход является нелогичным (и тот, и другой способ в законе не указаны). Более того, подобная позиция, как нам представляется, противоречит такому принципу гражданского права, как равенство участников гражданских правоотношений (ст. 1, 2 ГК РФ), что, в свою очередь, никак не обеспечивает стабильность гражданского оборота.

Как уже указывалось ранее в настоящей работе, оправданность и необходимость такого способа защиты, как «признание договора незаключенным», уже неоднократно доказаны правоприменителем. Признание же договора заключенным, по большому счету, должно являться антиподом рассматриваемого способа. Заявляя о признании договора заключенным, очевидно, управомоченное лицо преследует цель констатировать (закрепить) сам факт заключенности договора, что является основанием для вывода о возникновении соответствующих гражданских прав и обязанностей у сторон (ст. 8 ГК РФ). Вопросы исполнения по такому договору не охватываются названным способом защиты, а подлежат

---

⁸²⁸ Определения Верховного Суда РФ от 17.09.2020 № 306-ЭС20-12562, от 06.02.2020 № 306-ЭС19-27356, Постановление АС Московского округа от 26.09.2017 по делу № А41-80557/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸²⁹ Постановление АС Волго-Вятского округа от 22.06.2021 по делу № А17-11061/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸³⁰ Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 27.07.2011 по делу № А19-21531/10 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸³¹ Определение Верховного Суда РФ от 23.12.2016 № 306-ЭС16-19375 по делу № А65-4002/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

установлению уже при использовании иных способов, направленных на достижение иных целей.

Признание приобретшим право, как и признание сделки совершенной, в целом схожи с признанием договора (сделки) заключенным. Названные способы также призваны устранить имеющиеся сомнения сторон путем фиксации наличия возникшего гражданского правоотношения.

Следует отметить, что в научной литературе также встречаются мнения о целесообразности легального закрепления указанных практически оправданных способов защиты в законе. Например, представляется обоснованным предложение Д.И. Мындры о закреплении в ст. 12 ГК РФ такого способа защиты гражданских прав, как признание сделки несовершенной (договора – незаключенным)⁸³².

Значительного количества цивилистических трудов, посвященных соотношению рассматриваемых способов защиты, не обнаружено. Наблюдается фрагментарный анализ правовой природы «незаключенного договора», «несовершенной сделки», «несостоявшейся сделки». В частности, отмечается, что лексическое значение указанных терминов свидетельствует о свойствах сделки (договора), прежде всего с позиции действий, которые должны совершиться в отношении сделки: сделка может состояться, договор можно заключить, сделку можно совершить. Поэтому, по мнению сторонников такого подхода, категории «несостоявшаяся», «незаключенная», «несовершенная» применительно к сделке (договору) являются не существенными признаками сделки, ее качественными характеристиками, а действиями, которые сделка претерпевает⁸³³. Думается, такой тезис является весьма спорным. Достаточно вспомнить, что заключенность договора

---

⁸³² Мындра, Д.И. Недействительность сделки, не соответствующей закону или иным правовым актам : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. С. 12.

⁸³³ Кияшко, В.А. Теоретические проблемы и последствия несостоявшихся сделок : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2005. С. 49; *Он же*. Теоретические проблемы и последствия несостоявшихся сделок : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2005. С. 14; *Он же*. Несостоявшиеся сделки: очерк законодательства, теории и правоприменительной практики. СПб. : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. С. 13.

зависит не от действий, которые стороны договора должны совершить, а от согласованности сторонами существенных условий такого договора. Соответственно, отсутствие согласия по всем существенным условиям договора (несмотря на совершение сторонами действий, например, по подписанию текста договора в письменной форме) будет означать незаключенность такого договора, о чем указано в п. 1 ст. 432 ГК РФ.

При подведении итогов исследования, отраженного в настоящем параграфе, сформулируем следующие выводы.

Способы, направленные на устранение правовой неопределенности, не влекут возникновение (изменение) права заинтересованного лица, а призваны только устранить сомнения в надлежащем обладателе права либо в наличии (отсутствии) права, внести ясность в правоотношения сторон.

При этом устранение правовой неопределенности в гражданском правоотношении не должно быть направлено ни на восстановление положения, существовавшего до нарушения права, ни на пресечение нарушения либо угрозы нарушения права, ни на компенсацию потерь. Применяемый способ защиты должен преследовать цель исключительно внесения ясности в уже существующее правоотношение. Следовательно, такие способы защиты не должны обладать правонаделяющим (правообразующим) характером.

Изложенное также означает, что применение рассматриваемых способов защиты не должно повлечь за собой понуждение ответчика к выполнению каких-либо обязанностей (совершению либо воздержанию от совершения каких-либо действий), следовательно, такие способы защиты не влекут принудительного исполнения.

К способам защиты гражданских прав, направленным на устранение правовой неопределенности, следует отнести такие поименованные в законе способы, как признание права, признание договора действительным, а также

способы, указание на которые в законе отсутствует, – признание договора незаключенным или заключенным, признание договора расторгнутым, признание сделки несовершенной или совершенной и пр.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В представленной диссертации способы защиты гражданских прав стали предметом комплексного цивилистического исследования. В результате его проведения разработана цивилистическая концепция системы способов защиты гражданских прав, включающая их понятие, условия применения, правовые последствия их несоблюдения, методологические предпосылки к построению системы способов защиты гражданских прав, цель как системообразующий фактор такой системы, классификацию способов защиты гражданских прав на группы по критерию цели защиты.

В качестве главных выводов работы отметим следующие.

1. С учетом охранительного характера общественных отношений, возникающих при реализации защиты гражданских прав, в работе предложено отграничение категории «защиты» субъективных гражданских прав от их «охраны». Аргументированно, что охрана и защита гражданских прав хотя и обладают общими признаками, в то же время имеют ряд очевидных различий. Так, охрана гражданских прав может быть как явлением, зависимым от поведения участников гражданского оборота, определяемым этим поведением, так и оказывающим предупреждающее воздействие на таковых, включая и возможности принуждения к устранению последствий негативного воздействия на право. В отличие от охраны, защита гражданских прав реализуется в отношении нарушенного или оспоренного гражданского права.

2. Обращается внимание на смежный характер таких правовых категорий, как «субъективное право на защиту» и «механизм защиты». Акцентируя внимание на процедурном (процессуальном) аспекте «механизма защиты», диссертантом предложено следующее понимание рассматриваемого явления: механизм защиты гражданского права – это порядок осуществления защиты, состоящий в наборе определенных волевых

актов, совершаемых обладателем права, в том числе с привлечением юрисдикционных органов для достижения установленных законом целей защиты.

3. На основе доктринальных представлений о категории «субъективное право на защиту» и о месте «права на защиту» в составе субъективного права, сформулирован вывод о том, что право на защиту возникает именно в связи с негативным воздействием на право и, соответственно, в момент такого воздействия, что не опровергает производного (зависимого) характера права на защиту по сравнению с самим субъективным правом.

4. В числе характерных особенностей «защиты гражданских прав» названы строго формальный характер, обусловленность правонарушением (посягательством на право или иным негативным воздействием), целеполагание (направленность на устранение негативного воздействия), адресность (направленность против лица, посягающего на принадлежащее заинтересованному лицу право).

5. Рассмотрен дискуссионный вопрос о месте самозащиты гражданских прав в системе способов либо форм защиты. Сделан вывод о том, что главным квалифицирующим признаком самозащиты, позволяющим отграничивать ее от защиты, следует признать самостоятельность применения способов защиты самим управомоченным лицом (без обращения в юрисдикционные органы).

6. Придерживаясь мнения о том, что самозащита является неюрисдикционной формой защиты, в работе предложено отграничивать способы защиты от способов самозащиты гражданских прав. При этом способы самозащиты гражданских прав дифференцированы на поименованные в законе (например, односторонний отказ от договора, удержание вещи кредитором и др.) и непоименованные в нем (например,

самостоятельное выполнение работ для устранения недостатков имущества, введение режима ограниченного потребления энергоресурсов и др.).

7. Акцентируется внимание на таком недостатке современных исследований, как слабая дифференциация понятий «способ защиты», «средство защиты», «меры принуждения», «санкции». Предложено избавиться от неоднозначности указанной терминологии и либо окончательно классифицировать данные понятия исходя из места, которое они занимают в теории и практике гражданского права, либо признать идентичность по меньшей мере понятий «способ защиты» и «средство защиты», как это было сделано в зарубежных правовых системах, где понятие «способ защиты» фактически не используется.

8. Рассмотрен дискуссионный вопрос о разграничении таких понятий, как «условия защиты» и «основания защиты» права. Сделан вывод о недопустимости отождествления условий и оснований защиты гражданских прав, в связи с чем замечено, что само по себе гражданское правонарушение в таком случае не будет поглощать все возможные поводы для защиты гражданских прав.

9. В поисках общей правовой категории, объединяющей признаки как нарушенного права, так и права под угрозой нарушения, автором диссертации предложено выделение посягательства на субъективное гражданское право. Выяснено, что защита субъективного гражданского права должна применяться и против посягательства, и против правонарушения, и против угрозы нарушения права. Объединяющим признаком для указанных правовых категорий является негативное воздействие на субъективное гражданское право.

10. При квалификации применяемого управомоченным лицом способа защиты в качестве надлежащего предлагается исходить из совокупности выявленных условий защиты субъективного гражданского

права, как обязательных требований, соблюдение которых влечет возможность применения защиты.

11. В качестве особенностей английской доктрины частного права названы следующие: увязка способов защиты с гражданско-правовой ответственностью; понимание способов защиты через призму средств обеспечения соблюдения прав; квалификация способов защиты в качестве правовых инструментов, которые могут быть использованы при обращении в суд с иском; отождествление некоторых способов защиты либо со способом обеспечения исполнения обязательств, либо с каким-либо процессуальным институтом; размытость границ применения способов защиты при конкретном нарушении права; отсутствие единого унифицированного определения способа защиты гражданских прав.

12. При изучении немецкой системы обязательственных способов защиты прав установлено, что отличительной чертой германского законодательства является отделение права (требования) кредитора на исполнение обязательства в натуре от других прав кредитора, которые могут возникнуть в случае неисполнения либо ненадлежащего исполнения контракта. В работе отмечается, что ныне действующая система обязательственных способов защиты гражданских прав, основанная на обновленном в 2002 г. ГГУ, отличается следующими особенностями: слабая дифференциация способов защиты в зависимости от типа нарушения контракта; абстрактность категории «нарушение обязанностей должником»; универсальность выбора способа защиты; деление способов защиты на а) исполнение обязательства в натуре; б) компенсацию (возмещение убытков); в) прекращение (расторжение) контракта; г) иные предусмотренные законом способы защиты (в том числе: устранение дефектов; снижение цены; поставку новых товаров надлежащего качества; замену в случае невозможности исполнения; защиту невыполненного контракта, защиту ненадежности).

13. Изучение способов защиты гражданских прав в законодательстве Нидерландов позволило получить следующие научные результаты: системообразующим способом защиты является исполнение обязательства в натуре; прочие способы защиты применяются субсидиарно; в качестве ограничений для применения исполнения обязательства в натуре предусмотрена невозможность исполнения в соответствии с законом, в связи с существом обязательства и ввиду закрепления соответствующих условий в контракте; способы защиты дифференцируются на те, которые применяются, если неисполнение обусловлено поведением должника, и те, которые применяются, если такое неисполнение не связано с поведением должника.

14. Выявлены особенности французской системы способов защиты гражданских прав: ГК Франции (ст. 1217) закрепляет перечень доступных в случае неисполнения контракта санкций; во внедоговорных обязательствах французское право руководствуется принципом «полной компенсации» любого причиненного пострадавшему лицу вреда; при возможности одновременного использования обязательственных способов защиты прав и деликтных применению подлежат исключительно первые.

15. Сделан вывод о том, что множественность видов гражданских прав порождает необходимость в констатации системных элементов, позволяющих определить общие и единые свойства, призванные упорядочить разрозненную на сегодняшний день палитру всех возможных способов защиты гражданских прав. Утверждается, что наилучшим путем закрепления наиболее часто используемых, оправданных сложившейся практикой применения способов защиты гражданских прав представляется их прямое законодательное установление. Подчеркивается, что помимо перечня достаточно разработанных «исковых» способов защиты, было бы целесообразным установить критерии и особенности защиты.

16. Сделан общий вывод о необходимости квалификации цели защиты в качестве основного (базового, или «главного»)

системообразующего фактора при построении системы способов защиты гражданских прав. Под целью защиты предложено понимать конечный результат применения способа защиты гражданских прав, на который непосредственным образом должен быть направлен применяемый способ. При таких обстоятельствах констатация цели защиты в результате применения конкретного способа защиты должна являться обязательным условием для эффективной защиты. К целям защиты гражданских прав предложено относить: восстановление положения, существовавшего до негативного воздействия на право; пресечение действий, нарушающих право либо создающих угрозу нарушения права; компенсацию потерь от нарушения права; устранение правовой неопределенности в правоотношениях сторон.

17. Для разрешения споров о соотношении целей и способов защиты гражданских прав, о целесообразности сохранения принципа обязательного правового закрепления каждого применяемого способа, предложено законодательное регулирование выявленных выше целей защиты гражданских прав. Обязательное установление любой из указанных целей (либо их совокупности) является необходимым условием для вывода о надлежащем характере избранного способа защиты гражданских прав. Следовательно, правовым последствием того, что применяемый управомоченным лицом способ защиты не приводит к достижению описанной цели (целей), должен являться отказ в защите гражданского права.

18. На основе поддерживаемой автором диссертации концепции целей защиты гражданских прав доказано, что способы защиты гражданских прав следует разграничивать на восстановительные, пресекательные, компенсаторные и направленные на устранение правовой неопределенности по критерию цели защиты.

С учетом отсутствия в современной цивилистике комплексных монографических исследований системы способов защиты гражданских

прав, полученные в рамках настоящего научного изыскания теоретические выводы создают необходимый доктринальный задел для дальнейших научных разработок системы способов защиты гражданских прав.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Нормативные правовые акты Российской Федерации

1. Конституция Российской Федерации (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). — 04.07.2020.
2. Гражданский кодекс (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. Федерального закона от 28.06.2021 № 225-ФЗ) // Российская газета. — № 238–239. — 08.12.1994.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ (в ред. Федерального закона от 01.07.2021 № 295-ФЗ) // СЗ РФ. — 29.01.1996. — № 5. — Ст. 410.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): Федеральный закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ (в ред. Федерального закона 31.07.2020 № 262-ФЗ) // Российская газета. — № 289. — 22.12.2006.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Российская газета. — № 249. — 22.12.2001.
6. Об обществах с ограниченной ответственностью: Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (в ред. Федерального закона от 02.07.2021 354-ФЗ) // Российская газета. — № 30. — 17.02.1998.
7. О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2012 № 302-ФЗ // Российская газета. — № 3. — 11.01.2013.
8. О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 07.05.2013 № 100-ФЗ (в ред.

Федерального закона от 28.12.2016 № 499-ФЗ) // Российская газета. — № 99. — 13.05.2013.

9. Об акционерных обществах: Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (в ред. Федерального закона от 02.07.2021 № 354-ФЗ) // Российская газета. — № 248. — 29.12.1995.
10. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (в ред. Федеральным законом от 01.07.2021 № 265-ФЗ) // Российская газета. — № 229. — 18.02.1992.
11. О защите конкуренции: Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (в ред. Федерального закона от 01.07.2021 № 275-ФЗ) // Российская газета. — № 162. — 27.07.2006.

Международно-правовые акты

12. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. — 10.12.1998.
13. Декларация прав и свобод человека (утверждена Съездом народных депутатов СССР 05.09.1991 № 2393-1) // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. — 11.09.1991. — № 37. — Ст. 1083.
14. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950, ратифицирована Россией Федеральным законом от 30.03.1998 № 54-ФЗ, с оговоркой и заявлениями) // СЗ РФ. — 2001. — № 2. — Ст. 163
15. Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (Заключена в г. Вене 11.04.1980) // Вестник ВАС. — 1994. — № 1.
16. Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 19.12.1966) // Ведомости Верховного Совета СССР. — 28.04.1976. — № 17. — Ст. 291.

17. Принципы Европейского контрактного права (Principles of European Contract Law (PECL)) [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — URL: http://translex.uni-koeln.de/400200/_/pec1/ (дата обращения: 20.07.2021).
18. Принципы международных коммерческих договоров (UNIDROIT Principle) [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — URL: <https://www.unidroit.org/instruments/commercial-contracts/unidroit-principles-2016/> (дата обращения: 20.07.2021).
19. Council Directive 85/374/EEC of 25 July 1985 on the approximation of the laws, regulations and administrative provisions of the Member States concerning liability for defective products // OJ L 210. — P. 29–33.
20. Directive 1999/44/EC of the European Parliament and of the Council of 25 May 1999 on certain aspects of the sale of consumer goods and associated guarantees // OJ L 171. — P. 12.
21. Directive 2000/31/EC of the European Parliament and of the Council of 8 June 2000 on certain legal aspects of information society services, in particular electronic commerce, in the Internal Market // OJ L 178. — P. 1–16.
22. Directive 2000/35/EC of the European Parliament and of the Council of 29 June 2000 on combating late payment in commercial transactions // OJ L 200. — P. 35.
23. Directive 2011/7/EU of the European Parliament and of the Council of 16 February 2011 on combating late payment in commercial transactions // OJ L 47. — P. 1–10.
24. Law Commission. Aggravated, Exemplary and Restitutionary Damages // Law Com. — 1997. — No. 247.
25. Law Commission. Contributory Negligence as a Defence in Contract // Law Com. — 1993. — No. 219.

Нормативные правовые акты, утратившие силу, исторические документы

26. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977) (утратила силу с 12.12.1991) // Ведомости ВС СССР. — 1977. — № 41. — Ст. 617.
27. Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик (утв. ВС СССР 31.05.1991 № 2211-1) (утратили силу с 01.01.2008) // Ведомости ВС СССР. — 1961. — № 50. — Ст. 525.
28. Гражданский кодекс РСФСР (утратил силу) // СУ РСФСР. — 1922. — № 71. — Ст. 904.
29. Гражданский кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) (утратил силу с 01.01.2008) // Ведомости ВС РСФСР. — 1964. — № 24. — Ст. 407.

Нормативные правовые акты зарубежных государств

30. Гражданский кодекс Нидерландов (Burgerlijk Wetboek) [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — URL: <http://www.dutchcivillaw.com/civilcodegeneral.htm> (дата обращения: 03.08.2021).
31. Правила гражданского процесса Великобритании (The Civil Procedure Rules 1998) (SI 1998/3132) [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukxi/1998/3132/contents/made> (дата обращения: 14.08.2021).
32. Французский гражданский кодекс (Code civil) [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070721/ (дата обращения: 02.08.2021).
33. Administration of Justice Act 1982 [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1982/53> (дата обращения 15.08.2021).

34. Arzneimittelgesetz 1961 // BGBl. 1961. I S. 533 [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — URL: https://www.bgbl.de/xaver/bgbl/start.xav?start=//%5B@attr_id=%27bgbl161s0533.pdf%27%5D#__bgbl__%2F%2F*%5B%40attr_id%3D%27bgbl161s0533.pdf%27%5D__1640648130815 (дата обращения: 07.08.2021).
35. Copyright, Designs and Patents Act 1988 [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1988/48/contents> (дата обращения: 15.08.2021).
36. Fatal Accidents Act 1976 [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1976/30> (дата обращения: 15.08.2021).
37. Gesetz zur Beschleunigung fälliger Zahlungen // BGBl. 2000. Teil I Nr. 14, ausgegeben am 07.04.2000. Seite 330 [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — URL: https://dejure.org/BGBl/2000/BGBl._I_S._330 (дата обращения: 07.08.2021).
38. Gesetz zur Modernisierung des Schuldrechts // BGBl. 2001. Teil I, ausgegeben am 26.11.2001. 3138 ss [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — URL: https://dejure.org/BGBl/2001/BGBl._I_S._3138 (дата обращения: 07.08.2021).
39. Patents Act 1977 [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1977/37> (дата обращения: 15.08.2021).
40. Sale of Goods Act 1979 (An Act to consolidate the law relating to the sale of goods) [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1979/54> (дата обращения: 15.08.2021).
41. Strassenverkehrsgesetz // BGBl. 2003. I S. 310, 919 [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — URL: <https://www.gesetze-im->

internet.de/stvg/index.html#BJNR004370909BJNE007903126 (дата обращения: 07.08.2021).

42. The Late Payment of Commercial Debts (Interest) Act 1998 [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1998/20> (дата обращения: 15.08.2021).
43. The Law Reform (Contributory Negligence) Act 1945 (An Act to amend the law relating to contributory negligence and for purposes connected therewith) [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo6/8-9/28/enacted?view=plain> (дата обращения: 01.09.2021).
44. The Supreme Court Act 1981 (An Act to consolidate with amendments the Supreme Court of Judicature (Consolidation) Act 1925 and other enactments relating to the Supreme Court of England and Wales and the administration of justice therein; to repeal certain obsolete or unnecessary enactments so relating; to amend Part VIII of the Mental Health Act 1959, the Courts-Martial (Appeals) Act 1968, the Arbitration Act 1979 and the law relating to county courts; and for connected purposes) [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1981/54/contents/enacted> (дата обращения: 14.08.2021).

Правоприменительные акты

45. По делу о проверке конституционности части второй статьи 266 и пункта 3 части первой статьи 267 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан Е.А. Арбузовой, О.Б. Колегова, А.Д. Кутырева, Р.Т. Насибулина и В.И. Ткачука: Постановление Конституционного Суда РФ от 28.05.1999 № 9-П // ВКС РФ. — 1999. — № 5.

46. По делу о проверке конституционности абзаца тринадцатого статьи 12 Гражданского кодекса Российской Федерации и части 2 статьи 13 и пункта 1.1 части 1 статьи 29 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.Г. Жукова: Постановление Конституционного Суда РФ от 06.12.2017 № 37-П // Российская газета. — № 283. — 14.12.2017.
47. По делу о проверке конституционности пункта 2 части 3 статьи 104 Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» в связи с жалобой гражданина В.В. Солина: Постановление Конституционного Суда РФ от 09.04.2020 № 16-П // Собрание законодательства РФ. — 18.05.2020. — № 20. — Ст. 3220.
48. По жалобе гражданина Овчинникова Виктора Александровича на нарушение его конституционных прав частью 3 статьи 30.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: Определение Конституционного Суда РФ от 04.04.2006 № 113-О // СЗ РФ. — 2006. — № 27. — Ст. 2971.
49. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Коваленко Ольги Федоровны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 статьи 1153 и пунктом 1 статьи 1155 Гражданского кодекса Российской Федерации, а также подпунктом «б» пункта 40 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о наследовании»: Определение Конституционного Суда РФ от 26.10.2017 № 2382-О [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.11.2021).
50. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Симакина Александра Сергеевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 1153 и абзацем первым пункта 1 статьи 1155

Гражданского кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 25.11.2020 № 2691-О [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.10.2021).

51. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Сперанской Елены Евгеньевны на нарушение ее конституционных прав пунктами 1 и 2 статьи 1153 Гражданского кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 24.12.2020 № 2994-О [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.11.2021).
52. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 // Российская газета. — № 140. — 30.06.2015.
53. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 // Российская газета. — № 140. — 30.06.2015.
54. О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2018. — № 3.
55. О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав: Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 22 от 29.04.2010 // Вестник ВАС РФ. — 2010. — № 6.

56. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 5 (2017), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.12.2017 // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2018. — № 12.
57. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.11.2019) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2020. — № 4.
58. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.06.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2020. — № 10.
59. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.02.2017) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2018. — № 1. (начало); Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2018. — № 2. (продолжение); Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2018. — № 3. (окончание).
60. Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с применением главы 23 Налогового Кодекса Российской Федерации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.10.2015) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.11.2021).
61. Решение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 14.10.2020 № АКПИ20-430 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.11.2021).
62. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15.04.2019 по делу № 306-ЭС18-20653 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.09.2021).
63. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 18.12.2018 по делу № 307-ЭС18-8988 [Электронный ресурс]

- // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.09.2021).
64. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 02.04.2019 № 85-КГ18-23 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 09.08.2021).
65. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 26.02.2019 № 117-КГ18-53 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.10.2021).
66. Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 28.01.2021 № АПЛ20-472 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.07.2021).
67. Определение Верховного Суда РФ от 18.10.2021 № 305-ЭС21-18693 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.11.2021).
68. Определение Верховного Суда РФ от 19.05.2021 № 307-ЭС21-5800 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.08.2021).
69. Определение Верховного Суда РФ от 17.09.2020 № 306-ЭС20-12562 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.10.2021).
70. Определение Верховного Суда РФ от 06.02.2020 № 306-ЭС19-27356 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. —

- Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 12.10.2021).
71. Определение Верховного Суда РФ от 17.01.2020 № 306-ЭС19-25732 по делу № А12-6710/2019 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.11.2021).
72. Определение Верховного Суда РФ от 15.04.2019 по делу № 306-ЭС18-20653 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.11.2021).
73. Определение Верховного Суда РФ от 23.12.2016 № 306-ЭС16-19375 по делу № А65-4002/2016 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.07.2021).
74. Определение Верховного Суда РФ от 16.09.2014 по делу № 310-ЭС14-79 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 07.08.2021).
75. Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 08.10.2012 № ВАС-12487/12 по делу № А40-167512/09-89-1143 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.07.2021).
76. Определение Верховного Суда РФ от 09.08.2011 № 38-В11-8 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.11.2021).
77. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 06.06.2018 № С01-345/2018 по делу № А40-89576/2017 [Электронный ресурс] //

- КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.09.2021).
78. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 18.08.2017 № С01-433/2017 по делу № А43-16089/2016 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 02.11.2021).
79. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 30.11.2016 № С01-110/2015 по делу № А40-2288/2014 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.11.2021).
80. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 30.03.2016 № С01-663/2014 по делу № А34-5780/2012 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 02.11.2021).
81. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 05.08.2015 № С01-579/2015 по делу № А03-6341/2014 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 02.11.2021).
82. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 08.06.2020 по делу № А43-13968/2019 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.11.2021).
83. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 15.02.2017 N Ф01-6193/2016 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.11.2021).
84. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 17.05.2021 по делу № А17-9846/2019 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс:

- справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.11.2021).
85. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 20.09.2021 № Ф01-4808/2021 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 07.12.2021).
86. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 21.12.2020 № Ф01-13537/2020 по делу № А29-17115/2019 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 17.08.2021).
87. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 22.06.2021 по делу № А17-11061/2018 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.11.2021).
88. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 09.11.2020 № Ф02-4858/2020 по делу № А19-15814/2019 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 02.11.2021).
89. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 06.09.2021 № Ф03-4549/2021 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 17.11.2021).
90. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 14.05.2021 № Ф04-1848/2021 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.11.2021).
91. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 01.09.2021 № Ф05-13476/2021 по делу № А41-8742/2020 [Электронный ресурс] //

- КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.11.2021).
92. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21.09.2020 по делу № А40-249682/19 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 02.11.2021).
93. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 26.09.2017 по делу № А41-80557/2016 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 02.11.2021).
94. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 27.08.2019 № Ф05-13857/2019 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 17.11.2021).
95. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 26.03.2021 № Ф06-1762/2021 по делу № А65-7152/2020 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.10.2021).
96. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 04.06.2020 № Ф07-2680/2020 по делу № А21-5368/2019 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 18.08.2021).
97. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 09.10.2014 по делу № А50-24744/2013 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.11.2021).
98. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 10.09.2021 № Ф09-6582/21 по делу № А50-27431/2020 [Электронный ресурс] //

- КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.11.2021).
99. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 15.03.2021 № Ф09-700/21 по делу № А60-5578/2020 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 05.11.2021).
100. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 15.07.2016 № Ф09-7482/16 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 02.11.2021).
101. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 18.05.2021 № Ф09-2424/21 по делу № А60-14150/2020 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.09.2021).
102. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 18.08.2021 № Ф09-5343/21 по делу № А76-30358/2020 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.11.2021).
103. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 19.08.2021 № Ф09-6636/21 по делу № А60-63426/2020 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.11.2021).
104. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 20.09.2017 № Ф09-6191/14 по делу № А07-2059/2013 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.08.2021).
105. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 24.05.2021 № Ф09-1023/21 по делу № А76-37837/2018 [Электронный ресурс] //

- КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 17.08.2021).
106. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 25.09.2015 № Ф09-6957/15 по делу № А07-1900/2015 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 17.08.2021).
107. Постановление Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 03.11.2010 по делу № А31-701/2010 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 07.07.2021).
108. Постановление Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 08.06.2011 по делу № А79-9395/2010 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 28.07.2021).
109. Постановление Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 17.11.2011 по делу № А33-17125/2010 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 05.11.2021).
110. Постановление Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 27.07.2011 по делу № А19-21531/10 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.11.2021).
111. Постановление Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 17.11.2011 по делу № А33-17125/2010 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.08.2021).
112. Постановление Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 25.07.2011 № Ф03-3301/2011 [Электронный ресурс] //

- КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 17.08.2021).
113. Постановление Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 25.07.2011 № Ф03-3301/2011 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.08.2021).
114. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 28.04.2012 по делу № А40-68030/08-15-589 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.07.2021).
115. Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 21.06.2012 по делу № А55-22986/2011 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 17.10.2021).
116. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа по делу № А56-35988/03 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.10.2021).
117. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 09.06.2014 по делу № А32-12652/2013 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.07.2021).
118. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 11.07.2014 по делу № А32-34232/2012 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.07.2021).
119. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 11.07.2006 № Ф08-3140/2006 [Электронный ресурс] //

- КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 17.08.2021).
120. Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 14.01.2010 № Ф09-10676/09-С4 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.11.2021).
121. Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 12.04.2006 по делу № Ф09-2538/06-С3 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.09.2021).
122. Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 15.03.2006 № Ф09-598/06-С4 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 07.08.2021).
123. Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 25.11.2008 № Ф09-8771/08-С6 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.07.2021).
124. Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 25.11.2008 № Ф09-8771/08-С6 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.06.2021).
125. Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 19.12.2012 № Ф09-12327/12 по делу № А07-22276/2011 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.06.2021).
126. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 04.08.2014 № 18АП-7319/2014 [Электронный ресурс] //

- КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.08.2021).
127. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 05.07.2019 № 18АП-7911/2019 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.11.2021).
128. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 14.12.2012 по делу № А75-5973/2011 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.06.2021).
129. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 11.02.2019 № 02АП-10301/2018 по делу № А82-8622/2018 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.09.2021).
130. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда № 09АП-68810/2019-ГК, № 09АП-68812/2019-ГК от 30.12.2019 по делу № А40-159643/19 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.12.2021).
131. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 14.09.2020 № 09АП-27380/2020 по делу № А40-52119/2019 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.11.2021).
132. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 14.09.2020 № 09АП-27380/2020 по делу № А40-52119/2019 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.11.2021).

133. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.10.2020 по делу № А40-52627/20 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.11.2021).
134. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 19.06.2020 № 09АП-4846/2020 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.11.2021).
135. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 02.12.2019 по делу № А41-105811/18 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.11.2021).
136. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 17.11.2008 по делу № А41-6541/08 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.07.2021).
137. Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 18.03.2013 № 05АП-1394/2013 по делу № А51-14528/2012 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.11.2021).
138. Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 28.12.2015 по делу № А51-15888/2015 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.11.2021).
139. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 21.08.2020 № 07АП-4249/2020 по делу № А27-28654/2019 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 17.08.2021).

140. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 14.07.2021 № 17АП-7115/2021-ГК по делу № А50-3798/2021 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 09.09.2021).
141. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 15.10.2018 № 17АП-12868/2018-ГК [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.11.2021).
142. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.01.2010 № 17АП-8895/2009-ГК [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.08.2021).
143. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.11.2019 № 17АП-14962/2019-ГК по делу № А60-3829/2019 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.11.2021).
144. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 20.07.2021 № 17АП-7340/2021-ГК по делу № А50-1843/2021 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.11.2021).
145. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 24.01.2020 по делу № А56-57869/2019 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.11.2021).
146. Апелляционное определение Верховного суда Республики Татарстан от 12.10.2017 по делу № 33-4109/2017 [Электронный ресурс] //

- КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.10.2021).
147. Апелляционное определение Ленинградского областного суда от 11.01.2017 № 33-202/2017 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 07.10.2021).
148. Апелляционное определение Московского городского суда от 10.11.2017 по делу № 33-38862/2017 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 04.11.2021).
149. Решение Арбитражного суда Пермского края от 05.05.2021 по делу № А50-2243/2021. — Электрон. дан. — URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/a00dfd02-ba4d-40e0-bece-1ad97bb518b2/27b2b978-e0b3-4932-b991-56586fe9ac4c/A50-2243-2021_20210505_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 01.11.2021).
150. *Addis v Gramophone Co Ltd* [1909] AC 488, HL.
151. *A-G for Hong Kong v Reid* [1994] 1 AC 324, PC.
152. *Alder v Moore* [1961] 2 QB 57, CA
153. *Aluminium Industrie Vaasen BV v Romalpa Aluminium Ltd* [1976] 1 WLR 676.
154. *Amantilla Ltd v Telefusion plc* (1987) 9 Con LR 139.
155. *American Cyanamid Co v Ethicon Ltd* [1975] AC 396.
156. *Anderson v Hoen (The Flying Fish)* (1865) 3 Moo PCCNS 77, PC.
157. *Attorney-General v Blake* [2001] 1 AC 268, HL.
158. *Barclays Bank Ltd v Fairclough Building Ltd* [1994] 3 WLR 1057.
159. *Behrens v Richards* [1981] QB 88, CA.
160. *Bennett v White* [1910] 2QB 643 CA.
161. *Berry v Humm & Co* [1915] 1 KB 627.

162. BGHZ 114, 193.
163. BGHZ 13, 334.
164. Borden (UK) Limited v Scottish Timber Products [1979] 3 AER 961.
165. Bristol & West Building Society v Mothew [1998] Ch 1, CA. 17.
166. Brockman v. Barton Brands, LTD., 2009 U.S. Dist. (3:06CV-332-H) (W.D. Ky. Nov. 25, 2009).
167. Broome v Cassell [1972] AC 1027, HL.
168. Cayne v Global Natural Resources plc [1984] 1 All ER 225, CA.
169. Chaplin v Hicks [1911] 2 KB 786, CA.
170. Chappell v Times Newspapers Ltd [1975] 1 WLR 482, CA.
171. Charrington v Simons & Co Ltd [1971] 1 WLR 598, CA.
172. Coflexip SA v Stolt Comex Seaway MS Ltd [2001] 1 All ER 952 (note), CA.
173. Co-operative Insurance Society Ltd v Halfords Ltd (No 2) 1999 SLT 685, OH.
174. Daly v General Steam Navigation Co Ltd [1979] 1 Lloyd's Rep 257, CA.
175. Dance v Goldingham (1873) LR 8 Ch App 902.
176. De Bernardy v Harding (1853) 8 Exch 822
177. Doherty v Allman (1878) 3 App Cas 709, 720, HL
178. Drake v Foster Wheeler Ltd [2010] EWHC 2004 (QB).
179. Dunlop Pneumatic Tyre Ltd v New Garage and Motor Co Ltd [1915] AC 79, HL.
180. Esso Petroleum Co Ltd v Marden [1976] QB 801.
181. Erlanger v New Sombrero Phosphate Co (1878) 3 App Cas 1218, HL.
182. Falcke v Gray (1859) 4 Drew 651.
183. Fawcett and Holmes' Contract (1889) 42 Ch D 150, CA
184. Fawcett and Holmes' Contract (1889) 42 Ch D 150, CA.
185. Ferguson v Wilson (1866) 2 Ch App 77.
186. Fletcher v Fletcher (1844) 4 Hare 67.
187. Foaminol Laboratories v British Artid Plastic Ltd [1941] 2 All ER 393, 400.

188. *Giles & Co Ltd v Morris* [1972] 1 WLR 307, 318.
189. *Giles v Edwards* (1797) 7 Term Rep 181.
190. *Goulding v. Cook*, 661 N.E.2d 1322 (Mass. 1996).
191. *Graham v Dodds* [1983] 1 WLR 808, HL.
192. *Grein v Imperial Airways Ltd* [1937] 1 KB 50.
193. *Hadley v Baxendale* (1854) 9 Exch. 341.
194. *Halesown Presswork and Assemblies Ltd v Westminster Bank* [1972] AC 785.
195. *Hanak v Green* [1958] 2 All ER 141 CA.
196. *Harrison v Duke of Rutland* [1893] 1 QB 142, CA.
197. *Hay v Hughes* [1975] QB 790, CA.
198. *Hendler v. United States*, 952 F.2d 1364, 1374-75 (Fed. Cir. 1991).
199. *Holden v Chief Constable of Lancashire* [1987] QB 380, CA.
200. *Holden v Chief Constable of Lancashire* [1987] QB 380, CA.
201. *Horsler v Zorro* [1975] Ch 302.
202. *Hunt v Severs* [1994] 2 AC 350, HL.
203. *Jarvis v Swan's Tours Ltd* [1973] QB 233, CA.
204. *John Snow & Company Limited v DBG Woodcroft & Company Limited* [1985] BCLC 54.
205. *Johnson v Agnew* [1980] AC 367, HL.
206. *Johnson v Shrewsbury and Birmingham Rly Co* (1853) 3 De GM & G 914.
207. *Jones v Livox Quarries Ltd* [1952] 2 QB 608.
208. *Joseph v National Magazine Co* [1959] Ch 14.
209. *Lambert v Lewis* [1982] AC 225, HL.
210. *Lamine v Dorrell* (1705) 2 Ld Raym 1216.
211. *Laverack v Woods of Colchester Ltd* [1967] 1 QB 278, 294.
212. *Leeds Industrial Co-operative Society Ltd v Slack* [1924] AC 851, HL.
213. *L'enfant Plaza Prop., Inc. v. United States*, No. 67–75, 1981 WL 30785, at *18–25 (Ct. Cl. Apr. 13, 1981).

214. *Livingstone v Rawyards Coal Co* (1880) 5 App Cas 25, 39.
215. *Llandudno UDC v Woods* [1899] 2 Ch 705.
216. *London, Chatham and Dover Railway Company v South Eastern Railway* [1893] AC 429, HL.
217. *Lumley v Wagner* (1852) 21 LJ Ch 898.
218. *Madrid v. Spears*, 250 F.2d 51 (10 Cir. 1957).
219. *Marengo Cave Co. v. Ross*, 212 Ind. 624, 10 N.E.2d 917 (1937).
220. *Mellstrom v Garner* [1970] 1 WLR 603, CA.
221. *Messier-Dowty Ltd v Sabena SA (No 2)* [2000] 1 WLR 2040, 2050.
222. *Murad v Al-Saraj* [2005] EWCA Civ 959.
223. *Oughton v Seppings* (1830) 1 B & Ad 241.
224. *Overseas Tankship (UK) Ltd v Morts Dock & Engineering Co Ltd (The Wagon Mound)* [1961] AC 388, PC.
225. *Page One Records v Britton* [1968] 1 WLR 157.
226. *Patel v W. H Smith (Eziot) Ltd* [1987] 1 WLR 853, CA.
227. *Performing Right Society Ltd v Mitchell & Booker Ltd* [1924] 1 KB 762.
228. *Peter Pan Manufacturing Corp v Corsets Silhouette Ltd* [1964] 1 WLR 96.
229. *Phillips Hong Kong Ltd v A-G of Hong Kong* (1993) 61 Building LR 41, PC.
230. *Powell v Rees* (1837) 7 Ad & El 426.
231. *Price v Strange* [1978] Ch 337, 367–368, CA.
232. *Prince Albert v Strange* (1849) 2 De G & Son 704.
233. *Radford v De Froberville* [1977] 1 WLR 1262.
234. *Re Bond Worth* [1979] 3 AER 919.
235. *Re Willis, Percival & Co ex parte Morier* [1879] 12 ChD 491 CA.
236. *Redgrave v Hurd* (1881) 20 Ch D 1.
237. *Redland Bricks v Morris* [1970] AC 652, HL.
238. *Reeves v Commissioner of Police of the Metropolis* [2000] 1 AC 360, HL
239. *Riches v News Group Newspapers* [1986] QB 256, CA
240. *Roberts v Johnstone* [1989] QB 878, CA.

241. *Robinson v Harman* (Parke B) (1848) 1 Exch. 850, 855.
242. *Rookes v Barnard* [1970] AC 652, HL.
243. *Rosedale Associated Manufacturers Ltd v Airfi x Products Ltd* [1956] RPC 360.
244. *Slazenger & Sons v Feltham & Co* (1889) 6 RPC 531.
245. *Ruxley Electronics and Construction Ltd v Forsyth* [1996] AC 344.
246. *Ryan v Mutual Tontine Westminster Chambers Association* [1893] 1 Ch 116, CA.
247. *Saxby v Easterbrook* (1878) 3 CPD 339.
248. *Sea Carriers v Ferrostaal (The Puerto Buitrago)* [1976] 1 Lloyd's Rep 250, 256, CA.
249. *Seager v Copydex Ltd* [1967] 1 WLR 923, CA.
250. *Shaw v Applegate* [1977] 1 WLR 970, CA.
251. *Shelfer v City of London Electric Lighting Co.* [1895] 1 Ch 287, CA
252. *Shepherd Homes Ltd v Sandham* [1971] Ch 340, 351.
253. *Somerville v. Jacobs*, 170 S.E.2d 805 (W. Va. 1969)
254. *Sowden v Lodge* [2004] EWCA Civ 1370, [2005] 1 WLR 2129.
255. *Stansbie v Troman* [1948] 2 KB 48, CA.
256. *Stevenson v. E.F. Dupont de Nemours*, 327 F.3d 400 (5th Cr. 2003).
257. *Gill v. LDI*, 19 F. Supp. 2d 1188 (W.D. Wash. 1998);
258. *Strand Electric and Engineering Co Ltd v Brisford Entertainments Ltd* [1952] 2 QB 246.
259. *Supershield Ltd v Siemens Building Technologies FE Ltd.* [2010] EWCA Civ 7, [2010] 1 Lloyd's Rep 349.
260. *Surrey County Council v Bredero Homes Ltd* [1993] 1 WLR 1361, CA.
261. *Target Holdings Ltd v Redfern* [1996] AC 421, HL.
262. *Telegraph Despatch and Intelligence Co v McLean* (1873) 8 Ch App 658.
263. *The Nanfri* [1978] Lloyd's Rep 132 CA.
264. *United Australia Ltd v Barclays Bank Ltd* [1941] AC 1.

265. Viscount Haldane LC in *British Westinghouse Electric and Manufacturing Co Ltd v Underground Electric Rlys Co of London Ltd* [1912] AC 673, 689, HL.
266. *Walters v Morgan* (1861) 3 De GF & J 718.
267. *Warner Bros Pictures Inc v Nelson* [1937] 1 KB 209.
268. *Watts v Morrow* [1991] 1 WLR 1421, CA.
269. *Wheelwright v Walker* (1883) 23 Ch D 752.
270. *White and Carter (Councils) Ltd v McGregor* [1962] AC 413, HL.
271. *William Whitley Ltd v Hilt* [1918] 2 KB 808, 819.
272. *Wrotham Park Estate Co Ltd v Parkside Homes Ltd* [1974] 1 WLR 798.

Монографии

273. Абова, Т. Е. Избранные труды. Гражданский и арбитражный процесс. Гражданское и хозяйственное право / Т. Е. Абова — М.: Статут, 2007. — 1134 с.
274. Абова, Т. Е. Охрана хозяйственных прав предприятий / Т. Е. Абова — М.: Юридическая литература, 1975. — 216 с.
275. Агарков, М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву / М. М. Агарков — М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1940. — 192 с.
276. Александров, Н. Г. Законность и правоотношения в советском обществе / Н. Г. Александров — М., 1955. — 176 с.
277. Алексеев, С. С. Общие теоретические проблемы системы советского права / С. С. Алексеев — М.: Юрид. лит., 1961. — 187 с.
278. Алексеев, С. С. Структура советского права / С. С. Алексеев — М.: Юрид. лит., 1975. — 264 с.
279. Андреев, Ю. Н. Механизм гражданско-правовой защиты / Ю. Н. Андреев — М.: Норма; Инфра-М, 2010. — 464 с.
280. Анохин, П. К. Избранные труды. Философские аспекты теории фундаментальной системы / П. К. Анохин — М., 1978. — 399 с.

281. Анохин, П. К. Очерки по физиологии функциональных систем / П. К. Анохин — М., 1975. — 448 с.
282. Баринов, Н. А. Права граждан по договору бытового заказа и их защита / Н. А. Баринов — Саратов: СГУ, 1973. — 162 с.
283. Белых, В. С. Договорное право Англии: сравнительно-правовое исследование: монография / В. С. Белых — М.: Проспект, 2017. — 208 с.
284. Белых, В. С., Яковлев, В. Ф. Россия: экономика, гражданское право / В. С. Белых, В. Ф. Яковлев — М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2000. — 224 с.
285. Блауберг, И. В., Садовский, В. Н., Юдин, Э. Г. Системный подход / И. В. Блауберг, В. Н. Садовский, Э. Г. Юдин // Новая философская энциклопедия: в 4 т. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Мысль, 2010. — 2816 с.
286. Богданова, Е. Е. Защита от контрагента. Проблемы субъективных гражданских прав и интересов в договорных отношениях / Е. Е. Богданова — М.: Приор-издат, 2006. — 208 с.
287. Брагинский, М. И., Витрянский, В. В. Договорное право. Кн. 1. Общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский — 3-е изд. — М.: Статут, 2001. — 848 с.
288. Брагинский, М. И., Витрянский, В. В. Договорное право. Кн. 1: Общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский — М., 1997. — 682 с.
289. Брагинский, М. И., Витрянский, В. В. Договорное право. Кн. первая: Общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский — Изд. 2-е, испр. — М.: Статут, 1999. — 848 с.
290. Брагинский, М. И., Витрянский, В. В. Договорное право. Книга первая. Общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский — М., 2005. — 842 с.
291. Братусь, С. Н. Субъекты гражданского права / С. Н. Братусь — М.: Госюриздат, 1950. — 368 с.
292. Братусь, С. Н. Юридическая ответственность и законность (очерк теории) / С. Н. Братусь — М.: Городец-издат, 2001. — 208 с.

293. Братусь, С. Н. Юридическая ответственность и законность. Очерк теории / С. Н. Братусь — М., 1976. — 216 с.
294. Вавилин, Е.В. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2016. — 416 с.
295. Васькин, В. В. Возмещение убытков в гражданско-правовых обязательствах / В. В. Васькин — Саратов, 1971. — 218 с.
296. Венедиктов, А. В. Гражданско-правовая охрана социалистической собственности в СССР / А. В. Венедиктов — М., Л.: Изд-во АН СССР, 1954. — 268 с.
297. Вершинин, А. П. Способы защиты гражданских прав в суде / А. П. Вершинин — СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1997. — 164 с.
298. Вершинин, А. П. Способы защиты прав предпринимателей в арбитражном суде / А. П. Вершинин — СПб.: ТД «Северо-Запад», 1996. — 239 с.
299. Воложанин, В. П. Несудебные формы разрешения гражданско-правовых споров / В. П. Воложанин — Свердловск, 1974. — 204 с.
300. Гольмстен, А. Х. Юридические исследования и статьи / А. Х. Гольмстен — СПб., 1894. — 533 с.
301. Гордон, В. М. Иски о признании / В. М. Гордон — Ярославль, 1906. — 392 с.
302. Горский, Д. П. Определение (логико-методологические проблемы) / Д. П. Горский — М.: Мысль, 1974. — 311 с.
303. Граве, К. А., Пергамент, А. И., Мальцман, Т. Б. Гражданское право / К. А. Граве, А. И. Пергамент, Т. Б. Мальцман — М.: Госюриздат, 1949. — 255 с.
304. Гревцов, Ю. И. Очерки теории и социологии права / Ю. И. Гревцов — СПб., 1996. — 264 с.
305. Грибанов, В. П. Осуществление и защита гражданских прав / В. П. Грибанов — Изд. 2-е, стереотип. — М.: Статут, 2001. — 411 с.

306. Грибанов, В. П. Осуществление и защита гражданских прав / В. П. Грибанов — М., 2000. — 411 с.
307. Грибанов, В. П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав / В. П. Грибанов — М., 1992. — 204 с.
308. Груздев, В. В. Гражданско-правовая защита имущественных интересов личности / В. В. Груздев — М.: Юстицинформ, 2012. — 192 с.
309. Гурвич, М. А. Право на иск / М. А. Гурвич — М.: Изд. АН СССР, 1949. — 216 с.
310. Гушин, Д. И. Юридическая ответственность за моральный вред / Д. И. Гушин — СПб., 2002. — 166 с.
311. Добровольский, А. А. Исковая форма защиты права (основные вопросы учения об иске) / А. А. Добровольский — М.: Изд-во МГУ, 1965. — 190 с.
312. Добровольский, А. А., Иванова, С. А. Основные проблемы исковой формы защиты права / А. А. Добровольский, С. А. Иванова — М.: Изд-во МГУ, 1979. — 159 с.
313. Ефимов, В. В. Догма римского права / В. В. Ефимов — СПб.: Книжный магазин А.Ф. Цинзерлинга, бывший Мелье и К°, 1901. — 640 с.
314. Жилин, Г. А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы / Г. А. Жилин — М.: Проспект, 2010. — 576 с.
315. Жуйков, В. М. Права человека и власть закона / В. М. Жуйков — М., 1995. — 284 с.
316. Илларионова, Т. И. Система гражданско-правовых охранительных мер / Т. И. Илларионова — Томск, 1982. — 168 с.
317. Иоффе, О. С. Гражданско-правовая охрана интересов личности / под ред. Б.Б. Черепахина / О. С. Иоффе — М.: Юрид. лит., 1969. — 255 с.
318. Иоффе, О. С. Ответственность по советскому гражданскому праву / О. С. Иоффе — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1955. — 310 с.

319. Иоффе, О. С. Развитие цивилистической мысли в СССР / О. С. Иоффе — Ч. 1. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1975. — 160 с.
320. Карапетов, А. Г. Иск о присуждении к исполнению обязательства в натуре / А. Г. Карапетов — М.: Статут, 2003. — 190 с.
321. Кархалев, Д. Н. Охранительное гражданское правоотношение / Д. Н. Кархалев — М.: Статут, 2009. — 332 с.
322. Касьянов, В. В., Нечипуренко, В. Д. Социология права / В. В. Касьянов, В. Д. Нечипуренко — Ростов н/Д: Феникс, 2001. — 480 с.
323. Керимов, Д. А. Философские проблемы права / Д. А. Керимов — М.: Мысль, 1972. — 472 с.
324. Клейман, А. Ф. Основные вопросы учения об иске в советском гражданском праве / А. Ф. Клейман — М.: Высшая школа МВД СССР, 1959. — 26 с.
325. Координация экономической деятельности в российском правовом пространстве: монография / К. М. Беликова, А.В. Габов, Д. А. Гаврилов и др.; отв. ред. М. А. Егорова. — М.: Юстицинформ, 2015. — 656 с.
326. Красавчиков, О. А. Ответственность, меры защиты и санкции в советском гражданском праве / О. А. Красавчиков // Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права: Избр. тр.: в 2 т. — М., 2005. — Т. 2. — 494 с.
327. Кроль, М. С. Возмещение убытков в капитальном строительстве / М. С. Кроль — Донецк, 1972. — 216 с.
328. Лаптев, В. А. Корпоративное право: правовая организация корпоративных систем: монография / В. А. Лаптев — М.: Проспект, 2019. — 384 с.
329. Левченко, В. М. Субординация в структуре права (функциональные аспекты): монография / В. М. Левченко — Рязань: РИПЭ МВД РФ, 1996. — 176 с.

330. Лейст, О. Э. Санкции в советском праве / О. Э. Лейст — М.: Госюриздат, 1962. — 238 с.
331. Лившиц, Р. З. Теория права / Р. З. Лившиц — М.: Издательство БЕК, 1994. — 224 с.
332. Малейн, Н. С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность / Н. С. Малейн — М., 1985. — 192 с.
333. Матузов, Н. И. Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права / Н. И. Матузов — Саратов, 1972. — 292 с.
334. Никонов, С. П. Actio Spolii / С. П. Никонов — Харьков, 1908. — 300 с.
335. Новицкий, И. Б. Сделки. Исковая давность / И. Б. Новицкий — М.: Госюриздат, 1954. — 247 с.
336. Ойгензихт, В. А. Имущественная ответственность в хозяйственных договорах: учеб. пособие / В. А. Ойгензихт — Душанбе, 1980. — 112 с.
337. Пешкова, О. А. Компенсация морального вреда. Защита и ответственность при причинении вреда нематериальным благам и неимущественным правам / О. А. Пешкова — М.: Ось-89, 2006. — 240 с.
338. Покровский, И. А. Основные проблемы гражданского права / И. А. Покровский — М.: Адвокатская фирма «Юстина», 2013. — 349 с.
339. Покровский, И. А. Основные проблемы гражданского права. (Классика российской цивилистики) / И. А. Покровский — 4-е изд., испр. — М.: Статут, 2003. — 349 с.
340. Попов, Л. Л. Убеждение и принуждение / Л. Л. Попов — М.: Юридическая литература, 1968. — 198 с.
341. Пугинский, Б. И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях / Б. И. Пугинский — М.: Юридическая литература, 1984. — 224 с.
342. Рожкова, М. А. Средства и способы правовой защиты сторон коммерческого спора / М. А. Рожкова — М.: Волтерс Клувер, 2006. — 416 с.

343. Садовский, В. Н. Основание общей теории систем: логико-методологический анализ / В. Н. Садовский — М.: Наука, 1974. — 279 с.
344. Самощенко, И. С., Фарушкин, М. Х. Ответственность по советскому законодательству / И. С. Самощенко, М. Х. Фарушкин — М., 1971. — 240 с.
345. Сарбаш, С. В. Право удержания как способ обеспечения исполнения обязательств / С. В. Сарбаш — М.: Статут, 2003. — 251 с.
346. Свердлык, Г. А., Страунинг, Э. Л. Защита и самозащита гражданских прав: учеб. пособие / Г. А. Свердлык, Э. Л. Страунинг — М.: Лекс-книга, 2002. — 202 с.
347. Серегина, В. В. Государственное принуждение по советскому праву / В. В. Серегина — Воронеж, 1991. — 120 с.
348. Слесарев, В. Л. Экономические санкции в советском гражданском праве / В. Л. Слесарев — М.: Экон-информ, 2011. — 259 с.
349. Сыроватская, Л. А. Ответственность по советскому трудовому праву / Л. А. Сыроватская — М., 1974. — 183 с.
350. Тиунова, Л. Б. Системные связи правовой действительности / Л. Б. Тиунова — СПб., 1991. — 133 с.
351. Тихомиров, Ю. А. О системе российского законодательства / Ю. А. Тихомиров // Конституция и закон: стабильность и динамизм / под ред. В.П. Казимирчука. — М., 1998. — 208 с.
352. Толстой, В. С. Личные неимущественные права / В. С. Толстой — М.: ЭЛИТ, 2006. — 214 с.
353. Трубецкой, Е. Н. Энциклопедия права / Е. Н. Трубецкой — СПб., 1999. — 183 с.
354. Флейшиц, Е. А. Обязательства из причинения вреда и неосновательного обогащения / Е. А. Флейшиц — М., 1951. — 239 с.
355. Халфина, Р. О. Право личной собственности граждан СССР. — М., 1955. — 183 с.

356. Хвостов, В. М. Система римского права / В. М. Хвостов — М., 1996. — 522 с.
357. Хохлов, В. А. Ответственность за нарушение договора по гражданскому праву / В. А. Хохлов — Тольятти, 1997. — 318 с.
358. Чечот, Д. М. Субъективное право и формы его защиты / Д. М. Чечот — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. — 72 с.
359. Явич, Л. С. Общая теория права. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. — 285 с.
360. Яковлев, В. Ф. Избранные труды. Т. 2: Гражданское право: история и современность. Кн. 1 / В. Ф. Яковлев — М.: Статут, 2012. — 976 с.
361. Burrows, A. A Restatement of the English Law of Unjust Enrichment / A. Burrows — Oxford: OUP, 2012. — 216 p.
362. Burrows, A. English Private Law. — Third Edition. — Oxford: OUP, 2013. — 1664 p.
363. Dagan, H. Remedies and Rights – Reconstructing American Legal Realism & Rethinking Private Law Theory / H. Dagan — Oxford: Oxford Univ. Press, 2013. — 256 p.
364. Distefano, J. J., Stubberud, A. R., Williams, I. J. Feedback and Control Systems / J. J. Distefano, A. R. Stubberud, I. J. Williams — N.Y., 1967. — 371 p.
365. Edelman, J. Gain-Based Damages / J. Edelman — Oxford : Hart Publishing Oxford, 2002. — 320 p.
366. Guidelines for the Assessment of General Damages in Personal Injury Cases. — Oxford : OUP, 2020. — 112 p.
367. Haas, D. De grenzen van het recht op nakoming (Recht & Praktijk nr. 167) / D. Haas — Kluwer, 2009. — 421 s.
368. Harris, D. & Tallon, D. Contract Law Today: Anglo-French Comparisons / D. Harris, D. Tallon — Oxford: Clarendon Press, 1989. — 414 p.
369. Hartkamp, A. S. & Sieburgh, C. H. Mr. C. Asser's handleiding tot de beoefening van het Nederlands Burgerlijk Recht, Verbintenissenrecht 6, deel

- I*, *De verbintenissen in het algemeen* / A. S. Hartkamp. C. H. Sieburgh — Deventer: Kluwer 2008. — 507 p.
370. Huber, U. *Empfiehlst sich die Einführung eines Leistungsstörungenrechts nach dem Vorbild des Einheitlichen Kaufgesetzes? Welche Änderungen im Gesetzestext und welche praktischen Auswirkungen im Schuldrecht würden sich dabei ergeben?* / Bundesminister der Justiz (ed.), *Gutachten und Vorschläge zur Überarbeitung des Schuldrechts I* / U. Huber — Köln : Köln Bundesanzeiger-Verlagsgesellschaft, 1981. — S. 647 ff.
371. Huber, U. *Leistungsstörungen – Die allgemeinen Grundlagen – Der Tatbestand des Schuldnerverzugs – Die vom Schuldner zu vertretenden Umstände* / U. Huber — 2 vols. — Mohr Siebeck, 1999. — 773 s.
372. Keeton, W. P. et al. *Prosser and Keeton on the Law of Torts* / W. P. Keeton — St. Paul, Minn. : West Pub. Co., 1984. — 1286 p.
373. Lando, O. and Beale, H. (eds.) *Principles of European Contract Law* / O. Lando, H. Beale — The Hague: Kluwer Law International, 2000. — 561 p.
374. Lawson, F. H. *Remedies of English Law* / F. H. Lawson — 2nd edn. — Lexis Law Publishing, 1980. — 309 p.
375. Markesinis, B. S., Lorenz, W. and Dannemann, G. *The German Law of Obligations, vol. I: The Law of Contracts and Restitution: A Comparative Introduction* / B. S. Markesinis, W. Lorenz, G. Dannemann — Oxford: Clarendon Press, 1997. — 942 p.
376. Medicus, D. *Bürgerliches Recht* / D. Medicus — 18th edn. — Vahlen, 1999. — 508 s.
377. Messner, E. *Formpflicht und Konsumentenschutz* / E. Messner — Muenster, 1990. — 192 p.
378. *Operations Research and Systems Engineering* / eds. C. D. Flagle, W. H. Huggins, R. H. Roy. — Baltimore; N.Y., 1960. — 889 p.
379. Rabel, E. *Gesammelte Aufsätze* / E. Rabel — Mohr Siebeck, 1965. — 2362 s.

380. Reehuis, W. H. M. & Slob, E. E. *Parlementaire Geschiedenis van het nieuwe burgerlijk wetboek, Invoering boeken 3, 5 en 6 – Boek 7 Bijzondere overeenkomsten, Titels 1, 7, 9 en 14* / W. H. M. Reeguis, E. E. Slob — Deventer: Kluwer 1991. — 494 p.
381. *Restatement (Second) of Contracts*. — St. Paul, Minn. : American Law Institute Publishers, — 1981.
382. *Restatement (Second) of Torts*. — Vol. 3. 1977. — 585 p.
383. Russ, L. R. & Segalla T. F. *Couch on Insurance* / L. R. Russ, T. F. Segalla — 3d edn. — Sweet & Maxwell, 1999.
384. Rutten, L. E. H. *Mr. C. Asser's handleiding tot de beoefening van het Nederlands Burgerlijk Recht, Verbintenissenrecht, De overeenkomst en de verbintenis uit de wet* / L. E. H. Rutten — Zwolle: Tjeenk Willink, 1961. — 641 p.
385. Singer, J. W. *Entitlement: The Paradoxes of Property* / J. W. Singer — New Haven: Yale University Press, 2000. — 241 p.
386. Singer, J. W. *Introduction to Property* / J. W. Singer — 2nd ed. 2005. — 940 p.
387. Stoebuck, W. B. & Whitman, D. A. *The Law of Property* / W. B. Stoebuck, D. A. Whitman — 3rd ed. — Gale Cengage, 2000. — 1096 p.
388. *The Restatement (Second) of Torts*. — Vol. 4. 1979. — 649 p.
389. Van Gerven, W., Lever, J., Larouche, P. *Cases, Materials and Text on National, Supranational and International Tort Law* / W. Van Gerven, J. Lever, P. Larouche — Hart Publishing, 2000. — 963 p.
390. Wonnacott, M. *Possession of Land* / M. Wonnacott — Cambridge, 2006. — 204 p.
391. Wood, P. R. *English and International Set-off* / P. R. Wood — Sweet & Maxwell, 1989. — 1287 p.
392. Woolf, H. et al. *The Declaratory Judgment* / H. Woolf — 3d ed. — Sweet & Maxwell, 2002. — 355 p.

393. Zakrzewski, R. Remedies Reclassified / R. Zakrzewski — Oxford: OUP, 2005. — 268 p.
394. Zimmermann, R. The Law of Obligations: Roman Foundations of the Civilian Tradition / R. Zimmermann — Oxford: Oxford University Press, 1996. — 1241 p.
395. Zimmermann, R. The New German Law of Obligations: Historical and Comparative Perspectives / R. Zimmermann — Oxford: Oxford University Press, 2005. — 240 p.
396. Zuckerman, A. Zuckerman on Civil Procedure: Principles of Practice / A. Zuckerman — Sweet & Maxwell, 2020. — 1607 p.

Научные статьи и сборники конференций

397. Агарков, М. М. Понятие сделки по советскому гражданскому праву / Избранные труды по гражданскому праву. В 2-х томах. Т. 2 / Агарков М. М. — М., 2002. — С. 333–360.
398. Анненков, К. Н. Иск и возражение как средства осуществления и защиты гражданских прав / К. Н. Анненков // Журнал гражданского и уголовного права. Книга шестая. — СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1893. — С. 90–128.
399. Багаев, В. А. Правовое положение давностного владельца в английском и российском праве / В. А. Багаев // Вестник ВАС РФ. — 2014. — № 1. — С. 4–29.
400. Базылев, Б. Т. Социальное назначение государственного принуждения в советском обществе / Б. Т. Базылев // Изв. Вузов. Правоведение. — 1968. — № 5. — С. 29–36.
401. Байтин, М. И. О принципах и функциях права: новые моменты / М. И. Байтин // Известия высших учебных заведений. — Правоведение. — 2000. — № 3. — С. 4–16.

402. Басин, Ю. Г. Основы гражданского законодательства о защите субъективных гражданских прав / Ю. Г. Басин // Проблемы применения Основ гражданского законодательства и Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик. — Сборник материалов. — Саратов: Изд-во Сарат. юрид. ин-та, 1971. — С. 32–37.
403. Бессолицын, А. Г. Понятие и формы защиты права / А. Г. Бессолицын // Актуальные проблемы юридической ответственности: Мат-лы межвуз. науч.-практ. конференции. — 24–25 апреля 2003 г. — Тольятти: ВУиТ, 2003. — С. 73–77.
404. Блинков, О. Е., Блинкова, Е. В. Конкуренция исков в российском гражданском праве / О. Е. Блинков, Е. В. Блинкова // Юридическая наука. — 2017. — № 2. — С. 24–26.
405. Богданова, Е. Е. Проблема основания защиты субъективных гражданских прав / Е. Е. Богданова // Журнал российского права. — 2004. — № 10. — С. 40–45.
406. Богданова, Е. Е. Формы и способы защиты гражданских прав и интересов / Е. Е. Богданова // Журнал российского права. — 2003. — № 6. — С. 39–45.
407. Болдырев, В. А. Иски о признании регистрируемого договора прекратившимся и обязательственного права отсутствующим / В. А. Болдырев // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2021. — № 1. — С. 57–83.
408. Бочаров, Н. И. Гражданско-правовые способы защиты права собственности на земельный участок / Н. И. Бочаров // Юрист. — 2014. — № 7. — С. 14–18.
409. Бутнев, В. В. К понятию механизма защиты субъективных прав / В. В. Бутнев // Субъективное право: проблемы осуществления и защиты. — Владивосток, 1989. — С. 9–11.

410. Бутнев, В. В. Понятие механизма защиты субъективных гражданских прав / В. В. Бутнев // Механизм защиты субъективных гражданских прав. — Ярославль, 1990. — С. 3–17.
411. Буш, И. А. Выбор надлежащего способа защиты прав сторон по договору аренды / И. А. Буш // Вестник Саратовской государственной академии права. — 2008. — № 2. — С. 81–84.
412. Валеев, Д. Х., Челышев, М. Ю. Гражданско-правовые средства в процессуальном механизме реализации прав граждан и организаций в исполнительном производстве / Д. Х. Валеев, М. Ю. Челышев // Исполнительное право. — 2009. — № 4. — С. 12–16.
413. Варул, П. А. К проблеме охранительных гражданских правоотношений / П. А. Варул — Ярославль, 1988. — С. 32–40.
414. Василькова, С. В. Формы защиты субъективных гражданских прав в Российской Федерации и перспективы их совершенствования / С. В. Василькова // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2019. — № 9. — С. 3–6.
415. Васин, В. Н., Казанцев, В. И. К вопросу о правовой природе штрафа / В. Н. Васин, В. И. Казанцев // Российский судья. — 2006. — № 1. — С. 29–33.
416. Вершинин, А. П. Соотношение судебной и административной форм защиты субъективных прав / А. П. Вершинин // Осуществление и защита гражданских и трудовых прав: сб. науч. тр. — Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та, 1989. — С. 130–134.
417. Вершинин, А. П. Судебная форма защиты субъективных прав / А. П. Вершинин // Субъективное право: проблемы осуществления и защиты. — Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1989. — С. 16–17.
418. Волкова, В. Н. Из истории развития системного анализа в нашей стране / В. Н. Волкова // Экономическая наука современной России. — 2001. — № 2. — С. 138–152.

419. Воробьев, М. К. О способах защиты гражданских прав / М. К. Воробьев // Труды по правоведению. Материалы к конференции Новосибирского факультета по итогам научно-исследовательской работы за 1967 г. — Новосибирск, 1968. — С. 75–93.
420. Гальперин, Л. Б., Лебедев, П. Н. Кибернетика и управление социальными процессами / Л. Б. Гальперин, П. Н. Лебедев // Вопросы теории советского права. — 1966. — С. 19–37.
421. Годес, А. Б. Вопросы материальной ответственности государственных предприятий и организаций в условиях новой системы планирования и экономического стимулирования / А. Б. Годес // Вопросы гражданского права и процесса : сб. ст. / Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова, Ленингр. обществ. науч.-исслед. ин-т судеб. защиты ; под ред. д-ра юрид. наук, проф. Б. Б. Черпахина. — Л. : Изд-во ЛГУ, 1969. — С. 17–27.
422. Грибанов, В. П. Пределы применения мер оперативного характера при поставках продукции / В. П. Грибанов // Советская юстиция. — 1968. — № 7. — С. 3–16.
423. Гутников, О. В. Деликтная ответственность за нарушение относительных прав: перспективы развития в российском праве / О. В. Гутников // Закон. — 2017. — № 1. — С. 22–37.
424. Данилов, И. А. Устранение порока сделки в качестве альтернативы признания ее недействительной / И. А. Данилов // Юрист. — 2009. — № 8. — С. 21–27.
425. Додин, В. Е. Основания административной ответственности / В. Е. Додин // Ученые записки. Ученые записки ВНИИСЗ. — М., 1964, Вып. 1 (18). — С. 68–81.
426. Дождев, Д. В. Сравнительное право: состояние и перспективы / Д. В. Дождев // Российский ежегодник сравнительного права. — СПб.: Россия-Нева, 2009. — С. 7–28.

427. Долинская, В. В. Субъективные права, их осуществление и защита / В. В. Долинская // *Законы России: опыт, анализ, практика.* — 2015. — № 11. — С. 3–14.
428. Дунаев, В. В. Понятие и виды форм защиты гражданских прав / В. В. Дунаев // *Сибирский юридический вестник.* — 2003. — № 4. — С. 33–36.
429. Елисеев, Н. Г. Многократные убытки за нарушение антимонопольного законодательства: перспективы появления в российском праве / Н. Г. Елисеев // *Вестник ВАС РФ.* — 2013. — № 8. — С. 4–15.
430. Ем, В. С., Рогова, Е. С. Доктор права — Лев Аристидович Кассо / В. С. Ем, Е. С. Рогова // *Кассо Л. А. Понятие о залоге в современном праве.* — М.: Статут, 1999. — С. 3–20.
431. Згонников, П. П. О совершенствовании законодательства о способах защиты гражданских прав / П. П. Згонников // *Российская юстиция.* — 2019. — № 11. — С. 11–14.
432. Зейналова, Р. А. Признание договора незаключенным как самостоятельный способ защиты права / Р. А. Зейналова // *Юрист.* — 2017. — № 4. — С. 24–28.
433. Иванов, О. В. Защита гражданских прав как правовой институт и как научная проблема / О. В. Иванов // *Вопросы советского государства и права. Труды Иркутского университета.* — 1967. — Т. 45. — Ч. 3. — С. 41–56.
434. Идрисов, Р. Ф., Костюк, Н. Н., Кокунова, С. Д. К вопросу о диалектическом единстве способов защиты прав физических и юридических лиц / Р. Ф. Идрисов, Н. Н. Костюк, С. Д. Кокунова // *Современное право.* — 2019. — № 6. — С. 83–91.
435. Иоффе, О. С. План и организация договорных связей в социалистическом народном хозяйстве / О. С. Иоффе // *Ученые записки / ВНИИСЗ.* — Вып. 10. — М., 1967. — С. 41–53.

436. Казанцев, В. И. Гражданско-правовые способы обеспечения исполнения обязательств / В. И. Казанцев // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2006. — № 12 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Электрон. дан. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 18.10.2021).
437. Канюкаева, А. Р. Право и охраняемый законом интерес как объекты защиты / А. Р. Канюкаева // Новая правовая мысль. — 2009. — № 4. — С. 12–16.
438. Карапетов, А. Г. Модели защиты гражданских прав: экономический взгляд / А. Г. Карапетов // Вестник экономического правосудия РФ. — 2014. — № 11. — С. 24–91; № 12. С. 24–73.
439. Кархалев, Д. Н. Восстановление нарушенных гражданских прав во внесудебном порядке / Д. Н. Кархалев // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2020. — № 3. — С. 90–111.
440. Кархалев, Д. Н. Содержание охранительного правоотношения в гражданском праве / Д. Н. Кархалев // Российский судья. — 2008. — № 8. — С. 27–30.
441. Климанова, Д. Д. Владельческие иски в Англии, Германии и России: сравнительно-правовой анализ / Д. Д. Климанова // Российский юридический журнал. — 2016. — № 6. — С. 75–83.
442. Клык, Н. Л. Содержание субъективного гражданского права / Н. Л. Клык // Правосубъектность по гражданскому и хозяйственному праву: Межвузовский сборник / отв. ред. К. Ф. Егоров. — Л., 1983. — С. 12–19.
443. Кожевников, С. Н. О принуждении в правоохранительной деятельности советского государства / С. Н. Кожевников // Проблемы применения советского права. — Свердловск: Свердлов. юрид. ин-т, 1973. — С. 117–127.
444. Колотева, В. Г. Применение законодательства о компенсации морального вреда в российской судебной практике. Проблемы

- определения размера компенсации морального вреда / В. Г. Колотева // Право и политика. — 2007. — № 8. — С. 82–91.
445. Кононов, А. А. Общенаучная концепция системы права / А. А. Кононов // Правоведение. — 2003. — № 3 (248). — С. 12–21.
446. Концепция совершенствования общих положений Гражданского кодекса РФ // Вестник ВАС РФ. — 2009. — № 4. — С. 6–101.
447. Кораблева, М. С. Защита гражданских прав: новые аспекты / М. С. Кораблева // Актуальные вопросы гражданского права / под ред. М.И. Брагинского. — М.: Статут, 1998. — С. 88–89.
448. Костюк, В. Обеспечение исполнения обязательств / В. Костюк // Хозяйство и право. — 2003. — Приложение к № 3. — С. 1–65.
449. Кот, А. А. Природа недействительных сделок / А. А. Кот // Недействительность в гражданском праве: проблемы, тенденции, практика: Сборник статей / отв. ред. М.А. Рожкова. — М.: Статут, 2006. — С. 95–115.
450. Кравченко, А. А. К вопросу о понятии способа защиты гражданских прав / А. А. Кравченко // Адвокат. — 2014. — № 7. — С. 22–30.
451. Кравченко, А. А. Способ защиты субъективных гражданских прав: история становления и развития понятия в доктрине гражданского права / А. А. Кравченко // Право и государство: Теория и практика. — 2013. — № 11(107). — С. 35–40.
452. Красавчиков, О. А. Ответственность, меры защиты и санкции в советском гражданском праве / О. А. Красавчиков // Проблемы гражданско-правовой ответственности и защиты гражданских прав. — Свердловск, 1973. — Вып. 27. — С. 5–16.
453. Краснова, С. А. Теоретические основы классификации гражданско-правовых способов защиты / С. А. Краснова // Российский юридический журнал. — 2011. — № 2. — С. 170–176.

454. Крашенинников, Е. А. Право на иск / Е. А. Крашенинников // Проблемы совершенствования законодательства о защите субъективных гражданских прав. — Ярославль, 1988. — С. 5–15.
455. Кузнецова, О. А. Восстановление положения, существовавшего до нарушения права, и пресечение действий, нарушающих право, как цели и способы защиты гражданских прав / О. А. Кузнецова // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2013. — № 3 (25). — С. 36–41.
456. Кузнецова, О. А. Понятие пресечения действий, нарушающих право, как способа защиты гражданских прав / О. А. Кузнецова // Современное право. — 2013. — № 12. — С. 66–70.
457. Кузьменко, А. В. «Системный взгляд» на систему права / А. В. Кузьменко // Правоведение. — 2003. — № 3(248). — С. 4–11.
458. Курылев, С. В. О структуре юридической нормы / С. В. Курылев // Труды Иркутского университета. — 1958. — С. 172–179.
459. Ланг, П. П., Ширяева, А. И. Институт косвенных исков в корпоративных отношениях: теоретические и практические аспекты / П. П. Ланг, А. И. Ширяева // Российская юстиция. — 2021. — № 3. — С. 32–35.
460. Латыпов, Д. Н. Процессуальные условия применения надлежащего способа защиты гражданских прав / Д. Н. Латыпов // Вестник гражданского процесса. — 2016. — № 2. — С. 272–281.
461. Лейст, О. Э. Проблемы принуждения по советскому праву / О. Э. Лейст // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11: Право. — 1976. — № 4. — С. 24–30.
462. Ломидзе, О. Г., Ломидзе, Э. Ю. Негаторный иск и восстановление положения, существовавшего до нарушения права / О. Г. Ломидзе, Э. Ю. Ломидзе // Закон. — 2011. — № 8. — С. 123–134.
463. Ломидзе, О. Г., Ломидзе, Э. Ю. Обязательство из неосновательного обогащения при недостижении стороной договора своей цели / О. Г. Ломидзе, Э. Ю. Ломидзе // Вестник ВАС РФ. — 2006. — № 7. — С. 4–22.

464. Люшня, А. В. Правовая природа судебного признания права собственности / А. В. Люшня // Вестник ВАС РФ. — 2007. — № 5. — С. 48–58.
465. Максимов, В. А. Способы защиты субъективных гражданских прав и интересов / В. А. Максимов // Ленинградский юридический журнал. — 2017. — № 1. — С. 76–82.
466. Мамедова, Л. А. Соотношение форм и способов защиты гражданских прав / Л. А. Мамедова // Сборник научных трудов юридического факультета СевКавГТУ. — 2005. — С. 236–241.
467. Матузов, Н. И. О праве в объективном и субъективном смысле: гносеологический аспект / Н. И. Матузов // Известия вузов. Правоведение. — 1999. — № 4. — С. 129–143.
468. Мауратова, В. В. Правовая природа способа защиты гражданских прав / В. В. Муратова // Российская юстиция. — 2009. — № 4. — С. 16–20.
469. Мильков, А. В. О подходах к разграничению понятий «гражданско-правовая защита» и «гражданско-правовая ответственность» / А. В. Мильков // Закон. — 2013. — № 7. — С. 142–149.
470. Монастырский, Ю. Э. Убытки и нематериальный вред / Ю. Э. Монастырский // Вестник гражданского права. — 2019. — № 2. — С. 113–132.
471. Мотовиловкер, Е. Я. Теория охранительных правоотношений и основы гражданского законодательства Союза ССР и республик / Е. Я. Мотовиловкер // Регламентация защиты субъективных прав в основах гражданского законодательства. — Ярославль, 1992. — С. 92–100.
472. Мурадян, Э. М. Превентивные иски / Э. М. Мурадян // Государство и право. — 2001. — № 4. — С. 23–27.
473. Некрасов, С. Ю., Усова, Е. С. Неприменение судом акта государственного органа или органа местного самоуправления,

- противоречащего закону, как способ защиты гражданских прав / С. Ю. Некрасов, Е. С. Усова // Российский судья. — 2019. — № 10. — С. 3–8.
474. Новоселова, Л. А. Принцип справедливости и механизм компенсации как средство защиты исключительных прав / Л. А. Новоселова // Вестник гражданского права. — 2017. — № 2. — С. 48–55.
475. Носов, С. И. О защите прав акционеров / С. И. Носов // Законодательство. 2001. № 1. С. 51-56.
476. Обновление гражданского процесса по проекту новой редакции Устава гражданского судопроизводства // Вестник права. Журнал юридического общества при Императорском С.-Петербургском университете. — Апрель – май, № 4–5. — СПб.: Сенатская типография, 1900. — С. 138–173.
477. Общая теория систем – критический обзор // Исследования по общей теории систем: Сборник переводов / общ. ред. и вступит. ст. В. Н. Садовского и Э. Г. Юдина. — М.: Прогресс, 1969. — С. 23–82.
478. Остапюк, Н. В. Понятие и формы защиты гражданских прав. Особенности нотариальной защиты гражданских прав / Н. В. Остапюк // Юрист. — 2006. — № 4, 5. — С. 20–23.
479. Полич, С. Б. Восстановление положения, существовавшего до нарушения права, - способ защиты гражданских прав или общая мера защиты прав? / С. Б. Полич // Вестник Арбитражного суда Московского округа. — 2016. — № 3. — С. 70–80.
480. Проблемы развития частного права: Сб. ст. к юбилею Владимира Саурсевича Ема / Под ред. Е. А. Суханов, Н. В. Козлова. — М.: Статут, 2011. — 559 с.
481. Родионова, О. М. К вопросу о природе защиты гражданских прав / О. М. Родионова // Вестник арбитражной практики. — 2016. — № 6. — С. 65–71.

482. Рыбаков, В. А., Южанин Н. В. Реализация охранительной функции гражданского права с применением односторонних правозащитных мер / В. А. Рыбаков, Н. В. Южанин // Юрист. — 2017. — № 16. — С. 16–21.
483. Рябинин, Н. А. Особенности механизма защиты субъективных гражданских прав / Н. А. Рябинин // Современное право. — 2018. — № 3. — С. 24–29.
484. Сагатовский, В. Н. Опыт построения категориального аппарата системного подхода / В. Н. Сагатовский // Философские науки. — 1976. — № 3. — С. 67–78.
485. Сагдеева, Л. В. Негаторный иск и требования о пресечении действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения / Л. В. Сагдеева // Журнал российского права. — № 2. — С. 85–93.
486. Сагдеева, Л. В. Требования о пресечении действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения / Л. В. Сагдеева // ИС. Промышленная собственность. — 2019. — № 1. — С. 55–62.
487. Самсонов, Н. В. Групповые иски - новый вид исков в российском гражданском процессе / Н. В. Самсонов // Арбитражный и гражданский процесс. — 2020. — № 1. — С. 22–27.
488. Свердлык, Г., Страунинг, Э. Способы защиты гражданских прав и их классификация / Г. Свердлык, Э. Страунинг // Государство и право. — 1999. — № 1. — С. 35–41.
489. Свечникова, И. В. Выбор надлежащего способа при защите права собственности / И. В. Свечникова // Право и экономика. — 2007. — № 10. — С. 25–28.
490. Сорокин, В. Д. Правовое регулирование: предмет, метод, процесс / В. Д. Сорокин // Правоведение. — 2000. — № 4. — С. 34–45.
491. Сорокин, Ю. А. Понятие способа защиты гражданских прав. Классификация способов защиты гражданских прав. «Черные дыры» в

- российском законодательстве / Ю. А. Сорокин // Юридический журнал. — 2007. — № 5. — С. 114–115.
492. Стоякин, Г. Я. Меры самозащиты в гражданском правоотношении / Г. Я. Стоякин // Гражданские правоотношения и их структурные особенности. — Свердловск, 1975. — Вып. 39. — С. 46–54.
493. Стоякин, Г. Я. Понятие защиты гражданских прав / Г. Я. Стоякин // Проблемы гражданско-правовой ответственности и защиты гражданских прав. — Свердловск, 1973. — С. 30–35.
494. Стоякин, Г. Я. Функциональная направленность охранительных норм в гражданско-правовых обязательствах / Г. Я. Стоякин // Проблемы обязательственного права. Межвузовский сборник научных трудов / Отв. ред. Г.Я. Стоякин. — Свердловск, 1989. — 150 с.
495. Тутынина, В. В. Восстановление нарушенного права: принцип гражданского права, цель или способ защиты гражданских прав / В. В. Тутынина // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2015. — № 1. — С. 86–92.
496. Флейшиц, Е. А. Общие начала ответственности по Основам гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик / Е. А. Флейшиц // Советское государство и право. — 1962. — № 3. — С. 24–38.
497. Хабиров, А. И. Средства, способы и формы гражданско-правовой защиты прав сторон по договору займа: теоретический аспект / А. И. Хабиров // Вестник гражданского процесса. — 2018. — № 6. — С. 226–259.
498. Шевченко, А. С. Охранительные правоотношения в механизме защиты субъективных гражданских прав / А. С. Шевченко // Механизм защиты субъективных гражданских прав. — Ярославль, 1990. — С. 27–36.
499. Ширвиндт, А. М. Европейское договорное право: единство в многообразии (рецензия на книгу Хайна Кётца «Europäisches

- Vertragsrecht») / А. М. Ширвиндт // Вестник гражданского права. — 2015. — № 4. — С. 210–226.
500. Юдин, Б. Г. Становление и характер системной ориентации / Б. Г. Юдин // Ежегодник системных исследований. — М., 1971. — С. 18–33.
501. Южанин, Н. В. Реализация субъективного права на защиту посредством односторонних правоохранительных мер / Н. В. Южанин // Юрист. — 2013. — № 15. — С. 42–47.
502. Яковлев, В. Ф. Принуждение в гражданском праве / В. Ф. Яковлев // Проблемы современного гражданского права: сб. ст. — М., 2000. — С. 210–222.
503. Birks, P. Rights, Wrongs, and Remedies / P. Birks // OJLS. — 2000. — No. 20. — P. 1–37.
504. Brandon, D. I. et al. Self Help: Extrajudicial Rights, Privileges and Remedies in Contemporary American Society / D. I. Brandon // VAND. L. REV. — 1984. — No. 37. — P. 845–1040.
505. Calabresi, G., Melamed, A. D. Property Rules, Liability Rules, and Inalienability: One View of the Cathedral / G. Calabresi, A. D. Melamed // Harvard Law Review. — 1972. — Vol. 85. — P. 1089–1094.
506. Canaris, C. W. Begriff und Tatbestand der Verzögerungsschadens im neuen Leistungsstörungenrecht / C. W. Canaris // Zeitschrift für Wirtschaftsrecht. — 2003. — S. 321–327.
507. Canaris, C.W. Die Reform des Rechts der Leistungsstörungen / C. W. Canaris // Juristenzeitung. — 2001. — S. 499–524.
508. Canaris, C. W. Grundlagen und Rechtsfolgen der Haftung für anfängliche Unmöglichkeit nach § 311a Abs. 2 BGB / C. W. Canaris / Festschrift für Andreas Heldrich. — Mohr Siebeck, 2005. — S. 11–38.
509. Canaris, C. W. Zur Bedeutung der Kategorie der “Unmöglichkeit” für das Recht der Leistungsstörungen / C. W. Canaris / Schulze R. and Schulte-Nölke

- H. (eds.) Die Schuldrechtsreform vor dem Hintergrund des Gemeinschaftsrechts. — Mohr Siebeck, 2001. — S. 43-66.
510. Fages, F. and Saarinen, M. The Complex Commercial Litigation Law Review: France / F. Fages, M. Saarinen // The Complex Commercial Litigation Law Review (ed Steven M Bierman). — Law Business Research, 2020. — P. 71–87.
511. Lewinsohn-Zamir, D. Identifying Intense Preferences / D. Lewinsohn-Zamir // CORNELL L. REV. — 2009. — Vol. 94. — P. 1391–1458.
512. Lewinsohn-Zamir, D. Do the Right Thing: Indirect Remedies in Private Law / D. Lewinsohn-Zamir // B.U.L. REV. — 2014. — Vol. 94 (55). — P. 55–103.
513. Steward, D. S. Iowa Agricultural Fence Law: Good Fences Make Good Neighbors / D. S. Steward // DRAKE L. REV. — 1995. — Vol. 43. — P. 709–726.
514. Dixon, M. Modern Land Law / M. Dixon. 6th ed. Routledge, 2009. P. 501.
Цит. По Климанова Д.Д. Владельческие иски в Англии, Германии и России: сравнительно-правовой анализ // Российский юридический журнал. — 2016. — № 6. — С. 75–83.
515. Rabin, E. H. The Revolution in Residential Landlord-Tenant Law: Causes and Consequences / E. H. Rabin // CORNELL L. REV. — 1984. — Vol. 69. — P. 517-584.
516. Ernst, W. Deutsche Gesetzgebung in Europa—am Beispiel des Berzugsrechts / W. Ernst // Zeitschrift für Europäisches Privatrecht. — 2000. — No. 8. — P. 769.
517. Flessner, A. Befreiung vom Vertrag wegen Nichterfüllung / A. Flessner // Zeitschrift für Europäisches Privatrecht. — 1997. — No. 5. — S. 255-320.
518. Fuller, L. L., Perdue, W. R. Jr. The Reliance Interest in Contract Damages / L. L. Fuller, W. R. Perdue // Yale LJ. — 1936. — No. 46. — P. 52–96.

519. Grigoleit, H. C. und Riehm, T. Die Kategorien des Schadensersatzes im Leistungsstörungenrecht / H. C. Grigoleit, T. Riehm // Archiv für die civilistische Praxis (AcP). — 2003. — Vol. 203. — S. 727-762.
520. Heinrichs, H. Die Pflichtverletzung, ein Zentralbegriff des neuen Leistungsstörungenrechts / H. Heinrichs / Festschrift für Peter Schlechtriem. — Mohr Siebeck, 2003. — S. 503–520.
521. Heinrichs, H. Vertragsanpassung bei Störung der Geschäftsgrundlage — Eine Skizze der Anspruchslösung des § 313 BGB / H. Heinrichs / Festschrift für Andreas Heldrich. — Mohr Siebeck, 2005. — S. 183-204.
522. Hirsch, W. & Hirsch, J. The Changing Landlord-Tenant Relationship in California: An Economic Analysis of the Swinging Pendulum / W. Hirsch, J. Hirsch // Sw. U. L. REv. — 1983. — No. 14. — P. 1–42.
523. Polinsky, M. & Shavell, S. Punitive Damages: An Economic Analysis / M. Polinsky, S. Shavell // HARV. L. REv. — 1998. — 111. — pp. 869-962.
524. Parchomovsky, G., Stein, A. Reconceptualizing Trespass / G. Parchomovsky, A. Stein // Northwestern University Law Review. 2009. Vol. 103. P. 1823.
Цит. По Тягай Е.Д. Особенности защиты и меры юридической ответственности за нарушение прав собственников недвижимого имущества в США // Lex russica. — 2017. — № 5. — С. 205–216.
525. Restitution after Termination for Breach of Contract: German Law after the Reform of 2002 / Burrows A. and Rodger A. (eds.) Mapping the Law: Essays in Memory of Peter Birks. — Oxford : Oxford University Press, 2006. — P. 323-342.
526. Rolland, W. Die Aufhebung des Vertrages nach den Vorschlägen zur Schuldrechtsreform auf dem Hintergrund internationaler Entwicklungen / W. Rolland / Festschrift für Peter Schlechtriem. — Mohr Siebeck, 2003. — S. 629-656.

527. Schlechtriem, P. Rechtsvereinheitlichung in Europa und Schuldrechtsreform in Deutschland / P. Schlechtriem // Zeitschrift für Europäisches Privatrecht. — 1993. — No. 1. — S. 217–246.
528. Scott, M. Conversion and Revindication / M. Scott // Malaya Law Review. — 1963. — Vol. 5. — No. 1. — pp. 40-57.
529. Sigmon, M. R. Hunting and Posting on Private Land in America / M. R. Sigmon // Duke Law Journal. — 2004. — Vol. 54. — P. 549–585.
530. Smith, S. Rights and Remedies: A Complex Relationship / S. Smith // Taking remedies seriously (Sharpe R.J. & Roach K. eds.). — Montréal: Canadian Institute for the Administration of Justice = Institut canadien d'administration de la justice, 2010. — P. 31–62.
531. Stürner, R. Einige Bemerkungen zum Stand der Schuldrechtsreform / R. Stürner / Festschrift für Hans Erich Brandner. — Otto Schmidt, 1996. — S. 635-647.
532. Zimmer, D. Das neue Recht der Leistungsstörungen / D. Zimmer // Neue Juristische Wochenschrift. — 2002. — S. 1–12.
533. Zimmermann, R. “Heard melodies are sweet, but those unheard are sweeter...”: *Conditio tacita*, implied condition und die Fortbildung des europäischen Vertragsrechts / R. Zimmermann // Archiv für die civilistische Praxis. — 1993. — Vol. 193. — S. 121–173.
534. Zimmermann, R. Unjustified Enrichment: The Modern Civilian Approach / R. Zimmermann // Oxford Journal of Legal Studies. — 1995. — No. 15. — pp. 403-429.

Учебники, учебные и справочные пособия

535. Алексеев, С. С. Общая теория права / С. С. Алексеев — М., 2008. — 565 с.
536. Алексеев, С. С. Общая теория права: в 2 т / С. С. Алексеев — М., 1981. — Т. 1. — 359 с.

537. Алексеев, С. С. Общая теория права: в 2 т / С. С. Алексеев — М., 1982. — Т. 2. — 359 с.
538. Анненков, К. Н. Начала русского гражданского права / К. Н. Анненков — Вып. 1. — СПб., 1900. — 247 с.
539. Анненков, К. Н. Система русского гражданского права / К. Н. Анненков — Т. I: Введение и общая часть. — 2-е изд. — СПб., 1899. — 672 с.
540. Анненков, К. Н. Система русского гражданского права / К. Н. Анненков — Т. II. Права вещные. — 2 изд. СПб., — 1895. — 672 с.
541. Анненков, К. Н. Система русского гражданского права / К. Н. Анненков — Т. III: Права обязательственные. — СПб., 1898. — 483 с.
542. Бабаев, В. К., Баранов, В. М. Общая теория права: Краткая энциклопедия / В. К. Бабаев, В. М. Баранов — Н. Новгород, 1997. — 200 с.
543. Белов, В. А. Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики в 2 т. Том 1 / В. А. Белов ; ответственный редактор В. А. Белов. — М.: Юрайт, 2017. — 484 с.
544. Большой Российский энциклопедический словарь. — М.: БРЭ, 2003. — 1887 с.
545. Васьковский, Е. В. Учебник гражданского права (Классика российской цивилистики) / Е. В. Васьковский — М.: Статут, 2003. — 381 с.
546. Васьковский, Е. В. Учебник гражданского права / Е. В. Васьковский — Вып. I. СПб.: Типография контрагентства железных дорог, 1894. — 174 с.
547. Васьковский, Е. В. Учебник гражданского процесса / Е. В. Васьковский — М.: Изд. бр. Башмаковых, 1917. — 571 с.
548. Вершинин, А. П. Выбор способа защиты гражданских прав: учеб.-практ. изд / А. П. Вершинин — СПб.: СФПК СПбГУ, 2000. — 384 с.

549. Власенко, Н. А. Теория государства и права: учебное пособие для бакалавриата / Н. А. Власенко — 3-е изд., доп. и испр. — М.: Норма; Инфра-М, 2018. — 480 с.
550. Волкова, В. Н., Денисов, А. А. Теория систем и системный анализ: учебник для академического бакалавриата / В. Н. Волкова, А. А. Денисов — 2-е изд. — М.: Юрайт, 2014. — 616 с.
551. Гамбаров, Ю. С. Гражданское право / Ю. С. Гамбаров — Общая часть. — М., 1897-1898 гг. — 766 с.
552. Гамбаров, Ю. С. Курс гражданского права / Ю. С. Гамбаров — СПб., 1911. Т. 1. — Часть общая. — 780 с.
553. Гамбаров, Ю. С. Лекции по гражданскому праву / Ю. С. Гамбаров — Часть особенная. — Вещное право. — М., 1895. — 486 с.
554. Гонгало, Б. М. Учение об обеспечении обязательств. Вопросы теории и практики / Б. М. Гонгало — М: Статут, 2004. — 222 с.
555. Гонгало, Б. М., Илларионова, Т. И., Плетнев, В. А. Осуществление гражданских прав, исполнение обязанностей. Способы защиты гражданских прав / Б. М. Гонгало, Т. И. Илларионова, В. А. Плетнев // Гражданское право. Ч. 1 / под общ. ред. Т. И. Илларионовой, Б. М. Гонгало, В. А. Плетнева. — М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1998. — 464 с.
556. Гражданский процесс: учебник / В. В. Аргунов, Е. А. Борисова, Н. С. Бочарова и др.; под ред. М. К. Треушникова. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2014. — 960 с.
557. Гражданский процесс: учебник / под ред. М. К. Треушникова. — М., 2008. — 481 с.
558. Гражданское право / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. — М., 1997. — 600 с.
559. Гражданское право / под ред. М. М. Агаркова и Д. М. Генкина. — М., 1944. — 419 с.

560. Гражданское право России. Общая часть: Курс лекций / отв. ред. О. Н. Садилов. — М.: Юристъ, 2001. — 776 с. (автор главы – Н. И. Клейн).
561. Гражданское право. Т. 1 / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. — М.: Проспект, 2004. — 776 с.
562. Гражданское право. Часть первая: Учебник / Отв. ред. В.П. Мозолин, А.И. Масляев. — М., 2007. — 927 с.
563. Гражданское право. Часть первая: Учебник / Под ред, А.Г. Калпина, А.И. Масляева. — М.: Юристъ, 2000. — 536 с. (автор главы - А.М. Эрделевский).
564. Гражданское право: в 2 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. — М., 1998. — Т. I. — 816 с.
565. Гражданское право: учебник : в 3 т. Т. 1 / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. — М.: Проспект, 2001. — 632 с.
566. Гражданское право: Учебник : в 3 т. Т. 1. / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. — М., 2000. — 624 с.
567. Гражданское право: учебник. Ч. 1 / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. — СПб.: Теис, 1996. — 552 с.
568. Гражданское право: Учебник: в 2 т. / под ред. Б.М. Гонгало. — 2-е изд. — М., 2017. — Т. 1. — 543 с.
569. Гражданское право: учебник: в 2 т. / С.С. Алексеев, О.Г. Алексеева, К.П. Беляев и др.; под ред. Б.М. Гонгало. — М.: Статут, 2016. — Т. 1. — 511 с.
570. Гражданское право: Учебник: в 3 т. / под ред. А.П. Сергеева. — М., 2009. — Т. 1. — 1007 с.
571. Гражданское право: учебник: в 3 т. / под ред. А.П. Сергеева. — М., 2008. — Т. 1. — 1006 с.
572. Грибанов, В. П. Советское гражданское право: в 2 т. / В. П. Грибанов / отв. ред. В.П. Грибанов, С.М. Корнеев. — Т. 1. — М., 1979. — 552 с.

573. Гримм, Д. Д. Лекции по догме римского права / Д. Д. Гримм — Спб.: Типография Ю.Н. Эрлих, 1914. — 421 с.
574. Грудцына, Л. Ю., Спектор, А. А. Постатейный научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об ипотеке (залоге недвижимости)» / Л. Ю. Грудцына, А. А. Спектор — М.: Деловой двор, 2007.
575. Гурвич, М. А. Лекции по советскому гражданскому процессу / М. А. Гурвич — М.: ВЮЗИ, 1950. — 199 с.
576. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т / В. И. Даль — Т. 4. — М.: Рус. яз.—Медиа, 2006. — 779 с.
577. Денисов, А. И. Теория государства и права / А. И. Денисов — М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. — 532 с.
578. Дженкс, Э. Английское право (Источники права. Судостроительство. Судопроизводство. Уголовное право. Гражданское право) / Эдуард Дженкс, заслуженный профессор Лондонского университета; Перевод Л. А. Лунц; Предисловие М. М. Исаева и Л. А. Лунц. — М., Госюриздат, 1947. — 378 с.
579. Долинская, В. В. Предпринимательское право: учебник. 2-е изд., изм. и доп / В. В. Долинская — М., 2004. — Разд. 2.2. — 208 с.
580. Ем, В. С. Право на защиту / Гражданское право : учеб. для студентов вузов по специальности 021100 "Юриспруденция" : в 2 т.; отв. ред. Е. А. Суханов / В. С. Ем — М.: Волтерс Клувер, 2004. — 682 с.
581. Илларионова, Т. И. Механизм действия гражданско-правовых охранительных мер: учеб. пособие / Т. И. Илларионова — Свердловск: Изд-во Свердлов. юрид. института, 1980. — 76 с.
582. Интеллектуальная собственность: Краткий учебный курс / отв. ред. Н.М. Коршунов. — М.: Норма, 2006. — 295 с.
583. Иоффе, О. С. Советское гражданское право (курс лекций) / О. С. Иоффе — Общая часть. — Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1958. — 511 с.

584. Иоффе, О. С. Советское гражданское право / О. С. Иоффе — М.: Юрид. лит., 1967. — 494 с.
585. Кархалев, Д. Н. Гражданско-правовые меры защиты и меры ответственности: Учебное пособие / Д. Н. Кархалев — Уфа: РИО БашГУ, 2004. — 148 с.
586. Кириллов, В. И., Старченко А. А. Логика: учебник для юрид. вузов / В. И. Кириллов, А. А. Старченко / под ред. В.И. Кириллова. — 6-е изд. — М.: ТК Велби; Проспект, 2008. — 240 с.
587. Кияшко, В. А. Несостоявшиеся сделки: очерк законодательства, теории и правоприменительной практики / В. А. Кияшко — СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. — 283 с.
588. Клейн, Н. И. Комментарий к ст. 12 ГК РФ / Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / Н. И. Клейн — М.: Норма, 2005. — 1062 с.
589. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / Г.Е. Авилов, В.В. Безбах, М.И. Брагинский и др.; под ред. О.Н. Садикова. — 3-е изд., испр., перераб. и доп. — М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2005. — 1062 с.
590. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / Под ред. Т.Е. Абовой, А.Ю. Кабалкина. — М., 2004. — 1069 с.
591. Комментарий к Гражданскому кодексу РСФСР // отв. ред. проф. С.Н. Братусь, проф. О.Н. Садиков. — М.: Юридическая литература, 1982. — 680 с.
592. Лейст, О. Э. Реализация права. Теория государства и права: курс лекций / под ред. М. Н. Марченко / О. Э. Лейст — М.: Зерцало; ТЕИС, 1996. — 475 с.
593. Мейер, Д. И. Русское гражданское право / Д. И. Мейер — Часть 1. — М.: Статут, 1997. — 290 с.

594. Мейер, Д. И. Русское гражданское право: в 2 ч. (по испр. и доп. 8-му изд., 1902) / Д. И. Мейер — Изд. 3-е, испр. — М.: Статут, 2003. — 831 с.
595. Муромцев, С. А. Гражданское право древнего Рима / С. А. Муромцев — М., 2003. — 685 с.
596. Муромцев, С. А. Очерки общей теории гражданского права / С. А. Муромцев — Ч. 1. — М.: Типография А. П. Мамонтова и К, 1877. — 317 с.
597. Общая теория государства и права. Академический курс. Т. 2. / под. ред. М.Н. Марченко. — М., 2001. — 504 с.
598. Общая теория права и государства / Под ред. В. В. Лазарева. — М., 1994. — 348 с.
599. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. — М.: Русский язык, 1987. — 752 с.
600. Основы теории государства и права. Учебное пособие / Алексеев С. С., Васьков П. Т., Дюрягин И. Я., Кожевников С. Н., и др.; Отв. ред.: Алексеев С. С. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрид. лит., 1971. — 408 с.
601. Памятники римского права. Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. — М.: Зерцало, 1997. — 608 с.
602. Петербургское городское общественное управление. Первый сборник документов по делу С.-Петербургского городского общественного управления с военным ведомством о Преображенском плаце. — СПб., 1887. — 102 с.
603. Победоносцев К. П. Курс гражданского права / К. П. Победоносцев — Т. I–III. — СПб.: Синодальная типография, 1896.
604. Проблемы гражданского и административного права: сборник. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1962. — 342 с.
605. Проблемы общей теории права и государства: учеб. / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. — М., 2004. — 832 с.

606. Римское частное право: учебник / под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. — М.: Юристъ, 2004. — 544 с.
607. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. — 2-е изд. — М., 2011. — Т. 1. — 958 с.
608. Русское гражданское право: в 2 ч. по испр. и доп. 8-му изд., 1902 г. Ч. 2 / Мейер Д. И.; редкол.: Ем В. С., Козлова Н. В., Корнеев С. М., Кулагина Е. В., Панкратов П. А., Суханов Е. А. — М.: Статут, 1997. — 290 с.
609. Сергеев, А. П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации / А. П. Сергеев — М.: Теис, 1996. — 694 с.
610. Синайский, В. И. Русское гражданское право (Классика российской цивилистики) / В. И. Синайский — М.: Статут, 2002. — 638 с.
611. Синайский, В. И. Русское гражданское право. Вып. I. Общая часть. Вещное право. Авторское право / В. И. Синайский — Изд. 2-е, испр. и доп. — Киев: Типо-литография «Прогресс», 1917. — 568 с.
612. Словарь русского языка: в 4 т. Т. IV / под ред. А. П. Евгеньевой. — М.: Рус. яз., 1984. — 797 с.
613. Советский гражданский процесс: учебник / под ред. М. А. Гурвича. — М.: Высшая школа, 1975. — 399 с.
614. Советское гражданское право. Учебное пособие. Ч. 1 / Безрук Н.А., Брагинский М. И., Вердников В. Г., Занковская С. В., и др.; Отв. ред.: Рясенцев В. А. — М.: Изд-во ВЮЗИ, 1960. — 525 с. (автор главы – В. А. Рясенцев)
615. Советское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под ред. О. А. Красавчикова. 3-е изд., испр. и доп. — М.: Высшая школа, 1985. — 544 с.
616. Советское трудовое право / под. ред. А.С. Пашкова. — М.: Юрид. лит., 1976. — 575 с.

617. Сравнительное право. Частноправовое регулирование имущественного оборота в разносистемных правопорядках / Под ред. В. В. Безбаха, В. П. Серегина, Т. П. Данько. — М., 2009. — 452 с.
618. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право: Лекции. Часть общая / Н. С. Таганцев — Т. 1. — М., 1994. — 419 с.
619. Тархов, В. А. Гражданское право: Общая часть / В. А. Тархов — Чебоксары, 1997. — 331 с.
620. Тархов, В. А. Советское гражданское право / В. А. Тархов — Ч. 1. — Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1978. — 230 с.
621. Теория государства и права / Под ред. В. М. Корельского, В. Д. Перевалова. — М.: Юрайт, 2010. — 558 с.
622. Тютрюмов, И. М. Устав гражданского судопроизводства. По состоянию на 1 февраля 1912 года. С законодательными мотивами, разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов / И. М. Тютрюмов — 3-е изд. — СПб., 1912. — 1168 с.
623. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. — 4-е изд. — М.: Политиздат, 1981. — 446 с.
624. Хохлов, В. А. Общие положения об обязательствах: Учебное пособие / В. А. Хохлов — М.: Статут, 2015. — 288 с.
625. Хрестоматия по гражданскому процессу / под общ. ред. М. К. Треушников. — М.: Городец, 1996. — 226 с.
626. Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.) / Г. Ф. Шершеневич — М.: СПАРК, 1995. — 556 с.
627. Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права, изд. 1 / Г. Ф. Шершеневич — Казань, 1894. — 793 с.
628. Юрченко, В. С. Охрана имущественных прав советских граждан / В. С. Юрченко — Минск: Изд-во АН БССР, 1962. — 151 с.
629. Kramer, E. A. § 241 / E. A. Kramer / Münchener Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch. — C.H. Beck, 2003. — 2810 p.

630. Ernst, W. § 281 / W. Ernst / Münchener Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch. — С.Н. Beck, 2003. — 2810 p.

631. Löwisch, M. in J. von Staudingers Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch / M. Löwisch — Berlin: Sellier-de Gruyter, 2001. — 566 s.

Диссертации и авторефераты диссертаций

632. Абова, Т. Е. Защита хозяйственных прав предприятий и производственных объединений: дис. ... д-ра юрид. наук / Т. Е. Абова — М., 1985. — 419 с.

633. Асташкина, Е. Ю. Гражданско-правовые способы защиты прав акционеров в России: дис. ... канд. юрид. наук / Е. Ю. Асташкина — Ставрополь, 2003. — 191 с.

634. Базилевич, А. И. Формы защиты субъективных гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук / А. И. Базилевич — Ульяновск, 2001. — 205 с.

635. Бастрыкина, О. А. Системообразующие связи внутреннего содержания права: дис. ... канд. юрид. наук / О. А. Бастрыкина — Коломна, 2006. — 197 с.

636. Батурина, Ю. Б. Правовая форма и правовое средство в системе понятий теории права: дис. ... канд. юрид. наук / Ю. Б. Батурина — М., 2001. — 149 с.

637. Буш, И. А. Защита прав участников арендных отношений по российскому законодательству: дис. канд. юрид. наук / И. А. Буш — Саратов, 2011. — 205 с.

638. Вершинин, А. П. Способы защиты гражданских прав в суде: дис. ... д-ра юрид. наук / А. П. Вершинин — СПб., 1998. — 58 с.

639. Власова, А. В. Структура субъективного гражданского права: дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Власова — Ярославль, 1998. — 150 с.

640. Волков, А. В. Возмещение убытков по гражданскому праву России: дисс... канд.юрид. наук / А. В. Волков — Волгоград, 2000. — 199 с.

641. Двигун, М. А. Признание недействительным акта государственного органа или органа местного самоуправления как способ защиты гражданских прав: дисс...канд.юрид.наук / М. А. Двигун — Абакан, 2008. — 184 с.
642. Евдокимов, С. В. Правовосстановительные меры в Российском праве: дисс...канд.юрид.наук / С. В. Евдокимов — Н. Новгород, 1999. — 218 с.
643. Ем, В. С. Категория обязанности в советском гражданском праве (Вопросы теории): дис. ... канд. юрид. наук / В. С. Ем — М., 1981. — 209 с.
644. Качалова, Е. Ю. Защита субъективных гражданских прав от посягательств: дис....канд. юрид. наук / Е. Ю. Качалова — Краснодар, 2008. — 186 с.
645. Кияшко, В. А. Теоретические проблемы и последствия несостоявшихся сделок: Дисс. ... канд. юрид. наук / В. А. Кияшко — Краснодар, 2005. — 177 с.
646. Кузнецова, О. А. Специализированные нормы российского гражданского права: теоретические проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук / О. А. Кузнецова — Екатеринбург, 2007. — 430 с.
647. Латыпов, Д. Н. Признание права как способ защиты гражданских прав: дисс...канд.юрид.наук / Д. Н. Латыпов — Пермь, 2010. — 173 с.
648. Михайлова, Е. В. Процессуальные формы защиты субъективных гражданских прав, свобод и законных интересов в Российской Федерации: судебные и несудебные: дис. ... д-ра юрид. наук / Е. В. Михайлова — М., 2013. — 400 с.
649. Монастырский, Ю. Э. Возмещение убытков в гражданском праве России: дисс...докт.юрид.наук / Ю. Э. Монастырский — Севастополь, 2020. — 357 с.
650. Мурашко, М. С. Судебная защита субъективных гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук / М. С. Мурашко — СПб., 2000. — 124 с.

651. Мындря, Д. И. Недействительность сделки, не соответствующей закону или иным правовым актам: Дис. ... канд. юрид. наук / Д. И. Мындря — Екатеринбург, 2003. — 192 с.
652. Никольский, С. В. Гражданско-правовая защита имущественных прав: дис. ... канд. юрид. наук / С. В. Никольский — Саратов, 2003. — 194 с.
653. Новак, Д. В. Неосновательное обогащение в гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук / Д. В. Новак — М., 2006. — 230 с.
654. Параскевова, Д. В. Признание сделки недействительной и (или) применение последствий недействительности сделки как способ защиты гражданских прав: дисс...канд.юрид.наук / Д. В. Параскевова — Краснодар, 2010. — 244 с.
655. Портянова, П. Д. Дефекты института гражданско-правовой защиты: дисс...канд. юрид. наук / П. Д. Портянова — Челябинск, 2021. — 218 с.
656. Романенко, Д. И. Аналогия права (цивилистическое исследование): дис. ... канд. юрид. наук / Д. И. Романенко — Саратов, 2019. — 190 с.
657. Саватеев, В. Ю. Гражданско-правовая защита прав участников предпринимательских отношений: дисс...канд.юрид.наук / В. Ю. Саватеев — Самара, 2007. — 170 с.
658. Стоякин, Г. Я. Меры защиты в советском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук / Г. Я. Стоякин — Свердловск, 1973. — 199 с.
659. Страунинг, Э. Л. Самозащита гражданских прав: дис.... канд. юрид. наук / Э. Л. Страунинг — М., 1999. — 167 с.
660. Тычинин, С. В. Гражданско-правовые способы защиты прав граждан и организаций при чрезвычайных ситуациях: дис. ... канд. юрид. наук / С. В. Тычинин — СПб., 1996. — 213 с.
661. Хохлов, В. А. Гражданско-правовая ответственность за нарушение договора: дис.... докт. юрид. наук / В. А. Хохлов — Самара, 1998. — 349 с.

662. Юрченко, О. О. Право на защиту и способы защиты охраняемого законом интереса в гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук / О. О. Юрченко — Тверь, 2004. — 156 с.
663. Артеменко, М. С. Роль неустойки в обеспечении исполнения планово-договорных обязательств в новых условиях хозяйствования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М. С. Артеменко — М., 1986. — 21 с.
664. Богданова, Е. Е. Добросовестность участников договорных отношений и проблемы защиты их субъективных гражданских прав: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Е. Е. Богданова — М., 2010. — 64 с.
665. Быков, А. Г. Роль гражданско-правовых санкций в осуществлении хозяйственного расчета: автореф. дисс. канд. юрид. наук / А. Г. Быков — М., 1967. — 16 с.
666. Веретенникова, С. Н. Меры самозащиты в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С. Н. Веретенникова — Екатеринбург, 2004. — 20 с.
667. Витрянский, В. В. Судебная защита гражданских прав: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / В. В. Витрянский — М., 1996. — 55 с.
668. Диденко, А. Г. Гражданско-правовые формы борьбы с нарушениями хозяйственных договоров: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. Г. Диденко — Алма-Ата, 1971. — 23 с.
669. Егорова, М. А. Односторонний отказ от исполнения договора по законодательству Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М. А. Егорова — М., 2006. — 223 с.
670. Карпов, М. С. Гражданско-правовые меры оперативного воздействия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М. С. Карпов — М., 2003. — 28 с.
671. Качалова, Е. Ю. Защита субъективных гражданских прав от посягательств (гражданско-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е. Ю. Качалова — Краснодар, 2008. — 22 с.

672. Кияшко, В. А. Теоретические проблемы и последствия несостоявшихся сделок: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. А. Кияшко — Краснодар, 2005. — 26 с.
673. Конюх, Е. А. Возмещение вреда, причиненного земельными правонарушениями (гражданско-правовой аспект): Автореф. дисс.... канд. юрид. наук / Е. А. Конюх — Омск, 2003. — 26 с.
674. Кораблева, М. С. Гражданско-правовые способы защиты прав предпринимателей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М. С. Кораблева — М., 2002. — 26 с.
675. Микшис, Д. В. Самозащита в гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д. В. Микшис — Екатеринбург, 2006. — 23 с.
676. Минеев, О. А. Способы защиты вещных прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О. А. Минеев — Волгоград, 2003. — 194 с.
677. Перова, М. В. Система способов защиты права собственности в современном гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М. В. Перова — Краснодар, 2007. — 26 с.
678. Пиндинг, А. Я. Возмещение убытков, причиненных промышленным предприятиям неисполнением договорных обязательств: автореферат дис. к.ю.н / А. Я. Пиндинг — М., 1968. — 18 с.
679. Соловьев, В. Н. Нематериальные блага в гражданском праве и их защита: автореф. дисс...канд.юрид.наук / В. Н. Соловьев — Рязань, 2003. — 23 с.
680. Стремоухов, А. В. Правовая защита человека. Теоретический аспект: Автореф. дис. ...д- ра юрид. наук / А. В. Стремоухов — Санкт-Петербург, 1996. — 423 с.
681. Сятчихин, А. В. Заранее оцененные убытки в Российском гражданском праве: автореф.дисс...канд.юрид.наук / А. В. Сятчихин — М., 2017. — 29 с.

682. Тархов, В. А. Охрана имущественных прав трудящихся по советскому гражданскому законодательству: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / В. А. Тархов — М., 1966. — 31 с.
683. Травкин, А. А. Неустойка в советском праве: автореф. дисс. канд. юрид. наук / А. А. Травкин — М., 1968. — 14 с.
684. Шахбазян, А. А. Защиты гражданских прав в нотариальном производстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. А. Шахбазян — М., 2011. — 30 с.
685. Шминке, А. Д. Система права и система законодательства России: вопросы методологии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. Д. Шминке — Саратов, 2012. — 30 с.
686. Юрченко, О. О. Право на защиту и способы защиты охраняемого законом интереса в гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О. О. Юрченко — Краснодар, 2004. — 20 с.

Информационные, статистические и иные материалы, электронные ресурсы

687. Воскобойников, А. Э. Системные исследования: базовые понятия, принципы и методология / А. Э. Воскобойников // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2013. № 6 (ноябрь — декабрь) [Электронный ресурс]. — URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/6/Voskoboinikov_Systems-Research/ (дата обращения: 10.08.2021).
688. Классификация – Википедия [Электронный ресурс]. — URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/классификация> (дата обращения 04.11.2021 г.).
689. Компенсация – Википедия [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/компенсация> (дата обращения 11.12.2021 г.).

690. Потеря – Википедия [Электронный ресурс]. — URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/потеря> (дата обращения 11.12.2021 г.).
691. Угроза – Википедия [Электронный ресурс]. — URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/угроза> (дата обращения 27.11.2021 г.).
692. Schlechtriem, P. The German Act to Modernize the Law of Obligations in the Context of Common Principles and Structures of the Law of Obligations in Europe / P. Schlechtriem — Oxford U Comparative L Forum 2, 2002 [Электронный ресурс]. — URL: <https://ouclf.law.ox.ac.uk/the-german-act-to-modernize-the-law-of-obligations-in-the-context-of-common-principles-and-structures-of-the-law-of-obligations-in-europe/> (дата обращения: 15.07.2021).
693. Schulte-Nölke, H. The New German Law of Obligations: an Introduction / H. Schulte-Nölke [Электронный ресурс]. — URL: <https://germanlawarchive.iuscomp.org/?p=357#sdfootnote1sym> (дата обращения: 17.07.2021).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Далее приводятся предложения автора по корректировке действующих правовых источников в целях совершенствования регулирования способов защиты гражданских прав.

1. Изложить статью 11 ГК РФ в следующей редакции:

«Статья 11. Основания, цели и условия защиты гражданских прав.

1. Основанием для защиты гражданских прав является негативное воздействие на гражданское право в виде правонарушения, в том числе посягательства на право, либо угрозы нарушения права. Защита гражданских прав от угрозы нарушения допускается в случае, если становится очевидным, что нарушение права неизбежно произойдет в будущем.

2. Целью защиты гражданских прав является конечный результат применения способа защиты гражданских прав, на достижение которого непосредственным образом направлен применяемый способ.

Целями защиты гражданских прав являются:

- восстановление положения, существовавшего до негативного воздействия на право;
- пресечение действий, нарушающих право либо создающих угрозу нарушения права;
- компенсация потерь от нарушения права;
- устранение правовой неопределенности в правоотношениях сторон.

Каждый применяемый способ защиты гражданских прав должен быть направлен на достижение одной или нескольких указанных целей защиты.

3. Условиями применения надлежащего способа защиты гражданских прав являются:

- принадлежность субъективного гражданского права управомоченному лицу, либо лицу (лицам), в интересах которых в установленных законом случаях применяется защита;
- наличие негативного воздействия на право;
- направленность избранного способа на достижение целей защиты права;
- соразмерность избранного способа последствиям негативного воздействия на право;
- соответствие избранного способа защиты характеру негативного воздействия в случаях, установленных законом.

Правовым последствием несоблюдения указанных условий (отсутствие любого из условий) является отказ в защите права».

2. Дополнить ГК РФ статьей 11.1 следующего содержания:

«Статья 11.1. Формы защиты гражданских прав.

1. Защита гражданских прав осуществляется судом, арбитражным судом или третейским судом в соответствии с их компетенцией, либо иными органами государственной власти и/или местного самоуправления, а также самим управомоченным лицом без привлечения органов государственной власти и/или местного самоуправления (самозащита).

2. Самозащитой гражданских прав являются деяния (действия либо бездействие) управомоченного лица, направленные на защиту принадлежащих ему гражданских прав и охраняемых законом интересов и реализуемые посредством применения способов самозащиты».

3. Статью 12 ГК РФ изложить в следующей редакции:

«Статья 12. Способы защиты гражданских прав.

1. Защита гражданских прав осуществляется способами, не запрещенными законом.

Способом защиты гражданских прав является совокупность приемов, средств, мер правового характера, реализуемых в предусмотренной законом форме, при соблюдении условий его применения, в связи с негативным воздействием на гражданское право и направленных на достижение целей защиты указанного права.

2. Способы защиты гражданских прав, направленные на восстановление положения, существовавшего до негативного воздействия на гражданское право, применяются для приведения гражданского права в первоначальное состояние, существовавшее до нарушения либо угрозы нарушения (полное восстановление), исключая необходимость применения иных способов защиты.

Способами защиты гражданских прав, направленными на восстановление положения, существовавшего до негативного воздействия на гражданское право, могут являться:

- присуждение к исполнению обязанности в натуре;
- признания оспоримой сделки недействительной и применения последствий ее недействительности, применения последствий недействительности ничтожной сделки;
- признания недействительным решения собрания;
- признания недействительным акта государственного органа или органа местного самоуправления.

3. Способы защиты гражданских прав, направленные на пресечение негативного воздействия на гражданское право, применяются для прекращения существующего, происходящего в данный момент, или будущего, являющегося следствием угрозы, нарушения права.

Способами защиты гражданских прав, направленными на пресечение негативного воздействия на гражданское право, могут являться:

- запрещение деятельности, создающей опасность для жизни или здоровья;

- принудительное приостановление либо прекращение деятельности, причиняющей вред или создающей угрозу его причинения;

- прекращение или изменение правоотношения.

4. Способы защиты гражданских прав, направленные на компенсацию потерь от негативного воздействия на право, применяются для эквивалентного возмещения причиненного управомоченному лицу вреда в случае невозможности восстановления субъективного гражданского права в первоначальном состоянии, существовавшем до нарушения либо угрозы его нарушения.

Способами защиты гражданских прав, направленными на компенсацию потерь от негативного воздействия на право, могут являться:

- возмещение убытков, в том числе возмещение заранее оцененных убытков либо номинальных убытков;

- взыскание неустойки;

- компенсация морального вреда.

5. Способы защиты гражданских прав, направленные на устранение правовой неопределенности в правоотношениях сторон, применяются для определения надлежащего обладателя права или наличия (отсутствия) права, не влекут возникновение (изменение, прекращение) права, а также принудительное исполнения.

Способами защиты гражданских прав, направленными на устранение правовой неопределенности в правоотношениях сторон, могут являться:

- признание права, в том числе признание права отсутствующим,

- признание сделки действительной,

- признание договора незаключенным или заключенным,

- признание договора расторгнутым,

- признание сделки несовершенной или совершенной.

6. При применении способов защиты гражданских прав допускается неприменение судом акта государственного органа или органа местного самоуправления, противоречащего закону.

7. Выбор способа защиты гражданских прав осуществляется управомоченным лицом.

В случаях, предусмотренных законом, защита гражданских прав осуществляется способами, предусмотренными законом.

Избрание ненадлежащего способа защиты гражданских прав является основанием для отказа в защите права».

4. Пункт 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» исключить.